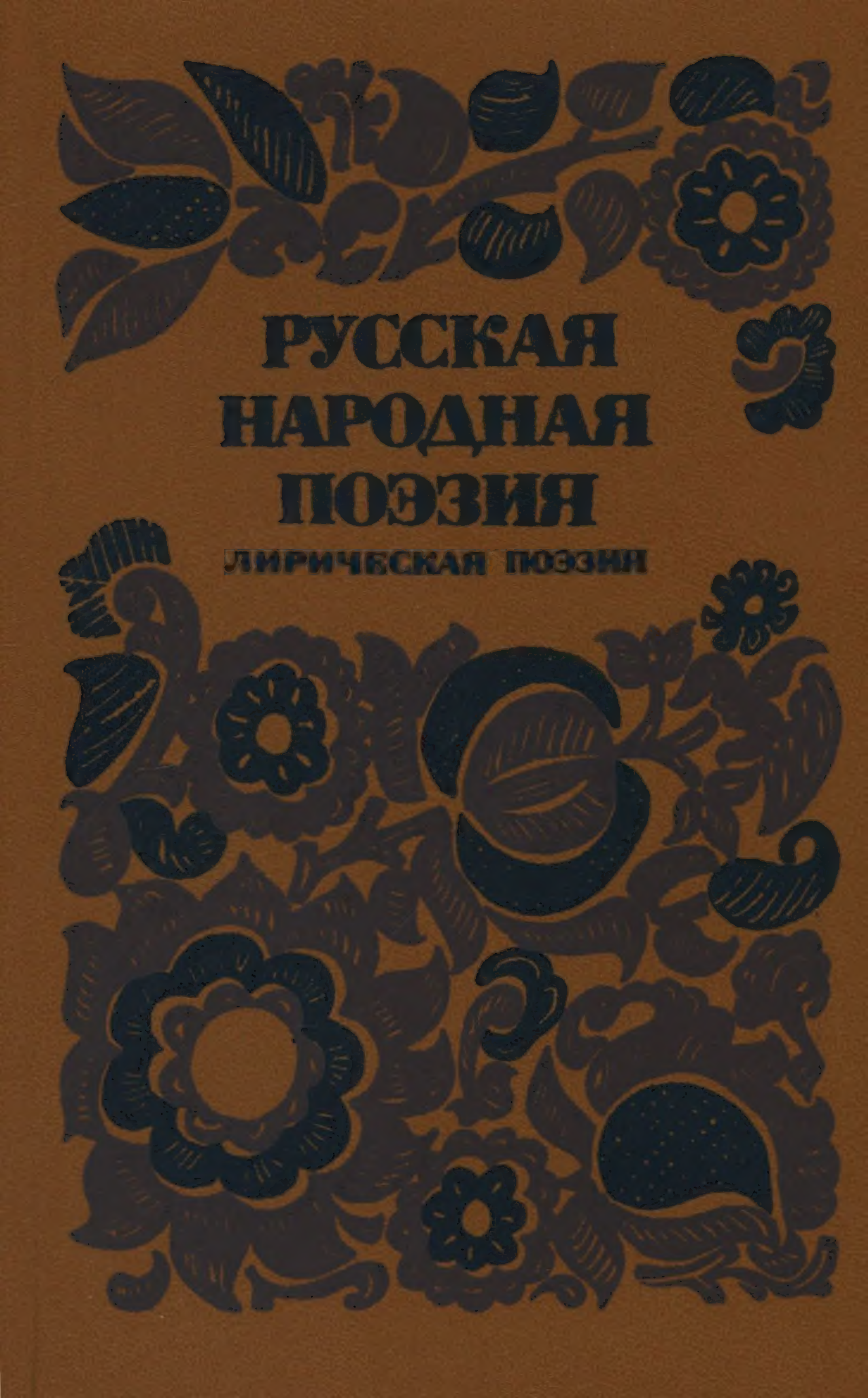
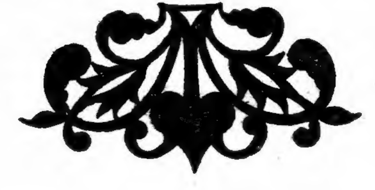

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ
ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ



ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

ББК 84.Р1
Р 89

Составление, подготовка текста,
предисловия к разделам, комментарии

Ал. ГОРЕЛОВА

Оформление художника

Л. ЯЦЕНКО

Подбор иллюстраций

И. БОГУСЛАВСКОЙ

Р $\frac{4702010100\text{-}078}{028(01)\text{-}84}$ 36-84

ПЕСНИ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ВНЕОБРЯДОВАЯ ПЕСНЯ

Многие из этих или подобных им песен звучали издревле.

Еще величавый и суровый ритор домонгольской Руси Кирилл Туровский опалялся гневом на буйное («буе»), бесшабашно-разгульное народное слово, что неслось под топот «плясания», под гудение гуслей «в пиру и на свадьбах, и в павечерницах, и на улицах»: бывший затворник-мних презирал любимую крестьянством и горожанами своей поры песню мирских игрищ и просто вечеровых плясок, опасался ее непредсказуемого влияния на народ.

Но призывы епископа были вполне бесполезны. Народные привязанности демонстрируют свою неодолимость в веках: спустя пять столетий церковь и правители государства Московского вновь должны будут метать молнии в толпу чернородья, которой правил обычай плясать под песню по праздникам и будням, в особенности упиваясь «кощунами» веселых скоморохов.

Впрочем, и литература не могла утвердиться на позициях догматического отрицания народной песни: она зависела не только от письменной традиции, а и от фольклора. Уже проникновенный голос певца Игорева похода вторил эху именно народной песни (пусть не буквально того склада, что осуждалась Кириллом из града Турова): «Слово о полку Игореве» рассказывало о «костьми посеянной, кровью политой» черной земле, где всходила, колосилась «туга»-печаль, об Обиде, что превращалась в «деву» и плескала «лебедиными крыльями на синем море»...

Черты образного строя «Слова о полку Игореве» свидетельствуют, что уже в тот час, когда Ярославна всходила на забрало путивльской стены, жило на Руси рядом с лихой, вприпляс летящей, притоптывающей песней «павечерниц» другое народное словесное искусство — способное выразить душевную «многоочитость» и глубину «самодумной» личности.

Записи народной русской лирики, с ее самоизъясняющимся личностным «я», сохранятся лишь с XVII века — на обрывках писарских бумаг, в обгорелых столбцах судных дел, в остатках

фамильных поместных архивов, в копиях-списках, изготовленных для любопытных до московитской экзотики чужеземцев. Однако сомнениям в более внушительном возрасте поэзии лирической не должно быть места: ведь и древняя великая отрасль мирской поэзии масс — былины — отпечатлевается в записях тоже никак не ранее. А между тем признаки художественного соприкосновения письменности с былинами есть в памятниках литературы XII—XIII столетий и еще более старых слоях словесности. Возникновение былины справедливо датируется концом 1-го тысячелетия нашей эры.

Необрядовое песенное искусство — обширная область, где постепенно было преодолено прикрепление произведений к ритуально-бытовым моментам жизни народа. Оно переливалось в свободные исповедальные формы ради того, чтобы полнее сблизиться с отражаемым характером, чтобы утолить потребность личности в самосозерцании и поощрить социальную решимость человека, поднять ее на высоту действия.

Исторически лирика выступает полюсом все возрастающего творческого тяготения создателей песен. Но лирика не исчерпывает необрядового песенного многообразия. Пока живет деревенский уклад, а с ним и традиционный фольклор, в последнем огромную роль играют произведения сугубо «аудиторные» — рассчитанные на коллективное исполнение и коллективное же восприятие в часы развлечений — песни игровые, хороводные, плясовые. Языческие в своих истоках, некогда насыщенные магией слова и действия, они преобладали на сезонных и повседневных праздниках, широко культивировавшихся еще в начале XX века.

Именно в это время среди народных гуляний Южной России одним из самых пышных было вождение «танко́в» и «карагодов». И сейчас старожилам Курска памятно, как по главным перспективам, площадям города красочным, неторопливо колеблющимся шествием двигался в былые годы народный танец. Единая, но постоянно меняющая направление движения цепь — то образующая круг, подкову, то зигзагообразная, то заплетающаяся в «плетень», то расходящаяся на параллели — беспрерывно оживлялась играми, плясками, песнями [1]. В тано́чных кругах, что текли по солнцу — «посолонь», и в кругах карагодных, двигавшихся против хода солнца, звучали разнообразные песни — в исполнении всем хором, партиями-полухорами, солистами и участниками игры, танца.

Хореографически развитым формам народного искусства со-

---

[1] См. на эту тему подробное, полное живых наблюдений исследование: Руднева А. В. Курские танки́ и карагоды. М., 1975.

путствовали хороводные, игровые песни, где могло ощутимо сказываться или превалировать начало «сценическое», либо же песни собственно плясовые, аккомпанировавшие преимущественно живым, быстрым танцам, что вершились и под звуки музыкального инструмента, и без него. Игры-развлечения молодежи по всей России подражали бытовым, трудовым актам, имитировали их, а слова песен о них рассказывали: вот крестьяне сеют лен, просо, горох; вот ловят рыбу, ломают калину, прядут нити, ткут холсты, вышивают ковры; вот стирают белье, варят пиво; вот гуляют в саду, ухаживают, сватаются, женятся; вот как живут в семье. Излюбленными были также песни «поцелуйные» — сопровождавшиеся поцелуем. Для хороводов существовали и специальные «наборные» и «разборные» песенки, созывавшие круг или служившие сигналом к его рассыпанию.

Хороводы были насыщены массовыми играми, танцами, но они не могли водиться круглый год, и потому не все игровые, плясовые песни были непременно элементом хоровода: наступали холода, приходило время зажженной лучины, а к концу XIX века — керосиновой лампы. Сельские развлечения и песни с заморозков откочевывали в теплые избы, молодежь сходилась погулять-повеселиться на домашние вечеринки. В различных уголках России они назывались по-разному, но все «беседы», «посиделки», «досветки», «супрядки», «кельи»[1], с которыми связано изобилие вечериночных песен, то есть местных комплексов из тех же игровых и плясовых песен, с добавлением некоторых произведений хоровой лирики,— были едины в своей функциональной сущности.

Об олонецких «беседах» и фольклорном их репертуаре рассказал выдающийся собиратель народного творчества Павел Николаевич Рыбников:

«Беседы начинаются... с октября месяца и продолжаются до масленицы. Они соответствуют посиделкам великорусских губерний», но на посиделках «девушки в самом деле работают, и молодежь веселится между делом; а на беседах в будни работают только на словах, в праздник же приходят совсем без рукоделья, и время проводится в забавах.., пенье, плясках и играх. В Заонежье выбор и порядок этих забав... большею частию определены заранее обычаем, который почти всегда строго соблюдается. Игра следует за игрой в известном порядке, пляска за пляской; во

---

[1] См. большую — из десятков наименований,— хотя и не исчерпывающую сводку русских народных вечериночных терминов в статье О. Е. Кармаковой «Названия вечерних собраний молодежи в русских говорах» (Сб. Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983, с. 132—140). От терминов этих произошли местные наименования вечеровых песен.

время каждой игры или пляски поются песни только известного рода и напева»[1].

«Беседы» выглядели живописно: «Изба полна народа. Сюда собрались не только соседи, но и сошлись и съехались парни и девушки из окольных деревень, пожалуй, за 10 и за 15 верст. Девушки расселись на лавках от печки до лицевого угла и от него до красного окна. Богатые разодеты в красные парчовые и штофные сарафаны, перехваченные у талии поясом из лент, и тонкие сорочки с польскими (коротенькими) рукавами. На шее у них пестрые платки, которые не закрывают жемчужных ожерельев; в ушах большие жемчужные серьги, на голове поднизь, то есть сетка из лошадиного волоса, изнасаженного жемчугом, которая, как кружево, обрамляет лоб и спускается к ушам. ... У некоторых, кроме сетки,— челочок, то есть коронка из жемчуга. Молодицы, старухи, неженатые мужики сидят на лавках у печи и на запечке и не принимают непосредственного участия в забавах. Разве только какая-нибудь старуха держит в руках зажженную лучину и хлопочет не столько о том, чтобы светить играющим, сколько о том, чтобы не прожечь пол или не подпалить когонибудь из соседей. Хозяин стоит у стола и принимает от парней плату за вход. Парни разместились от красного окна до почестного угла и от него до полоненого. На них синие кафтаны и поддевки...»[2]

«Беседы» нередко открывались шутливыми песенками, задававшими тон вечериночной встрече:

Ты, хозяин, благослови,
Трожды по избы пройди,
Словцо вымолви,
Нет ли лишнего бревна
Выше красного окна,
Ниже потолка? [3]

Затем начинались игры.

В Заонежье это были «пелепелка» (перепелка), «утушка» с соответствующими им по тексту песнями. А далее те же игры могли сопровождаться «утушковыми» лишь по общему названию песнями, уже не имевшими образно-текстуальной связи с игрой: «Не яхонтик по горницы катался», «Ты почто, мати, хорошу родила?..» (Рыбников приводит семь таких произведений).

Вихрились пляски. Один и тот же танец мог происходить под разные, но музыкально-ритмически одинаково звучавшие песни.

---

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III. Петрозаводск, 1864, с. 427.

[2] Там же, с. 428.

[3] Там же, с. 429. Песня намекала на лишнего, нежелательного компании человека.

«Сорви-голова» крутилась под слова «Зимушка-зима, студена-холодна», «Чернобровая поджариста!..»

За плясками заводился круг, где парами танцевали молодцы с девушками, и танец втягивал также частые и протяжные лирические песни (последнее зависело от характера танца), а это размывало грань между игровыми, плясовыми произведениями и «чистой» лирикой, готовя будущим классификаторам народного песнетворчества практически непреодолимые трудности.

Пляски на «беседах» перемежались играми, часть которых как бы инсценировала песни (развертывался в действие, например, сюжет о выборе царевны царевичем, гуляющим за «городом», то есть кругом) [1].

Среди русских хороводных, игровых, плясовых песен — поскольку это произведения, связанные с движением и служащие веселым развлечениям,— естественно преобладают песни *частые* — четкого, «частящего» ритма, с хореическим размером в 4—3 стопы.

Эта существенная черта поэтической техники данного круга песен означает одновременно особое качество эмоционального строя и отделяет их от песен *протяжных* — распевных, где хорей имеет 6—8 стоп.

Ритмо-мелодический водораздел сочетается не только с эмоциональным, но и с функциональным обособлением групп песен: протяжные (народные их названия — «проголосные», «долгие», «волокнистые» и т. п.) суть песни лирические — исповедальные либо повествующие о каком-то эпизоде жизни, ситуации, состоянии, пережитых или переживаемых человеком как нечто близкое ему, волнующее его. Круг частых песен лирического рода значительно у́же.

Особенность личностного характера, движение сердца, страсть становятся в лирике самодовлеющим предметом изображения, заполняют собой все поэтическое пространство песни, включая в себя и поглощая событийный ряд, а самое произведение становится театром живого, вибрирующего, всеохватывающего чувства.

* * *

Лирическая песня выразила бесконечный в своей самоуглубленности и торжествующей красоте мир чувствований простолюдина, а прежде всего — крестьянина. Она показала устойчивость духовных ценностей, выработанных народом вопреки давлению сил, пытавшихся растоптать человеческое достоинство «податного сословия».

Там, где песня выявляла типичность нетерпимых житейских ситуаций, где протестовала против них, ориентируя человека

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, с. 441.

и народный коллектив на далекий, но желанный социально-нравственный идеал, искусство формировало несгибаемость народного характера, и он с изумляющей силой раскрывался в моменты общественных движений, потрясавших Россию.

Антикрепостническими были вовсе не только песни дворовых или разбойников. Такими всегда были и лирические любовные и семейно-бытовые песни, воплотившие утонченность эмоций «крещеной собственности» задолго до часа, когда гуманная словесность открыла: «и крестьянки любить умеют».

Оттого на всем протяжении XVIII, XIX, XX веков народная песня неудержимо влекла к себе крупнейших деятелей отечественной культуры, мечтавших вместить в своем творчестве могущественное дыхание народной стихии, отразить в слове и музыке океаническую ширь народной души.

Песню записывали Пушкин и Даргомыжский, Кольцов и Балакирев, Аполлон Григорьев и Владимир Одоевский, Островский и Римский-Корсаков, Мельников-Печерский и Лядов. Увлеченность записыванием из уст сохранялась и в начале XX столетия — у Клюева, Шишкова, Есенина, Озаровской... Они и многие другие стремились перенять фольклор, минуя посредников,— в самой народной среде, где только и можно было вполне познать природу народного искусства. Только в прямых контактах с народом и открывалось, какая это «сильная, жизнеупорная» по духу своему культура — протяжная песня, как нелепо было бы считать «плодом уныния и пассивного терпения» то, что родилось «в схватке с жизнью без романтических чудес»[1]. И в профессиональном искусстве постоянно наблюдается присутствие глубинных импульсов и токов фольклора: мелодия мужественной протяжной песни «Вниз по матушке по Волге» вливалась у Глинки в партию Ивана Сусанина, интонации хороводного напева мятежно звучали в «Сцене под Кромами» оперы Мусоргского «Борис Годунов», слова народной песни обретали высшее сюжетное значение то в батальных и деревенских главах «Войны и мира», то в «Певцах» Тургенева, который, по его признанию, «с ума сходил от народных песен»...[2]

Народная песенная культура как бы входила в плоть замечательнейших деятелей искусства, приобщая их к неповторимому национальному восприятию окружающего мира. Осознание этого вызывало трепетный и благодарный их отклик.

Чайковский, осуждавший легкомысленные аранжировки фольклора, однажды так выразил свое отношение к нему: «Никто

---

[1] Асафьев Б. В. Избранные статьи о русской музыке, вып. II. М., 1952, с. 47.

[2] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. II. М.— Л., 1961, с. 231.

не может безнаказанно прикоснуться святотатственною рукою к такой художественной святыне, как русская народная песнь, если он не чувствует себя к тому вполне готовым и достойным»[1].

Но, пожалуй, это волнующее признание оказалось вариацией мысли о народной песне как пробном камне душевной тонкости и высоты художественного развития, которую прежде сформулировал Гоголь: «...понять неблестящие с виду русские песни и русский дух» может лишь тот, «чья душа... нежно организирована и развилась в чувствах»[2].

Деятелям русской профессиональной культуры — начиная еще с поэта Николая Львова — принадлежат опыты глубокой интерпретации народной песенности, приумноженные и развитые трудами ученых. Поющийся фольклор, а прежде всего песня лирическая, нашел своих вдохновенных последователей и истолкователей в лице филологов Александра Веселовского и Александра Потебни, фольклористов-собирателей Мельгунова и Лопатина, композиторов-исследователей нашего национального мелоса Александра Серова и Бориса Асафьева.

Русская песенная библиотека, ведущая начало от изданий просветителей XVIII столетия — «профессора и кавалера» Николая Курганова, романиста Михаила Чулкова, журналиста Николая Новикова, была продолжена в XIX веке и дала классические собрания: «Песни, собранные П. В. Киреевским» (три книги составил только необрядовый лирико-песенный фольклор в записях 1830—1850-х годов), «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях» Павла Шейна (два тома записей 1850—1880-х годов), семитомный свод профессора Алексея Соболевского «Великорусские народные песни» с шестью тысячами текстов (издан в 1895—1902 годах), десятки первоклассных книг личных записей собирателей-подвижников. В числе авторов сборников — предтеча инициаторов «хождения в народ» Павел Якушкин; вятский народный учитель, брат знаменитых живописцев Александр Васнецов, пермский краевед Василий Шишонко, писатель Сергей Максимов, лингвист Митрофан Колосов, публицист Сергей Пономарев, переводчица сочинений Маркса и Энгельса актриса Евгения Линева (ее записи 1897 и 1901 годов появились в 1904 и 1909 годах).

На сегодня русская песенность запечатлена десятками тысяч единичных записей. Часть текстов опубликована, часть накоплений в архивах. Все эти фонды, составляющие художественную сокровищницу нашего народа, разрабатываются композиторами,

---

[1] Чайковский П. И. Музыкальные фельетоны и заметки. М., 1898, с. 19.

[2] Н. В. Гоголь о литературе. Избранные статьи и письма. М., 1952, с. 44.

мастерами слова, учеными, служат современному отечественному и мировому искусству. Но записи продолжаются и должны продолжаться не только потому, что народ продолжает творить новые песни: магнитофонный век наступил, когда фольклорная классика стала сходить со сцены, и надобно спешить зафиксировать во всех оттенках песенные стили разных территорий России, уяснить границы их исконного распространения, пути перехода из края в край. За многокрасочностью стилей — не до конца прочитанная история великой культуры, истории Отечества.

* * *

Есть у всех необрядовых песен общие черты, коренящиеся в особенностях песенного метода отражения жизни. Суть этого метода — идеализирующая типизация действительности.

Канонично изображение внешности человека и предметно-материального его окружения — от деталей бытовой обстановки до пейзажа. Канонично изображение поступков героя, которые предопределены нравственными заповедями феодальной эпохи либо стойкими формами ее уклада.

Песня внеобрядовая, чья идеализирующая стилистика вышла из обрядовой стихии (оттого в лирике так много общих мест и словесно-стилевых перекличек с песнями календарными, а еще того более свадебными), переняла у последней самый «космический» масштаб измерения «внутреннего человека»: чувствования личности соотнесены с беспредельностью внешнего мира, с величественным течением его процессов.

Идеализация, подобная идущей от иконы изысканно стилизованной живописи Палеха, создавала парящую над будничной затрапезностью декоративно костюмированную и богато украшенную «вторую действительность». Жизнь песенная принимала в свое лоно из жизни настоящей некие «очищенные» ее проявления, идеальную красоту ликов, а не лиц. Всякая песенная девушка — «красна девица»: «белолика, круглолика», «без румянто румяненькая», щеки ее — «маков цвет», брови — «чёрна со́боля». Всякий песенный парень — «раскудрявый добрый молодец», у которого «на каждой кудринке по жемчужинке», очи «ясна со́кола», бравая «поступка молодецкая» и который непременно «чист-речист». У героев песен — «беседные», празднично-нарядные уборы. Вокруг них — пышная краса теремов с «хрустальными потолками», с узорно-переплетенными для косоклинных стекол — «косящетыми» рамами окошек. За «новыми» воротами с «точеными-золочеными» вереями песенные персонажи видят вечное цветение садов-«виноградов», рощ и зеленых лугов, где текут «быстрые реки», играют «белы-серебряны» ручьи...

Столь же идеально абсолютны в песнях воплощения жестоких

начал жизни, черные ее моменты — от беспросветных «разосенних» дождливых ночей, от утренников с туманами-непроглядью, закрывавшими и окрестные долины, и душевные надежды,— до неотступного человеческого двойника Горя, до гибнущей белой лебеди-счастья, которое когтил «лютый коршун».

В песенной действительности была достигнута гармония состояний человека и мира:

Полюбёвши молодчика, не мил девке белый свет...
Проклятая осинушка без ветру шумить...
Зеленая ивушка привнывши стоить...
Белая берёзица привгорюнивши...
Купоресово древечко привзадумавши...[1]

Они взаимно сочувствуют друг другу — человек, дерево, конь, птица — и переговариваются между собой на равно понятном языке людей. Они «существа сходной судьбы» [2], органически сродные в своей бытийности, и поэтому человек «отражен» природой, а природа обладает человеческой ипостасью и насыщена человеческим переживанием.

Система изображения во внеобрядовой песне идеализирует реальность, она доиндивидуальна, далека от той степени конкретности внешнего и внутреннего рисунка, что придет в искусство позднее благодаря «самовыражению в стиле» [3]. Однако от того, что вся отражаемая песней жизнь вбирается в оправу определенного человеческого чувства и возникает сквозь призму достаточно определенного же характера, в песенном искусстве выявляются те начатки истинного психологизма, с которыми далее — в частушке — фольклор совершит шаг именно навстречу подлинной конкретности жизнеотражения.

* * *

Примечательно, что дореалистическое творчество — народная песня оказывает в первой трети XIX века помощь становлению искусства реалистического: им восхищается Пушкин, отмечающий в частности, в песне «лестницу чувств» [4]; Пушкин следует в описании Татьяны Лариной за героиней одной из песен знаменитого чулковского сборника — «На восходе красна солнышка» [5],

---

[1] Народные песни. Записаны О. А. Славяниной. Брянск, 1973, с. 63.

[2] Акимова Т. М. О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, 1966, с. 137.

[3] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., Л., 1971, с. 15.

[4] Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1949, с. 209.

[5] Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле. М., 1936, с. 55; Слонимский А. Мастерство Пушкина. Изд. 2-е, исправленное. М., 1963, с. 343—344; Горелов Ал. Соединяя времена. М., 1978, с. 246.

он покорен возвышенным песенным пониманием личного долга, цельностью женского характера.

Новая русская литература в лице своего родоначальника признает за народной песней учительное психологическое достоинство.

Казалось бы, в самой этой историко-литературной ситуации заключен парадокс. Но обращение к необрядовой песне доказывает: песня, которой недоставало гибкости в одних отношениях, искупала свой недостаток достоинствами иными.

Да, песня идеализировала мир.

Да, она еще не выработала четкой системы отграничений «я» исповедующейся личности от «я» другого человека-героя, о котором заходила речь: свое и чужое менялись местами без каких бы то ни было переходов и пояснений, а это создает подчас впечатление несглаженности текстов, особенно в восприятии аудитории, привыкшей к литературной поэтической норме.

И все же наивно-непосредственная форма схватывает многоликую, сложнейшую природу чувств.

Примеры этого могут быть бесчисленны.

Девушка — «белая лебедушка», то глядясь в себя, то будто бы со стороны наблюдая свои встречи с «ясным соколичком-молодцем», признается:

Где его не вижу — по нем сердце болит,
Где его увижу — сердце взрадуется,
Кровь во лице разыграется,
Косточки-суставчики рассыпаться хотят,
Рассыпаться хотят — поздороваться велят.
«Ты здорова, черноброва?
Здравствуй, ягода моя!
Здравствуй, ягода моя,—
Скажи, любишь ли меня?»
«Я любить-то не люблю —
Насмотреться не могу;
Насмотреться, наглядеться, нарадоваться:
Очень миленький хорош —
Чернобров, душа, пригож!»

Раненный в самое сердце «молодчик» из другой песни открывается своим доброжелателям:

Вечор у меня девица была...
И руку дала идти за меня,
А нынче девицу замуж отдают,
Замуж отдают — просватывают.
Ах, не то мне тошно, что замуж дают,
Что замуж дают, просватывают:
Ах, то-то мне тошно, что близко живет,
Что близко живет — что двор обо двор,
Что двор обо двор, забор об забор,

Забор об забор, калитка на двор;
По двору идет — что лебедь плывет,
Что лебедь плывет, мое сердце рвет!

Такой переливчатой игры эмоций, такой психологической искренности и истинности и требовало от себя искусство реалистическое, этого искало оно в народной культуре, и прежде всего — в песне.

А еще песня учила (и учит и по сей день) языку метафор и намеков, внеповествовательному развертыванию сюжета, приемам композиционной градации, симметрии; интонационно обогащала не только поэзию, но и прозу; приобщала к национальной символике; учила познанию стилистически особенной песенной лексики, фразеологии; раздвигала представления о возможностях русской речи, с неистощимой изобретательностью использующей свои суффиксально-префиксальные ресурсы; открывала забывающееся этимологическое родство словесных корней; перебрасывала сатирическими формами мост в бытовую повседневность, сама овладевая в сатире методом реализма.

* * *

«...Тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собой, приведет в порядок.., тот совершит подвиг великий.., положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского»,— писал восторженно Николай Языков в 1831 году, когда предпринималось энциклопедическое издание народных песен [1].

Поэт не преувеличивал: песня словом своим обнимала все стороны жизни ее творца — народа, что особенно ясно при группировке произведений в тематические циклы соответственно главному предмету их изображения.

Наиболее обширными выступают циклы, посвященные вседневности народного быта, внутренним, прежде всего — семейным, отношениям, характеризующим положение личности крестьянина.

Огромен круг песен, отображающих юность человека и трепетность первого чувства. В совокупности это поэма радости и драматизма любви. Здесь девичья надежда на обручение с любимым вопрошающе всматривается в непроницаемые глаза родителей. Здесь плывут по реке гадальные венки. Ходуном ходит веселье гулянок. Вершатся тайные свидания. Здесь ликует или рыдает душа от одного сказанного или несказанного слова. Здесь человек то взмывает птицей, то никнет, будто срубленное дерево.

---

[1] Языков Н. М. Сочинения. Л., 1982, с. 342.

Чувство спешит изъяснить себя цветущему полю, лесу, буйному ветру, метели, либо, напротив, замыкается в «одинотстве»...

Явно первенствуют, однако же, песни радостные, полные жизненной энергии. В них — готовность к состязанию с трудной грядущей судьбой. И это, как правило, песни частые. Их обилие вносит корректив в традиционное толкование русского национального характера как средоточия могучих жизненных начал, окрашенных будто бы исключительно тоской.

Песни эти суть контрастное вступление в раскрытие семейной темы, которое дает цикл семейно-бытовых протяжных произведений. Там действительно немало сюжетов о гнетущей атмосфере старинной семьи, там вскрыты причины семейной драмы. Ими были обычные для феодальной поры личностная неполноправность при выборе будущего супруга, имущественное неравенство мужа и жены, а значит и несоответствие натур и возрастов, объединенных браком.

Женские песни рассказывали о тяжелой — от зари до зари — работе, ложившейся на плечи женщины в чужом доме, о тяжести удела — нести покорность и терпение, о неправых попреках со стороны свекрови, свекра, о не покидающем желании вернуться в родимую сторону. Песни мужские варьировали сюжеты о нелюбой спутнице, погубившей жизнь, о беспрестанных супружеских ссорах и неладах, доводивших до намерения извести жену. Даже в песни для детей, исполненные пронзительной родительской нежности и ласки, порой врывалось ожесточение против собственного ребенка...

Так выявлялось социальное неблагополучие, сминавшее всю жизнь человеческую.

В XVIII—XIX веках, когда было записано большинство известных ныне сюжетов песен, семейное крепостничество сочеталось с прямым крепостным правом.

Крестьянство никогда не признавало законности помещичьего владения людьми, и, видимо, поэтому число произведений о крепостных отношениях всегда было невелико. Но там, где такие песни являлись, они были голосом народного гнева. Помещики клеймились в них именем «злодеев», и неудивительно, что исполнение таких песен преследовалось[1].

В произведениях крепостной поры проклинается барщина:

Пропали наши головы
За боярами, за ворами:

---

[1] Со слов рязанского крестьянина Луды известно, что барин порол его за песню «Как из барских из ворот выходил один холоп». «Не один пуд земли выглодал я тогда»,— вспоминал он. (Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, М.—Л., 1955, с. 62).

Гонят старого, гонят малого
На работушку ранёшенько,
А с работушки позднёшенько!..[1]

Не слаще и сочетание барщины с оброком, входившее в быт при капитализации помещичьего хозяйства: злодейка-барыня отдает

Середовых мужиков
В винокурчики,
Удалых молодцов
Все на фабрички,
Красных девушек
Все в батрачушки...
Старым-то она
Не дает отдыхнуть,
Старикам не дает
За двор проглянуть.
Она гонит их
На работушку
Все тяжелую...
На тяжелую, подневольную,
Подневольную да пригонную [2].

Разумеется, крепостное право — не только тяготы иссушающего физически и нравственно труда. По произволу помещиков разрушаются крестьянские семьи:

Как батюшку с матушкой за Волгу везуть,
Большого-то брата в солдаты куютъ,
А середнего-то брата в лакеи стригуть,
А меньшого-то брата — в прикащики [3].

Песни рассказывают об общей участи крестьян и специально — о судьбах отдельных групп их,— например, дворовых, горести которых усугублялись неприязнью к ним со стороны своего брата. Мужик считал дворовых подручными мучителей народа, обличал барскую прислугу пословицей: «Дворня вотчину съела». Поэтому идущие от имени дворовых и как бы адресованные крестьянам слова песни «Хорошо житье лакеям на боярском на дворе» окрашены терпкой иронией; страдания полны стихи о сенной девушке, у которой «со поклону голова болит, с терпенья сердце высохло».

С песнями о крепостной жизни непосредственно связаны

---

[1] Андреев Н. П. Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Изд. 2-е, переработанное. М.— Л.. 1938, с. 345.

[2] Русское народное поэтическое творчество, т. 2, кн. 1, с. 71.

[3] Андреев Н. П. Русский фольклор. Хрестоматия, с. 346.

произведения о крепостных-бунтарях, что «отказывали» своему господину — бежали в леса, уходили в разбой:

Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеямши,
Не цепом молотим — слёгою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.

У этих людей своя «вотчина» —

От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица —
Там нам смерти нет, ребятушки [1].

Разбойничество, на которое проливают свет песни о стихийных, разрозненных антикрепостнических бунтах, стало темой широко распространенных в народе произведений о несчастных и отчаянных свободолюбивых, удалых молодцах, которые — в соответствии с народным кодексом морали и поэтикой идеализации мира — грабили только богатых. Власти пытались украсть у них доброе имя, и эти изгои — бывшие крестьяне, «понизовые бурлаки», казаки, беглые солдаты — отвергали официальное обвинение в «воровстве» точно так, как сподвижники Степана Разина и Емельяна Пугачева: «Мы не воры, не разбойники»...

Песни об удалых людях увлекали неохватными просторами воли — независимостью личности, ширью нетронутых степей, голубеющей Волги, шумом-плеском вековечных дубрав. В них очерчен тот пейзаж, который был местом исторического действия общерусской казачьей «вольницы» XVI—XVII веков и сам по себе был полон для русского человека неотразимой поэзии.

Песни об «удалых головушках» дышат высоким трагизмом. Они рисуют «непобедимость побежденных» [2], вроде героя знаменитой песни «Не шуми, мати зеленая дубравушка». Собрат суриковских стрельцов, этот человек не склонит головы перед недругами, грозящими ему «хоромами высокими — что двумя ли столбами с перекладиной». Людей такого закала народ справедливо считал олицетворением духа общественного протеста [3], слышащегося и в тюремных песнях, и в произведениях о солдатской доле, и в трудовых припевках бурлаков-артельщиков, крючников, лесосплавщиков,— в фольклоре, родственном поэзии промышлен-

[1] Великая реформа, т. IV. СПб., 1911, с. 18—19.

[2] Архипов В. А. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М., 1965, с. 202.

[3] См. очерки Мамина-Сибиряка «Разбойники» (Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М., 1955, с. 33—34 и др.).

ного пролетариата, выходящего во второй половине XIX века на историческую арену.

Комплекс песен, сплотившихся в репертуар рабочего класса, формируется с XVIII столетия. В районах текстильных фабрик центральной России, в горнозаводских областях Урала, Сибири возникает особая, эклектичная по используемым средствам поэзия. Языком старокрестьянской песни, стилистикой раешника, книжным слогом она пытается поведать о новых временах, о воцарении всемогущего капиталистического Молоха. Репертуар рабочих не состоит только из произведений, сложенных в рабочей среде: среди поющихся на сходках, а позднее и маевках песен большую долю составят агитационные сочинения революционной интеллигенции. Поэтому самодеятельная песенность рабочих чем далее, тем сильнее проявляет литературное «склонение». В этой поэзии рифмованных строк, возникающей под пером грамотных пролетариев, клокочет новое классовое сознание, обличаются конкретные враги (песни называют имена ненавистных приказчиков, мастеров, инженеров, надсмотрщиков — «хозяев» всех рангов), речь идет о совершенно конкретных событиях общенародной и местной истории, повествование подчиняется литературной поэтической традиции.

В поэзии из рабочего репертуара оппозиционность предшествующего народного творчества переживает стремительный (всего за одно столетие!) идейный взлет: песня зовет к революционному натиску на самодержавие и капитал, ведет сознательную «пропаганду социализма»[1].

Золотой век фольклорной классики, творившей почти исключительно на почве фольклора, то есть словно бы «из самой себя», к началу XX века исподволь завершался. Время звало к обновлению жанровых форм, к выходу на пути литературы.

Новые поколения русского народа стремятся синтезировать достижения современного литературного, музыкального искусства с унаследованной первородной песенной культурой.

Ал. Горелов

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22. М., 1968, с. 276.

ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

1

Ах вы, сени мои, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые!
Уж знать что мне по сеничкам не хаживати,
Мне мила дружка за рученьку не важивати!
Выходила молода за новые ворота,
За новые дубовые, за решетчатые;
Выпускала сокола из правого рукава:
Полети ты, мой сокол, высоко́ и далеко́,
И высо́ко и далёко, на родиму сторону!
На родимой на сторонке грозен батюшка живет;
Он грозен, сударь, грозен да немилостивый:
Не велит поздно гулять, с холостыми мне играть!
Я не слушаю отца, а потешу молодца!
Я за то его потешу, что один сын у отца,
Он один сын у отца, уродился в молодца,
Зовут Ванюшкою-пивоварушкою.
Пивовар пиво варит, зелено вино курит,
Зелено вино курит, красных девушек манит:
«Вы пожалуйте, девицы, на поварню на мою!
На моей ли на поварне сладко пиво на ходу,
Сладко пиво на ходу, на холодном на леду!»

2

Уж ты верба, вербушка,
Золотая вербушка!
Не расти, верба, во ржи,
Расти к полю на межи!
Вербу ветер не берет,

Соловей гнезда не вьет.
Как бы кустушек не мил —
Соловей гнезда не вил.
Соловей-то — Ванюшка,
Кинарейка — Марьюшка...
Походи-ка, погуляй,
Хороводы набирай!

3

У Димитрия капуста,
Да у Яковлевича белая!
На нее частый дождик
Ливно льет — поливает
И белую, зеленую ломает!..
А он в хороводе гуляет,
Хоровод набирает!

4

Вейся, вейся, капустка,
Завивайся, белáя!
Да как капустке не виться,
Серой, белой не ломиться!
Вечерняя капустка,
Вечерняя белáя,—
Дождик льет-поливает,
Серу, белу ломает...
Коровод набирает!

5

Как горнешенски ребяты
Разжились, разбылись:
Понаставили дома
Дома каменные,
Дома каменные,—
Стены раменные,
С поднавесочкам окошечки,
Хрустальный потолок!..
Вы пожалуйте-ка ручку
Да идите в хоровод!

6

Разметем лужок
Да заведем кружок.
    Ой, люли, люли,
    Да заведем кружок!
Что кружком, кружком,
Да крутым бережком,
Крутым бережком
Да со милым дружком,
Со милым дружком,
Да со Иванушком!
Я-то украдуся
Да наиграюся,
Уворуюся
Да набалуюся!
Научи меня, милой,
Да как домой прийти?
«Как по улице —
Да серой утицей,
В подворотенку —
Да горносталечком,
Вдоль по сеничкам —
Да лённым семечком,
Ко кроваточке —
Да красной девицей!»

7

Из-под белой березы
Бежит речка невеличка,
Бежит речка невеличка,
Вода ключевая.
Как с-по этой быстрой речке,
Как с-по этой быстрой речке
Плывет селезенко,
Плывет селезенко,
Плывет серый селезенко,
Плывет серый селезенко
Тихою водою,
Тихою водою.
Что тихою-то водою,
Что тихою-то водою —
Пеною морскою,
Пеною морскою.

Плывет утка-селезенка,
Плывет утка-селезенка
Тихою водою.
Да над тихой-то водою,
Да над тихой-то водою —
Пеною морскою,
Пеною морскою.

8

Поутру ранешенько, на заре,
Щебетала ласточка на дворе.
Всплакала девонюшка на море,
На белом горючем на камне.
По бережку батюшка гуляет.
«Гуляй, гуляй, батюшка, здорово!
Сойми меня, девушку, со моря,
Со бела горючего камня!»

У батюшки жалости не стало,
Не снял меня, девушку, со моря,
Со бела горючего камня.

Поутру ранешенько, на заре,
Щебетала ласточка на дворе.
Всплакала девонюшка на море,
На белом горючем на камне.
По бережку миленький гуляет.
«Гуляй, гуляй, миленький, здорово!
Сойми меня, девушку, со моря,
Со бела горючего камня!»

У милого жалости достало,
Он снял меня, девицу, со моря,
Со бела горючего камня.

9

Лелим ё лелим,

У ворот верба стоит,
У ворот кудрявая,

У ворот кудрявая,
У ворот кучерявая.

Под вербою камень,
Под вербою белый,

А на камне девица,
А на камне красная.

Братнины кудри чешет,
Братнины кудрявы,

Братнины кудрявы,
Братнины кучерявы.

Чешет и гладит,
Очески снимает.

Очески снимает,
На Дунай-реку мечет —

На Дунай, на быструю
На воду чистую:

«Плывите вы, кудри,
Да вниз по Дунаю,

Да вниз по Дунаю
К крутому бережочку,

К крутому бережочку,
К желтому песочку!»

На том да на бережочку
Стоит дерево райское.

А на том на дереве
Сидят птицы ласки,

Сидят птицы ласки,
Поют песни царски,

Поют песни царски —
Царя величают:

«Наш царь на службу едет,
Государь на великую.

Молодая царица
Родила царенка,

Родила царенка,
Молодого короленка.

Плотнички да работнички
Всю ночку не спали.

Всю ночку не спали,
Колыбель малевали:

Что месяц, что звезды,
Что красные зори.

Колышется царенок
Семь лет в колыбели,

На девятом годочку
К письму приучился,

На десятом годочку
Поехал жениться,

Поехал, поехал
По синему морю,

По синему морю
На сивому коню.

Синь лед проломился —
Сив конь провалился.

Сив конь провалился —
Молодой князь залился.

Молодая царица
По бережку ходит,

По бережку ходит,
Сцепя белы ручки,

Сцепя белы ручки,
Заплакавши очи.

Ой, люди вы, люди,
Да Васильевы слуги,

Берите секиры,
Секите синь лед!

Доставайте тело
Василия князя!..»

10

На речке на Клязьме купался бобер,
Купался бобер, купался черно́й;
Купался, купался, не выкупался,
На горку взошел, отряхивался,
Отряхивался, охорашивался.
Охотнички свищут, черна́ бобра ищут:
«Где бы нам найтить, его застрелить,
Его застрелить, с него кожу снять,
С него кожу снять, кунью шубу сшить,
Кунью шубу сшить, бобром обложить,
Бобром обложить, девку полюбить,
Девку полюбить, кунью шубу подарить!»

11

У ключа, ключа, да
У кипучего,
Ой, люли-люли, да
У кипучего да...
У колодечка, да
У глубокого,

Купался бобер, да
Купался сизой.

Он не выкупался —
Только вымарался,

Взошел на гору, да
Взошел на круту —

Отряхивался,
Отмахивался.

Охотнички свищут —
Черного бобра ищут:

Хотят бобра бить,
Хотят шубу шить,

Хотят шубу шить,
Китаёчком крыть.

Шубочка боброва —
Девка черноброва...

«Девка черноброва,
Ты любишь иного,

Ты любишь иного —
Парня не худого!»

«Парень не худой,
Не стой-ка со мной:

Люди говорят —
Ты любишь меня,

Целуешь, милуешь,
К сердцу прижимаешь,

К сердцу прижимаешь,
Душой называешь!..»

12

Я в лесе был, березку рубил,
Березку, березку, березку рубил.

Березку рубил, метелки вязал,
Метелки, метелки, метелки вязал.

Метелки вязал, на возик складал,
На возик, на возик, на возик складал.

На возик складал, рублем утягал,
Рублечком, рублечком, рублем утягал.

Рублем утягал, коня запрягал,
Конечка, конечка, коня запрягал.

Коня запрягал, в Москву отправлял,
Во Мóскву, Москву, да в Москву отправлял,

В Москву отправлял, да там девку видал,
Там девку, там девку, там девку видал.

Там девку видал, чернявку встречал,
Чернявку, чернявку, чернявку встречал:

Сидит под окном, играет цветком,
Играет, играет, играет цветком!

13

Ах, на горе-горе,
На высокой на крутой,
Ай люли, ай ладу,
На высокой на крутой.
На высокой на крутой
Стоял зеленый садок;

Как во том ли во саду
Стоял зеленый дубок;

Как под тем ли под дубком
Стоит девка с молодцом,

Стоит девка с молодцом,
Тиху речь говорит:

«Ах, что это за садок,
За зеленый за такой!

Ах, что в саду за цветы,
Что за алые таки!

Ах, если б те цветы
Во моем саду цвели!

Ах, что за милой,
Что за ласковый такой!

Ах, если бы ты, милой,
Ко мне чаще ходил.

Ко мне чаще ходил,
Гостинчики носил!»

14

Гуляла я, девица, по тропинке,
Наколола ноженьку на былинку,
Болит моя ноженька, да не больно.
Любил меня миленький, да не долго,
Недолгое времечко — три годочка,—
Уехал мой миленький в городочек.
Уехал мой миленький — побранился,
Со мной, молоденькой, не простился!

15

Ах ты мати моя, матушка,
Ах ты мати, государыня моя!
Ты на что, мати, хорошу родила,
На что, мати, пригожу родила,
Что счастливую, таланливую,
Что таланливу, догадливую?
Мне нельзя, мати, по улице ходить,
Мне нельзя, мати, по широкой гулять:
Мигуны, мати, помигивают,
Свистуны, мати, посвистывают,
Мне белилички-румянички сулят,
Мне белитися-румяниться велят.
Мне нельзя, мати, к обедне ходить:
Купцы богу не молятся,
Все дворяне усмехаются!

16

Скоморох ходит по улице,
Скоморох ходит по широкой.
Он и плачет, возрыдаючи,
Свою участь проклинаючи:
«Уж ты, участь, ты, участь моя,
Разнесчастная жизнь такова!»
Еще стук-стук под окошечко:
«Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодого ночевать!»
Еще чей это неумный сын,

Еще чей неразумный сын:
Не пускает скомороха ночевать;
Не пускает молодого ночевать!

Скоморох ходит по улице,
Скоморох ходит по широкой,
Он и плачет, возрыдаючи,
Свою участь проклинаючи:
«Уж, ты участь, ты, участь моя,
Разнесчастная жизнь такова!»
Еще стук-стук под окошечко:
«Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодого ночевать!»
Еще чья это неумная дочь,
Еще чья это неразумная дочь:
Не пускает скомороха ночевать,
Не пускает молодого ночевать!

Скоморох ходит по улице,
Скоморох ходит по широкой.
Он и плачет, возрыдаючи,
Свою участь проклинаючи:
«Уж ты, участь, ты, участь моя,
Разнесчастная жизнь такова!»
Еще стук-стук под окошечко:
«Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодого ночевать!»
Еще чей это умный сын,
Еще чей это разумный сын,
Что пускает скомороха ночевать,
Что пускает молодого ночевать!

Скоморох ходит по улице,
Скоморох ходит по широкой.
Он и плачет, возрыдаючи,
Свою участь проклинаючи:
«Уж ты, участь, ты, участь моя,
Разнесчастная жизнь такова!»
Еще стук-стук под окошечко:
«Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодого ночевать!»
Еще чья это умная дочь,
Еще чья это разумная дочь,
Что пустила скомороха ночевать,
Что пустила молодого ночевать!

17

Скоморох идет по улице,
Молодой идет по широкой.
Он и стукается, колотится,
Ночевать-спать просится:
«Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодого постоять —
На горячую печку спать,
Середи печи на войлочек,
Да на шитый на ковричек.
Скоморохи — люди добрые,
Скоморохи-то очестливые,
Не пьют они ни пиво, ни вино,
Не курят ни табак — ничего.
Они курят цигарочки,
Они любят цыганочек,
Они любят красных девушек!»

18

Как собралися, собрались,
Собрались девки на супрядку.

Задумали, задумали,
Задумали девки пиво варить.

Одна хмелю, одна хмелю,
Одна хмелю, друга солоду мешок.

Третья девка, третья девка,
Третья девушка круп решето.

Пришел ко им, пришел ко им,
Пришел к девушкам незваный гость.

Как будет, да как будет,
Как будет гостя попотчевати?

Одна — в спину, одна — в спину,
Одна — в спину, друга — за власы,

Третья девка, третья девка,
Третья девка — кулакам по бокам.

По сеням, как по сеням,
По сеням,— будто жито толкут!

По крыльцам, да по крыльцам,
По крыльцам,— будто ступу катят!

19

Во горенке было во новóй.
Лелю, лелю, во новóй,
Стоял столик дубовóй,
Покрыт розовой тафтой.
У нас Павел, парень молодой,
Николаич, парень удалой,
Ко столичку-столу подходил,
Тафту розову открыл,
Чашку чаю наливал,
Красной девке подавал.
«Ты, девица, жизнь моя!
Выпей чашку для меня —
Удалого парня-молодца!»
«Того чаю не препить,—
Тебя, парня, полюбить!»

20

Я в амбаре, в амбаре была,
Я в амбар за мукой ходилá!
Я в амбаре призамешкалася —
А ржаной муки натрескалася!
А пшеничной напоролася —
С ребятишкам поборолася!
Красной булочки накушалася —
Соловьюшечки наслушалася!

21

Шел Алешка с-по дорожке,
Шел Алешка с-по дорожке,
С-по дорожке, с-по дорожке,
Порассыпал он горошку.
Шла Анюта по полю-то,
Собирала по горошку,

По горошку — полну горстку.
Всю дорожку поедала.
Со горошку брюшко дует,
Выше грудей подымает.
На кого беда сказати?
Мне на зятенька сказати —
Мне у зятя не бывати,
Серу утку не едати.
Мне на братчика сказати —
Мне-ка дома не бывати,
Мне на милого сказать —
Мне за милым не бывать.
«Ох ты, милая Анюта,
Подходи ко мне поближе,
Ты садись подле меня —
Будешь верная жена!»

22

Посылала меня мать, посылала меня мать,
Посылала меня мать яровое поле жать.
Я жать-то не жала, я жать-то не жала,
Я жать-то не жала — на снопах пролежала.
Тут Никита идет, тут Никита идет,
Тут Никита идет, он орешки несет.
Я не знаю, что мне делать, я не знаю, что мне делать,
Я не знаю, что мне делать: ум за разум зашел.
То ль орешки щелкать, то ль орешки щелкать,
То ль орешки щелкать, то ль Никиту целовать?..
Я орешки щелкала, я орешки щелкала,
Я орешки щелкала и Никиту целовала!

23

Уж я трубочку трубила,
Я трубила, все трубила.

Уж я с милым говорила,
Говорила, говорила:

«Уж ты милый, чернобровый,
Чернобровый, чернобровый!

Не садися против меня,
Против меня, против меня.

Люди скажут — любишь меня,
Любишь меня, любишь меня.

Коли любишь, ты скажися,
Ты скажися, ты скажися,

А не любишь — отвяжися,
Отвяжися, откажися!»

«Быть тебе, девочка, за мною,
Быть за мною, быть за мною,

Моей маменьке слугою,
Всё слугою, всё слугою.

А мне верною женою,
Мне женою, мне женою!»

«Уж я тебе угожу же,
Угожу же, угожу же,

Постель мягко постелю же,
Постелю же, постелю же,

В головоньки воскладу же,
Воскладу же, воскладу же.

Сама с тобой лягу спати,
Лягу спати, лягу спати.

Уж я тебе обниму же,
Обниму же, обниму же,

Сама тебе поцелую,
Поцелую, поцелую!»

24

Как Иванушка, коломчатый мужик,
У ворот стоит, колотится,
Колотилом подпирается,

Сиротинкой называется.
«Кто бы, кто бы сиротинку полюбил,
Кто бы, кто бы ночевать пустил?»
Одна девушка и сдóбрилася:
Сиротинушке ворота отперла,
Сиротину за белы руки брала,
Сиротину в особливу увела,
Сиротине стакан рому налила,
Сиротине тут словечко молвилá:
«Сиротинушка, не пей до дна,
Сиротине не видать добра!»
Сиротинка не послушался —
Сиротинка выпивал до дна,
Сиротинка не видал добра:
Сиротинушка упал с окна,
Сиротина изломал два ребра.
Сиротинушке неможется,
Сиротинке нездоровится.
Сиротинке бог полегче даёт,
Сиротинке вот полегче стаёт,
Сиротинка стал похаживати,
Сиротинка поговаривати:
«Вы послушайте, ребятушки!
Сиротинушка не нá-худо учйт,
Сиротинка не про-тáк говорит:
Что котора девка щурится,
Та давно со милым любится!
А котора и тончава и баскá,
У тыё девки по миленьком тоска!
А котора белёшенька,
Та давно дружку радёшенька!
А котора девка сердится,
Будет время — смилосердится!
А котора приколачиват скобой,
Поведите ту, ребята, за собой!»

25

Я стояла под крутым бережком,
Опоясалась широким ремешком.
«Ох, маменька, Пашку люблю.
Дорогому на рубашку куплю!
Уж я вырежу косой вороток
И пришью я двадцать пуговок в рядок:

Эти пуговки немецкие
Шили девки деревенские,
Эти пуговки московские
Шили девушки рожнёвские!»

26

На горе-то калина,
На горе-то калина стояла,
Под горою малина,
Под горою малина стояла.
Тут девушки гуляли,
Тут девушки гуляли, гуляли —
Калинушку ломали,
Калинушку ломали, ломали,
Во пучечки вязали,
Во пучечки вязали, вязали,
На дорожку бросали,
На дорожку бросали, бросали —
В офицера попали.
В офицера попали, попали,
Маркитанту сказали,
Маркитанту сказали, сказали:
«Маркитанчик молодой,
Маркитанчик молодой, молодой,
Слышу — едешь во поход,
Слышу — едешь во поход, во поход,
Возьми меня с собою,
Возьми меня с собою, с собою,
Я те буду слугою,
Я те буду слугою, слугою,
Служаночкой верною,
Служаночкой верною, верною!
В лесе лесу нарублю,
В лесе лесу нарублю, нарублю,
Пилой тёсу напилю, напилю,
Кроватушку сделаю,
Кроватушку сделаю, сделаю:
Кровать нова тесова,
Кровать нова тесова, тесова,
Хозяюшка молода,
Хозяюшка молода, молода!»

27

Как за речкой, за рекой
Солдат сенокосит.
По другую-то сторонку
Девка воду носит.
Захотелося солдату
Девку просмеяти:
«Отчего у тя, девчонка,
Голова мокре́нька?»
«Я когда была маленька,
Водицу носила.
Часты дождички дождили,
Голову смочили.
Оттого у мня, солдатик,
Голова мокре́нька!»

Как за речкой, за рекой
Солдат сенокосит.
По другую-то сторонку
Девка воду носит.
Захотелося солдату
Девку просмеяти:
«Отчего у тя, девчонка,
В пазушках мяко́нько?»
«Я когда была маленька,
Водицу носила.
Гуси-лебеди летели,
Пуху обронили.
Я тогда же, молоденька,
Пуху собирала,
В пазушеньки клала.
Оттого у мня, солдатик,
В пазушеньках мяконько!»

28

Дуня бе́ла, румяна́,
Зачем любишь Ивана́?
«Я за то люблю Ива́на,
Что головушка кудрява!»
Ваня чист и речист,
Горазд речи говорить.
Подговаривал Дуняшу

Одну ночку ночевать:
«Ночуй, Дуня, ночуй, Дуня
Погости, голубушка!
Ты ночуешь у меня —
Подарю, Дуня, тебя!
Подарю тебе сережки
Я серебряные!
Что вторые — золотые
Со подвесочками!
А во славушку войдём —
Жемчужные заведём!»

29

Пойдем, мое детятко,
Пойдем на гуляньице,
На веселое собраньице,
На веселое собраньице!

На речке на Устичке,
На речке на Устичке,
На ракитовом кустичке,
На ракитовом кустичке

Сидит соловей, поет,
Сидит соловей, поет,
Сидит — приговаривает,
Сидит — приговаривает,
Наших девок уговаривает:

«Ах вы, девушки, ластушки,
Петербургские сударушки,
Сенские кишочницы,
Подпечерски побирошницы,

Новосельские блинники,
Новосельские блинники,
Лавровские́ мякинники,
Лавровские́ мякинники!..

Пойдем, мое детятко,
Пойдем на гуляньице,
На веселое собраньице,
На веселое собраньице!»

30

Не будите молоду́
Меня рано поутру́.
Разбудите молоду,
Когда солнышко взойдёт —
Когда солнышко взойдёт,
Пастушок придет в лужок,
Заиграет пастушок
Во серебряной рожок!
Хорошо пастух играет,
Приговаривает:
«Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На зелёну луговину!»
Гонят девки, гонят бабы,
Гонят малые ребята.
Гонят девки впереди,
Молодушки посреди,
Ребятишки позади.
Выгоняли на лужок,
Становились во кружок.
Одна девица смела́
Во кругу плясать пошла.
Она пляшет, рукой машет,
Пастушка к себе мани́т:
«Сюда, сюда, пастушок,
Сюда, миленькой дружок!»
Пастух ночку ночевал —
Коровушку потерял;
Он другую ночевал —
И все стадо потерял!
Кабы знала молода́,
Не манила б пастуха,—
Я б подпаска наняла!

31

Выйду за ворота
Да погляжу далеко,
Погляжу далеко —
Там горы высоки.
Там горы высоки,
Озера глубоки.
Там горы высоки

Да озера глубоки.
Во этих озерах
Живет рыба-щучка,
Живет рыба-щучка,
Белая белуга.
Не боюся тины —
Неводом закину.
Да не боюся тины —
Неводом закину,
Неводом закину —
Белу рыбу выну.
Белу рыбу выну —
На берег покину.
Куды мне-ка систи
Белу рыбу чистить?
Куды мне-ка систи
Да белу рыбу чистить?
Сяду я, присяду
К зеленому саду.
Сяду я, присяду
К зеленому саду,
Еще пересяду
На дол, на долину —
На дол, на долину,
На большу тропину:
Куды милый по́йдет,
Меня не обо́йдет!
Куды милый пойдет,
Да меня не обойдет!
Куды мил поедет,
Меня не объедет
На сивке, на бурке,
На большой каурке:
Сани — во Казани,
Хомут — на базаре.
Сани — во Казани
Да хомут — на базаре,
Оглобельки долги —
По матушке Волге!

32

По́ лугу я, де́вица, гуляла,
По́ лугу я, красная, гуляла,

По́ лугу я, по лугу я,
По лугу, по лугу, по лугу я!
Ягоды девица собирала,
Ягоды красна собирала,
Ягоды, ягоды я,
Ягоды, ягоды, ягоды я!
Страху девка набралася,
Страху красна набралася,
Страху я, страху я,
Страху я, страху я, страху я!
Ольху девица ломала,
Ольху красная ломала,
Ольху я, ольху я,
Ольху я, ольху я, ольху я!
Сверху девица сломила,
Сверху красная сломила,
Сверху я, сверху я,
Сверху я, сверху я, сверху я!
К речке девка подходила,
К речке красна подходила,
К речке я, к речке я,
К речке я, к речке я, к речке я!
Свежую рыбушку ловила,
Свежую красная ловила,
Рыбу я, рыбу я,
Рыбу я, рыбу я, рыбу я!
Печку жарко затопила,
Печку красна затопила,
Печку я, печку я,
Печку я, печку я, печку я!
Дружка в гости заманила,
Дружка красна заманила,
Дружка я, дружка я,
Дружка я, дружка я, дружка я!
Свежей рыбушкой кормила,
Свежей красная кормила,
Рыбой я, рыбой я,
Рыбой я, рыбой я, рыбой я!
Косточкою подавила,
Косткой я, косткой подавила,
Косткой я, косткой я,
Косткой, косткой, косткой я!

33

Как под горкой, под горой
Торговал старик золой!
Картошка моя, вся поджаренная!
Приходила девушка:
«Продай золки, дедушка!»
«Сколько золки, девушка?»
«На копейку, дедушка!»
«На что золки, девушка?»
«Холсты белить, дедушка!»
«На что белить, девушка?»
«Продать надо, дедушка!»
«На что продать, девушка?»
«Деньги надо, дедушка!»
«На что деньги, девушка?»
«Кольцо купить, дедушка!»
«На что кольцо, девушка?»
«Ребят дарить, дедушка!»
«За что дарить, девушка?»
«Больно любят, дедушка!
Перед мальчиками
Пройду пальчиками!
Перед старыми людьми
Пройду белыми грудьми!
Раздвинься, народ,
Меня пляска берет!»

34

Девка, стоя на плоту,
Мыла шелкову фату.
Мыла, мыла, колотила —
Фату в воду уронила.
За фатой в воду скочила —
Чулочки обмочила,
Башма́чки обронила.
«Мне не жаль, не жаль чулков —
Жаль сафьянных башмачков:
Чулки батюшка купил,
А сафьянные башма́чки
Мил сердечный подарил!»

35

Я по жердке шла,
Я по тоненькой,
По кленовенькой.
Тонка жердка гнется,
Да не ломится,
Со милым дружком живется,
Да не сто́скнется.
Хоть и сто́скнется —
Разгуляешься!
Пойду, выйду, молода́,
За новые ворота,
За новы́е, кленовы́е,
За решётчатые,
За стекольчатые.
Что счастливый выход мой —
Мне навстречу милый мой,
Детинушка молодой,
Не женатый, холостой,
Не женатый важеватый,
Кудреватый, сам баской!
На нем убор дорогой:
Шелковые кушаки
Во всю спину широки́,
Бархатная шапка!

36

Чужаки вы, чужаки,
У вас красны кушаки,
Шапочки бобровые,
Сами — чернобровые!

37

Как пошли наши подружки в лес по ягоды гулять,
Вею-вею-вею-вью, в лес по ягоды гулять!
По чёрную черничку, по красну земляничку.
Они ягод не набрали, подруженьку потеряли —
Любимую подружку, Катеринушку,—
Не в лесу ли заблудилась, не в траве ли заплелась?
Кабы в лесе заблудилась, то бы лесы приклонились!

Иль в траве бы заплелась — вся трава бы повилась!
Пойду по тропинке, найду три елинки,
А под елью-то кровать, на кровати-то перина,—
На кровати-то перина, на перине Катерина,—
На перине Катерина, перед ней стоит детина,
Перед ней стоит детина, он просит Катерину:
«Коли любишь, так скажи, а не любишь откажи!»
«Я любить не люблю, отказать не хочу!»

38

Уж ты, Ванька, ты Ванька-горюн,
Горюночек победненькой,
Отчего же ты не женисси,
На кого же ты надеёсси?
«Я надеюсь на вдовушку,
На победную головушку.
У нее головка гладкая,—
Моя Маруся очень сладкая!
Как картинка нарисованная,—
Она мною приколдованная!»

39

У нас не было такого богача,
Как Ивана Ивановича:
Он с гривны на гривну ступал,
По пяти рублей на улицу кидал,
По пяти рублей на улицу кидал,
Десятью рублям ворота отпирал!
Уж вы, сашки-канашки мои,
Разменяйте бумажки мои!
А бумажки-то новенькие,
Двадцатипятирублевенькие!
А бумажки-то синенькие,—
Наши девушки красивенькие!
Подарите красной девице-душе —
Да Прасковье Екимовне!

40

Идет девка-семилеточка,
За ней парень бел-кудрявенький.
Кричит парень: «Постой, девица!
Загадаю три загадочки:

А что растет без кореньица?
А что цветет безо цветика?
А что шумит без погодушки?»
«Растет камень без кореньица.
Цветет сосна безо цветика.
Шумит Волга без погодушки».

41

Рассыпалось ожерельице
По всему высоку терему.
Не собрать, не собрать жемчужок
Ни братцам, ясным соколам,
Ни сестрицам, белым лебедям.
Соберет, соберет жемчужок
Удалой добрый молодец
Со душой красной девицей!

42

Заведите коровод:
Дроля рыжика дает,
Дроля рыжика дает —
Меня на песни не зовет!

43

Из-под уголья огонь, огонь, огонь,—
Наши барышни кругом, кругом, кругом!

44

Я по бережку ходила,
Ах, ходила,
Я по крутому гуляла,
На горюч камень ступала,
Черевичек проломила,
Бел чулочек обмочила.
Я на милого взглянула,
Чежелешенько вздохнула:
«Ах, ты миленький дружок,

Не гляди, друг, на меня,
Не пойду я за тебя!»
«И я рад бы не глядел,
Да глаза мои глядят!
Хоть отца-мать прогневлю,
Да тебя, друга, люблю!
Хоть мне от дому отстать,
Да тебя, друга, достать!»

45

Конь по бережку похаживаёт да
Золотой уздой набрякиваёт.

Золотой уздой набрякиваёт да
Стременами нашевеливаёт.

Стременами да нашевеливает, да
На коне сидит удалый молодец.

На коне сидит удалый молодец да
Примечает себе суженую.

Примечает себе суженую, да
Душу красную девицу.

Душу красную девицу да
Взял бы, взял бы ее замуж за себя.

Взял бы, взял бы ее замуж за себя, да
Я хватал бы, имал бы ее.

Я хватал бы, имал бы ее, да
Мои руки не здымаются.

Мои ручки не здымаются, да
Златы кольца распаяются.

Златы кольца распаяются, да
Золоты перстни ломаются.

46

Накануне рождества
Сеял репу — не взошла,
Сватал Катю — не пошла
Пересею, так взойдет,
Пересватаю — пойдет!

47

Пчелочка златая,
Что же ты журжишь?

Около летаешь —
Прочь не летишь.

Али ты не любишь
Лизочку мою?

У моей у Лизочки
Русая коса,

Голубая лента
Ниже пояса́.

Черные брови,
Серые глаза;

Розовые, полные
Щечечки ее,

Мягкие, пуховые
Грудочки ее,

Сладкие, медовые
Губочки ее!

Я к губам прилипну -
С ними и помру!

Врешь — не прилипнешь!
Врешь — не помрешь!

48

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню
Я у батюшки в терему, в терему,
А у матушки в высоком, высоком!
Гадай, гадай, девица,
Гадай, гадай, красная,
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом приплетаючи!
Пал, пал перстень
В калину-малину,
В черную смородину!
«Кумушки вы, голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!»

49

На улице широко́й, широко́й,
На му́раве зелено́й, зелено́й,
И кто у нас не женат, не женат?
Василий-свет — холостой, холостой,
Иванович — не женат, не женат,
Он бел лицом, кудреват;
На нем шапка соболья,
А в шапочке платочек,
Во платочку три узла:
Первый узел — василек,
Другой узел — маков цвет,
Третий узел — люб-трава.
Его девушки спросили:
«На что ж тебе василек?»
«Чтоб я, младец, весел был!»
«На что ж тебе маков цвет?»
«Чтоб я, младец, красен был!»
«На что ж тебе люб-трава?»
«Чтоб девушки любили,
Молодушки хвалили,
На высок терем водили,
Пивцом-винцом поили,
Калачами кормили!»

50

Березничек кустоватый,
Осинничек листоватый,
И кто у нас холост ходит,
И кто у нас неженатый?
Василий-от холост ходит,
Иванович неженатый.
Он бел лицом, кудреватый.
Ему матушка говорила:
«Василий-свет, ты женися,
Иванович, ты женися!
Возьми себе хозяюшку,
Тебе с нею веселее,
А мне будет перемена!»
«На что, матушка, жениться?
И так меня девки любят,
Молодушки похваляют,
На высок терем меня водят,
Пивцом-винцом меня поят,
Калачами меня кормят!»

51

Я из горницы во горницу ходила,
Из гостиной я в любимую гуляла,
Трои золоты ключи носила,
Окованную коробку отпирала,
Из стаканчиков стаканчик выбирала,
На серебряный подносик становила,
Пополнее сладкой водки наливала,
Своему дружку Ивану подавала:
«Кушай, кушай, друг Ванюша, веселися,
На меня, на красну девку, не надейся.
Я, красна девица, сговорена.
Сговорила меня маменька родная
За такого за детину за дрянного,
Я которого во девках не любила.
Не мной бы дрянному владовати —
Владовати бы моему любезному,
Я которого во девицах любила,
Золотым резным колечиком дарила.
Не за то ли меня маменька бранила,
Не за то ли государыня журила,

Она бранить-то не бранила, говорила:
«Ты куда, дочи, колечико девала?»
«Я девать-то не девала, потеряла.
Укатилося колечко под крылечко,
Укатилось золотое под крутое,
Засыпалося колечко мелким сором,
Мелким сором, мелким сором, порошочком
Приходила ко мне тайная подружка,
Золото резно колечико украла,
За Дунай-реку закопала,
Правой ноженькой затоптала,
Левой рученькой притрепала!»

52

Караван мой, караван,
Славный-явный караван,
Стой, не расходись!
Как во этом караване
Ходила, гуляла,
Танец водила,
Венок сронила.
Есть кому подать —
Вижу, батюшка идет,
Венок поднесет.
Вижу, батюшка прошел —
Венок не поднес.

Караван мой, караван,
Славный-явный караван.
Стой, не расходись!
Как во этом караване
Ходила, гуляла,
Танец водила,
Венок сронила.
Есть кому подать —
Вижу, матушка идет,
Венок поднесет.
Вижу матушка прошла —
Венок не поднесла.

Караван мой, караван,
Славный-явный караван,
Стой, не расходись!

Как во этом караване
Ходила, гуляла,
Танец водила,
Венок сронила.
Есть кому подать —
Вижу, молодец идет,
Венок поднесет.
Добрый молодец пришел —
Он венок поднес.

53

Да по веселой, да по веселой
По веселой Голишовой

Да летел голубь, да летел голубь,
Летел голубь сиз-косатой,

Да сиз-косатой, да сиз-косатой,
Сиз-косатой, волосатой.

Да нес он вестку, да нес он вестку,
Нес он вестку про невестку,

Да про котору, да про котору,
Про котору — про матеру,

Да про середню, да про середню —
Про середню сноху Дуню.

Да вечор Дуню, да вечор Дуню,
Вечор Дуню порно били,

Да вечор били, да вечор били,
Вечор били, колотили,

Да под свой норов, да под свой норов,
Под свой норов подводили.

«Да брось-ко, Дуня, да брось-ко, Дуня,
Брось-ко, Дуня, гульбу-волю!»

«Да я не брошу, да я не брошу,
Я не брошу, пойду в рощу!

Да пойду в рощу, да пойду в рощу,
Пойду в рощу, разгуляюсь, —

Да со миленьким, да со миленьким,
Со миленьким повидаюсь!

Да мы видались, да мы видались,
Мы видались — радовались!

Да три разочка, да три разочка,
Три разочка целовались!»

54

Александровска береза, березá
Середи кремля стóяла, стоялá,
Она листьями шумéла, шумелá,
Золотым венком сúяла, сиялá,
Бралиянтами светúла, светилá.
«Гуля, гуля, голубок,
Гуля сизенький,
Сизокрыленький!
Ты куда, гуля, пошел,
Куда, сизый, полетел?»
«Я ко девице,
Ко красавице,
Коя лучше всех,
Коя краше всех,
Без белил она бела,
Без румян хороша,
Красна девица-дýша!»

55

Александровска береза
Посреди кремнев стояла,
Посреди кремнев стояла,
Она прутьями говорила,
Она листьями шумела:
«Уж ты, голубь-голубок,
Ты куда, голубь, летал?»
«Я невест выбирал —
Во низовы города!

Коя вежливее,
Поснарежливее —
Без белил она бела,
Без румян хороша,—
Та невеста моя,
Поцелует меня!»

56

Ехал пан, ехал пан,
Ехал пан из пира пьян,
Сронил пан, сронил пан
Свою шляпу черную,
Свою шляпу черную,
Черную, пуховую.
Кликал пан, кликал пан
Свою панью милую:
«Подь сюда, подь сюда,
Моя панья милая,
Подними, подними
Мою шляпу черную,
Мою шляпу черную,
Черную, пуховую,
Принадень, принадень
На мою головушку,
Поклонись, поклонись
Поклонись низехонько,
Поцелуй, поцелуй,
Поцелуй милехонько».
Шла панья, шла панья,
Шла панья из горницы,
Сронила, сронила
Свою шаль шелковую,
Кликала, кликала
Своёго пана милого:
«Подь сюда, подь сюда,
Подь сюда, мой милый пан,
Подними, подними
Мою шаль шелковую,
Принадень, принадень
На мои на плечики,
Поклонись, поклонись,
Поклонись низехонько,
Поцелуй, поцелуй,
Поцелуй милехонько!»

57

Как у Павла-то хоромы хороши,
У Михайловича крашеные
На дворе-то столбы точёные,
Вереюшки позолочёные,
Воротечка из немецкого стекла,
Подворотенка серебряная.
Середи-то двора камушек лежит,
Из-под камушка реченька бежит,
Что по реченьке судёнышко плывет,
На судёнышке немножко людей,
Моему-то счету семь человек,
А восьмой-то водолей, водолей,
А девятый пивовар, пивовар,
А десятый добрый молодец-душа.
У нас Павел-то Михайлович
По суденышку похаживаёт,
Калёну́ стрелу наряживаёт:
«Ты лети, лети, калёная стрела,
Выше лесу, по подне́бесью,
Ты убей, убей, калёная стрела,
Сиза голубя на каменной стене,
Серу утицу на Волге на реке,
Красну девицу в высоком тереме!
Сизый голубь-от — потеха моя,
Сера утица — яства моя,
Красна девица — невеста моя,
Набеленная, намазанная,
Целоваться приказанная!»

58

По-за кругу, по-за кругу,
По-за девичьему
Тут-то ходит, тут гуляет
Удалой молодчик.
Он-то ищет, он-то смотрит
Невесты себе.

«Радость девица-душа,
Поди, выдь за меня!
Я как к зи́ме, я как к зи́ме

Сани точеные,
А как к лету, а как к лету
Золоту куплю карету!

Где ни встретятся,
Там поклонятся!
Где ни сойдутся —
Поцелуются!»

59

Маменька, маменька,
Родимая матушка!
Сострой-ка мне келейку
Со трём со окошечкам.
Первое окошечко
На широку улицу,
Другое окошечко
Во зеленый садок,
Третье окошечко
На синё море.
По синему морю
Три судёнышка плывут:
Первое судёнышко —
С егеря́м, с некрута́м,
Другоё суденышко —
С атласа́м, с бархата́м,
Третье суденышко —
С добры́м молодца́м.
Маменька, маменька,
Родимая матушка!
Как бы судно удержать,
Молодца в гости позвать?
«Ах ты, дочка умная,
Надёжа разумная!
Пора-времячко придет —
Само судно приплывет.
Молодец в гости придет,
В хоровод тебя возьмет,
Поцелует, обоймет!»

60

Сострой, сострой, папашенька
Сострой новый теремок,—
  Ой, ли, ой, люли,
  Сострой новый теремок!

Сострой новый теремок
Со тремя окошечкам:

Первое окошечко —
На широку улицу,

А второ окошечко —
Во зеленый садичек,

Третее окошечко —
На синёе морюшко.

Как по синему по морю
Три корабличка плывут.

Как во первом-то кораблике —
Все сукна́ немецкие.

Во втором кораблике —
Все шелка турецкие.

Как третий-то корабличек —
С добрым молодцем идет.

Ты позволь, позволь, маменька,
Мне кораблик удержать,

Мне кораблик удержать —
Молодца в терем зазвать!

«Подожди-ка, доченька,
Подожди-ка, милая,

Корабль к берегу пристанет —
Молодец в терем зайдет.

Молодец в терем зайдет —
Тебя за руку возьмет!

Тебя за руку возьмет,
Поцелует-обоймет,

Поцелует-обоймет,
Душой-Сашей назовет!»

61

Зима, зимушка-зима,
Зима лютая была:
Завияло, замело
Все дорожки, все пути,
Нельзя к миленькой пройти.
Я дорожку промету —
Сам ко миленькой пройду.
Стелю, стелю, постелю́шку,
Стелю пухову́ю!
Я кого верно люблю,
Того поцелую!

62

Ино слава тебе, господи,
Что моёго мужа черт побрал,
А меня господь помиловал:
На печи богу молилася,
За трубу хоронилася,
Портянкам одевалася —
Поцелуя дожидалася!

63

Как за дядиным двором
Растет деревина,
Деревина не проста —
Красная рябина.
Покуль веточку ломал —
Парень девку целовал.

64

Уж я Аннушку люблю:
Она — уборчистая,

Она — уборчистая,
Разговорчистая!
На ней юбочка баска́,
Будто шелковая,
Опоясочка баска́...
Целоваться три разка!

65

Вылетала сиз голубка
На синее море.
Та-та люли, та-та люли,
На синее море!

Умывалася голубка
Пеною морскою.
Та-та люли, та-та люли,
Пеною морскою!

Утиралася голубка
Травой муравою.
Та-та люли, та-та люли,
Травой муравою!

«Не по промыслу девица
Заводы заводишь.
Та-та люли, та-та люли,
Заводы заводишь!

Что заводички заводишь,
Трех молодцев любишь.
Та-та люли, та-та люли,
Трех молодцев любишь!

Перва — Гришу во Казани,
Мишу — в Ярославле!
Та-та люли, та-та люли,
Мишу — в Ярославле!

Ванюшеньку-раздушеньку —
В Нижнем городочке.
Та-та люли, та-та люли,
В Нижнем городочке!»

«Я куплю-ка всем молодцам,
Всем да по подарку:
Перво — Грише на манишку,
Мише — на жилетку.
Ванюшке-раздушеньке —
Бархатную тройку!

Ванюшка-раздушенька,
Ты носи, не хвастай!
Если будешь похваляться,
Я не буду знаться,
Я не буду с тобой знаться,—
Буду целоваться!»

66

Никогда девку хмелинка
Не разнимывала,
  Ой, калина моя!
  Ой, малина моя!
Разняла девку хмелинка,
Полюбил баско́й детинка,
Снизу низовый купец:
У нас Петр-от молодец
Взял девушку, подхватил,
На кораблик посадил,
Тонкий парус распустил,
По Неве-реке пустил,
По Неве-реке, реке,
Сам вдоль бережка пошел.
Прибывает корабль
Ко крутому бережку,
Ко крутому бережку,
Ко зеленому садку.
Как у этого садочка
Целый год дружка ждала;
Я насилу й дождалась,
Цёловалась, обнялась!

67

Мой-от миленькой во́ щи упал,
Из-под крошева выглядывает,
Свою любушку высматривает.
«Красота неоцененная,
Душа красная девица,
Изуважь его, молодца!»
«Да его, добра молодца,
Веселила веселехонько,
Целовала милехонько!»

68

Я во пенье ору,
Во коренье бороню, —
Мне не о́рется
И не боро́нится!
Соху брошу в огонь,
А сама пойду домой!
Домой пошла —
Поцелуй нашла!

69

Как на молодце цепочка горит,
Горит, горит, перегарывает,
Горит, горит, перегарывает,
Мальчик девушку выманивает:
«Ты, девица, сойди с терема,
Красавица, сойди с высока;
Сойди с терема тихохонько,
На дворе у нас чистехонько;
Башмачки не топчутся,
Чулки белы не мараются.
Подойди, радость, близешенько,
Поцелуй меня милешенько!»

70

«Полно, полно вам, ребята,
Чужо пиво пити!
Не пора ли вам, ребята,

Свое заводити?»
«У нас солоду-то нету,
Хмелю не бывало!»
«Солод на печине,
Хмель-от на тычине».
Совивайся, сомыкайся,
Хмелюшко с травинкой!
Совивайся, совыкайся,
Молодец с девицей!
Совыканье было тайно —
Расставанье явно.
Совыкалися часочек —
Расставалися годочек,
Целовалися разочек!..

71

Как на горе ка́лина,
Под горою ма́лина,
Тут девушка гу́ляла,
Калинушку ло́мала,
Во пучечки вя́зала,
В молодчика бро́сала:

«Ты молодчик молодой,
Неженатый, холостой,
Возьми меня за себя!
Уж я тебе удружу —
Па́ру коней подарю!
Еще вдвое удружу —
С руки перстень подарю!
Еще втрое удружу —
Поцелую, обойму!»

72

На поповом на лугу
Потерял мужик дугу —
Дугу то́ченую,
Позолоченую...
Что ребята-то пищат,
Не дугу-то ли таща́т?
Посмотрюсь в решето —

Целоваться хорошо!
Посмотрюсь я в сито —
Целоваться сыто!

73

Бе́жал, бе́жал конь по бережку, да
Синегривый конь по крутенькому,

Синегривый конь по крутенькому, да,—
Совер⟨ы⟩нулся у нас парень со коня!

Совернулся у нас парень со коня, да,—
Прямо в девицы широкого двора!

Прямо в девицы широкого двора, да,—
Выходила к ему девка молода.

Выходила к ему девка молода, да,—
Разбелым она белёшенькая,

Разбелым она белёшенькая, да
Без румян-то румяненькая,

Без румян-то румяненькая, да
Ровно ягодка узюминка,

Ровно ягодка узюминка, да
Рас-*по блюдечку*-катается,

Рас-*по блюдечку*-катается, да,—
Мелкий сахар рассыпается!

Мелкий сахар-леденец, леденец,
Поцелует у нас Коля-молодец!

74

Мой-от миленькой по́ миру ходил,
Он пестёрку на право́й руке носил,
По-под оконьем Христа ради просил —
Ему подали малешенько.
Целоваться милешенько!

75

Журавлевы долги ноги
Не нашли пути-дороги·
Они шли стороной,
Боронили бороной,
Борона железная,—
Поцелуй, любезная!

76

Уж вы, ершики-ерши,
Рыбка маленькая,
Рыбка маленькая,
Костоватенькая!
Уже кто ерша изловит,
Того трою целовать!

77

Сидит Дрема на золотом стуле,
Прядет Дрема шелков кужель.
«Полно, Дремушка, дремати —
Пора, Дрема, девок выбирати!
Бери, Дрема, коя лучше,
Сади, Дрема, на колени,
Целуй, Дрема, до охоты!»

78

Чем нам песенку начать,
Чем ее окончить?
Разговорами начнем,
Поцелуем кончим!

79

На улице диво —
Чернец варил пиво,—
Черничек ты мой молодой!
Я пиво сливала,
Да меня разнимало:

Бросилась хмелинка
Во ручки, во ножки,

Из ручек, из ножек
Во буйну головку,

Нельзя мне стряхнути,
Да нельзя сворохнути.

Я пойду стряхнуся,
Стану я, сворохнуся,

Стану, сворохнуся —
Ровне поклонюся,

Ровне поклонюся,
Милой назовуся!

80

Как по тропке, по тропинке,
Ой, по тропинке,
А бе́жал легонький детинка,
Бе́жал легонький детинка,
Ой, да детинка.
Он не в шубе, не в кафтане,
Ой, не в кафтане,
В однорядошном камзоле,
Ой, да в камзоле.
Ах, зе́лен ка́мзол нараспашку,
Зе́лен ка́мзол нараспашку,
Ой, нараспашку.
Шелков ку́шак на рубашку,
Ой, на рубашку,
За ним бе́жит стара баба,
Ой, стара баба,
Ох, кри́чит:
«Молодец, попляшем!»
Кри́чит:
«Молодец, попляшем,
Ой, да попляшем,

Раздуше́нька, потанцуем,
Ой, потанцуем!»
«Ну тя к черту, стара баба,
Ой, стара баба,
Стара баба, старобраза,
Ой, старобраза:
Мои ноженьки не пляшут,
Ой, да не пляшут,
Голову́шка не кивает,
Ой, не кивает.
Очи ясны не мигают,
Ой, не мигают!»

И как по тропке, по́ тропинке,
Как по тропке, по тропинке,
Ой, по тропинке,
А бе́жал легонькой детинка,
Бе́жал легонькой детинка,
Ой, да детинка.
Он не в шубке, не в кафтане,
Ой, не в кафтане,
В однорядошном камзоле,
Ой, да в камзоле,
Зелен ⟨о⟩ ка́мзол нараспашку,
Ой, нараспашку,
Шелков ку́шак на рубашку,
Ой, на рубашку.
За ним бе́жит красна девка,
Ой, красна девка,
Кри́чит:
«Молодец, попляшем,
Ой, да попляшем,
Раздуше́нька, потанцуем,
Ой, потанцуем!»
«Мои ноженьки заплясали,
Ой, заплясали,
Голову́шка закивала,
Ой, закивала,
Очи ясны замигали,
Ой, замигали,
Белы ручки защелка́ли,
Ой, защелка́ли!»

81

Пошла млада за водой —
Коромысел золотой,—
    Эй-эй люли,—
    Коромысел золотой!
Коромысел золотой,
Ведерки дубовые,—

Ведерки дубовые,
Подсобки шелковые!

Брошу ведра под гору,
Сама вдарюсь об землю,

Сама вдарюсь об землю —
Рассыплюся яблонькой,

Рассыплюся яблонькой,
Грушеной зеленою,

Грушеной зеленою,
Яблоней щемлёвою!

«А кто будет в гусли грать,
А кто будет танцевать?..»

«Ваня будет в гусли грать,
Таня будет танцевать!»

82

Отдает меня маменька замуж
За такого за детинку — недоростка.
Еще как с недоростком буду жити:
Мне на крайчик положити — уронити,
Правой рученькой обняти — задушити.
Что пойду я с недоростком в лес гуляти,
Привяжу я недоростка ко березке,
Я ко горькою да ко осинке,
Я ко самою да ко вершинке.
Сама девять ден да погуляю,
На десятый день да побываю:
«Каково те, недоростку, у березки,

Каково же молоденьке жить с тобою?»
«Источили комарочки резвы ножки,
Искусали пауточки белы ручки,
Исклевали вольны пташки мне головку!»

83

Во далече, во далече
Вырастала в поле белая береза,
Как под той под белою березой
Разыгралися девоньки молодые,
Молодые-то девоньки удалые.
«Выдает сударь-батюшка замуж,
Уж ли замуж, ли замуж за старого.
Я со старым-то ночку ночевала —
Показалась темна ночка три годочка,
Я старого на рученьке держала,
Как гнилую колоду дубовую.
Я у старого усы целовала.
Как горькую смолу испивала.
Ох горько и тошно, жить невозможно!»

Как во далече, во далече
Вырастала в поле белая береза,
Как под той под белою березой
Разыгралися девоньки молодые,
Молодые-то девоньки, удалые.
«Выдает сударь-батюшка замуж.
Уж ли замуж меня за молодого.
С молодым-то я ночку ночевала —
Показалася мне ночка три часочка.
Я молодого-то на рученьке держала,
Как перышко лебединое.
Я милого уста целовала,
Как сладкого меда испивала!»

84

Я старого не люблю, не люблю,
Постелюшку постелю, постелю
Уж я в три ряда, в три ряда,
В три ряда я каменю, каменю!
Уж в четвертый ряд, уж в четвертый ряд

Щепицу колючую да колючую!
Уж я в зголову, уж я в зголову,
Крапиву жигучую, крапиву жигучую!
Уж я одежу, одежу
Корою еловою да еловою!
Уж я притреплю, притреплю
Дубиной вязовой, вязовой!

Уж я ровнюшке сноровлю, сноровлю —
Постелюшку постелю, постелю
Во три ряда войлока, войлока!
Уж в четвертый ряд, да в четвертый ряд
Перину пуховую да пуховую!
Уж я в зголову, уж я в зголову
Подушку перовую да перовую!
Уж я притреплю, притреплю
Своей правой рученькой, рученькой!
Уж я одежу, одежу
Соболиным одеялом да одеялом!

85

Земляночка-ягода
На полянке выросла.
Горожанка девушка
В городе родилася,
Калачами вскормлена,
Чаем выпоена,
Во деревню выдана
За старого старика.
У старого старика
Ни кола нет, ни двора,
Ни подвального бревна.
Только есть у старика
Один серенький коток,
Кудреватенький лобок.
Что повадился коток
Во деревню во краёк,
Красным девкам в погребок
По сметанку, по творог,
По пресное молочко.
Как увидели кота
Красны девки из окна,
Они хлопнули окном,

Побежали за котом.
Убили кота
Поперек живота.
«На тебе, коток,
И сметанка, и творог,
И пресное молочко!»

86

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
«Пусти меня, старичок,
В чисто поле погулять,
А я тебе, старичок,
Много ягод принесу!»
«А я ягод не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу!»

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
«Пусти меня, старичок,
В зеленый сад погулять;
А я тебе, старичок,
Много яблок принесу!»
«А я яблок не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу!»

Лебедь мой, лебедек,
Да лебедушка белая!
Просилася молода
У старого старика:
«Пусти меня, старичок,
На быстру реку погулять;
А я тебе, старичок,
Много рыбы принесу!»
«А я рыбы не хочу,
Тебя, младу, не пущу,
Подле себя сокрушу»!

«Спасибо тебе, старичок,
Что ты меня не пустил,
Подле себя сокрушил!
В чисто поле просилась —
Уйтить, млада, хотела;
В зеленый сад просилась —
Удавиться хотела;
На быстру реку просилась —
Утопиться хотела!»
    Лебедь мой, лебедек,
    Да лебедушка белая!

87

У Катюшки муж — гуляка,
    Ай, барыня ты моя,
    Сударыня ты моя!
Он гуляка — запивака;
Приходил поздно, не рано,
Приносил добра не мало,
Ай не мало — три кармана:
Первый карман — с орехами,
Второй карман — со изюмом,
Третий карман — со бобами!
От орехов — зубам больно,
От изюму — было тошно,
От бобов мне — живот пухнет!

88

Посею лебеду на берегу,
Посею лебеду на берегу,
Мою крупную рассадушку,
Мою крупную, зеленую!

Погорела лебеда без воды,
Погорела лебеда без воды,
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная, зеленая!

Пошлю казака по во́ду,
Пошлю казака по во́ду,
Ни воды нет, ни казаченьки,
Ни воды нет, ни казаченьки!

Кабы мне, младе, во́рона коня,
Кабы мне, младе, ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Я бы вольная, молоденькая!

Скакала, плясала по лугам,
Скакала, плясала по лугам,
По зеленым лес-дубравушкам,
По зеленым лес-дубравушкам.

Со донским с молодым казаком,
Со донским с молодым казаком,
Со удалым добрым молодцем,
Со удалым добрым молодцем!

«Раздушечка, казак молодой,
Раздушечка, казак молодой,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне?»

89

Задумала-загадала,
Заплакала-зарыдала:
«Я сама себя сгубила —
На что щеголя любила,
Щегольнее всех ходила?
Чулок белый, башмак черный,
Шубка, юбка парчева́я,
Душегрейка золотая,
Рубашечка ильняная,
На головушке платочек —
Купил миленький дружочек!..»

90

Ах, утушка луговая,—
Люли-люли, луговая!
Молодушка молодая,
Где ты спала, ночевала?
«Ночевала я в лужочке,
Под ракитовым под кусточком
Как шли-прошли весёлы́е,
Два молодца удалые,

Они срезали по пруточку,
Они сделали по гудочку.
Ай, вы, гудки, не гудите,
Мово батюшку не будите!
Мой батюшка спит с похмелья,
Моя матушка за рекою
Варит пиво молодое,
Что курит вино зеленое —
Поит зятя молодого,
Свово гостя дорогого!»

91

Как меня, младу-младёшеньку,
Муж больно бил.
Уж как первый раз ударил — он по лавочке попал,
Да уж он первый раз ударил —
Он по лавочке попал.
А второй-то раз ударил — по мене, младой, попал.
Да второй-то раз ударил —
По мене, младой, попал.
Я от этих-то побоев три недели лёжала́.
Да я от этих-то побоев
Три недели лёжала́.
Три недели лёжала́, две — без памяти была,
Да три недели лёжала́,
Да две без памяти была.
На шестую-то неделю я опамятилась,
Да на шестую-то неделю
Я опамятилась.
Я поставила свечу да Алексею-кузнецу,
Да я поставила свечу
Да Алексею-кузнецу:
Чтобы свёкра со свекровой трясуницей затрясло,
Да чтобы свёкра со свекровой
Трясуницей затрясло!
Деверьёв-соколо́в молоньёй обожгло,
Деверьёв-соколо́в
Молоньёй обожгло!
А своёго жадулину на печи бы задавило,
А своёго жадулину
На печи бы задавило:
«Уж ты муж-муженёк, вот тебе тут уголок.
Уж ты муж-муженёк,
Вот тебе тут уголок!»

92

В чистом полюшке мужик
Гребнем сено огребал,—
    Люшеньки, ой люли,
    Гребнем сено огребал!
Мне идти ли, молоде,
Поучить дурака:
«Ты возьми-тко, дурак, грабли —
Больше сена нагребешь!»

В чистом полюшке мужик
На́ бабе сено возил.
Мне идти ли, молоде,
Поучить дурака:
«Ты возьми-тко, дурак, лошадь —
Больше сена привезешь!»

В чистом полюшке мужик
Шилом сено подавал.
Мне идти ли, молоде,
Поучить дурака:
«Ты возьми-тко, дурак, вилы —
Больше сена подаси!»

93

Еще мой-от муж
Был охотничек,
Был охотничек,
Рыболовщичек.
Заловил лунка,
Да лунка беленького,
Лунка беленького,
Кудреватенького.
Он принес ко двору,
Посадил на траву:
«Да садись-ка, лунок,
Садись, белый животок!
Да потихохоньку,
Да полегохоньку
Да расправляй крылья
Да до сырой земли!
Да до сырой земли,
Да до поляночки!»

94

От чего хмелек завёлся —
От соломенки гнилой.
    Ой, люли, ой, люли,
    Да от соломенки гнилой.

От соломенки гнилой,
Да от земельки от сырой.

Кто с хмельком поводится,
Да тот нагой находится.

Во кабак идет детина,
Точно алый мак цветет,

Из кабака идет детина —
Точно липочка гола.

Точно липочка гола,
Как матушка родила.

Как матушка родила.
Да жена мужа бранила:

«Все ты пропил, прогулял,
Да все приданое мое.

Все придано, богодано,
Мой зеленый сарафан.

Мой зеленый сарафан
Да свой коричневый кафтан.

Я обиды не стерплю —
Поварешкой отвожу.

Буду голодом морить —
Позабудешь водку пить!»

95

Посеяли девки лен,
Девки лен, девки лен.
    Живо-браво, девки лен,
    Девки лен, девки лен!

Посеяли во долы,
На желтые на пески.
Повадился во ленок
Молоденький паренек:
Со льна цветы сорывал,
В Дунай-речку побросал.
Дунай-речка не берет —
Ко бережку цветы жмет,
Ко бережку, ко ярку,
Ко желтому ко песку,
Ко матушке ко горе.
Как на горе, на горе,
У барина во дворе
Разыгрался сивый конь:
Копыточком землю бьет,
Пробил землю до песка,
До серого кремешка.
В том кремне огня нет —
В своей жене правды нет:
В чужой жене правда есть.
Своя жена — змеюшка,
Чужа жена — любушка!
Своей жене — лапотки,
Чужой жене — башмачки!
Своя жена — наблюдай,
По праздничкам надевай,
По праздничкам по большим,
По маслянкам широким...
Чужа жена — ежеден!

96

Посеяли девки лен,
Посеяли девки лен.
    Девки лен, девки лен,
    Ходи прямо, гляди браво,
    Говори, что — девки лен!
Повадился к девкам вор,
Повадился к девкам вор.
Иванушка-щеголек,
Иванушка-щеголек.
Весь белой лен притолок,
Весь белой лен притолок.

Своей жене лаптя нет,
Своей жене лаптя нет.
Чужой жене — башмачок,
Чужой жене — башмачок.
Своя жена — шам-шам-шам,
Своя жена — шам-шам-шам!
Чужа жена — топ-топ-топ,
Чужа жена — топ-топ-топ!

97

Как нонече куры
Поют петухами,
    Ах, люшеньки, ай, люли —
    Поют петухами!
Ка́к нонешни жены
Владеют мужьями!

Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю:

«Лежи, лежи ту́та,
Поколь схожу — кну́та[1],

Поколь схожу кну́та,
Железного пру́та!»

98

Я ходила по ра́менью,
Набрала беремя каменью.
За два камешка по грошику дала,
За цепочечку — копеечку,
Я связала мужу на ворот, ворот,
Спустила мужа во сине море.
Посмотреть было с сарайных ворот,
Далеко ль мой милый плывет,
Он плывет, воздохнется,
Молодой жене возмолится:
«Уж ты женушка-жена моя!
Ты достань-ко из синя моря меня,

---

[1] Т. е. схожу взять кнута. *(Примеч. А. С. Пушкина.)*

Буду всякие работы работать,
По ночам буду ребятушек качать,
По субботам буду баенки топить,
Тебя, милую, в баенку водить!»

99

Сам толку, сам мелю,
Сам и по́ воду хожу,
Сам щи-кашу варю,
Кашеварничаю,
Пивоварничаю!
Сажу милую жену
На перину пухову́:
«Ты сиди, моя жена,
Всегда весела́,
Всегда радостна!
Уж ты шей, вышивай!
Широки́е рукава —
Широки́, долги́,
В три полотнища!
Чтобы было куда класть
Небылые словеса,
Небылые, несталы́е,
Неочесливые!»

100

Уж я пашенку пашу,
Сам на солнышко гляжу.
Стало солнышко к обеду поворачивать,
Мужики сошнички соколачивать.
Еще все жены мужьям хлеба несут,
А моя шельма жена не устряпалась.
Уж я выпрягу лошадку, поеду домой,
Я заеду во ракитовы куста,
Уж я вырежу лозу
Про свою шельму жену.
Подъезжаю-подвожу:
Ходит жена по двору
Во кумачном сарафане,
Во парчовых рукавах,
Во кокошничке-рогаче,

В коноватною фате.
«Где ты, женушка, была?»
«У попа, сударь, была,
За твое, сударь, здоровье
Рюмку водки выпила».
«Спасибо тебе, жена,
Не забыла ты меня!»
«Еще как тебя забыть,—
Не могу тебя избыть!»

101

Мимо моего садика,
Мимо моего зеленого
Пролетел чижок-пыжок,
Мой молоденький воробышок.
Молодая чечотушка,
Молодая, издогадливая,
Наперед залетела,
Чижа-пыжа изворачивала:
«Воротись, чижок-пыжок,
Мой молоденький воробышок!
Без тебя в саду глухо,
Без тебя все невесело!»

Воробей пиво варил,
Молодой, и непьяное;
Воробей гостей назвал,
Молодой, все незнаемых.
Одного гостя нет как нет,
Одного излюбимого,
Одного-то излюбимого —
Моего друга милого...
Воробей сел на цыпочки,
Заиграл на скрипочке!..

102

«Чижик, чижик, где ты был?»
«На канавке воду пил!»
«Ты зачем туда летал?»
«Я напиться захотел!»
«Пьяна, пьяна пчелочка,
Чижикова женочка!»

103

Жив-жив курилка,
Еще не умер!..
Как у нашего курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька,
Жена молоденька!

104

Марьюшка казако́вна
По́ торгу она ходила,
Си́тца-реше́тца купила,
Шла домой — растеряла,
Пришла домой — рассердилась:
Кошку реме́шкой стегала,
Старого кота — татау́ром,
А дедка — в лоб мотовилом,
Бабку — в лоб поварёнкой,
«Дедушка, не сердись-ка!
На́ пирожка — подавись-ка!
На́ молочка — захлебнись-ка!
Завтра твои именины,
Послезавтра — хоронины.
Приедут к тебе на именины,
Приедут на хоронины
Два волка седатых,
Два старика горбатых,
Две девки косматых,
Два парня без шапок!»

105

Как по первой по пороше
Двои саночки бегут;
Первы сани с козырями,
Други с вырезами.
«Приворачивай, ребята,
К Полинарьину двору!
Полинарья-душа,
Отворяй ворота!»
Полинарьюшка вставала.

Лицо бело умывала,
Воротечки отворяла,
Добра молодца встречала.
Ворона́ коня взяла,
Во конюшенку ввела,
Седелечко сняла,
В новы саночки внесла;
Добра молодца взяла,
К себе в горенку ввела.
За убраный стол садила,
Чаем, кофеем поила.
На ту пору — вот беда!
На ту пору муж на двор!
Полинарьин муж,
Он догадлив был:
Догадался да пошел,
Во конюшенку зашел.
Во конюшенку вошел —
Ворона коня нашел.
«Полинарья, это что?»
«А тебе, сударь, на что?
Я по рыночку ходила,
Ворона́ коня купила,
Я пятьсот рублей дала!»
Полинарьин муж,
Он догадлив был:
Догадался да пошел,
В новы сеночки зашел.
В новы сеночки взошел —
Тут седелечко нашел.
«Полинарья, это что?»
«А тебе, сударь, на что?
Вечо́р по́ торгу ходила,
Я седелечко купила,
Пятьдесят рублей дала!»
Полинарьин муж,
Он догадлив был:
Догадался да пошел,
В нову горенку зашел.
В нову горенку вошел —
Там молодчика нашел.
«Полинарья, это что?»
«А тебе, сударь, на что?
Вечор по́ торгу ходила,
Сиротинушку нашла.

Надо мо́лодца призреть
И обуть и одеть,
Напоить, накормить,
Со двора проводить!»

106

Мой муж домой едет,
Постылый домой едет,—
Некуда гостя дети,
Некуда схоронити!
Я гостя — в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила!

Как муж приезжает,
Он жену пытает:
«Жена моя, женка,
Жена-боярыня,
Что у тебя в лукошке
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?»

«Уж ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Черная овечка барана родила
С крутыми рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами!»

«Жена моя, женка,
Жена-барыня,
Покажи мне барана
С крутыми рогами,
С длинными ногами!»

«Да ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех не любуют!»

Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытает:

«Жена моя, женка,
Покажи мне барана
Черного, кудрява!»

«Этого барана
Я в сад относила;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого барана
Серы волки съели!»

107

Вскóчил кóзел в огород,
Всю капусту истоптал,
Кочешочки оглодал.
Возьму козла за рога,
Сведу козла на базар,
Променяю на товар —
На белы́е румяна́.
Набелюся я бела —
Белая, бравая.
На ту пору муж домой:
«Зачем, жена, белая,
Белая, бравая?»
«Муку ситом сеяла —
Лицо мукой муснила!»

Вскочил козел в огород,
Всю капусту истоптал,
Кочешочки оглодал.
Возьму козла за рога,
Сведу козла на базар,
Променяю на товар.
Куплю алы румяна.
Набелюся я ала —
Алая, румяная.
На ту пору муж домой:
«Зачем, жена, алая,
Алая, румяная?»
«Перед печкой стояла —
Тут и лицо жарила!»

Пошла в тонец,
Пошла в тонец танцевать.

Танцевала, танцевала,
Танцевала — приустала,

Приустала, ох, да приустала.
Приустала — задремала.

Задремавши, ой, да задремавши,
Задремавши, спать ложилась:

Спать ложилась ко милому,
Ко милому, ко милому,

Ко милому, на колени,
На колени, на колени,

На колени под гуслями,
Под гуслями, ой, да под гуслями.

Мил во скрипочку играет,
Ой, играет, ой, да он играет —

Меня, младу, спотешает,
Спотешает, ой, да спотешает:

«Стань, Катюша, свекор едет,
Свекор едет, ой, да свекор едет!

Свекор едет — скоро будет,
Скоро будет, ой, да скоро будет!

Скоро будет — бранить станет,
Бранить станет, ой, да бранить станет!..»

«Хошь побранит — сам устанет,
Сам устанет, ой, да сам устанет!

Поколотит — не воротит,
Не воротит, ой, да не воротит!

Хошь побьет — не убьет,
Не убьет он, ой, да не убьет он!»

109

Как у Ванюшки жена
Работящая была:
Три дня хату не топила,
Полну сору накопила —
Под белые лавочки,
Под красны окошечки!
Пойду я к дядюшке,
Попрошу лошадушки:
«Родимый мой дядюшка,
Пожалуй лошадушки:
Мне не пашню пахать,
Не дрова с лесу возить,
Из избы сор вывозить!»
«Милая племянница,
У нас так не водится —
С избы сор не возится;
У нас так ведется —
Веничком метется!
Вот шумочек на порог,
А веничек под порог!»

110

Сижу я, млада,
На печке одна,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Я мужа браню,
Прибраниваю:
«Какой ты мне муж?
Какой муженек?
Борзой кобелек!
Продай, муж, корову
С лошадушкою!
Купи, муж, саян —
Широкий подол,
Душегрейку —
Камчатненькую!
Купи, муж, кокошник,
Косой золотой,
Еще ожерелье
Жемчужненькое!

Молода снаряжуся,
К обедне пойду.
Ах, люди-то скажут:
«Чья эта така?
Чья эта така?
Купецка жена!»
Обедня отходит —
Мой милый идет;
Мой милый идет,
Саночки везет;
Саночки везет
И хомутик несет:
«Младая жена,
Впрягайся сама!
Впрягайся сама
Да в лес по дрова!»
Заехал в целик,
Наклал воз велик.
На горку он едет —
Прихлыстывает,
Под горку он едет —
Присвистывает;
Не то мне досадно,
Что воз велик,
А то мне досадно,
Что муж на возу;
Что муж на возу,
Об одном глазу!

111

Ты не стой, не стой, колодец,
Ты полон с водой,
Со холодной, ключевой.
Еще я ли молода,
Не пословлива была,
Не пословлива была —
Не послушалася:
Не пошла за водой,
За холодной, ключевой.
Еще свекор-то грозит
Да он тем да иным,
Да и сыном-то своим.
Уж я свекрову угрозу

Завяжу в узелок,
Завяжу в узелок,
Брошу на печь в уголок.
Где узел-то лежит,
Там и угол-от дрожит,
Там и угол-от дрожит,
Со трубы сажа валит!

112

«А мы просо-то сеяли, сеяли!»
«А мы просо-то вытопчем, вытопчем!»
«А мы вытоптать не дадим, не дадим!»
«А мы коней напустим, напустим!»
«А мы коней переймем, переймем!»
«А мы коней выкупим, выкупим!»
«А мы выкупить не дадим, не дадим!»
«А мы дадим сто рублей, сто рублей!»
«А нам сто рублей не надобны, не надобны!»
«А мы дадим вам тысячу, тысячу!»
«А нам тысяча не надобна, не надобна!»
«А мы дадим дедушку старого, старого!»
«А нам старого не надобно, не надобно!»
«А мы дадим бабушку старую, старую!»
«А нам бабушка не надобна, не надобна!»
«А дадим же вам девушку красную, красную, красную!»
«А нам девушки надобны, надобны!»

113

Что во городе царевна, царевна,
Что за городом царев сын, царев сын.
Что царевна царевича манила, манила.
Золотым ключам звонила, звонила:
«Отворите царевичу ворота, ворота,
Отворите царевичу другие, другие,
Отворите царевичу и третьи, и третьи!

Ты войди-ка, царев сын, во город, во город,
Поклонися, царев сын, со царевной, со царевной!
Что еще-то раз пониже, пониже,

Что еще-то раз понежнее, понежнее!
Вы возьмите за правую ручку, за ручку,
Протанцуйте, царев сын, со царевной, со царевной!

Господа ль наши бояры, бояры,
Просим милости на свадьбу, на свадьбу!
На моей-то свадьбе, на свадьбе
Много пива наварёно, наварёно,
Зеленого вина накурёно, накурёно!»

114

«Царевна-ягода, нас пусти в город, нас пусти в красён!»
«Бóяра, бóяра, вам пошто в город, вам пошто в красён?»
«Царевна-ягода, нам девиц смотреть, красавиц выбирать!»
«Бóяра, бóяра, у нас девушки недоросточки-
малоросточки, малы выросли!»
«Царевна-ягода, с-по нам выросли, с-по нам выросли!»
«Бóяра, бóяра, и даров у нас нет, и даров у нас нет!»
«Царевна-ягода, а дары-те в торгу, у торгового!»
«Бóяра, бóяра, по чему за аршин, по чему за аршин?»
«Царевна-ягода, по рублю с пятаком, по рублю с пятаком!»
«Бóяра, бóяра, эдак дорого, эдак дорого!»
«Царевна-ягода, три копейки аршин, три копейки аршин!»
«Бóяра, бóяра, у нас денёг-то нет, у нас денёг-то нет!»
«Царевна-ягода, мы вам даром дадим, мы вам даром
дадим!»
«Бóяра, бóяра, вам которая, вам которая?»
«Царевна-ягода, нам Елена-душа, Николаевна!»

115

Сидит олень под кореньями,
Сидит под дубовыми.
«А тепло ли тебе, олень,
Холодно ли, молодой?»
«Мне не так тепло,
Не так холодно!»
«Выбирай себе, олень,
Выбирай, молодой,
Коя лучше всех,
Коя вежливее!»

116

Ваня в зеркало гляделся,
Сам собою дивовался:
«Какой я хороший,
Какой я пригожий!
Рубашечка красна,
Жилеточка атласна;
Жилетка с цветами,
Жилетка с цветами,
Голова с кудрями,
Голова с кудрями,
Пожалуйте с нами!»
Молодец удалый
По горенке ходит
В зеркало глядится,
Сам себе дивится:
«Хорош уродился,
Пригож снарядился»!
Сам по полю гуляет,
Невест выбирает.

117

В огороде во саду́
Берет девка лебеду,

Она рвет и берет,
Во передничек кладет.

Во передничек кладет,
Приговаривает:

«Кого люблю, того возьму,
Кого не люблю, того не возьму,

За собой не веду,
Молодым не зову!

Кому тошно по нам,
Тот и будет с нам,

Кому не́ тошно,
Того непошто:

За собой не веду,
Молодым не зову!»

118

По горам девки гуляли,
По крутым красны гуляли,
Чеботом траву топтали,
Рукавом цветы ломали.
Мне-то батюшка наказывал:
«Ты дитя, мое дитятко,
Как старый идет — поклонись,
Молодой идет — прихоронись!»
Уж я батюшку не слушала,
Я, старый идет,— прихоронюсь,
Молодой идет — поклонюсь!

По горам девки гуляли,
По крутым красны гуляли.
Чеботом траву топтали,
Рукавом цветы ломали.
Мне-то матушка наказывала:
«Ты, дитя, мое дитятко,
Как старый идет — поклонись!
Молодой идет — прихоронись!»
Уж я матушку не слушала,
Я, старый идет,— прихоронюсь,
Молодой идет — поклонюсь!

119

Уж ты вен ли, мой веночек,
В саду розовый цветочек!
Мне куда тебя, веночек, положить?
Положу тебя, веночек,
В саду розовый цветочек,
На головку ко девице,
Ко названой ко сестрице!
Как не брат с сестрой сходилися,
Как не брат с сестрой поклонилися,
Поздоровалися и распростилися.

120

Селезень мой сиз-косатый,
Сиз-косатый, кудреватый,
Поплывай, мой селезенько,
Вниз по тиху по Дунаю!

По Дунаю спогуляю!
Поприметь, мой селезенько,
Как старушки скачут-пляшут.
«Они эдак и вот эдак!»
Поприметь, мой селезенько,
Как молодки скачут-пляшут.
«Они эдак и вот эдак:
Склавши ручки на головку!»
Поприметь, мой селезенько,
Как девицы скачут-пляшут.
«Вот эдак и вот эдак:
Склавши ручки ко сердечку!»

121

Станемте, робятушки, горошек сяти́, да!
Ты горох мой, горох,
Зеленой, молодой,
Со гороховиною горох!
Станемте, робята, горошек молотить, да!
Как бы нам, робята, горошек помолоть, да?
Станемте, робятушки, шаньги творить,
Станемте, робята, шаньги пекчи́.
Честным-то гостям — всем по шанёжке,
Молодым-то молодцам — шаньги с маслицем,
Красным-то девицам — с медом, с сахаром,
Старым-то старушкам — с пресны́м молоком!

122

В темном лесе, в темном лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
За лесью, за лесью,

Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я
Пашенку, пашенку.

Я посею, я посею,
Я посею, я посею
Лен-конопель, лен-конопель.

Уродися, уродися,
Уродися, уродися,
Лен-конопель, лен-конопель.

Тонок, долог, тонок, долог.
Тонок, долог, тонок, долог,
Бел-волокнист, бел-волокнист.

Как повадился, как повадился,
Как повадился, как повадился
Вор-воробей, вор-воробей.

В мою конопельку, в мою конопельку,
В мою конопельку, в мою конопельку
Летати, летати.

Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.

Уж я ж его, уж я ж его,
Уж я ж его, уж я ж его,
Его изловлю, его изловлю,

Крылья-перья, крылья-перья,
Крылья-перья, крылья-перья
Ему ощиплю, ему ощиплю.

Он не будет, он не станет,
Позабудет, перестанет
Летати, летати,

Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.

Как за лесом, как за лесом,
Как за лесом, как за лесом
Хижина, хижина.

Во хижине, во хижине,
Во хижине, во хижине
Вдовушка жила, вдовушка жила.

У вдовушки, у вдову́шки,
У вдовушки, у вдову́шки
Дочка Марус́я, дочка Марус́я.

Как повадился, как повадился,
Как повадился, как повадился
Молодой казак, молодой казак,

Во хижину, во хижину,
Во хижину, во хижину
Ходити, ходити.

Мою Марусе́ньку, мою молодую,
Мою Марусе́ньку, мою молодую
Любити, любити.

Уж я ж его, уж я ж его,
Уж я ж его, уж я ж его,
Его изловлю, его изловлю.

Руки-ноги, руки-ноги,
Руки-ноги, руки-ноги
Ему изломлю, ему изломлю.

Он не будет, он не станет,
Позабудет, перестанет
Ходити, ходити,

Мою Марусе́ньку, мою молодую,
Мою Марусе́ньку, мою молодую
Любити, любити.

123

По улице по той,
Ой, по широкой, мостовой,
По широкой, мостовой, шла девица за водой.
Да по широкой, мостовой
Шла девица за водой,
Да шла девица за водой, за холодной, ключевой.
Да шла девица за водой,
За холодной, ключевой,
За холодной, ключевой — за ней парень молодой.
Да за холодной, ключевой,
Ой, за ней парень молодой, —
За ней парень — точно барин, кричит: «Девица, постой!»
Да за ней парень — точно барин,
Кричит: «Девица, постой!»

Кричит: «Девица, постой, да расхороша, подожди!»
Кричит: «Девица, постой,
Ой, расхороша, подожди!
Расхороша, подожди, белы ручки подожми!
Да расхороша, подожди,
Белы ручки подожми!
Подожми ручки́ к сердечку, по́йдем вместе за водой!
Да подожми ручки́ к сердечку,
По́йдем вместе за водой!
По́йдем вместе за водой, веселее нам с тобой!
Да по́йдем вместе за водой,
Веселее нам с тобой!
Веселей идти, охо́тне, — мы скорей с тобой сойдем!
Да веселей идти, охотне, —
Мы скорей с тобой сойдем!»
«Уж ты, парень-паренёк, твой глупе́нькой разумок!
Да уж ты, парень-паренёк,
Твой глупе́нькой разумок, —
Твой глупе́нькой разумок: не кричи на весь народ!
Дак твой глупе́нькой разумок, —
Не кричи на весь народ!
Не кричи на весь народ — мой батю́шка у ворот!
Да не кричи на весь народ —
Мой батю́шка у ворот!
Мой батю́шка у ворот, зовет-ма́нит в огород.
Да мой батю́шка у ворот,
Зовёт-ма́нит в огород.
Зовет-ма́нит в огород чесноку-луку полоть.
Да зовет-манит в огород
Чесноку-луку полоть,
Чесноку-луку полоть, часты гряды поливать, —
Да чесноку-луку полоть,
Часты гряды поливать!»

124

Светит, светит месяц
Далеко, не близко —
То-то люли, то-то люли,
То-то люлюшки мои!

Далеко, не близко,
Высоко, не низко.

Как вó поле, поле
Девка просо полет,

Девка просо полет,
Белы руки колет.

Жалко мне девицы,—
Снял бы рукавицы,

Снял бы рукавицы,
Подарил бы их девице:

Пускай просо полет,
Белых рук не колет!

Зашлю к ней свата,
За себя посватать.

А поп не венчает —
За сыночка чает,

А дьякон не служит —
По девице тужит.

А дьячок-то говорит —
Сам за сына норовит;

Пономарик не поет —
Грусть-тоска его берет.

«Поедемте, братцы,
Да в лес на охоту,

Наловимте, братцы,
Разных зверков много,

Убьемте зверков, братцы,
Всем-то им по зверю:

Попу-то — куницу,
Дьякону — лисицу,

А дьячку-то бедному —
Белу горностайку,

Пономарю-то горюну —
Хоть серого зайку,

Просвирне-горюше —
Хоть заячьи уши, —

Чтоб они не мешали,
С девкой обвенчали!»

125

Вдоль по улице по Шведской
В Слободе было Немецкой
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку
Девка немцу говорила:
«Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою,
Еще третий — высо́к те́рем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова горька калина —
Таково́ житье со старцем!
...Каково житье за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житье за ровнем!»

126

Ты, береза белая,
Зелена, кудрявая!
До чего тебе стоять
В холоду, в сыром бору?
Ты, девица красная!
До чего тебе сидеть
У отца, у матери?
Не можно ль ко девице
Присвататься старому?
«Провались ты, старый черт,
От девицы, от меня!
Провались, стар, на базар,

Ты купи, стар, солоду,
Ты браженьки навари,
Свою братью созови,
Свою братью старшую,
Все слепую да дряхлую,
Напой ее пьяную!»
    Ты, береза белая,
Зелена, кудрявая!
До чего тебе стоять
В холоду, в сыром бору?
Ты, девица красная!
До чего тебе сидеть
У отца, у матери?
Не можно ль ко девице
Присвататься малому?
«Провались ты, малый шут,
От девицы, от меня!
Поди, мал, на улицу,
Ты играй с робятами,
Не с большими — с малыми!»
    Ты, береза белая,
Зелена, кудрявая!
До чего тебе стоять
В холоду, в сыром бору?
Ты, девица красная!
До чего тебе сидеть
У отца, у матери?
Не можно ль ко девице
Присвататься ровнюшке?
«Ох ты, ровня, ровнюшка,
Удала головушка,
Ох ты, сватайся, ровнюшка:
Мне дают приданого —
Коня стоялого!»

127

Во лузях, во лузях,
Еще во лузях, зеленых лузях,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,

И я с той травы выкормлю коня
Выкормлю, выкормлю
Поведу, поведу,
Поведу я коня к батюшке
«Батюшка, батюшка,
Ах ты, батюшка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старого замуж!
Старого, старого,
И я старого насмерть не люблю,
С старыим, с старыим,
Я со старыим гулять нейду!»

Во лузях, во лузях,
Еще во лузях, зеленых лузях,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
Поведу, поведу,
Поведу я коня к батюшке.
«Батюшка, батюшка,
Ах ты, батюшка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за младого замуж!
Младого, младого,
И я младого насмерть не люблю,
С младыим, с младыим,
И я с младыим гулять нейду!»

Во лузях, во лузях,
Еще во лузях, зеленых лузях,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,

Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
Поведу, поведу,
Поведу я коня к батюшке.
«Батюшка, батюшка,
Ах ты, батюшка родной мой!
Ты прими, ты прими
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое!
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замуж!
Ровню я, ровню я,
Уж я ровню душой люблю,
С ровней я, с ровней я,
Уж я с ровней гулять пойду!»

128

Я по реченьке ходила, гуляла́,
Белу рыбку ловила не одна.
Что увидели ребятушки,
Насказали моей матушке.
Моя матушка не ли́ха, не добра́ —
Призаставила капустку полоть,
Приневолила рассаду поливать.
Я полю, полю — не полется,
Поливать идти не хочется,
Перемены младе хочется!
Присватался из-за́ лесу старик,
Посулил мне изюму четверик.
Мне изюму, младе, хочется,
За стара́ идти не хочется!
Я изюму-то приму, приму, приму,
За него замуж нейду, нейду, нейду!

129

Шили девицы ковер,
Шили-вышивали.
Вышиваючи ковер,
Сами говорили:

«Что кому этот ковер
Достается?..
Доставаючись ковер
Стару мужу,
Стару мужу,
Негодяю.
Я для старого мужа
Ковер поубавлю,
Я со всех-то сторон
По узору,
Шито-браному узору,
Узору золотому.
Спойду, млада, по Дунаю
Схожу, погуляю,
Зайду, млада, во беседу,
Во беседу.
Во беседе сидит старый,
Старый, неудалый,
На коленях держит гусли,
Гусли дощаные.
По гуслям бежали струны,
Струны костяные,
У меня-то, у младеньки,
Сердце испугалось».

Шили девицы ковер,
Шили-вышивали.
Вышиваючи ковер,
Сами говорили:
«Что кому этот ковер
Достается?..
Доставаючись ковер
Ровне мужу.
Я ровнюше мужу
Ковра принаставлю,
Я со всех-то сторон
По узору,
Шито-браному узору,
Узору золотому.
Спойду, млада, по Дунаю,
Схожу, погуляю,
Зайду, млада, во беседу,
Во беседу.
Во беседе сидит ровня,
Ровня молодая.

На коленях держит гусли,
Гусли звончатые.
По гуслям бежали струны,
Струны золотые,
У меня-то, у младеньки,
Сердце зрадовалось!»

130

Сеня-Косеня,
Не бегай по сеням,
Не топай ногой,
Не качай головой,—
Мне не быть за тобой!
Мне не надо с бородой,—
Надо парень молодой,
Надо дудошника,
Балалаешника!

131

Как со вечера у нас
Комары жужжали,
Со полуночи у нас
Мать дочерь будила:
«Ты вставай, дочерь, ранее,
Вставай поскорее».
Еще дочи-то вставала,
Белы полстни стлала.
Как на этих белых полстнях
Кто будет жениться?
Будет старому жениться —
Головней катиться!
Будет малому жениться —
Обручем катиться!
Будет ровнюшке жениться —
Яблочком катиться!

132

Шила-вышивала
Тонки белы рукава;
Вышила рукавчика —
Ко батюшку пошла.
«Батюшка-сударь!

Ты подумай, погадай:
Замуж ли идти,
Во вдовах ли мне сидеть?»
«Дитятко, дитя,
Чадо мило дочь моя!
Замуж не ходи
И во вдовах не сиди:
Пойди, дитя милое,
В девичий монастырь!»
«Батюшка-суда́рь!
Я черничка молода́ —
Келью раскачу,
Монастырь весь разорю;
Старых старушек
Вон повы́гоняю,
Молодых молодушек
Пона́пущаю,
Посиденки соберу
И веселье заведу...»

Сватов посылает
Ко вдовушке жених —
Богатый дворянин.
Хвастал он, нахвастывал
Богачеством своим:
«Есть у меня, вдовушка,
Пятьсот душ крестьян».
Думаю, подумаю,—
За этого нейду!

Сватался, посватался
Ко вдовушке жених —
Из Питера купец.
Хвастал он, нахвастывал
Богачеством своим:
«Есть у меня, вдовушка,
Пятьсот кораблей».
Думаю, подумаю,—
За этого нейду!

Сватался, посватался
Ко вдовушке жених —
С дороги скоморох,
Хвастал он нахвастывал
Богачеством своим:

«Есть у меня вдовушка,
Волынка да гудок».
Думаю, подумаю,—
За этого пойду!
Сытá ли, не сытá ли —
Всегда веселá,
Пьянá ли, не пьянá ли —
Всегда плясея́!

133

Захотела меня мать
За Ивана отдать,—
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Ивана в саду яма,
Завсегда я буду тамо!»

Захотела меня мать
За Степана отдать,—
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Степана три стакана,
Завсегда я буду пьяна!»

Захотела меня мать
За Филиппа отдать,—
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
У Филиппа в саду липа,
Завсегда я буду бита!»

Захотела меня мать
За кошатника отдать,—
«Нейду, нейду, маменька,
Нейду, не подумаю:
Кошатник кошек драть,
А мне ножки держать!»

Захотела меня мать
За боярина отдать,—
«Нейду, нейду маменька,
Нейду, не подумаю:
Как боярин крестьян бить,
А мне милости просить!»

Захотела меня мать
За писаря отдать,—
«Иду, иду, маменька,
Иду и подумаю:
Как писарь писать,
А мне деньги считать!»

134

Разливалось сине море широко,
Ох, разыгралась щука-рыба глубоко,
Разыгралась щука-рыба глубоко.
Ох, подловчилися под рыбицу ловцы,
Подловчилися под рыбицу ловцы,—
Ох, вы ловцы-ловцы, уда́лы молодцы,
Вы ловцы-ловцы, уда́лы молодцы.
Стали рыбицу вылавливати,
Ох, на сухой берéг выбрасывати,
На сухой берéг выбрасывати,
Ох, стали рыбицу выспрашивати,
Стали рыбицу выспрашивати:
«Хорошо ли, щука-рыба, без воды?»
Ох, хорошо ли те, мальчишка, без жены,
Хорошо ли те, мальчишка, без жены?
Без жены-жены молоденькой,
Без молоденькой-хорошенькой?..
У молоденькой сердечушко болит:
Негодяйка под окошечком стоит.
Негодяйка парня высушила,
Ох, без морозу сердце вызнобила,
Без морозу сердце вызнобила,—
Ох, без морозу, без осеннего дождя,
Без морозу, без осеннего дождя!

135

Перевоз Дуня держала́, держала́, держала́.
Перевозчика наняла, наняла, наняла!
В роще калина, тёмно — не видно,
Соловушки не поют!
Пришла к Дуне матушка, матушка, матушка:
«Перевези меня, Дунюшка, Дунюшка, Дунюшка!»

«А я тебя, матушка, не ждала, не ждала, не ждала,
Перевозчика угнала, угнала, угнала!»
Пришел к Дуне батюшка, батюшка, батюшка:
«Перевези меня, Дунюшка, Дунюшка, Дунюшка!»
«А я тебя, батюшка, не ждала, не ждала, не ждала,
Перевозчика угнала, угнала, угнала!»
Пришел к Дуне милый друг, милый друг, милый друг:
«Перевези меня, Дунюшка, в зелен луг, в зелен луг, в зелен луг!»
«А я тебя, милый друг, все ждала, все ждала, все ждала,
Перевозчика наняла, наняла, наняла!»
В роще калина, все стало видно,
Соловушки все поют!

136

Как у нас было на улице,
У нас на широкой:

Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались.

Одна девка лучше всех,
На ней лента шире всех.

Девка парню говорила
И всю правду объявила:

«Послушай-ка, мой милóй,
Сердце-радость дорогой,

Мой батюшка не лихой,
Тебе будет не чужой!»

137

Как по морю, морю синему
Плыла лебедь с лебедятами.
Плывши, лебедь окунулася,
Окунувшись, встрепенулася.
Под ней море всколебалося.
Над ней вился млад ясен сокол:
«Убью лебедь с лебедятами:
Я кровь пущу по синю морю,

Я пух пущу по поднебесью,
Я перышки по подбережью».
Кому будет это перьице сбирать?
Негде взялась красна девица душа.
Брала перье, приговаривала:
«Я батюшке во подушечку,
А матушке во зголовьице,
Милу дружку во перинушку!»
Негде взялся удал молодец.
«Божья помочь, красна девица-душа,
Спесивая и горделивая моя,
Несклончива-непоклончивая!
Молчи, дев⟨у⟩шка, воспокаешься!
Зашлю свата, высватаю за себя,
Станешь, дев⟨у⟩шка, у кроватушки стоять,
Еще станешь горючи слезы ронять,
Еще станешь резвы ноженьки знобить».
«Я думала, что не ты, милой, идешь,
Не ты идешь, не ты кланяешься».
Склонилась, поклонилася,
Поклонилась, поздоровалася.

138

Во саму́ю во полно́чь
У купца пропала дочь.
Купец дочери хватился,
По всем улицам разился,
Все улочки испрошел,
Своей дочки не нашел.
Ко племянничкам зашел:
«Вы, племяннички родные,
Потужите обо мне,
Об несчастной голове!»
«Не тужи-ка, дяденька,
Не пропала Катенька.
В окошечко принята,
По гуслями ведена́,
Во коляску сажена,
Во шестерку везена.
Во Петровском во селе
Стоит церковь на горе,
Тут венчалися оне!»

139

По Немецкой по улице, по Немецкой
по широкой
Ходил гулял молодой немчин,
Ходил гулял молодой немчин;
За собою ведет немочку
Он за правую за ручоньку.
«Молодая моя немочка,
Ты ужли ли, ты ужли ли ты моя?»
«Нет, я, сударь, не твоя, не твоя,
Нет, я, сударь, не твоя, не твоя!
Воля, воля, воля — батюшкина,
Нега, нега, нега — матушкина!»

140

«Конопля, конопля зеленая моя!
Что ж ты, конопля, невесело стоишь?»
«Ах, как мне, конопле, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперек меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюют!»
«Девка ты, девушка, девушка красная!
Что же ты, девушка, невесело сидишь?»
«Ах, как мне, девушке, веселенькой быть?
Мой батюшка хочет замуж меня отдать,
А мачеха хочет в черницы постричь!
Мой батюшка пошел бояр собирать,
А мачеха пошла за игуменьею.
Скрипнули ворота растворчатые,
Брехнула собака борзая на цепи,—
Мне чало — батюшка с боярами,
Ажно — моя мачеха с игуменьею».
«Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу!»
«Пусти меня, матушка, на Дон погулять,
Белильца, румяна с лица посмывать!»
«Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатым рукавом!»

141

На угорышке часовенка стоя́ла,
Да стояла, стояла, стоя́ла.
Через реченьку черемушка лежала,
Да лежала, лежала, лежа́ла.
Что никто по той черемушке не про́йдет,
Да не про́йдет, не про́йдет, не про́йдет.
Две ягодки переходят,
Переходят, переходят, переходят.
Две наливные переходят,
Переходят, переходят, переходят.
Еще Федор Катерину переводит,
Переводит, переводит, переводит:
«Уж ты, Катенька, не свалися,
Не свалися, не свалися, не свалися!
За сибирочку задержися,
Задержися, задержися, задержися!»
Чтобы Катенька не упала,
Не упала, не упала, не упала,
Она к Федору в се́мью попала,
Да попала, попала, попала!
Что во эту семью́ торовату,
Торовату, торовату, торовату,
Во природушку вожевату,
Вожевату, вожевату, вожевату!

142

Летел сокол высоко да высоко,
Ронял перье золотое, золотое.
Я перышко подниму и подниму,
Грамоточку напишу и напишу,
Ко батюшке отошлю и отошлю.
Велит ли мне батюшка
Скакать, плясать, тешиться?
«Скачи, пляши, дитятко,
Скачи, пляши, милое,
Доколь старость не пришла,
Доколь младость не ушла!»

Летел сокол высоко да высоко,
Ронял перье золотое, золотое,
Я перышко подниму и подниму,
Грамоточку напишу и напишу,

Ко матушке отошлю и отошлю.
Велит ли мне матушка
Скакать, плясать, тешиться?
«Скачи, пляши, дитятко,
Скачи, пляши, милое,
Доколь старость не пришла,
Доколь младость не ушла!»

143

Винной мой колодезь,
Винной мой глубокой,
А что в тебе воды нет?
«Конь воду выпивал,
Копытами выбивал!»
Нашего Ивана
Дома не случилось,
Поехал наш Иван
В Казань-город погулять.
Приехал наш Иван
Из Казани-города́,
Привез наш Иван
Казанскую умницу.
«Казанская умница,
Стели ты постелюшку!»

Винной мой колодезь,
Винной мой глубокой,
А что в тебе воды нет?
«Конь воду выпивал,
Копытами выбивал!»
Нашего Ивана
Дома не случилось,
Поехал наш Иван
В Каширу погулять.
Приехал наш Иван
Из Каширы-города́,
Привез наш Иван
Каширскую умницу.
«Каширская умница,
Клади изголовьице!»

Винной наш колодезь,
Винной наш глубокой,
А что в тебе воды нет?

«Конь воду выпивая,
Копытами выбивал!»
Нашего Ивана
Дома не случилось,
Поехал наш Иван
В Москву-город погулять.
Привез наш Иван
Московскую умницу.
«Московская умница,
Ложись со мной спать!»

144

Как за церковью за немецкою,
Добрый молодец богу молится:
«Как не дай боже хорошу жену,—
Хо⟨рошу⟩ ж⟨ену⟩ в честной пир зовут,
Меня, молодца, не примолвили[1];
Мол⟨оду⟩ ж⟨ену⟩ — в новы саночки,
Меня, молодца,— на запяточки;
Мол⟨оду⟩ жену — на широкий двор,
Меня, молодца,— за воротички».

145

Зеленáя роща
Всю ночь прошумела,
А я, молодéнька,
Всю ночь просидела,
Сидела да пря́ла.
Меня в гости звали,
Звали, посылали
К суседу в беседу
Пива, меда пити,
Зеленá вина курити.
Приезжали трое
На ворóных кóнях,
В дорогих уборах:
Шапочка с углами,
Мóлодцы с кудрями.
Мой милóй хороший —

---

[1] Пригласить. *(Примеч. А. С. Пушкина.)*

Белый, кудреватый,
Холост, неженатый!
Он к коню подходит —
Конь-от виноходит!
На́ коня садится —
Конь под ним бодрится!
Плеточкою машет —
Конь-от под ним пляшет!
Плеточкой щелка́ет —
Конь под ним играет!
К саду подъезжает —
Садик зеленяет!

146

Трава-травушка,
Трава моя ковыль!
Ой ляй, ой ляй,
Ой ляли, али-али!
Во той траве колодезь,
Во колодезе водица.

Там мылася девица,
Офицер коня поил.

Все молитовку творил,
С девкой речи говорил:

«Ай, девушка красная,
Головушка гладкая!

Коса расплетенная,
За́муж сговоренная,—

Не быть девке за младым,
А быть девке за стары́м!»

«Я старому угожу —
Постелюшку постелю,

Постелюшку мягкую:
В три ряда поленья,

Во четвертый — кирпичей,
В головушку чурочки,

⟨В головушку чурочки,⟩
Одеяло — борона,

Лежи, мой друг, не дрожи,
Боронушки не свали:

Боронушка свалится —
Головушка скатится!»

147

Во поле береза стояла,
Лёй-ли-лёй, стояла!
Во поле кудрявая стояла.
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заломаю;
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку;
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,
Стану я старого будити:
«Встань ты, мой старый, проснися,
Борода седая, пробудися!
Вот тебе помои, умойся!
Вот тебе рогожа, утрися!
Вот тебе лопата, помолися!
Вот тебе борона, расчешися!
Вот тебе лапотки, обуйся!
Вот тебе шубенка, оденься!»

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я ж пойду погуляю,
Белую березу заломаю;
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку;
Пойду на новые на сени,
Стану в балалаечку играти,

Стану я милого будити:
«Встань ты, мой милый, проснися!
Ты, душа моя, пробудися!
Вот тебе водица, умойся!
Вот полотенце, утрися!
Вот тебе икона, помолися!
Вот гребешок, расчешися!
Вот тебе башмачки, обуйся!
Вот тебе кафтанчик, оденься!»

148

Ах, муж жену любил —
Щепетненько водил:
По морозу нагишом,
По крапиве босиком!
Ах, жена мужа любила —
Щепетней того водила:
В тюрьме место откупила,
В тюрьме место откупила —
Пятьдесят рублев дала.
«Ах, вот тебе, муженек,
Вековечный уголок:
Не толки, не мели —
Только руку протяни
Да Христа вспомяни,
Да Христа вспомяни,
И готовое прими!»

149

У меня квашня
По избе прошла.
Ну да, ну да, ну да, ну —
По избе прошла!

По избе прошла —
До дверей дошла.

До дверей дошла —
Двери выставила.

Двери выставила —
Избу выстудила!

А веселочко по сеничкам
Похаживает,

Петух на шестке
Наговаривает,

Что ушла наша хозяйка
Вдоль по улице гулять,

Вдоль по улице пошла
Воробеюшку искать.

Нашла воробья
В огороде в коробье.

Сварила воробья
Во семи горшках,

Во семи горшках,
В семи латочках,

В семи латочках —
Черепенничках!

Поставила воробья
На передний стол.

«Маремьяна-попадья,
Ты покушай воробья!»

«Я не кушаю, не рушаю,
И не ем, не хочу,

Я не ем, не хочу,—
Понедельничаю!

Понедельничаю,
Да пуще модничаю!»

150

Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
Сквозь стеколушко на милого гляжу:
Мой милый друг и хорош, и пригож.

Душа моя, чернобров, черноглаз!
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к золотому перстеньку:
Золот перстень — на руке, на руке,
Мой милый друг — на уме, на уме!

Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
Сквозь стеколушко на милого гляжу:
Мой милый друг и хорош, и пригож,
Душа моя, чернобров, черноглаз!
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к жемчугу, к жемчугу:
Жемчуг — товар весовой, весовой,
Мой милый друг — часовой, часовой!

Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
Сквозь стеколушко на милого гляжу:
Мой милый друг и хорош, и пригож,
Душа моя, чернобров, черноглаз!
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к соколу́, к соколу́:
Сокол — птица вольная, вольная,
А я, млада,— горькая, горькая!

151

Что по сеням, сеням-сеничкам, да,
По частым переходинам, да,
Уж я ходила-гуляла, да,
Молодая боярыня, да,
Уже я ходила-будила, да,
Молодого боярина, да:
«Уж ты стань, пробудися, сударь, да,
Оторвался твой добрый конь, да,
От столба, столба точеного, да,
От колечушка серебряного, да,
От другого — позолоченного, да!»
Он вскочил, вскочил в зеленый сад, да,
Весь повытоптал зеленый сад, да,
Он со калиной, со малиной, да,
С черной ягодой смородиной, да!
«Не тужи-ко, моя умная, да,
Не тужи, моя разумная, да,—
Наживем с тобой зеленый сад, да,
С черной ягодой смородиной!»

152

Детина, детина,
Детинушка мой,
    Ой лели-лели, лели да ляли,
    Детинушка мой!
Бело́й, румяно́й,
Не стой ты со мной,
Со мной, молодой,
С казацкой женой!
А то люди скажут,
Что любишь меня,
Целуешь меня,
Целуешь-милуешь,
Надежей зовешь!

153

По улице дождик,
По широкой частый,—
    Ай лю́ли-лю́ли,
    По широкой частый!
По этому до́ждю
Брат сестрицу водит,

Брат сестрицу водит,
По голове дрочит:

«Ты расти, сестрица,
Ты расти большая!

Отдам те́бя замуж
Ни близко, ни далече,

Ни близко, ни далече—
За Москву три вёрсты.

Куда ни поеду —
К се́стрице заеду,

К се́стрице заеду,
Спрошу про здоровье:

«Здо́рова ль, сестрица,
Здо́рова ль, родная?»

«Родимый мой братец,
Плохое здоровье!

Плохое здоровье —
Четыре досады,

Четыре досады,
Пятая кручина.

Первая досада —
Свекор журливый

Другая досада —
Свекровка хлопочет.

Третия досада —
Деверь-насмешник.

Четвертая досада —
Золовка смущает.

Пятая кручина —
Муж меня не любит.

Родимый мой братец,
Здесь я жить не буду.

Здесь я жить не буду —
С тобою поеду!»

«Поживи, сестрица,
Поживи, родная!

Свекор журливый
Скоро в землю пóйдет.

Свекровка хлопочет —
Не худого хочет.

Деверь-насмешник
Сам с людей вóзьмет.

Золовка смущает —
Сама в люди пóйдет.

А муж тебя не любит —
И другой не во́зьмет,

И другой не во́зьмет —
Тебя прочь не отгонит.

Поживи, сестрица,
Поживи, родная!»

„Родимый мой братец,
Долго ты не ехал.

Долго ты не ехал,
Повек бы жисти не был!“»

154

Вдоль по улице репей, вдоль по ши́рокой репей,
Ой диди, мой репей, ой лада, молодой!
Репей стелется, свекровь сердится...
Не бывать репью вровень с тынником —
Не бывать свекру против батюшки!
Не бывать репью вровень с тынником —
Не бывать-то свекрови против матушки!

155

В ворот сосна
Всколыхалася.

Дочка к матери
Собиралася —

Тремя мылами
Умывалася,

Тремя ширинками
Утиралася.

Первое мылечко —
Московское,

Второе мылечко —
Мыло турецкое,

Третье мылечко —
Мыло литовское.

От московского —
Личико белое.

От турецкого —
Щечушки красные.

От литовского —
Очушки ясные.

Да пока умывалася —
Зима скрылася.

Да пока утиралася —
Снеги потаяли.

Да пока собиралася —
Реки разлилися.

156

Я по улице ходила,
Я полынь-траву ломила,
Животинушку сбирала,
А я с вечера да до кур,
А с частых кур — до свету.
Я гоню, млада, ко двору́,
А свекор ходит по двору.
«Отворяй, свекор, ворота,
Успущай своего живота!»
«Ты невестушка-ластушка,
Назови свекра батюшкой!»
«Я заборинку разберу,
Всю по бревнушку размечу,
Животинушку успущу —
Свекра батюшкой не назову!»

157

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
«Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новыим погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
«Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Мил-любезный по сеничкам похаживает,
Легохонько, тихохонько поговаривает:

«Спи, спи, спи ты, моя умница,
Спи, спи, спи ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдана».

158

Зыбко зыбни, да,
Зыбко зыбни, эх,
Зыбко зыбни по новым сеням,
Зыбко зыбни по новым сеням!

Все я доски, да,
Все я доски, эх,

Все я доски переступала,
Все я доски переступала,

На одну доску, да,
На одну доску, эх,
На одну доску я не вставала,
На одну доску я не вставала:

На этой доске, да,
На этой доске, эх,
На этой доске свекровка спит,
На этой доске свекровка спит,

Свекровка спит, да,
Свекровка спит, эх,
Свекровка спит лиходейка,
Свекровка спит лиходейка!

Кабы знала я, да,
Кабы знала я, эх,
Кабы знала, накидала бы,
Кабы знала, накидала бы,

Накидала бы, да,
Накидала бы, эх,
Накидала бы поленьев,
Накидала бы поленьев!

На поленья, да,
На поленья, эх,
На поленья бы каменьев,
На поленья бы каменьев,—

Чтобы встряхивало, да,
Чтобы встряхивало, эх,
Чтобы встряхивало-потетенькивало,
Чтобы встряхивало-потетенькивало!

Чтобы крепче спать, да,
Чтобы крепче спать, эх,
Чтобы крепче спать, веселей вставать,
Чтобы крепче спать, веселей вставать!

159

Дрема дремлет, спати хочет,
Тебя, Дрема, свекор кличет!
«А я дары, а я дары не напряла,
Шелковые продремала!»

Дрема дремлет, спати хочет.
Тебя, Дрема, свекровь кличет!
«А я дары не напряла,
Шелковые продремала!»

Дрема дремлет, спати хочет.
Тебя, Дрема, муж кличет!
«А я дары все напряла,
Шелковые все напряла!»

160

Парашенька пашенку пахала,
Широкие борозды метала,
Белую капустку садила,
Она садила — говорила:

«Родись, моя белая капустка,
Родись бела, кочениста,
Листом лопушиста!»

Со вечера тучи заходили,
С полночи дождь поливает —
Белый свет градом усыпает,
⟨И⟩грать девок на улицу не пускает.

«Ох, тетки, молодки,
Не любите мово мужа,
Не любите мово мужа —
Нету в свете его хуже!»

«Да и черт с тобою,—
Подцепи его себе на шею,
Волочи за собою!»

«Уж и я ж его волочила —
Аж шея моя заболела,
Как котел посинела!»

161

Сею, вею бел леночек,
Уродись, мой бел леночек,
Тонок, долог, лен ленистый,
Лен ленистый, волокнистый.
К шитью ниткой шелковою!
Стал леночек поспевати,
Я, младенька,— горевати:
С кем мне, мати, лен-от рвати?
Свекор молвит: «Я с тобою,
Я с тобою, со снохою,
Со снохою, с молодою!»
Черт, не рванье — гореванье!

Сею, сею бел леночек.
Уродись, мой бел леночек,
Тонок, долог, лен ленистый,
Лен ленистый, волокнистый,
К шитью ниткой шелковою!
Стал леночек поспевати,
Я, младенька,— горевати:
С кем мне, мати, лен-от рвати?
Ладо молвит: «Я с тобою,
Я с тобою, со женою,
Со женою молодою!»
То-то рванье — милованье!

162

Ах, улица, улица широкая!
Травочка-муравочка зеленая!
    Ай, люли, люли, люли,
    Травочка-муравочка зеленая!
Отдал меня батюшка в замужество
За того ль детинку за Яшуточку.
Яшуточка мал да невеличенек,
Сызмаленька глуп он да ленивенек,
Сызмаленька глуп он да ленивенек,
К тому ж, на беду мою, ревнивенек.
Как поеду ль в город во Каширу я,
Как возьму ль с собой в город Яшуточку —
Променяю Яшуточку на шубочку,
Я возьму в придачу хоть калач, млада!

Как взойду ль, взойду на сени новые,
Заиграю ль я, млада, во скрыпочку,
Покачу бубенчиком я по полу,
Своего Яшутку вспоминаючи!

163

Вы белилицы, румянцы мои!
Сокатайтесь со бела лица долой:
Едет, едет мой ревнивый муж домой,
Везет, везет мне подарок дорогой —
Хочет, хочет меня, молоду, побить,
Я не знаю, я не ведаю, за что,
За какую за провинность за мою!..
А и только ⟨и⟩ провинности моей —
У соседа на беседе пробыла,
Холостому стакан меду поднесла,
А женатому — рюмочку винца.
Холостой стакан меду выпивал —
Ко стакану белы руки прижимал...

164

На улице то дождь, то снег,—
    Вью-вью, то дождь, то снег!
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-метелица —
Крутит-мутит, в глаза несет...
Меня, младу, свекор кличет.
Для свекрушка, для батюшки,
Сама с места не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся!

На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-метелица —
Крутит-мутит, в глаза несет...
Меня, младу, свекровь кличет.
Для свекрови, для матушки,
Сама с места не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся!

На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-метелица —
Крутит-мутит, в глаза несет...
Меня, младу, мил друг кличет.
Для милого для дружочка
Иду-иду скорешенько,
Скорешенько, торопнешенько,—
Вью-вью, торопнешенько!

165

Ходила калина,
Ходила малина —
Ка́лина, ма́лина!

Ходила малина
Тихими шагами,

Тихими шагами,
Крутыми берегами.

Кликали калину
Во пять голосочков.

Первый же голос —
Да свекорко кличет,

Да свекорко кличет,
Работы пытает.

А я к свекру —
С мягким калачами,

С мягким калачами,
С сладкою сытою!

А второй же голос —
Свекровушка кличет,

Свекровушка кличет,
Работы пытает.

А я ко свекрови —
С белым кужелечком!

Третий же голос —
Золовушки кличут,

Золовушки кличут,
Да чесаться хочут.

А я ко золовкам —
С частым гребешочком,

С частым гре́бешочком,
С шелковым уплеточком!

А четвертый голос —
Деве́рьюшки кличут,

Деверьюшки кличут,
Да гуляти хочут.

А я ко деве́рьям —
С красною девицей,

С красною девицей,
С веселой музы́кой!

Пятый же голос —
Мило ладо кличет.

Мило ладо кличет —
Да спатиньки хочет.

А я к милой лады —
С пуховой по́душкой.

С пуховой подушкой,
С крутым изголо́вьем.

С крепким обниманьем,
С сладким целованьем!

166

Подойду, подойду
Под бел город,
Под бел город,

Город каменный.
Прошибу, прошибу
Копьем стену,
Копьем стену,
Стену каменну.
Уведу, уведу
Я у маменьки коровушку,
У родимые любимую.
Подарю, подарю
Я лютой-то свекровке.
Скажет ли, скажет ли
Лютая свекровка:
«Бог нам дал,
Бог нам дал
Такую невестушку,
Такую голубушку,
Счастливую
Да таланливую,
Ласковую
Да приветливую».

Подойду, подойду
Под нов город каменный,
Под нов город каменный.
Расшибу, расшибу
Копьем стену каменну.
Заварю, заварю
Я по свекре кашицу.
Положу, положу
Комарину голову.
Посмотрю, посмотрю,
Наварна ли кашица.
Каюся, каюся,
Что много положила!

Подойду, подойду
Под нов город каменный,
Под нов город каменный.
Расшибу, расшибу
Копьем стену каменну.
Заварю, заварю
Про свекровну кашицу.
Положу, положу
Комарины крылышки.
Посмотрю, посмотрю,

Наварна ли кашица.
Каюся, каюся,
Что много положила!

Подойду, подойду
Под нов город каменный,
Под нов город каменный.
Расшибу, расшибу
Копьем стену каменну.
Заварю, заварю
Про золовку кашицу.
Положу, положу
Комарины ноженьки.
Посмотрю, посмотрю,
Наварна ли кашица.
Каюся, каюся,
Что много положила!

Подойду, подойду!
Под нов город каменный,
Под нов город каменный.
Расшибу, расшибу
Копьем стену каменну.
Заварю, заварю
Я про ладу кашицу.
Положу, положу
Всего гуся-лебедя.
Посмотрю, посмотрю,
Много ли положила.
Каюся, каюся,
Что мало положила,
Что мало положила!

167

Подойду, подойду,
Во царь-город подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьем стену вышибу!
Вынесу, вынесу,
Золот венец вынесу,
Подарю, подарю
Лютую свекровушку,

Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы!

...Подарю, подарю
Лютого я свекора,
Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы!

...Выведу, выведу,
Добра коня выведу,
Подарю, подарю
Лютого я деверя,
Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы!

...Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу,
Подарю, подарю
Лютую золовушку,
Чтоб они, чтоб они
Добры были, ласковы!

168

По Дунаю погуляю,
Зайду в тихую беседу.
Во беседе сидит старый,
Сидит старый, неудалый,
На коленях держит гусли,
Держит гусли дощаные,
На их струны возжаные.
Старый в гусли заиграет —
Мое сердце замирает.

По Дунаю погуляю,
Зайду в тихую беседу.
Во беседе сидит ро́вня,
Сидит ро́внюшка удалой.
На коленях держит гусли,
Держит гусли звончаты́е,
На их струны золотые.
Ровня в гусли заиграет —
Мое сердце загуляет!

169

Ты пчела ли моя, пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая!
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы нянюшки, вы мамушки мои,
Вы подите в чисто поле гулять,
Ко крестьянину на пашенку!
Вы возьмите часту борону,
Расчешите седу бороду,
Что его-то стару голову,
У моего у стара́ мужа,
У моего у постылого!
Он не садит на коленочки меня,
Не обнимает своей правою рукой,
Не целует во сахарные уста!

Ты пчела ли моя, пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая!
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы нянюшки, вы мамушки,
Вы подите во зеленый сад гулять!
Вы возьмите частый рыбий гребешок,
Расчешите младу голову,
Что его-то кудри черные,
Моего ли друга милого!
Он посадит на коленочки меня,
Он обоймет своей правою рукой,
Поцелует во сахарные уста!

170

Выходили красны девицы-души́,
Выносили соловейка на руках.
Соловеюшка рассвищется —
Красны девушки разыграются.
«Поиграйте, красны девушки-души́,
Во своей воле у батюшки,
У родимой у матушки.
Не равно вам взамуж выйдется,
И не ровен муж подвернется:
Либо старое одушливое,

Либо мало непотужливое,
Либо пьяница — кабацкий сын:
Во кабак идет — шатается,
С кабака идет — валяется,
Надо мной младой чухарится,
Заставляет раздевать, разболокать,
Часты пуговки расстегивать!»
«Я не буду раздевать, разболокать,
Часты пуговки расстегивать!»
Вот пошел же он на нову клеть,
И принес же он ременну плеть,
Эта плеточка семи хвостов:
Где не стегнет — тут и семь рубцов,
Во вторы стегнет — четырнадцать!
Жена мужу покорилася,
Согласилась раздевать, разболокать.

171

В понедельник я банюшку топила,
Во вторник я париться ходила,
Уж я середу с угару пролежала,
В четверг я головушку чесала.
Еще в пятницу люди-то не робят,
В субботу-то родителям поминок,
В воскресенье на веселье прогуляла.
В понедельник ранешенько вставала,
Три я ниточки тонешенько напряла.
Подходила ко милому, показала.
«Не пряди, моя милая, не старайся,
На печи нагишом-то валяйся,
Еще будет же вёснушка кра́сна,
Еще вырастет зеленая лопушка,
Сошьем сарафанчик-раздуванчик.
Не ходи, моя милая, мимо саду,
Еще выскочат немецкие козы —
Съедят сарафанчик-раздуванчик,
Ты останешься, милая, нагая!»

172

Жи́ла-бы́ла Дуня,
Дуня-тонкопряха.
Ва́ли, ва́ли, Дуня,
Дуня-то́нкопряха!

Пряла наша Дуня
Ни толсто, ни тонко,
Ни толсто, ни тонко —
Потолще каната,
Потолще каната,
Потоньше оглобли!
Стала наша Дуня
Холсточек сновати.
Сновала, сновала —
Колья поломала!
Стала наша Дуня
Холосточки ткати.
Семь сел проходила —
Берда не добыла.
В огороде ткала —
Колом прибивала!
Ехали бояре,
«Бог помощь,— сказали,—
Бог помощь,— сказали,—
Рогоженьку ткати!»
«Брешет ваша рожа,
Это не рогожа,
Это не рогожа —
Тонкая холстина!»
Стала наша Дуня
Рубашонку кра́ить:
Долотом примерит,
Обухом ударит!
Стала наша Дуня
Рубашонку шити:
Буравлем прокрутит,
Бечевкой протянет!
Стали нашей Дуне
Рубашку надевати:
Семеро держали,
Девять надевали!
Семь годов носила —
Смены не просила
Смены не просила,
В баню не ходила!

173

Пошла наша Дуня
В рыночек гуляти,

В рыночек гуляти,
Кудели закупати.
Три пуда купила —
Денег не платила.
Стала наша Дуня
Куделюшку прясти.
Три года пряла —
Три нитки напряла:
Пряжа не прядется —
То́нка нитка рвётся.
То́нка не то́нка —
Потоньше полена,
Потолще колена.
Стала наша Дуня
Свою пряжу ткати.
Стала наша Дуня
Бёрдочка искати.
Село обежала —
Бёрда не сыскала;
В огород вдевала,
Жердью притыкала.
Стала наша Дуня
Кончики белити:
Снеги все сгонила —
Конца не смочила.
В воду — колами,
Из воды — конями.
Кони-то тащили —
Мост обломили,
Миру досадили.
Стала наша Дуня
Портно-то мыти.
В эту саму пору
Ехал барин с поля.
«Бог на помочь, Дуня,
Рогожу мочити!»
«Красная ты рожа,
Это не рогожа!
Это не рогожа —
Тонкие полотна!
Катины дарочки
Мужу на штаночки!»
Стала наша Дуня
Рубашку кроити:
Топором наставит —

Молотом ударит.
Стала наша Дуня
Рубашку-то шити:
Напольем провéрнет —
Канатом продéрнет.
Стала наша Дуня
Рубашку вздевати:
Семеро держали,
Трое надевали.
Три года носила,
Смены не просила!

174

Ах, теща к обедне идет,
Молодая к обедне идет;
На ней юбочка вишневая,
Епанечка коришневая;
На ней шапочка аленькая,
Башмачки-то пукетовые.
Как навстречу ей зять молодой,
Как навстречу зять дорогой.
Ах, чем мне зятя дарить?
Подарю ли зятюшку
Черна соболя на муфточку.
Ах, зять на меня не смотрит,
Ах, зять мне не кланяется!
Подарю я зятюшку селом,
Еще тысячу с рублем.
Ах, зять на меня посмотрел,
Ах, зять мне кланяется:
«Ты иди, иди ко мне, матушка, жить!
У меня дельца не множко:
В субботу полы перемой,
По досугу баню истопи,
После бани зварцу свари,
А ночью дитя покачай!»
«Благодарствую, зятюшка,
На твоем на добром житье!»
«Не прогневайся, матушка,—
Ведь не даром хлебом кормится!»

175

Было у тещи
Семь зятьев:
Хомка зять,
И Пахомка зять,
И Гришка зять,
И Гаврюшка зять,
И Макарка зять,
И Захарка зять,
Зятюшка Ванюшка —
Милей всех зятьев!

И стала теща
Зятьев в гости звать.
Хомка идет,
И Пахомка идет,
И Гришка идет,
И Гаврюшка идет,
И Макарка идет,
И Захарка идет.
«Зятюшка Ванюшка,
Иди поскорей!»

И стала теща
Зятьев за стол сажать.
Хомка сел,
И Пахомка сел,
И Гришка сел,
И Гаврюшка сел,
И Макарка сел,
И Захарка сел,
«Зятюшка Ванюшка,
Поди вот тут сядь!»

Стала теща зятьев
Вином потчевать:
Хомке рюмка,
И Пахомке рюмка,
И Гришке рюмка,
И Гаврюшке рюмка,
И Макарке рюмка,
И Захарке рюмка,
Зятюшке Ванюшке —
Рюмочка с винцом!

Стала теща с зятьев
Деньги обирать:
С Хомки — рубь,
И с Пахомки — рубь,
И с Гришки — рубь,
И с Гаврюшки — рубь,
И с Макарки — рубь,
И с Захарки — рубь,
С зятюшки Ванюшки —
Пара серебра!

Стала теща
Зятьев провожать:
И Хомке — в шею,
И Пахомке — в шею,
И Гришке — в шею,
И Гаврюшке — в шею,
И Макарку — в шею,
И Захарку — в шею,
А зятюшку Ванюшку —
За святые волоса!

176

Ходила чечетка,
Гуляла лебедка
На дворянском дворе.
Поймали чечетку,
Поймали лебедку
На дворянском дворе.
Посадили чечетку,
Посадили лебедку
За решеточку.

Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка
Ровно семь дочерей:
Марью да Дарью,
Анисью, Антониду,
Акулину, Стефаниду,
А седьмую Катерину -
Душу Катеньку!
Прижила себе чечетка,

Прижила себе лебедка
Ровно семь зятьев:
Степана, Романа,
Дементея, Клементея,
Евстигнея, Евсифея,
А седьмого Алексея —
Душу Алексеюшку!

Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка,
Ровно двадцать внучат:
Два сидня, два лежня,
Два поползня;
Два на лавочке сидят,
Два учиться хотят;
Две Акульки в люльке
Качаются,
Две Оленки в пеленках
Валяются,
Две Дарьюшки у краюшки
Подвизаются,
Две Наташки у кашки
Копаются,
А на суднице сметана —
У сметаны два Степана
Наслаждаются!

Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей угощать:
И Степану блин,
И Роману блин,
И Дементью блин,
И Клементью блин,
Евстигнею блин,
Евсифею блин,
А Никитушке с Окулинушкой —
Целу криночку со сметанушкой!

Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей укладывать:
И Степана — на полати,
И Романа — на полати,
И Евстигнея — на полати,

И Клементея — на полати,
Дементея — на полати,
Евсифея — на полати,
А Никитушку с Окулинушкой —
На перинушку, на пуховую!

Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей будить:
И Степана — в бок,
И Романа — в бок,
И Дементея — в бок,
И Клементея — в бок,
Евстигнея — в бок,
Евсифея — в бок,
А Никитушку с Окулинушкой —
Потихохоньку, полегохоньку!

Стала же чечетка,
Стала же лебедка
Гостей провожать:
И Романа — за ворота,
И Степана — за ворота,
И Дементея — за ворота,
И Клементея — за ворота,
А Никитушку с Окулинушкой —
В калиточку в тесовую,
Вдоль всей улицы пречиннехонько!

177

У бабушки у нашей
Супрядка была,
Супрядка была.

«Что ты, бабушка, прясти даси?»
«Старым-то старушкам
Шерсти кужелек,
А молодым-то молодушкам
Беленький ленок,
А молодцам-то, прощелыгам,
Конёвый хвост!»

«Чего ты нам, бабушка,
Исти даси?»
«Старым-то старушкам
Кисель по зубам,
А красным-то девицам
Белый пирожок,
А молодцам-то, прощелыгам,
Дуранды кусок!»

«Чего ты нам, бабушка, пить-то даси?»
«А старым-то старушкам пивушка,
А молодым-то молодушкам наливушки,
А молодцам-то, прощелыгам,
Воды из пруда!»

«А куда ты нас, бабушка, спать повалишь?»
«А старым-то старушкам на печке уголок,
А молодым-то молодушкам в горницу,
А молодцов-то, прощелыг,
К свиньям во хлев!»

178

Вышла маленька бабёнка,
Принесла муку в селёнке.
Вот калина!
Вот малина!
Растворила ничего,
Поставила на чело.

Поставила на чело —
Три неделюшки цвело,

На четвертую неделю
Стали мяконьких катать.

По подлавицам катали,
На пороге загибали,

На пороге загибали,
На печи в углу пекли,

На печи в углу пекли,
Кочергою волокли.

Еще склали в коробок
И повезли в городок.

Никто мяконьких не купит,
Никто даром не берет!

Один мальчик подскочил,
Он и цену обложил.

По три деньги каравай,
Хоть куда его девай!

Пришла свинка долгорыла,
Она норочкой порыла,

Она мяконьки порыла —
Три недели прохворала.

На четвертую неделю
Стали свинку хоронить,

Стали свинку хоронить,
В большой колокол звонить.

Как у нашей у свиньи
Нет ни кума, ни кумы.

А была одна кума,
В решете приплыла,

В решете приплыла,
Веретенами гребла,

Веретенами гребла,
Юбкой парусила!

179

Кума к кумушке ходила,— так, так!
Да кума кумушку любила,— так, так!
«Ты поешь, кума, покушай,— так, так!
Дак про мое житье послушай,— так, так!
Да я еще живу, горю́шка,— так, так!
Да по три утра муку сею,— так, так!
Да на четверто высеваю,— так, так!

Да на раствор-от идет мера,— так, так!
Да на замес идет три меры,— так, так!
Да полтора-то пуда соли,— так, так!
Да не слыхала, как катала,— так, так!
Да жеребьюшку закатала,— так, так!
Да стала в печку садить,— так, так!
Да три лопаты изломала,— так, так!
Да на четверту посадила,— так, так!
Да печи устье закрывала,— так, так!
Да жеребьюшечка заржала,— так, так!
Да я к суседу побежала,— так, так!
Да от суседа прибежала,— так, так!
Да устье печи открывала,— так, так!
Да жеребьюшку выкатала,— так, так!
Да все притлело, пригорело,— так, так!
Да ни хвоста нету, ни гривы,— так, так!
Да ни копыт нету, ни щеток,— так, так!»

180

Поедемте, робятушки, в торг торговать, да,
Калина-малина!
Уж мы в торг торговать да овса закупать, да.
Мы купили овса полтора решета, да,
Мы насыпали овса да в нетоплёную печь,
Не в топлёную печь да не в паханую, да.
По три утречка сушила, по четыре выгребала, да,
По пять дён-то толкла, по пять сеяла, да,
Натворила киселя на поточной воде, да.
Что поточная вода незакрытая была, да,
Незакрытая вода — курва мышь нассяла, да,
Курва мышь нассяла, таракан налакал, да,
Таракан налакал, муха выхлебала, да.
Я поставила кисель на запечной стол, да,—
Уж ты кисни, кисель, да со дна вороти, да,
Ты со дна вороти да дна не выворoти, да!
«Во что же мне-ка, матушка, кисель процеживати, да?»
«Сквозь подолищё да во корытище, да!»
Я поставила кисель в печь за дрова, да,
Уж я в печь за дрова да за осиновые, да.
Что осиновы дрова не шипят, не горят, да,
Не шипят, не горят, только курятся, да!
«Во что же мне-ка, матушка, кисель раскладывати, да?»
«Что по плошечкам, по коробочкам, да,
Что по зо̀лотым тазам, по̀ свинячим корыта́м, да!»

«Как же мне, матушка, гостей спочитать, да?»
«Молодым-то молодицам им из плошки киселя, да,
Что уж старым-то старушкам из коробки киселя, да,
Красным-то девицам — им из зо́лота таза́, да,
Прощелыгам-молодцам из свинячья корыта́, да!»
«А и с чем же им-то, матушка, кисель прихлебывать,
да?»
«Молодым-то молодицам им с пресным молоком, да,
Старым-то старушкам с суслом киселя, да,
Красным-то девицам с медом, с сахаром, да,
Прощелыгам-молодцам со дегтем, со смолой, да,
Им со дегтем, со смолой, со великою бедой, да!»
«Куда же мне-ка, матушка, гостей спать положить, да?»
«Молодых-то молодиц на кроватку спать, да,
Старых-то старушек на печь в уголок, да,
Красных-то девиц — их во высок теремок, да,
А прощелыг-молодцов ко свиньям во гнездо, да!»
«Чем же мне-ка, матушка, гостей спокута́ть, да?»
«Молодых-то молодиц овечьей шубо́й, да,
Потом старых-то старушек — их телячьей шубо́й, да,
Красных-то девиц — их собольей шубо́й, да,
Прощелыг-молодцов — их большой дубино́й, да!
А большая-то дубина с болота везена́, да,
С болота везена́, молодцам сулена́, да!»

181

Было у тетушки,
У любезной бабушки
Пять быков, пять быков,
Приезжало к тетушке,
Ко любезной бабушке
Пять купцов, пять купцов:
«Продай, продай, тетушка,
Любезная бабушка,
Черного быка, черного быка!»
«Был бык черный,
Ходил повечёрно,—
Того не продам, того — для себя:
К земле припадает,
Куколь выбирает,
То-то-то-то-то, то-то-то-то-то!»

Было у тетушки,
У любезной бабушки

Четыре быка, четыре быка.
Приезжало к тетушке,
Ко любезной бабушке
Четыре купца, четыре купца.
«Продай, продай, тетушка,
Любезная бабушка,
Пестрого быка, пестрого быка!»
«Был бык пестрый,
Коло девок вострый,—
Того не продам, того — для себя:
К земле припадает,
Куколь выбирает,
То-то-то-то-то, то-то-то-то-то!»

Было у тетушки,
У любезной бабушки
Три быка, три быка.
Приезжали к тетушке,
Ко любезной бабушке
Три купца, три купца,
«Продай, продай, тетушка,
Любезная бабушка,
Красного быка, красного быка!»
«Был бык красный,
Коло девок ласков,—
Того не продам, того — для себя:
К земле припадает,
Куколь выбирает,
То-то-то-то-то, то-то-то-то-то!»

Было у тетушки,
У любезной бабушки
Два быка, два быка.
Приезжали к тетушке,
Ко любезной бабушке
Два купца, два купца.
«Продай, продай, тетушка,
Любезная бабушка,
Бурого быка, бурого быка!»
«Был бык бурой,
Любил девок дурно,—
Того не продам, того — для себя:
К земле припадает,
Куколь выбирает,
То-то-то-то-то, то-то-то-то-то!»

Было у тетушки,
У любезной бабушки,
Один бык, один бык.
Приезжал ко тетушке,
Ко любезной бабушке
Один купец, один купец.
«Продай, продай тетушка,
Любезная бабушка,
Белого быка, белого быка!»
«Был бык белой,
Девкам брюшко делал,—
Того не продам, того — для себя:
К земле припадает,
Куколь выбирает,
То-то-то-то-то, то-то-то-то-то!»

182

На угорышке рябинуша стоит,
Подле рябинуши тропинуша лежит,
По тропинуше молодчик идет,
По загуменьям ерш ползет.
«А куда ты, куда, ерш, ползешь?
А куда, костливый, корчишься?»
«Я ползу, ползу на барский двор,
К Окулины ко Ивановны, да,
Ко Настасьи Селивановны!»

Стук-тюк у ворот.
«Кто там еще?»
«Ерш Ершович, Иван Петрович!»
Что ему нать?»
«Иду попить, погулять,
Красных девок повидать».
«Деньги есть?» — «Есть!»
«Много ли?» — «Грош!»
«Парень не хорош!»

Запропала тут ершова голова,
Запропала тут молодчикова.
«Красны девицы не любят меня,
Молоды дурны мужьям берегут,
А старухи-то спасаются —
В монастыри собираются!»

Ай да во поле рябинуша стоит,
Подле рябинуши тропинуша лежит,
По тропинуше молодчик идет,
По загуменьям ерш ползет.
«А куда ты, куда, ерш, ползешь?
А куда, костливый, корчишься?»
«Я ползу, ползу на барский двор,
К Окулины ко Ивановны,
Ко Настасьи Селивановны!»

Тук-тук у ворот.
«Кто у ворот?»
«Ерш Ершович, Иван Петрович!»
«Что ему нать?»
«Иду попить, погулять,
Красных девок повидать!»
«Деньги есть?» — «Есть!»
«Много ли?» — «Полтинник!»
«Не гоже!»

Запропала тут ершова голова,
Запропала тут молодчикова:
«Красны девицы не любят меня,
Молоды дурны мужьям берегут,
Все старухи-ти спасаются —
В монастыри собираются!»

Ой да во поле рябинуша стоит,
Подле рябинуши тропинуша лежит,
По тропинуше молодчик идет,
По загуменьям ерш ползет.
«А куда ты, куда, ерш, ползешь?
Ты куда, костливый, корчишься?»
«Я ползу, ползу на барский двор,
К Окулины ко Ивановны,
Ко Настасьи Селивановны!»

Тюк-тук у ворот.
«Кто у ворот?»
«Ерш Ершович, Иван Петрович!»
«Что ему нать?»
«Иду попить, погулять,
Красных девок повидать!»
«Деньги есть?» — «Есть!»
«Много ли?» — «Рупь восемь!»
«Милости просим!»

Загуляла тут малóго голова,
Загуляла тут молодчикова:
Красны девицы-ти любят его,
Молоды дурны мужьям не берегут,
И старухи не спасаются —
В монастырь не собираются!

183

«Дома ль кум воробей?»
«Дома».
«Что он делает?»
«Болен лежит».
«Что у него болит?»
«Плечики».
«Сходи, кума, в огород,
Сорви травы гречки,
Попарь ему плечки».
«Парила, кумушка,
Парила, голубушка.
Его пар не берет,
Только к сердцу придает!»

«Дома ль кум воробей?»
«Дома».
«Что он делает?»
«Болен лежит».
«Что у него болит?»
«Животок».
«Сходи, кума, в огород,
Сорви травки репеёк,
Попарь ему животок».
«Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его пар не берет,
Только к сердцу придает!»

«Дома ль кум воробей?»
«Дома».
«Что он делает?»
«Болен лежит».
«Что у него болит?»
«Лы́точки».
«Сходи, кума, в огород,

Сорви травки сны́точки,
Припарь ему лыточки».
«Парила, кумушка,
Парила, голубушка.
Его пар не берет,
Только к сердцу придает!»

«Дома ль кум воробей?»
«Дома».
«Что он делает?»
«Болен лежит».
«Что у него болит?»
«Пяточки».
«Сходи, кума, в огород,
Сорви травки мяточки,
Припарь ему пяточки».
«Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его пар не берет,
Только к сердцу придает!»

184

Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Картуз новый купила.
    Ай люли, селезень,
    Ай люли, молодой,
    Чернобровенький мой,
    Черноглазенький мой,
    В картузе селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Сертук новый купила.
    Ай люли, селезень,
    Ай люли, молодой,
    Чернобровенький мой,
    Черноглазенький мой,
    В картузе селезень,
    В сертуке селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,

На базар я водила,
Часы новы купила.
    Ай люли, селезень,
    Ай люли, молодой,
    Чернобровенький мой,
    Черноглазенький мой,
    В картузе селезень,
    В сертуке селезень,
    При часах селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Кушак новый купила.
    Ай люли, селезень,
    Ай люли, молодой,
    Чернобровенький мой,
    Черноглазенький мой,
    В картузе селезень,
    В сертуке селезень,
    При часах селезень,
    В кушаке селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Брюки бархатны купила.
    Ай люли, селезень,
    Ай люли, молодой,
    Чернобровенький мой,
    Черноглазенький мой,
    В картузе селезень,
    В сертуке селезень,
    При часах селезень,
    В кушаке селезень,
    В брюках бархатных селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Сапожки новы купила.
    Ай люли, селезень,
    Ай люли, молодой,
    Чернобровенький мой,
    Черноглазенький мой,
    В картузе селезень,
    В сертуке селезень,
    При часах селезень,

В кушаке селезень,
В брюках бархатных селезень,
В сапожках новых селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Перчатки вязаны купила.
Ай люли, селезень,
Ай люли, молодой,
Чернобровенький мой,
Черноглазенький мой,
В картузе селезень,
При часах селезень,
В кушаке селезень,
В брюках бархатных селезень,
В сапожках новых селезень,
И в перчатках селезень!
Селезня я любила,
Молодого хвалила,
На базар я водила,
Тростку нову купила.
Ай люли, селезень,
Ай люли молодой,
Чернобровенький мой,
Черноглазенький мой,
В картузе селезень,
В сертуке селезень,
При часах селезень,
В кушаке селезень,
В брюках бархатных селезень,
В сапожках новых селезень,
И в перчатках селезень,
И при тростке селезень!

185

«Кумушка-любушка, где ты была-спобывала?»
«Кумушка-любушка, в пустынке, в деревенке».
«Кумушка-любушка, чего же ты там поработала?»
«Кумушка-любушка, пашенки да попахала».
«Кумушка-любушка, сколько у тя да было пашни?»
«Кумушка-любушка, семь четвертей да две восьмины»
«Кумушка-любушка, сколько у тя пахарей-то?»
«Кумушка-любушка, семь молодцов да две детины».
«Кумушка-любушка, сколько у тя да было коней?»

«Кумушка-любушка, семь меринов да две кобылы».
«Кумушка-любушка, чем же ты их да накормила?»
«Кумушка-любушка, семь ковриг было да и два хлеба».
«Кумушка-любушка, чем же ты их да напоила?»
«Кумушка-любушка, семь было квасов да и две браги».
«Кумушка-любушка, куда же ты их да спать уклала?»
«Кумушка-любушка, семь сенников да и две клети».
«Кумушка-любушка, чего же под их да подстилала?»
«Кумушка-любушка, семь было ковров да две перины».
«Кумушка-любушка, чем же ты их да спокутала?»
«Кумушка-любушка, семь одеял да и две шубы».
«Кумушка-любушка, чем же ты их да спобужала?»
«Кумушка-любушка, семь было витнев да две плети!»

186

«Государь ты наш, Сидор Карпович,
Сколько тебе летушек?»
«Семьдесят, бабушка, семьдесят,
Семьдесят, Пахомовна, семьдесят».
«Государь ты наш, Сидор Карпович!
Сколько у тебя детушек?»
«Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро!»
«Государь ты наш, Сидор Карпович!
Что они есть-то будут?»
«Хлебушка, бабушка, хлебушка,
Хлебушка, Пахомовна, хлебушка!»
«Государь ты наш, Сидор Карпович!
Где ж они хлебушка возьмут?»
«По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру!»
«Государь ты наш, Сидор Карпович!
По миру ходить — собаки съедят».
«С палочкой, бабушка, с палочкой,
С палочкой, Пахомовна, с палочкой!»
«Государь ты наш, Сидор Карпович!
Зимой по миру — ноги озябнут».
«В лапотках, бабушка, в лапотках,
В лапотках, Пахомовна, в лапотках!»

187

«Туру-туру, пастырь, далёко ли трубишь?»
«От моря до моря, до Киева-города.

Там наша родина, на родине-то дуб,
На дубе-то сова, сова-то мне-ка теща, коней пасла».
«Где-ка кони?»
«Миколка увел».
«Где Миколка?»
«В клетку ушел».
«Где клетка?»
«Водой понята».
«Где вода?»
«Быки выпили».
«Где быки?»
«Под гору ушли».
«Где гора?»
«Черви выточили».
«Где черви?»
«В вересник ушли».
«Где вересник?»
«Девки выломали».
«Где девки?»
«Замуж выданы».
«Где мужовья?»
«По солдатам ушли».
«Где солдаты?»
«В Москву ушли».
«Где Москва?»
«Москва выгорела».
«Где огонь?»
«Огонь в камень ушел».
«Где-ка камень?»
«На пожне все, на попове полосе.
Там щепки-репки, старые вожжи.
Женилася Москва во кривых сапогах, во берéстянках».

188

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала:
Солоду купила, хмелю взаймы взяла,
Черный дрозд пивоваром был,
Сизой орел винокуром слыл.
Дай же нам боже пиво сварить,
Пиво сварить и вина накурить:

Созовем гостей — мелких пташечек!
Совушка-вдовушка незваная пришла,
Снегирь по сеничкам похаживает.
Совушке головушку поглаживает.
Стали все птички меж собою говорить:
«Что ж ты, снегирюшка, не женишься?»
«Рад бы я жениться, да некого взять:
Взял бы я пернатку — то матка моя,
Взял бы я чечетку — то тетка моя,
Взял бы я синичку — сестричка моя,
Взял бы я сороку — щепетливая,
Взял бы я ворону — долгоносая!
Есть за морем перепелочка,
Та мне ни тетушка, ни матушка,
Ту я люблю и за себя возьму:
Здравствуй, хозяин и с хозяюшкою,
С хозяюшкою, с малыми детушками!»

189

«Где ты, совушка, жила,
Где ты, вдовушка, была?»
«Я была в лесище,
Во сыром дубище».
«Кто тебя, сова, видал,
Кто у тя хлеб-соль едал?»
«Все мои подружки —
Комары да мушки».
Черный ворон прилетал;
К сове сватов засылал:
Сватьюшка смышлена —
Галка да ворона.
«Выйди взамуж, светик мой,
Будем сыты мы с тобой:
Всякую дичинку —
Палую скотинку!»
«Ну, бери же, мой свет,
Я ведь не косая,
Я ведь не кривая.
У меня на головище
Вот таки глазища!»
Ворон свадебку сыграл,
Всех честны́х гостей сзывал:
Был тут сыч-боярин,

Филин важной барин,
Стряпчик-рябчик рядом с ним.
И кукушка молодым
Много куковала,
Счастья им желала!

190

Стукнуло, грянуло в лесе —
Комар с дубу свалился.
Упал он на коренище,
Сбил он догола плечище.

Слетались мухи-горюхи,
Славные громотухи.
Стали они возглашати,
О комаре вспоминати:

«Ах ты, наш милый комаре,
Жаль нам тебя невмале!
Как будешь ты умирати,
Где нам тебя погребати?»

«Похороните меня в поле,
При зеленой дуброве:
Там-то казаки бывают,
Часто горелку испивают,

Туду и сюду обзирают,
Про комара вспоминают:
„Тут-де лежит комарище,
Славный донской казачище!“»

191

Комара муха любила.
Комара муха любила и кумысом напоила,—
Пьян!

Полетел комар в лесочек,
Полетел комар в лесочек и уселся на дубочек,—
Сел!

Поднялась большая вьюга и комарика-то сдула,—
Пал!

Он упал и еле дышит.
Он упал и еле дышит, ручкой-ножкой
не колышет, —
Сдох!

Прилетели тут две мухи.
Прилетели тут две мухи и комарика под руки, —
Понесли!

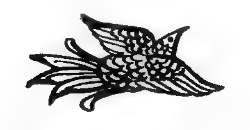
Схоронили близ дороги.
Схоронили близ дороги, видны руки, видны ноги, —
Весь на виду!

192

Все мы песенки перепели,
Все мы песенки да перепели,
перепели,
перепели,
перепели!
Одного «шерстня» не допели.
Улетел шерстень на болото,
У шерстня была мать неродная,
Недоросточка поженила.
Его женушка невзлюбила,
Со кроватушки сотолкала,
Ручки, ноженьки обломала!

193

Не пора ли вам, девицы, по домам?
Вы не сказывайте в доме матерям,
Что который со которою сидел,
Чтó который со которой говорил!



ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ЛЮБОВНАЯ, СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, ПОТЕШКИ, ПРИБАУТКИ

194

Как у ключика у гремучего,
У колодезя у студеного
Доброй молодец сам коня поил,
Красна девица воду черпала;
Почерпнув, ведры и поставила,
Как поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
«Хорошо тому жить на сем свете,
У кого как есть отец и мать,
И отец, и мать, и брат-сестра,
Ах, и брат-сестра, что и род-племя!
У меня ль, у красной девицы,
Ни отца нету, ни матери,
Как ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду-племени,
Ни того ли мила друга,
Мила друга полюбовника!»

195

Ах ты сад ли, ты мой садочек,
Сад, да, зеленое виноградье,
К чему ты рано, сад, расцветаешь,
Расцветавши, сад, засыхаешь,
Землю листьем, сад, устилаешь,

Не дождавши поры-времени?
Я сама тебя, сад, садила,
Я сама тебя поливала,
Живот-сердце надрывала;
Я не для кого иного —
Для своего ли друга милого.
Что в тебе ли, да, во садочке,
Соловей песни воспевает,
Что и тот ли вон вылетает,
А тебя, садик, пуст оставляет.

Ах ты друг ли, мой дружочек,
Сердце-радость-животочек,
Не в досаду ли тебе будет,
Не противно ль твоему сердцу,
Что я стану тебе говорити:
Ты зачем в гости не ходишь,
И не жалуешь, не гуляешь?
Али батюшка запрещает,
Или матушка не пущает,
Или я тебе не по мысли?
Буде хочешь, друг, водися,
А не хочешь — откажися!
Я вечор, вечор молоденька
Долго вечера просидела,
Я до самого до рассвету —
Всю лучинушку припалила,
Всех подруженек утомила,—
Все тебя, мой друг, дожидалась!

196

Что цвели-то, цвели в поле цветики,
Цвели да поблекли.
Что любил-то, любил, любил парень девицу,
Любил да покинул.
Что, покинувши парень красну девицу,
В глаза насмеялся,
Обесчестил-то парень красну девицу
При всем при народе:
Что он снял-то, сорвал с красной девицы
Шелковый платочек,
Что зажал-то, зажал парень у красной девицы
Золóт перстенечек.

Что по городу было́, городу Саратову
Девица гуляла,
Гербовой-то ли она лист бумаженьки,
Листок покупала,
Молодого себе писаря писать нанимала,
Писать нанимала,
Астраханскому она — она губернатору
Просьбу подавала:
«Уж ты батюшка ли, ты князь-губернатор,
Прими мою просьбу;
Ты суди-тка, суди ты нас, астраханский князь,
Суди по закону».
«Не напрасно ли ты, красная девушка,
На молодца просишь?
Что сама ль, ты сама — сама, красна девица,
Сама виновата!
Без зари ль то, зари-зари красно солнышко,
Солнышко не всходит,
Без прилуки-то ли добрый молодец
К девушке не ходит!»

197

Как во городе во Санкт-Питере,
Что на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белыих, полотняныих.
Что из высока нова терема,
Из косящатого окошечка,
Из хрустальные из оконенки
Усмотрела тут красна девица,
Красна девица, дочь отецкая;
Усмотрев, выходила на берег.
На Неву-реку, воды черпати.
Почерпнувши, ведра поставила;
Что поставивши, слово молвила:
«Ах ты душечка, молодой матрос,
Ты зачем рано корабли снастишь
О двенадцати тонких парусов,
Тонких, белыих, полотняныих?»
Как ответ держал доброй молодец,
Доброй молодец, молодой матрос:

«Ах ты гой еси, красна девица,
Красна девица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу —
По указу ли государеву,
По приказу адмиральскому!»
Подняла ведра красна девица,
Поднявши, сама ко двору пошла
Из-под каменя из-под белого,
Из-под кустичка с-под ракитова.
Не огонь горит, не смола кипит —
Что кипит сердце молодецкое
Не по батюшке, не по матушке,
Не по братце, не по родной сестре,
Но по душечке красной девушке.
Перепала ли ему весточка:
Красна девица немочна лежит;
После весточки — скора грамотка:
Красна девица переставилась.
«Я пойду теперь на конюший двор,
Я возьму коня что ни лучшего,
Что ни лучшего самодоброго,
Я поеду ли ко божьей церкви,
Привяжу коня к колоколенке,
Сам ударюся об сыру землю.
Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица,
Ты простись со мной, с добрым молодцем,
С добрым молодцем, с другом милыим,
С твоим верным полюбовником!»

198

Как во городе во Санкт-Питере,
На проезжей славной улице,
Напротиву двора гостиного,
У Милютина да на фабрике,
Середи двора да широкого,
Как стояла да свéтла свéтлица
Со оконенкой со стекольчатой.
Как во той ли да светлой светлице
Как сидела тут красна девица —
Душа Аннушка полотно ткала,
Радость Карповна миткалинное:

Что по краешкам круги золоты,
По уголышкам ясны соколы,
По покромочкам черны соболи,
По прошивочкам мелки пташечки.
Как съезжалися полотна смотреть,
Полотна смотреть миткалинного:
Приходили тут красны девицы,
Приезжали к ней добры молодцы.
Что не знала красна девица,
Как пришел ее родной батюшка...
Красна девица испугалася,
Полотно ткати помешалася:
Круги золоты раскатилися,
Ясны соколы разлетелися,
Черны соболи разбежалися,
Мелки пташечки распорхалися.
«Как не жаль-то мне тонка полотна,
Что не жаль-то мне ясных соколов,
И не жаль-то мне черных соболей,
Как не жаль-то мне мелких пташечек,
Что не жаль-то мне красных девушек,—
Только жаль-то мне добрых молодцев!»

199

Скучно, матушка, весной мне жить одной,
А скучней того — нейдет ко мне милой,
А я со горя, с кручины молода,
И я выйду на крылечко постою,
На все стороны четыре погляжу,
Что летит ли не летит ясен сокол,
И он машет ли своим сизым крылом?
И я со горя, с кручины молода,
Выйду, выйду за новые ворота,
Погляжу я вдоль по улице в конец,
Что нейдет ли ко мне миленькой дружок?
Как по улице метелица метет,
За метелицой мой милый друг идет,
И он машет своим ситцевым платком.
«Ты постой, постой, красавица моя,
Еще дай ты насмотреться на себя,
На свою, радость, прекрасну красоту!
Красота твоя с ума меня свела,
Ты и здесь, радость, красавицей слыла,—
Ах, как ныне ты худа стала, бледна!»

200

Вниз по Волге-реке с Нижня города
Снаряженный стружок как стрела летит.
Как на том стружке наснаряжено, изукрашено,
Удалых гребцов сорок два сидят.
Как один из них добрый молодец призадумался —
Не по батюшке, не по матушке загорюнился,
А об белом лице красной девицы,
Об ясных очах, о черных бровях.
Ненаглядная красна девица
Все с ума нейдет, все мерещится...
«Как лишить бы меня свету белого,
Положить бы во гроб прежде времени...
Ах, вы братцы мои, вы товарищи,
Сослужите вы мне службу братскую,—
Бросьте меня в Волгу-матушку,
Утопите мою грусть-печаль-тоску!»

201

Ах, не одна-то, не одна,
Эх, во поле дороженька, ах, одна пролегала...
Ах, зарастала та дорожка,
Эх, ельничком да березничком, эх, горьким частым осинничком!
Ах, что нельзя-то, нельзя,
Эх, к любушке-сударушке, эх, нельзя в гости ехать молодцу!
Ах, ты прости-прощай,
Эх, мил сердечный друг, эх, прощай, будь здорова!
Ах, коли лучше меня на́йдешь,
Эх, меня, доброго молодца, эх, меня позабудешь!
Ах, коли хуже меня на́йдешь,
Эх, меня, доброго молодца, эх, меня вспомянешь,
Ах, меня ты вспомянешь,
Эх, горючими слезами, эх, ты заплачешь!

202

Една-то во по́ле дороженька,
Една пролегла;
Частым ельничком да березничком
Дороженька зарастала;

Молодым, горьким осинничком
Дорожку завалило —
Нельзя к любушке-сударушке
В гости ехать!
Хоша и поеду —
Да к ней не заеду;
Хоша и заеду —
Ночки не ночую;
Хоша и ночую —
Спать не лягу;
Хоша спать и лягу —
Не обо́йму.
А хошь и обо́йму —
Да не поцелую.
А и поцелую —
Да не миле́нько;
Не по-старому,
Да не по-прежнему!

203

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая,
Уж полно по улице ходити,
Ах, полно по миленьким тужити!
Такого другого не нажити —
Что ростом, дородством, красотою,
Всею молодецкою поступкой!
Вечор-то я с милым побранилась,
Вечор с дорогим посчиталась,
Побранка была не большая;
Не знаю, как с другом помириться.
Самой покориться — не годится,
Людей засылати мне — некстати...
Дождуся я, млада, темной ночи,
Что темныя ноченьки осенней,
Сама я к милому побываю,
В глаза дорогому попеняю:
«Ах, любчик мой, миленький голубчик,
Не слушай, друг, разума чужого,
Чужих, моя радость, наговоров!
Люди-то смущают — разлучают,
Людям то завидно, что советно».

Чёсал Ваня да кудёрцы, да ли
Чёсал Ваня русые, да
Свои волоса,
Ой ли костяной, Ваня, расчесочкой.

Расчесавши он кудёрцы, да ли
Расчесавши он русые, да
Свои волоса,
Ой да ли пухову шляпу Ваня да надел.

Шляпица ⟨на нем⟩ пуховая, да ли
Жилеточка новая, да
Она зелена,
Ой да самолучшего она сукна.

Снарядился да Ванюша, да ли
Снарядился молодец, да
Он гулять пошел,
Ой да шел на крутой, крутой бережок.

Шел Ваня да по бережку, да ли
Шел Ваня да по крутому, да
По Дунай-реке,
Ой да искал Ваня себе переход.

Нашел Ваня да жердочку, да ли
Нашел Ваня легкую, да
Ее на воде,
Ой да, сам по же... по жердочке пошел.

Жердочка да сломилася, да ли
Шляпица да свалилася, да
Со русых кудрей,
Ой да кричит Ва... ох, Ваня: «Потонул!»

Увидала да девица, да ли
Увидала красная, да
Она из окна,
Ой да с высокого она терема,

Брала девка да ведерцы, да ли
Брала девка легкие, да
Она дубовы,
Ой да сама по воду она пошла.

Зачерпнула да ведерцы, да ли
Зачерпнула легкие, да
Она дубовы,
Ой да стала речку, речку проклинать:

«Чтобы тебя да, реченька, да ли
Чтобы тебя, быстрая, да
Песком занесло,
Ой да чтобы тебя желтым занесло!»

205

Уродилася сильна ягода в бору;
Заблудилася красна девица во лесу;
Заблудившись, путь-дорожку не нашла.
Выходила на крутенький бережок,
Садилася под ракитовый кусток,
Расстилала бел-муравчатый платок,
Становила сладкой водки полуштоф,
На закуску сладких яблоков пяток.
Выходивши на крутенький бережок,
Закричала громким голосом она:
«Перевозчик, перевозчик молодой,
Перевези ты меня на ту сторону домой!»
«Перевоз мой, перевоз мой очень дорогой».
«Что ты хочешь, что ты хочешь, то с меня бери».
«Мне не надо, мне не надо твоего ничего,
Только надо: поди замуж за меня!»
«В этом воля не моя, воля батюшкина,
Воля батюшкина, воля матушки моей».

206

Не пыль, не кура́ в поле подымалася —
То белые лебеди с моря поднимались;
Как один-то с них лебедь не подымется,
Лебедь не подымется, лебедь не шелохнется.
Напрежь по ночам белый лебедь летал,
Лебедушке по зарям кричал:
«Отзовись-откликнись, лебедушка белая!
Ты скажи-покажи, где твое гнездышко?»
«Как мое-то гнездо посред моря,
Посред моря, посеред Каспицкого!»

207

По горам, и я по горам ходила,
Все цветы, и я все цветы видела.
Одного, одного цвета нет как нет —
Нет цвета, ах, нет цвета алого,
Алого цвета, самого прекрасного!
Аль его красным солнцем выпекло?
Аль его буйным ветром выдуло?
Аль его желтым песком вынесло?
Аль его красны девки вырвали,
Вырвали, в быстру реку бросили?
Аль его совсем в поле не было?..
По двору, и я по двору ходила,
Всех гостей, и я всех гостей видела.
Одного, одного гостя нет как нет —
Нет гостя, ах, нет гостя милого,
Милого, моего друга сердечного!
Али мне послать было некого?
Али мне позвать было не к чему?
Аль ему добрых коней не было?
Али мне в своем доме воли нет?
Али я злодейка несчастная?
Аль ему служба царска сказана?..

208

Ах, матушка, тошно мне, голова болит,
Сударыня, грустно мне, сердечко ноет.
Болит моя головушка,— не знаю, как быть.
Сяду я на лавочку, погляжу ль в окно,
Погляжу ль в окошечко — на улице дождь,
На улице дождичек, во поле туман.
Во поле большой туман-туман затуманился,
А мой-то любезный друг припечалился,
Припечалился, душа моя, призадумался,
Вечор-вечор милый друг у девушек был,
У девушек был, про меня забыл.
Привел с собой душечку он лучше меня,
Забыл совсем милый друг, забыл про меня!

209

Сторона ль ты моя, сторонушка чужедальная!
Я прошел тебя, сторонушка, всю с конца в конец —
Не нашел я в тебе ни отца, ни матери,
Находил в тебе добрый молодец один царев кабак
Во кабак пошел добрый молодец — словно цвет цветет
С кабака-то он идет — в чем мать его родила.
Увидала доброго молодца красна девица-душа:
«Что зайди, зайди, добрый молодец, ты хоть ночку заночуй!»
«Что боюсь, боюсь, красна девица, изведешь ли ты меня
Изваляется мое тело бело по подлавичью,
Разнесут мои ли косточки зверья лютые,
Растаскают по чистом полю черные вороны...»

210

Красна девица коров доила,
Сквозь тряпочку молоко цедила,
Молоком молодца поила,
Поила, наговаривая:
«Не женись, не женись, молодец,
Не женись, не женись, удалой!
Промеж нами ты так проживешь,
Промеж нами, девушками,
Промеж нами, голубушками!»

211

На зорю́шке было, на зорю́шке,
На заре то была на утря́ной,
Девчону́шка коровушку доила́,
Подоила, молочко цедила́,
Процедила, друга Ваню поила́,
Напоила, спать укладывала,
Уложила, уго́варивала:
«Не женись, дружок Ванюшка!
Если женишься — переменишься,
Зачапается головушка твоя
Между девок, между баб молодых,
Между вдовушек-сиротушек,
Молодых горьких солдаточек!»

212

Красная девица по бережку гуляла,
Самоцветные каменья выбирала,
Она камешек о камень разбивала;
Идучи млада словечушко сказала:

«Не во всяком самоцветном камне искра,
Не во всяком добром молодце есть правда;
Он любил меня, девицу, да покинул,
Красоте моей девичьей насмеялся!»

Не ясен сокол по табунам летает —
Добрый молодец по насаду гуляет,
Сам, душа моя, во скрипочку играет,
Всё душу красну девицу утешает:

«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Я сошью тебе серебряну самару,
Уберу твою головушку всю в крону,
С дорогими-то каменьям с бралиантам;
На праву руку солью я золот перстень,
Что со дорогим со камнем с изумрудом!»

Как что возговорит душа красна девица:
«Мне не дороги твои, сударь, подарки,—
Дорога твоя, сердечный друг, насмешка,
Что любил меня, девицу, да покинул,
Красоте моей девичьей насмеялся!»

213

Вострепенется сокол, на дубу сидючи,
Как расплачется девица, во тереме сидючи:
«Не давай, сударь-батюшка, замуж за Волгу-реку,
Государыня-матушка, ты меня за волжанина!
Как захочется, батюшка, мне у тебя побывать,
Государыня-матушка, мне у тебя погостить,—
Я на Волгу приду — я суденца не найду,
Хотя суденце найду — весельца не сыщу,
Хотя весельце сыщу — я гребца не найму,
Хоть гребца я найму — Волга-река протечет,
А меня, молодешеньку, вниз по реке понесет!..
Ах ты свет же мой красный день, уж мне тебя не видать!

Ты, надежа сердечный друг, мне у тебя не бывать
Я пойду, молоденька, во зеленые луга;
Закричу, млада, громко, то-то мне злая беда:
Ах вы лютые звери, сбирайтеся ко мне,
Вот вам сладкая пища,— терзайте меня,
Хоть едино оставьте ретивое сердце,
Вы отдайте милу другу во белые руки!
Ах, пускай мил посмотрит, как я его любила!..»

214

Снежки белые, пушисты
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли —
Горя лютого мово!
Есть кусточек среди поля,
Одинешенек стоит,—
Он не сохнет, он не вянет,
И листочков на нем нет.
А я, горькая, несчастна,
Всегда плачу по милом.
День тоскую, ночь горюю,
Потихоньку слезы лью.
Слезка канет, снег растает,
Травка вырастет на нем!

215

Калинушка с малинушкой — лазоревый цвет.
Веселая беседушка, где батюшка пьет.
Он пить не пьет, родимый мой,— за мной, младой, шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою за пташечкой, за журушкою...
Как журушка по бережку похаживает,
Шелковую он травушку пощипывает,
Студеною водицею захлебывает,
За реченьку за быструю поглядывает.
За реченькой за быстрою четыре двора,
Во этих ли во двориках четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
Пойдете вы в зеленый сад, возьмите меня;

Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне;
Вы станете венки плести, сплетите и мне,
Пойдете вы на реченьку, возьмите меня;
Вы будете венки бросать, вы бросьте мой!
Как все венки посверх воды, а мой потонул;
Как все друзья домой пришли, а мой не бывал!

216

Калинушка с малинушкой —
Лазоревый цвет!
Веселая беседушка,
Где миленькой пьет.
Он пить не пьет,
Голубчик мой,—
За мной, младой, шлет.
Как я, млада-младешенька,
Замешкалася,
За тем, за сем, за делечком,
За делом своим —
За утками, за гусями,
За лебедями,
За вольною за пташечкой,
За журочкою.
Как журочка по бережку
Похаживала,
Шелко́вую травиночку
Пощипывала,
Холодною водицею
Прихлебывала,
За реченьку за быструю
Посматривала.
За реченькой за быстрою
Слободка стоит,
Не малая слободушка —
Четыре двора.
На каждом-то на дворике
По кумушке есть.
Вы, кумушки-голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся, любитеся,
Любите меня!
Пойдемте-ка, кумушки,
В зелен сад гулять;

Там будете цветочки рвать —
Сорвите и мне;
Вы будете веночки плесть —
Сплетите и мне;
Вы будете в реку бросать —
Бросьте и мой!
Как все венки поверх воды,
А мой потонул,
Как все дружки с Москвы пришли,
А мой не бывал:
Остался дружок миленькой
Зиму зимовать,
А я, бедна-горькая,—
Горе горевать!

217

Можно, можно по рощице разгуляться,
Тоску-скуку свою разогнать.
Как пойду я, девушка, на речушку,
Сяду я, млада, на крут бережку.
Не сама я, девушка, сидела,
Увидела свою тень на воде.
«Ох, тень моя, тень пустая,
Тень холодная, как в реке вода,
Ох, ты не видела, тень моя пустая,
Чи не видела здесь ты никого?»
Говорила речка, отвечала:
«Здесь проехал твой милой дружок
На своему вороному коню».
Стану, млада, да домой пойду,
Своего дружка назад сворочу:
«Воротися, мой милый дружочек,
На широкий да на мой двор!
Пускай коня у конюшенку,
А сам ступай ко мне в дом!»
«Ох, как я завтра отъезжаю
В славный город Петербург!»

218

«Канарейка, канарейка, канареечка моя,
Пропой, пропой, канарейка, песенку нову!»
«Уж я песни петь не стану,—

На словах вам расскажу:
Мой миленький — во походе,
В чужой дальной стороне.
Ко мне письмеца не пишет
И поклончиков не шлет.
Больше б счастья не желала —
Сизы крылушки себе:
Возвилась бы, полетела
Ко милому своему;
Села бы я, посидела
На правом его плече,
Посидела бы, посмотрела
На его белое лицо,
Целовала бы, миловала
Во сахарные уста!»

219

Комарики спят,
А я, девушка, не уснула ни на час.
На белой заре приуснула с полчаса,—
Я увидела своего милого во сне:
Будто мой милый отъезжает далеко,
Меня, девушку, спокидает одноё,
Как кукушечку во сырым во бору,
Меня, девушку, во высоком терему!
Мимо терема дороженька лежала.
Как по этую дороженьке ямска тройка бежала;
На ямской тройке мой размиленький сидит,
Разунывную с горя песенку поет,
Ко мне, девушке, в терем голос подает!

220

Веселитеся, подружки:
К нам весна скоро придет,
С гор покатится вода,—
С гор покатится водичка
Во зеленые луга.
В лужках травонька зелена,
Все цветочки расцвели,—
Расцветут в поле цветочки,
Все ракитовы кусты.

Промежду этих кусточков
Волга-речушка прошла.
Как на этой Волге-речке
Есть и есть, ох, крутые берега.
Как на этом бережочке
Куст калинушки растет;
Как на этом на кусточке
Соловей громко поет.
Ты не пой, не пой, соловьюшка,
Не пой рано ты весной,
Не пой рано да не пой грустно,
Возьми горечко с собой!
На воде горе не тонет,
И огнем горе не жгет.
Унеси горе далеко,
Не слыхать бы про него!

221

Уж как шло горе по дороженьке,
Оно лыками, горе, связано,
И мочалами перепоясано;
Привязалось горе к красной девушке.

Уж я от горя во чистó полé —
Горе за мной с косой бежит:
«Выкошу, выкошу все чисты поля,
Сыщу-найду красну девицу!»

Уж я от горя в зелены луга —
Горе за мной с серпом бежит:
«Выжну, выжну зелены луга,
Сыщу-найду красну девицу!»

Уж я от горя во темны леса —
Горе за мной с топором бежит:
«Вырублю, вырублю я темны леса,
Сыщу-найду красну девицу!»

Уж я от горя в монастырь пойду —
Горе за мной несет ножницы:
«И здесь сыщу красну девицу!»

Уж я от горя во сыру землю —
Горе за мной со лопаткою;
Стоит горе, усмехается,
Собой горе похваляется:
«Доконал, доконал красну девицу!
Вогнал, вогнал во сыру землю!»

222

Куда мне, красной девице, от горя бежать?
Пойду от горя в темный лес —
За мной горе с топором бежит:
«Срублю, срублю сыры боры,
Сыщу-найду красну девицу!»
Куда мне от горя бежать?
Бегу от горя в чисто поле —
За мной горе с косой бежит:
«Скошу, скошу, чисто поле,
Сыщу-найду красну девицу!»
Куда ж мне от горя бежать?
Я от горя брошусь в сине море —
За мной горе белой рыбицей:
«Выпью, выпью сине море,
Сыщу-найду красну девицу!»
Куда ж мне от горя бежать?
Я от горя замуж уйду —
За мной горе в приданое;
Я от горя в постелюшку слегла —
У меня горе в головах сидит;
Я от горя в сыру землю пошла —
За мной горе с лопатой идет,
Стоит горе выхваляется:
«Вогнало, вогнало я девицу в сыру землю!»

223

Ах вы ветры, ветры буйные,
Вы буйны ветры осенние,
Потяните вы с эту сторону,
С эту сторону, со восточную,
Отнесите вы к другу весточку,
Что нерадостную весть, печальную!
Как вечер-то мне, младешеньке,

Мне мало спалось, много виделось;
Не хорош-то мне сон привиделся:
Уж кабы у меня, у младешеньки,
На правой руке, на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милого,
Свет дородного доброго молодца!

224

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький,
Ты зачем, садок, отцвел,
Осыпаешься?
Ты куда ли, милый мой,
Собираешься?
Ты во путь ли, во поход,
Во дороженьку?
Ты со всеми, милый мой,
Распрощаешься,
А со мною, молодой,
Все ругаешься!
Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай!»
Тут летела пава
Через синие моря,
Уронила пава
С крыла перышко.
Мне не жалко крыла —
Жалко молодца:
Мне не жалко мать-отца —
Жалко молодца,
Предстояла молодцу
Служба царская,
Служба царская,
Государская!
Служит год он, служит два,
Служит три года —
На четвертый на годок
Сам домой идет.

А на пятый годок
Милый женится,
А меня ли, молоду,
Меня замуж берет!

225

Недозрелая да калинушка — нельзя ее заломать,

Ох, нельзя ее заломать!..
Ох, недоросла красна девушка — нельзя ее взамуж брать,

Ох, нельзя ее взамуж брать!..
«Ох, ты не плачь да не плачь да, хорошая, не плачь, милая да моя,

Ох, не плачь-ко, милая моя!..
Ох, ты наплачешься да навоешься, когда не будёт да меня,

Ох, когда не будёт меня...
Ох, когда не будёт-то, не будёт — дружка в солдаты увезут,

Дружка в солдаты увезут...»
«Ох, увезут дружка в солдатики — с горя выйду взамуж я,

Ой, с горя выйду взамуж я,
Ох, за такого за хорошего, не за милого да дружка —

Уж не за милого дружка!...
Ох, не за милого — за постылого, за калинов новой мост,

Уж за калинов новой мост...»
«Ох, как по этому да по мостику карета скоро да бежит —

Ох, карета скоро бежит,
Ох, как во этой во каретушке колеса шибко да стучат —

Ох, колеса шибко стучат:
Ой, не мою ли расхорошую ко венчанию да везут,

Ох, ко венчанию везут?..
Ох, ты постой-ко, постой да, хорошая, постой, милая да моя!

Ох, постой-ко, милая моя!..»
«Ох, рада, рада постояти, да у нас кони не стоят,

Ох, у нас кони не стоят, —
Ох, молодые-те да извозчички не могут коней да сдержать!»

226

При долинушке стояла,
Калину ломала,
В пучочки вязала,
На дорожку клала,
Приметы примечала,
Дружка ворочала:
«Воротися, моя радость,
Воротись, надежда!
Не воротишься, надежда, —
Хотя ж оглянися;
Не оглянешься, надежда, —
Махни черной шляпой,
Черной шляпой пуховою,
Правою рукою,
Лентой голубою!»

227

Не вечерняя заря занималась, занималася заря, —
Полуночная звезда высоко взошла, высоко звезда взошла:
Пора раздоброму молодцу с поля ехати домой.

Уж вы, слуги мои, слуги мои верные,
Подайте мне тройку серо-пегих, серо-пегих лошадей!
Сяду я, раздобрый молодец, я поеду погулять!

Со всеми я, раздобрый молодец, со всеми простился;
С одной-то я не простился, со пути-дороженьки назад воротился:
«Ты прощай-прости, прощай, разлюбезная, ты размилая моя!»

228

Туманно красное солнышко, туманно,
Что в тумане красного солнышка не видно!
Кручинна красна девица, печальна;
Никто ее кручинушки не знает:
Ни батюшка, ни матушка родные,
Ни белая голубушка сестрица.

Печальна, душа красна девица, печальна,—
Не можешь ты злу горю пособити,
Не можешь ты мила друга забыти
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней!

В тоске своей возговорит девица:
«Я в те поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скорые ноги,
Когда опустятся мои белые руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются белы груди досками!»

229

«Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь,
Не ходи гулять в полночь, не прокладывай следов,
Не прокладывай следов мимо моего двора! —
Как у моего двора приукатана гора,
Приукатана, углажена, водою улита,
И водою улита, чоботами убита!»
И я скок на ледок — подломился каблучок,
Подломился каблучок, я упала на бочок,
Я упала на бочок. Погляжу, млада, лежу,
Погляжу, млада, лежу я на правом на боку.
Уж я глядь-поглядь — меня некому поднять.
Со гостиного двора идет купчик молодой,
Идет купчик молодой, не женатый, холостой.
Я не знала, как назвать, поучилася солгать,
Поучилась, как солгать, я Павлушею назвать:
«Павлушенька-душенька, сердце-радость, подыми!»
«Ах, я рад, душа, поднять — со стороны люди глядят,
Со стороны люди глядят, поимать с тобой хотят!
Поведут тебя рядами, меня — лавочками,
Тебя станут бить батожьем, меня — палочками,
Меня палочками, перед лавочками!»

230

Горожаночки-девóчки
Беспокойны завсегда —
Не спят ночи никогда,
Дают волюшку очам,
Все гуляют по ночам.
А отцы-братья́ не знают,
Как сёстры-дочери гуляют,
Все им матери потакают.
Тем спасибо матерям,
Что потакают дочерям.
Во Калуге-городе,
Во Дворянской улице,
Сидит девушка в горнице
Под косящатым окном,
Завесилась полотном:
Продает своё лицо
Сквозь тонкóе полотно,
Продает свою красу
Сквозь тонку́ю кисею.

231

Соловей мой, соловей, соловушко молодой!
Не летай ты, соловей, во зеленый сад гулять,
Не садись ты, соловей, в зеленóм моем саду,
В зеленóм моем саду, на ракитовом кусту,
Не пой рано на заре, не трави ты сердце мне!
И так тошно молодцу, сам не знаю почему;
Коли знать, так всё по ней, по сударушке моей.
Ах, кого бы мне нанять, за сударушкой послать?
Коли старого нанять — греха на душу принять:
До нее стар не дойдет, во дорожке пропадет;
Коли малого нанять — мал не знает, что сказать;
Коли ровнюшку нанять — ровня любит сам гулять.
Уж как, знать-то, молодцу подниматься самому,
Подниматься самому по сударушку свою!

232

Устиньюшка по горенке ходила,
Епистимовна по новой гуляла,
Миндальные орешки щелкала,

Скорлупку в окошечко кидала —
Макару в кудри попала,
Макаровичу в черные попала!
Уж он ли оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Добро ж ты, Устиньюшка!
Добро ж ты, свет Епистимовна,
За твои ли я орешки
Отсмею тебе насмешки:
Не станешь над суженым смеяться,
Скорлупкою в него бросаться!»

233

Ты изюминка-ягодка,
Наливной сладкий яблочек,—
Он по блюдцу катается,
Сахаром рассыпается,
Молодцом называется.
Разудал добрый молодец
Что Иван-то Иванович —
У него кудри русые.
Что на каждой кудриночке
По златой бисериночке!
У него лицо белое —
Побелей снегу белого!
У него щечки алые —
Поалее маку алого!

234

Туманы мои темные, ничегохонько было,
Да сквозь эти туманы ничегохонько не видно.
Ой да только виден было да один сыр дубочек,
Под которым было да я, красная девушка,
Да весь день я с милым простояла;
Я про все то, про все да с милым дружком говорила
Одно тайное словечко сказать ему позабыла!

235

По шелковой по муравушке
Торный след пробит к могильничку,
Пробивала след тот девушка,

Протоптала девка красная.
Не к отцу да что не к матери:
Там лежит путек-дороженька —
К разудалу добру молодцу,
Ко могилушке мила дружка.
Ходит, ходит туда девушка,
Полет, полет там крапивушку,
Земляничку со клубничкою,
Поливает все слезой своей:
«Ах, расти, расти ты, ягода,
Земляничка со клубничкою,
Вокруг камня, вокруг белого,
На могиле друга милого!
Ах, скажи ты ему, ягода,
Что взрастила тебя мать-земля,
Полила тебя слезою я,
Слезой горькой, слезой девичьей!
Вспомни, вспомни, друг, в сырой земле
Про свою сударку милую,
Встань ты, встань, друг, из могилушки,
Глянь на ягоды на красные,
На свою ты рассударушку,
На мое лицо на белое.
Ах, не встать тебе, сердечный друг!..
Расступись же ты, сыра земля,
Дай хоть глянуть мне на милого,
На его кости на белые!»

236

Ко дунайскому крутому бережочку,
По тому же по сыпучему песочку,
Тут ходила-то душа красна девица.
Доходила до трех братьев выборовых,
В вызрыданьице словечушко промолвит:

«Не слыхали ль, не видали ль про милого?»
Ну большой-от говорит: «Я не видел!»
Ну середний говорит: «Я не слышал!»
А меньшой-то говорит: «Я-то слышал!
На дунайском на крутом на бережочке,
На том же на желтом на песочке
Стояла гробница белдубова.
Тут лежало бело тело молодецко,

Бело тело твоего лежит милого.
Потонул он во батюшке тихом Доне!»

«Не спасибо тебе, батюшке тиху Дону!
Разлучил мово милого от дому,
Потопил своею тихою водою!
Я пойду, пойду на берег на прикрутой,
Кинусь-брошусь я с крутого бережочка!»

237

Не спится мне, красной девушке, не спится,
Подушечка в головушках вертится,
Соболино одеялице не греет!
Я сама себя, красная девушка, сгубила,
Что холостого добра молодца полюбила:
Задумал мой любезный друг жениться.
Наряжусь же я, сиротинушка, в черно платье,
Пойду, пойду ко милу другу на свадьбу,
А я сяду против милого на скамейке.
Частехонько мой милый друг взглядает,
Тяжелехонько душа моя вздыхает...
«Напойте ж вы сиротинушку, накормите,
Со двора же вы сиротинушку проводите,
Собаками сиротинушку не стравите!»

238

Ах, ты зачем, зачем, рябинушка,
Долго так, ах, ты долго не цвела?
Ах, да поздно зацвела.

Ах, не выцвевши, нельзя тебя, рябинушку,
Нельзя заломать!

Ах, да не вызнавши, мне нельзя,
Нельзя, ах, мне девушку, ах, да красную,
Ой, мне нельзя замуж взять!

Ах, да я повыгляжу,
Я повыгляжу да повысмотрю,
Ах, возьму за себя!

Шла девица темным лесом,
Ох, темным лесом, темным лесом,
Зеленым лужком.

Ах, да зеленым да лужком,
Да шла, ах, шелковою, ой, шелковою,
Ой, да шелковой травой.

Что, ах, да шелковая трава,
Что да шелковая, ах, шелковая трава
Оплетает ей следок.

А лавровые, лавровые,
Ах, лавровые листочки
Во лесу люто шумят.

Ах, да не шумите да вы, лавровины,
Вы лавровины, ах, лавровины,
На один хоть на часок!

Не давайте вы тоски-назолы,
Ах, да тоски-назолушки
Сердцу моему!

Что и так мое, ах, и так сердечушко
Все изныло, ах, все изныло,
Ой, все изныло во мне.

Ах, да все изныло,
Все изныло, ах, изоржавело, изоржавело,
Как синенький камешок!

239

По лугу, лугу вода со льдом,
По зелену золота струя струит...
Струйка за струйкой — сама лебедь плывет,
Белая лебедушка-девушка,
Белая лебедушка-девушка —
Ясный соколичек-молодец.
«Где его не вижу — по нем сердце болит,
Где его увижу — сердце взрадуется,
Кровь во лице разыграется,
Косточки, суставчики рассыпаться хотят,
Рассыпаться хотят — поздороваться велят».

«Ты здорово, черноброва,
Здравствуй, ягода моя,
Здравствуй, ягода моя,
Скажи, любишь ли меня?»
«Я любить-то не люблю —
Насмотреться не могу,
Насмотреться, наглядеться, нарадоваться:
Очень миленький хорош —
Чернобров, душа, пригож!»

240

Как по лугу, по лужочку вода соливат,
По зеленому лужочку золота струя бежит,
Что и струенька!
За струенькой бело́й лебедь плывет,
Что бела́я-то лебедка — красна девица душа;
Что и серый селезень — добрый молодец.
Что увидит девка молодца — обрадуется,
Во белом-то лице кровь появится!

241

Распечальное сердце мое беспрестанно тужит,
Ай, тоскуёт-горюёт оно все-то по прежней воле.
Тоскуёт-горюёт оно все-то по прежней воле.
Ай, кабы мне, молодчику, на́жить бы прежню волю,
Ай, волюшку-ту бы вольную мне бы — сизы́я крылья!
Ай, сизенькия крылышки, золотыя перьё,
Сизенькия крылышки, золотыя перьё,
Ай, золотыя крылышки... Взнялся бы я высо́ко,
Золотые крылышки... Взнялся бы я высо́ко,
Ой, высоки́м бы я высоко, улетел бы далёко!
Высоки́м-высоко, улетел бы далёко:
Ой, к любушке бы я, к сударыне, сел бы я на окошко!
К любушке бы сударыне сел бы я на окошко,
Ой, сел бы на косящатое, стал бы я ворковати!
Сел бы на косящатое, стал бы я, ой, ворковати,
Э-ой, любушке-сударыне своёй назолу давати,
Любушке-сударыне своёй назолу давати:
«Э-ой, любушка-сударыня моя, встань-ка ты поскореё,
Любушка-сударыня моя, встань-ка ты поскореё,
Э-ой, встань-ка поскореё ты, встань-ка повеселеё!»

242

Одинотство, одинотство,
Одиночество мое!
Одинокая была,
В одиночестве жила.
Затопила я избушку,
Сама по воду пошла
На реченьку на Неву,
По холодную воду.
Прилетали на Неву
Гуси серенькие,
Возмутили, всполоскали
Воду свеженькую.
Не могла того дождаться,
Чтоб воде-то устояться.
Я тальянским платочком
Размахивала,
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко;
Легошёнько подняла,
Тихошенько побрела.
На круту гору взошла,
Меня думушка взяла,
Оглянулася назад —
Тут два барина стоят,
Про меня говорят:
«Это чья это такая,
Чья хорошая баская
Мимо нас прошла?..»

243

«Уж ты, Ва́нюша, Ваню́ша,
Ты спознайся, Ваня, с нами,
С нам, деву́шкам деревенским!»
«Уж я рад бы с вам водиться,
Да не знаю, как подбиться,
Я под вашу под деревню,
Я под вашу под большую:
Там дороженька грязна́я,
Широ́ка улица сорна́я,
Злы собаки-то лайли́вы,
Стары бабы говорливы —

И не видя, много видят,
Не слыхавши, много слышат».
«Уж ты, Ва́нюша, Ваню́ша,
Твоему горю поможем:
Путь-дороженьку распашем,
Широку улицу расчистим;
Злым собакам дадим хлеба,
Старым бабам дадим водки,—
Завалило бы им глотки,
И про нас бы не судили
Никому не говорили!»

244

Сварила похлебочку не соленую...
Любил парень девушку черноброву́ю...
Кого я любила, его здесь-то нет,
Кого ненавидела — всегда, подлый, на глазах.
Ох, с любимой со сторонушки легкий воздушок несет —
Дует он, подувает, где мой миленький живет:
Живет он, поживает во богатеньком дому,
Он ходит-гуляет по зелененьком саду,
Рвет он, порывает зрелый-спелый виноград!..

245

Зорюшка, зорюшка вечерняя,
Рано вспотухаешь ты, зоря!
Не дала же ты, зорюшка вечерняя,
Со поля убратися домой,
Захватила нас, братцы-ребятушки,
Серая погодка, ветерок.
Не пора ли нам, братцы-ребятушки,
Из Питера ехать нам домой?
Уж сходим-ка, братцы-ребятушки,
На Ямскую погулять.
Мы еще-ка зайдем, братцы-ребятушки,
На почтовый новый двор.
Мы найдем-ка, братцы-ребятушки,
Тройку серых лошадей.
Уж мы сядем все, братцы-молодчики,
Сядем да поедем-ка домой.

Уж мы любушкам-сударушкам
Со всем распростились,
Что с одной-то любушкой-сударушкой
Я забыл проститься.
Со пути-то, со питерской дороженьки
Назад воротился,
Я приехал к любушке-сударушке,
В доме постучался у нее.
«Ты здорова ль, любушка-сударушка?»
«Ох! плохое здоровье без тебя!
Что тесовая, миленькой, кроватушка
Впусте простояла без тебя;
Пуховая мягкая постелюшка
В куче пролежала без тебя.
Соболиное теплое одеялечко
В ногах пролежало без тебя,
Что кошнавы новые подушечки
Потонули во слезах!»

246

Эх, не будите-ка молодую
Утром рано поутру.
   Хо... ой, ходом-водом,
   Ой, идет ходом-водом!
Эх, вы тогда ее будите,
Эх, когда солнышко взойдет.

Эх, когда солнышко взойдет,
Да роса на землю падет.

Эх, роса на землю падет,
Ох, пастух выйдет на лужок.

Ох, пастух выйдет на лужок
Да заиграет во рожок.

Ох, хорошо пастух играет,
Выговаривает.

Эх, вы гоните-ка скотину
На широкую долину.

Эх, гонят девки, гонят бабы,
Гонят малые ребята.

Эх, гонят стары старики,
Да пожилые старики.

Эх, одна девка проспала,
Да позади стада гнала.

247

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?
Я была в печи вчерашней ночи́,
Лютая свекровушка сердита была,
Водой залила, не высушила!
Подружки-голубушки, ложитеся спать,
Ложитеся спать — вам некого ждать,
А мне, молодешеньке, целу ночь не спать.
Целу ночь не спать — мила дружка ждать!
Первый сон заснула — мила дружка нет;
Второй сон заснула — день бела зоря.
Выгляну в окошечко — миленькой идет.
На ножках сапожки поскрипывают,
Енотовая шубонька пошумливает,
Перчаточки лосиные пощелкивают!

248

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
Во той во беседушке девицы сидят,
Девицы сидят, речи говорят [1]:
«Лучина-лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи́ не была?» [2]
«Я была в печи вчерашней ночи́,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила».

---

[1] Первых трех стихов обыкновенно не поют. *(Примеч. А. С. Пушкина.)*

[2] Прибавляется также: «В печи не была, не высушена». *(Примеч. А. С. Пушкина.)*

«Сестрицы голубушки, ложитеся спать:
Ложитеся спать, вам некого ждать!
А мне, красной девице, всю ночку не спать:
Кровать убирать, ми́ла дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать,
Первый сон уснула — без миленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идет.
Собольею шубочкой пошумливает,
Пуховою шляпочкой помахивает,
Сафьянны сапожки поскрыпывают [1]:
«Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
«Душа красна девица, позамешкался:
С угрюмой женой побранка была,
Журила-бранила тебя и меня.
Тебя, мою душеньку, курвой назвала;
А я ее бил, бил — чуть живу пустил».
„Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
С угрюмой женою тебе век вековать,
Со мной, красной девицей, ночку ночевать!“»

249

Вечор поздно было у нас ввечеру
Да ли голубушка во гостях у нас была.

Голубушка во гостях у нас была,
Да ли сладку водочку с винцом она пила.

Сладку водочку с винцом она пила,
Да ли с водки пьяна-веселешенька была.

С водки пьяна-веселешенька была...
Да ли не помню, как млада домой дошла.

Я не помню, как млада домой дошла,
Да ли голубочку постель мягку постлала.

Голубочку постель мягку постлала,
Да ли я на право крылышко к нему легла.

---

[1] В новейших песенниках: «Натуральной тросточкой постукивает». И песня кончается этим стихом. *(Примеч. А. С. Пушкина.)*

Я на право крылышко к нему легла,
Да ли сверху левым рассизеньким обняла

Сверху левым рассизеньким обняла,
Да ли, приобнявши, принаказывала,—

Приобнявши, принаказывала:
«Да не спи ты, голубь, не проспи, голубь, меня

Не спи, голубь, не проспи, голубь, меня...»
Да ли улетела, ох, голубушка чуть свет.

Улетела, ох, голубушка чуть свет,—
Да ли взвился голубь за голубушкой вослед"

250

Сколько слез я уронила,
Он сказал, что не видал!
Скучно, матушка родимая,
Жить без милого дружка!
Уж как красная рубашечка на нем;
Лето целое проплакала об нем.
Уж как красная рубашечка,
С усмешкой милого замашечка!
Красная рубашечка алеет далеко.
У меня милой гуляет широко!

251

В речке девка платье мыла,
Звонко колотила,
Сухо выжимала.
«Душечка-молодчик!
Сошей мне башма́чки
Из желта песочку!»
«Кралечка-девочка!
Напряди-ка дратвы
Из дождевой капли!»
«Душечка-молодчик!
Сошей-ка мне платье
Из макова цвета,
Прострочи-ка строчку,

Не прорви листочку!»
«Кралечка-девóчка!
Напряди-ка ниток
Из белóго снегу!»
«Душечка-молодчик!
Солей перстенечек,
Вложи во глазочек,
В восточную звéзду!»
«Кралечка-девочка!
Напой-ка ты кóней
Середь синя моря,
На камешке стоя!
Сама не потонешь,
Коня не потопишь,
Седла не обмочишь!»
«Душечка-молодчик!
Сострой-ка мне терем
В Петрово говенье
Из моря леденья!»

252

Я вечор дружка милóго
Унимала ночевать:
«Ты ночуй, ночуй, любезный,
Ночуй ночку у меня!»
«Рад-радешенек остаться,—
Боюсь, дó свету просплю».
«Ты не бойсь, не бойсь, любезный,
До зорюшки разбужу,
До утря́ныя зорю́шки —
Я далёко провожу».
Я до тех мест провожала,
Где скончалася любовь,
Где скончалась, расставалась,
Слезно плакала по нем.
Слезно плакала, рыдала —
Со слез речка протекла.
Протекла речка Казанка,
Не ширóка, глубокá;
Не ширóкая, глубóка;
Перевозу на ней нет.
Хотя еся, да не здеся
Один легонькой стружок.

Я на бережку стоялá,
Руки к сердцу прижалá.
Прижамши руки к сердечку,
Грудью пала на водý.
На воде речь говорила:
«От тебя, злодей, тону!
От тебя ли, от себя ли,
От любви от своей,
От неверности твоей!»

253

Как у Дунюшки было, у голубушки,
Личико белое было, набеленое,
Щеки аленькие, намазанные,
Брови черные, подведенные,
Глаза серые, развеселые!
У ней буйная головка гладко чесаная,
У ней русая коса мелко плéтеная,
Во русой-то во косе лента алая!
Ленточка алая, Дуня девка бравая!
Кто бы Дуню полюбил,
Тот счастлив бы был,
Кто от Дунюшки отстал,
Тот бессчастным стал!

254

Под окошечком сидела
Да туда-сюда глядела.
Много видела прохожих,
Молодых ребят хороших.
Все молодчики в тулупах,
Один милый в сертучке,
Нараспашку в армячке.
Возле стену протирался,
На беседу пробирался;
Под окошечком стучал,
Меня в доме не застал.
Поверь, миленькой, тому:
Меня не было в дому!
Будь доволен, мальчик, тем,
Что потерся коло стен!

«Всю я ноченьку не спал,
До колена грязь топтал.
Сибирочку дождем мочит,
Фуражечку градом бьет,
Со кудеречек течет.
Вы, кудри, вы, кудри,
Вы, русые власы!
Не по-прежнему кудеречка
На плечиках лежат,
Не по-прежнему сударушки
На миленьких глядят!»

255

Вечером позднешенько голубка была,
Мягкую постелюшку подружка стлала,
На правое крылышко спать она легла,
Сама левым крылышком дружка обняла.
Обнявши, голубушка наказывала:
«Спи-ка, спи-ка, голубь, меня не проспи,
Вставай рано, рано утром до зари,
От напрасной смертоньки меня ослободи!»
Встрепенулся голубь рано на заре:
Нет голубушки на правом на крыле!
Взвился, взвился голубь сизой, полетел.
Вокруг гору сизой облетел.
За этой за го́рушкой голубка лежит,
По подбережку пух ее развит.
«Знаю, знаю, ведаю, кто ее убил,
Убил ее молодец из красна окна,
Из красна окна, из косящата!»

256

При веселье хожу̀, при радости.
Уж я жду к себе, дожидаюся
Дорога́ гостя̀, друга милого.
Вот идет, идет мой любезный друг,
Он несет, несет два подарочка.
Я возьму друга́ за белы́ руки́,
Поведу дружка во зеленый сад.

В зеленом саду разгуляемся,
Мы подарочкам разменяемся.
«Ты возьми, возьми золото́ кольцо,
Ты отдай, отдай мой тальянский плат.
Тебе тем кольцом обручатися,
А мне платком жениха дарить,
Жениха дарить, дружка милого».
«Не печалься, моя любезная,
Я ходить буду чаще прежнего,
Я любить буду пуще старого!»
«Не обманывай, разбессовестный!
Что не греть солнцу против летнего,
Не любить тебе против прежнего!
Хоть любить будешь — все обманывать,
Молодой жене пересказывать.
Какова-то жена навяжется,
Каково-то жене покажется!»
«Не сердися, моя любезная!
Я возьму-то ведь самою тебя,
Самою тебя, душа девица!»

257

В темном лесе я была,
Цветы, ягоды брала.
Я на рыночек снесла —
На целковый продала.
Я башма́чки завела,
Чулки новые купила,
Ало платье надела́;
Долго милого ждала.
Я милушку дождалась,
За шеюшку обняла,
Два словечка говорила:
«Раскрасавчик дорогой,
Зачем ходил ко другой?
Похваляешься ты мной,
Моей русою косой!
Моя русая коса —
Всему городу краса,
Молодчикам сухота:
Сушит, крушит молодца
Без матушки, без отца!»

258

Ты, кудряш, ты, кудряш,
Кудревата голова,
Не садись подле меня:
Про нас люди с тобой судят,
Будто я тебя люблю!
Сроду я тебя, кудрявого,
Не любливала,
За малиной в лес за ягодой
Не хаживала!
Я пойду, молода,
На широкий двор,
Я возьму петушка
Со насесточки,
Я ударю петушка
О насесточку:
Тебе раз, петушок,
За вчерашний смешок!
Зачем рано встаешь,
Голосисто поешь,
Кудряшу спать не даешь?..

259

Осённие комарочки
Не дают мне ночки спать.
Чуть заснула младешéнька на заре —
Мне хороший сон привиделся во сне:
Будто мой милой по улице прошел,
Ко мне в горенку тихохонько вошел,
Ко тесовой кроватóчке подошел,
На мое лицо приметно посмотрел,
Сказал: «Катенька, пойдем со мной гулять
В веселые хороводы поиграть,
На мудреные кадрили посмотреть!»

260

Гулял в рощице да опоздал молодчик,
Он не знал, куда идти.
Он садился под кусточек —
Идет девушка во лесочек.

Парень девушке взрадовался,
Выше рощицы взвивался
Белогрудым голубком.
По-за рощице голубь опущался
Ко девушке во садок.
Увидали сиза голубочка
Два лакея из окна.
Застрелить его хотят.
Увидала красная девица.
«Не стреляйте! — говорит.—
Не пугайте голубочка,
Дайте свыкнуться голубочку
У меня в зеленом садку!»

261

Выйду за воро́та,
Посмотрю далёко:
Там горы высо́ки,
Озера глубо́ки.
Во этих озерах
Живет рыба щучка,
Белая белужка.
Невода закину —
Живу рыбу выну.
Куда поприсести
Живу рыбу чистить?
Сяду-поприсяду
К зеленому саду;
Еще поприсяду
На дольну долинку,
На летню тропинку.
Куда мил ни по́йдет —
Меня не обо́йдет!
В саночки посадит,
Городом прокатит,
В лавочку посадит,
Торговать заставит!

262

Стало нечего попить, погулять,
Стало некого на двор загонять:
Вся скотина во долине гуляла́,

Я, младенька,— по крутому бережку.
Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Со воды гусей соганивала:
«Тиго, гуси, тиго, серые, домой!
Али, гуси, не наплавалися?
А я, млада, принаплакалася!»
Наплака́лась, нарыдалась молода,
Давно с милым не видалась — два года́.
Я, наплакавшись, домой пошла.
Вдруг навстречу мне молодчик молодой,
Чернобровый, черно́глазый, душа мой.
Стал он с девушкой заигрывати,
За бело лицо пощипывати.
«Не щипли меня за белое лицо:
Мое личико вспыльчивое,
Щечки алые разгарчивые,
Разгорятся, так не у́ймутся!
Моя матушка догадливая,
Приду домой — догадается:
„С чего лицо разгорается?
Верно, Маша во компаньице была?
Сладку водочку, наливочку пила?“»

263

Веселая голова,
Не ходи мимо сада́,
Не прокладывай следа,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади!
Худа славушка пройдет —
Никто замуж не возьмет:
Что ни барин, ни купец,
Ни крестьянский молодец.
Отцу-матери бесчестье,
Роду-племени укор,
Стыд головушке моей.
Мне нельзя прийти домой,
Сказать матушке родной.
Скажу так, скажу сяк,
Скажу этак и вот так:
Скажу, в садике была,
Во зеленом гуляла́,

Сладки яблочки щипала,
Все наливчатые
Да рассыпчатые.
На белое блюдо клала,
На серебряный поднос,
Ко милому относила
Во высокой во терём.
Милый яблочков не принял,
Ничего мне не сказал:
Не отказывает,
Не приказывает.
Уж я топнула ногой,
Покачала головой,
Сама с терема долой.
«Оставайся, черт с тобой!
Не ругайся надо мной,
Над моей русой косой,
Над девичьей красотой!»
На перву ступень ступила —
Призадумалася,
На другу ступень ступила —
Приразздумалася,
А на третью ступила —
Ворочусь, млада, назад,
Дружку выпеняю,
В глаза выругаю:
«Ты подумай-ка, невежа,
Погадай, негодяй:
Я за что тебя люблю?
За что жаловать хочу?
За досаду ль за твою?
Я за то тебя люблю —
Ты на ножку легók,
На босу ногу сапог,
Во полночь гулять готов!»

264

Никогда девку хмелинка
Не разымывала.
Разняла девку хмелинка,
Полюбил баской детинка,
Иванушка-сиротинка,
С низу низовой купец,

Разудалый молодец.
Стал ко мне в гости ходить
Да гостинчики носить.
Он гостинчики носил,
С собой девку пригласил,
В Нижний город завозил,
На рыночке становил.
«Посмотрите-ка, ребята,
Что за девица краса —
А что девица краса,
Да из дальна города́!»

265

На калинушке соловьюшка сидит,
Горьку ягоду калинушку клюет,
Со малиною прикусывает.
Прилетали к соловью два сокола́.
Они взяли подхватили соловья,
Заставляли соловейка песни петь:
«Уж ты пой-ка, воспевай, соловей,
При кручине утешай молодца́,
При печали — красну девицу-душу́:
Чтобы девушка любила одного,
Чтоб любила бы, цело́вала,
При людя́х его надёжою звала,
Без людей бы звала душечкою».
Ах ты, душечка удалой молодец!
Ты зачем долго не женишься?
Холост, молод — изволочишься,
По девчонкам истаскаешься!
Нигде нету такого молодца́,
Ни в Казани, ни в Астрахани.
Проявлялся один молодец
У Макарья на желты́х песках.
На желты́х песках макарьевских
Вдоль по бережку похаживает,
Тонки стрелы приналаживает,
Ко стрелу́шке приговаривает:
«Полети, моя калинова стрела,
Выше лесу по подне́бесью.
Упади, моя калинова стрела,
Ко вдову́шке на широкий двор.
У вдову́шки была дочка хороша,
Хороша дочь Палагеюшка».

266

Уж как по мосту-мосточку,
По калинову мосточку,
Шли души́ красны́ девицы,
Две названые сестрицы,
В руках несли фонаречек,
В фонаречке уголечек.
Уронили уголечек
Сквозь калиновый мосточек;
Ветерочек повевает,
Уголечек раздувает,
Горит, горит калин мосточек,
Горит, горит, выгорает.
У старого сердце ноет,
Ноет, ноет, занывает,
По душе красной девице,
По названой по сестрице.
«Ты, душа красна девица,
Выйди, выйди на крылечко,
Взвесели мое сердечко!»
«И я рада б к тебе вышла,
Да у батюшки соседи,
А у матушки есть гости,
У мила брата подьячи,
У меня, младой, подружки!»

267

По сеночкам ходила я, гуляла,
Иванушку будила, кликáла:
«Поди, Ваня, ночевать ко мне!
У меня ведь дома нет никого:
Мой батюшка в Ярославле-городе,
Моя матушка у тетушки в гостях,
А сестрицы в посиделочках сидят,
Мои братцы ведь малешеньки,
Малешеньки и глупешеньки они,
Только лягут спать — не прóснутся,
Хоть проснутся — не дознаются,
Дознаются — не умеют, как сказать!»

На дворе уже смеркается,
Солнце за лес закатается,

Иванушка снаряжается:
Скидывает Ваня ситцевой халат,
Надевает абрикосовой сертук,
А на шейку алой модненькой платок,
На головку черну шляпу со пером.
Иванушка он на ноженьку легок:
Через высокой забор перескочил —
На заборе он полу оторвал,
За забором пухову́ шляпу́ забыл,
А пришедши, расхвастался:
«Был я, был у сударушки своей,
Спал я, спал я на перине пуховой,
И я спал на тонких белых простынях!»

268

«Ах, что ж ты, голубчик, не весёл сидишь,
Не весёл сидишь и не радостен?»
«Уж как мне, голубчику, веселому быть,
Весёлому быть и радостному? —
Вечор у меня голубка была,
Со мной сидела́,
Со мной сидела́, пшено клевала́,
Поутру голубка убита лежит,
Убита лежит, застреленная,
Застреленная, потерянная.
Потерял голубку боярской слуга,
Боярской слуга, с боярска двора,
С боярска двора, убил из ружья».

«Ах, что ж ты, молодчик, не весёл сидишь,
Не весёл сидишь и не радостен?»
«Уж как мне, молодчику, весёлому быть,
Весёлому быть и радостному? —
Вечор у меня девица была,
Девица была, со мной сидела,
Со мной сидела, мед, пиво пила,
Мед, пиво пила, речь говорила,
⟨Речь говорила⟩ и руку дала,
И руку дала идти за меня,
А нынче девицу замуж отдают,
Замуж отдают, просватывают.
Ах, не то мне тошно, что замуж дают,
Что замуж дают, просватывают,

Ах, то-то мне тошно, что близко живет,
Что близко живет, что двор обо двор,
Что двор обо двор, забор об забор,
Забор об забор, калитка на двор;
По двору идет, что лебедь плывет,
Что лебедь плывет, мое сердце рвет!»

269

На кроватке тесовой
Сидит Ваня молодой.
Ваня бас-перебас,
Ваня песни петь горазд.
Ваня удочкой идет —
Ваня песенку поет:
«Кабы Дуня дома была,
Она встретила б меня,
За белы руки взяла,
К себе в горенку ввела».
Сидит Дуня во чулане,
Заперта семью ключами —
Не ушла бы с молодцами.
Новы сени подломили,
Раму выставили,
Дуню высадили.
Повезли Дуню венчать —
Она плакать, горевать,
Она плакать, горевать!
Она плакала, рыдала:
Не за барина попала,
Не за барина, купца —
За цыгана-молодца!

270

Не велика птичка-пташечка
Много знала, много ведала,
На синё море лётывала.
Что садилась птичка-пташечка
Середи моря на камешек,
Она слушала-выслушивала
Соловьюшка голосу,
Красных девушек песенки.

Говорила птичка-пташечка
Человеческим голосом:
«Говорила я любезному:
Не женися, мой любезный друг!
Когда женишься — спокаешься,
С молодой женой намаешься!»
«Полно, глупая, не дело говорить!
Люди женятся — не каются,
С молодыми женами не маются,
Только в саночках катаются!»

271

Возле речки, возле мо́сту трава ро́сла,
Трава ро́сла шелкова́я,
Трава ро́сла шелковая, муравая,
Шелковая, муравая, зеленая.
Траву в три косы косили ради гостя,
Ради гостя, ради друга дорогого,
Ради друга, ради батюшки родного.
Слышит, ноет мое сердце ретивое,
Что задумал моя радость, друг, жениться —
Он не хочет со мной, бедною, проститься.
Заезжай, радость, любезный друг, проститься,
Коль поедешь, моя радость, друг, жениться,—
Не равно с тобою, радость, что случится:
Через реченьку поедешь, друг,— потонешь,
Через быстру понесешься — захлебнешься.
Тута ме́ня, молодешеньку, вспомянешь,
Какова я, молодешенька, бывала:
Поутру рано-ранешенько вставала,
На босы ноги башмачки надевала,
Я на плечики салопчик накидала,
На головушку платочек повязала,
Встречу гостя дорогого поспешала!

272

Как не ты ли меня высушила,
Как не ты ли меня выкрушила,
Отпустила сухоту по животу,
Порассеяла печаль по очам,
Приневолила гулять по ночам,

Научила зеленое вино пить,
Призаставила гостинчики носить,
Из гостинцев одни прянички,
Из орешков — одни ядрышки!..

273

Сашенька, дружочек,
Саша нареченный,
Заиграй в гармонику
На заре вечерней.
На вечерней заиграет,
На утря́ной отстает.
С ума девицу ты сводишь —
Долго замуж не берешь.
Кто в гармонику играет,
Тот и песенки поет;
Кто голубушку имеет,
В посиденочку идет,
Гармонья поет у ворот —
Мне покоя не дает.
Волоса у друга черненьки,
Мы слюбились печальненьки.
Волоса, кудри хорошеньки,
Мы слюбились молоденьки.
Ты играй, играй, гармонья,—
Не подломятся мехи́!
Богомолку возьми замуж —
Призамолит все грехи!

274

«Помилашечка моя,
Сделай уваженье!
Стану, буду к вам ходить
Кажно воскресенье,
На неделюшке два раз,
Все, хорошая, для вас!»
«Ходи, милой, ходи мой,
Ходи, хороший, дорогой!»
«У вас поле каменисто,
Через речку моста нет!»

«Ходи, милой, ходи мой,
Ходи, хорошой, дорогой!
Уж мы полюшко расчистим,
Через речку мост смостим,
Ходи, милой, ходи мой,
Ходи, хорошой, дорогой!»

275

Ах, капустка, рассадка моя! —
Только милому досадка одна.
Ах, капустка легко стелется! —
Двое ходят — третий сердится.
Ах, капустка — вило́й кочешок! —
У меня мило́й хорош женишок!

276

Научить ли тебя, Ваня,
Как ко мне ходити?
Ходи летнею порой
Ты тропиночкой,
Ходи зимнею порой
Переулочком.
Ты не тросточкой стучи —
Соловьем свистни.
Соловьем свистни, Ванюша,—
Снегу ком нажми.
Снегу ком нажми, Ванюша,—
Во стену́ броси́.
Чтобы я, молода,
Сдогадалася,
Со беседы домой
Собиралася!
Я подружкам скажу:
Меня домой зовут;
Родной маменьке скажу,
Что я вся больна,
Ко тебе, миленькой, приду
Здоровешенька!

277

Как у батьки, у батюшка
Росла дочка Настасьюшка.
С ведром пó воду не хаживала,
С двора гостя не проваживала.
Тута выбрался удалой молодéц,
Нарядился серой козонькой.
И пошла коза по улице гулять.
Она стукнула копытом о бревно,
Красна девушка выгля́нула в окно.
«Ах ты, мать ли моя матушка!
Кабы эта сера козонька —
Ко батю́шку во высокой во терéм,
Ко мату́шке в нову горницу,
Ко мне, младе, на тесовую кровать,
Я не стала бы ни спать, ни дремать, —
Только стала б серу козу целовать!»

278

Я пойду ли молодéнька,
Во всю тёмну ночь гулять,
Своего дружка искать.
Я нашла дружка милого
У соседа в огороде,
В зеленóм саду под грушей,
Зовут милого Ванюшей.
Уж мы станем-ка, Ванюша,
С тобой горе горевать.
На кого беда сказать?
«Не марай меня, девица,
Скажи бела-круглолица,
На солдата молодого,
На купчика холостого,
На сержанта полкового!
Как солдат-от во походе,
В государевой работе,
Как купец-от во торговле,
А сержант-от во дороге».
Призадумалась девица,
Она белы ручки ломит,
Горючие слезы рóнит,

Свое дитятко качает:
«Бай-люлю, дите мое,
Будь ты трое проклято!
С колыбели бы упасти,
Тебе на́веки пропасти,
За тобою, мое чадо,
Вся гульба моя пропала!»

279

Сватался вор Яшка
Семь лет по Устинье,
Наряжался вор Яшка
Во девичье платье,
Выходил же вор Яшка
На улицу гуляти,
В хороводе плясати.
«Вы, девушки-подружки,
Сходите за Устиньей!»
На ту́ пору Устинья
Скорехонько соряжалась,
На улицу выходила,
В хороводе плясала.
Схватил же вор Яшка
За русую ко́су.
«Ты, девушка Устинья,
Пойдешь ли за меня замуж?»
«Либо пойду, либо нету,
Либо я постригуся!
Вы, девушки-подружки,
Скажите моей мати,
Искала бы меня мати
Во Марьиной роще
Под красной под сосной.
Я кровью венчалась,
Ножом обручалась!»

280

Растоскуйся, моя сударушка, разгорюйся!
Ах, и я ж по тебе, моя сударушка, стосковался,
На чужой-то дальней сторонушке загоревался...
Я малешенек после батюшки оставался,

Я родимой-то своей матушки не запомню:
Как вспоили меня, воскормили чужи люди,
Обшивали меня, обмывали красны девки,
Умом-разумом научила меня своя братья,
Что насильно меня, молодца, женили...

281

Широка Москва, пораскатиста,
И-э-ой, пораскатиста!
Ай, да что по той да Москве никто не гулял,
Ой-ма-и-а, никто не гулял,
Только шел-прошел добрый молодец,
Ай-эй-а, добрый молодец!
Он не имел себе заботы ни в чем,
Только имел заботушку одну, про женитьбушку,
А-эй-а-да, одну про женитьбушку:
«Не удалась женитьба моя,
Навязалась угрюмая жена,
Все журит-бранит мужа за напрасницу!»

282

Ах ты хмель мой, хмель, веселая голова,
Веселая голова, широкая голова!
От чего, мой хмель, зарождаешься?
По чему, мой хмель, подымаешься?
Зарождался хмель от сырой земли,
Подымался хмель по тычинке вверх,
По той по тычиночке по тоненькой,
По тоненькой, по еловенькой.
Кто за хмелем повадится, тот будет человек.
Повадился за хмелинушкой детинушка,
Детина-сиротина, нет уса, ни бороды, ни ума в голове.
На кабак идет детина — будто маков цвет;
С кабака идет детина — будто мать родила.
Встречала, привечала молодая жена:
«Поди, плешник, домой! Поди, курвяжник, домой!
Поди, пьяница, домой! Поди, пропоица, домой!
Пропил-прожил житье-бытье свое,
Житье-бытье свое, все приданое мое,
Все приданое мое — данье матернее!»

«Помолчи, бедна жена, ты не будешь голодна!
Теплых ден дождусь — в казаки наймусь,
В казаки наймусь — три рубля возьму,
Три рубля возьму — гарнитур куплю,
Гарнитур куплю — сарафан сошью!
А нет, так и тот сниму!
Как тот сниму, мешок сошью,
Мешок сошью, женку в мир пущу!
Ты ходи, бедна жена, по подо́конью,
Ты сбирай, бедна жена, куски ломаные,
Куски ломаные, ломти резаные!»

283

Как у сизого млада селезня
Не сами перья заломалися,—
Заломала их сера утица
По единому сизу перышку.
У дородного доброго молодца
Не сами кудри завивалися —
Завивала их красна девица
По единому черному волосу...
Завивши кудри, замуж пошла.
Замуж вышедши, стала плакати:
«Кабы знала я, млада, ведала
Я несчастье свое горькое,
Что неровню бог пожалует,
Век сидела б я во девушках —
Не терпела б горя вечного,
Веселилась бы с подругами!..»

284

Вы раздайтесь, расступитесь, люди добрые,
Вы на все ли на четыре на сторонки,
Уж вы дайте мне, младеньке, погуляти,
Мне шелковые травы́ да потоптати,
Мне лазоревых цветочков посрывати,
Покудова батюшка-сударь замуж не выдал,
Покудова матушка-сударыня не сговорила
За того ли за детину, за невежу;
Во кабак идёт детина, скачет,
С кабака идет невежа, восклицает:

«Еще дома ли жена-то молодая?
Отпирала бы жена да широки ворота!»
Уж как я ли, молоденька, была тороплива,
Поскорешенько с постелюшки вставала,
Я покрепче воротички запирала,
Посмелее со невежой говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невежа, за воротми!
Тебе мягкая постеля — снегова пороха,
А высокое зголовье — подворотня,
Шитый браный положок — часты звезды,
Крепки, строги караулы — серы волки.
Каково тебе, невежа, за воротми,
Таково-то мне, младеньке, за тобою,
За твоею за беспутной головою!»

285

У всех-то мужовья молодые,
У меня у одной старичище,
У меня, молодой, старичище,
Со большою седой бородищей,
У меня, молодой, старичище,
Со большою седой бородищей.
Не отпустит меня старичище.
Не отпустит меня на гульби́ще.
Я от старого уходом уходила,
Цветно платьице в подоле уносила,
У соседа под сараем снаряжалась,
Ключевой водой под горкой умывалась,
Всю я ноченьку, младая, прогуляла,
С молодыми со ребятами гуляла.
У соседа под сараем разряжалась,
Я домой, млада, бежала, торопилась.
Скок-поскок, молода, на крылечко,
Стук да бряк, молода, во колечко:
«Пропусти-ка меня, старичище,
Расседая большая бородища!»
«Где была ты, жена молодая,
Где была ты да с кем ты гуляла?»
«Я ни с кем не была, не гуляла,
Я телушку во хлевушку загоняла,
Тут со мною беда приключилась,—
Распроклятая вертушка завернулась,
Всю я ноченьку, млада, простояла,

Всю я ночку на морозе продрожала».
«Кабы знал бы, кабы знал бы, отворил бы,
В теплу горенку погреться пустил бы».
Слава богу, слава богу, обманула
Расседую большую бородищу!

286

Кабы знала я, ведала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужества,
Замуж не ходила бы,
Доли не теряла бы!
Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цветам лазоревым,
Отдала бы я черны брови
Ясному соколу:
Красуйся, красота,
По цветам лазоревым,
Гуляй, гуляй, воля,
По чистому полю,
Белейся, белёта,
По белой березе,
Чернейтеся, очи,
У черного ворона!

287

Не по реченьке лебедушка плывет,
Не ко мне-то с горя матушка моя идет,
Не ко мне-то с горя матушка идет.
Ты иди-ка, иди, мать, родимая, ко мне,
Да погляди-ка, мать, на несчастну, на меня,
Как я с малых лет во чужих людях живу,
Как я с малых лет во чужих людях живу.
Ой да не по плису ль я, ох не по бархату хожу.
Не по плису ль я, не по бархату хожу,
Ой да я хожу, хожу все по острому ножу!

288

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Заходила тучка грозная,
А другая непогожая,
Со дождями, со морозами,
Со снегами со глубокими.
Собиралась дочка к матери;
Поехала, не доехала,
Среди лесу становилася;
С соловьями думу думала,
С молодыми думу крепкую:
«Соловей ты, мой соловьюшко!
Полети ж ты, мой соловьюшко,
На мою ли на сторонушку,
Ты скажи ли моей матушке,
Ты скажи ли ей низкой поклон:
То-то, матушка, неволюшка,
Государыня, боярский дом!
Посылают меня, молоду,
Во полуночь одну по воду,
И разутую, и раздетую,
И холодную, и голодную.
На мое горе, на несчастьице,
Налетели гуси серые,
Возмутили воду свежую.
Уж той ли я воды час ждала,
А другой я час проплакала!»

289

Калинку с малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала,
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку в чужу сторону,
В чужу сторонушку — во лиху семью.
Чужая сторонушка — без ветру сушит,
Чужой отец с матерью — без дела бранят:
Посылают меня, молоду, во полночь по воду.
Зябнут-зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки к коромыслицу,

Текут-текут слезоньки по белу лицу,
Утираю слезоньки белыим платком.
Не буду я к матушке ровно три года;
На четвертом годике — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой-кукушечкою;
Сяду я у матушки в зеленом саду,
На любиму яблоньку — на матушкину.
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?
Что у нас зеленый сад без ветру посох,
Без дождя без сильного садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу дает?
Большая невестушка возговорила:
«Что за пташечка, пойдем поглядим!»
Средняя невестушка: «Пойдем изловим!»
А малый-то братец: «Пойдем застрелим!»
Жена ему молвила: «Пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела, горькая, с чужой стороны,
Со чужой сторонушки из лихой семьи!»
«Али ты безумная? Сестрица моя
Белая, румяная, всегда весела,
А эта хозяюшка худа и бледна!»
«Оттого худа-бледна — в чужой стороне,
На чужой сторонушке — плохое житье!»

290

Выдала матушка далече замуж;
Хотела матушка часто езжати,
Часто езжати, подолгу гостити.
Лето проходит — матушки нету;
Другое проходит — сударыни нету;
Третье в доходе — матушка едет.
Уж меня матушка не узнавает:

«Что это за баба, что за старуха?»
«Я ведь не баба, я не старуха,
Я — твое, матушка, милое чадо».
«Где твое делося белое тело,
Где твой девался алой румянец?»
«Белое тело — на шелковой плетке,
Алой румянец — на правой на ручке:
Плеткой ударит — тело убавит;
В щеку ударит — румянцу не станет!»

291

Полоса ли моя да полосонька,
Полоса ль моя да не паханая,
Не пахана, не боронена!
Зарастай, моя полосонька,
Частым ельничком да березничком,
Еще горькиим да осинничком!
Уж я по лесу хожу-брожу,
Во сыром бору я грибы беру;
Никто в лесе не аукнется.
Откликалися пастушки-дружки,
Государевы да охотнички,
Моей матушки да помощнички.
Припаду-то я ко сырой земле,
Припаду-то я да послушаю.
Чу, заносит голос матушки:
«Ты ау, ау, мое дитятко!
Не в лесу ли ты заблудилася,
Не в траве ли ты да запуталась,
Не в росе ли ты замочилася?»
«Ты родима моя матушка!
Заблудилась я в чужой стороне,
Я запуталась в чужих людях,
Замочилась я в горючих слезах!»
«Ты родимое мое дитятко,
Ты носи платье, да не складывай,
Ты терпи горе, да не сказывай!»
«Ты родимая моя матушка!
Поносця платье, да сложить будет,
Потерпя горе, да сказать будет!»

292

Вечор Дуню обманули,
За старого, за старого замуж отдали.
За старым жить недолго —
Всего только, всего только три денечка.
На четвертый день, на четвертый день зовет в поле:
«Пойдем, старый, пойдем, старый, в чисто поле!
В чистом поле, в чистом поле сине море,
А на острове, а на острове расцвел цветик,
Пойди, старый, пойди, старый, сорви цветик!»
«Боюсь, жена, боюсь, жена, утону я!»
«Небось, старый, небось, старый, черт не возьмет!»
Первый сту́пень, первый сту́пень — по колено,
Второй сту́пень, второй сту́пень стал по пояс,
Третий сту́пень, третий сту́пень стал по шейке.
Кричит: «Жена, кричит, жена, утонул я!»
«Слава богу, слава богу, утопился,
Слава богу, утопился!»

293

Как рябина, как рябина кудрявая,
Как тебе не сто́шнится,
Во сыром бору стоючи,
На болотину смотрючи!
Молодица ты молодушка,
Молодица ты пригожа,
Как тебе не сто́шнится,
За худым мужем живучи,
На хорошего смотрючи,
На пригожего глядючи?..
Наварю я пива пьяного,
Накурю я вина зеленого,
Напою я мужа пьяного,
Положу его средь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною,
Выйду я на улицу,
Закричу я своим громким голосом:
«Осудари вы, люди добрые,
Вы, суседи приблѝженны!
А ночесь гром-от был,

А ночесь молонья сверкала —
Моего мужа убило,
Моего мужа опалило!»
«А ты ..... страдница!
А не гром убил,
А не молонья сожгла —
А ты сама мужа извела!»

294

Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка, долой!
  Ай, ди-ли-ли, калинка моя,
  В саду ягода малинка моя!
Уж как все мужья до жен добры:
Покупали женам черные бобры.
Уж как мой-то мужичоночко,
  И он весь с кулачоночко,
Он купил мне коровушку,
Погубил мою головушку —
Снарядил мне работушку,
Некошную заботушку!
«Отворяй, жена, широки ворота,
Принимай, жена, корову за рога!»
Уж я встану ли ранешенько,
Я умоюся белешенько,
Погоню ли я корову на росу.
Как навстречу мне медведь из лесу.
Я медведя испугалася,
Я за кустики бросалася.
Ах, во лугах зеленых, во лугах
Принимала я корову за рога:
Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоеная!
У нас горенка нетопленная,
А ребятушки некормленые,
А телятушки непоеные!
Как ворчит на меня муж-супостат,
Он велит мне детей кормить,
Приказал мне коровушки доить:
«Ты коровушку подой да подой,
А подойничек помой да помой,
А телятушек напой да напой!»

295

Между речками, между быстрыми,
Да меж дорожками меж широкими,
Да на крутой горе на высокоей,
На крутой горе на высокоей
Да испостроился Еруслав-город [1],
Испостроился Еруслав-город.
Да Еруслав-город лучше Питера,
Еруслав-город лучше Питера,
Да лучше Питера, краше Киева,
Лучше Питера, краше Киева,
Да лучше матушки каменной Москвы,
Лучше матушки каменной Москвы,
Да каменной Москвы, славной Вологды,
Каменной Москвы, славной Вологды.
Да что не пыль в поле распыляется,
Что не пыль в поле распыляется,
Да не туман с моря подымается,
Не туман с моря подымается —
Да Еруслав-город разгорается,
Еруслав-город разгорается,
Да каменны стены рассыпаются,
Каменны стены рассыпаются.
Да една лавочка остается,
Една лавочка остается,
Да эта лавочка со товарами,
Эта лавочка со товарами —
Да что со ленточками со алыми,
Что со ленточками со алыми.
Да в этой лавочке молодой купец,
В этой лавочке молодой купец,
В этой лавочке молодой купец,
Да молодой купец, славный мóлодец,
Молодой купец, славный мóлодец.
Да перва ленточка стоит сто рублей,
Перва ленточка стоит сто рублей,
Да втора ленточка стоит тысячу,
Втора ленточка стоит тысячу,
Да третьей ленточке цены не было,
Третьей ленточке цены не было.
Да перва ленточка — молодой жене,
Перва ленточка — молодой жене,

[1] Еруслав-город — Ярославль.

Да втора ленточка — та родной сестре,
Втора ленточка — та родной сестре,
Да третья ленточка — полюбовнице,
Третья ленточка — полюбовнице,
Да полюбовнице, красной девице!

296

Ой ты роща ты моя, роща, рощица березовая!
Ах, да ничего-то в роще, в роще, в роще не родилося:
Ах, да уродились в роще, в роще, в роще грибы, ягоды.
Ах, да что брала-то грибы, грибы, брала красна девица;
Уж бравши́-то она, бравши́, она заплуталася,
Ах, да заплутамши она, Маша, стала аукаться:
«Ах, да ты ау-ка, ты ау, ау, ау, мил сердешный друг!
Уж ты что, ты, милый, милый, что мне не откликнешься?»
«Мне нельзя-то, Маша, нельзя, нельзя мне откликнуться!
Да за мной-то стоят, стоят трое стóрожи:
Что и первый сторож, сторож, сторож — тесть-от батюшка;
Да другой-от сторож, сторож, сторож — теща-матушка;
Что и третий-от сторож, сторож, сторож — молода жена!
Ты возмой-ка, возмой-ка, возмой, возмой, туча грозная,
Ты убей-ка, убей, убей, убей тестя-батюшку!
Прострели-ка ты стрелой, ой, стрелой тещу-матушку!
Молоду-то жену, ох, жену, жену я и сам убью!»

297

Через реченьку,
Через быструю
Гибка кладочка лежит,
Гибка кладочка лежит.
По той кладочке,
По той гибкой
Молод Лешенька бежит,
Молод Лешенька бежит,
Он и Настеньку,
Он и Настеньку,
Он за рученьку ведет,
Он за рученьку ведет.
«Ох ты кладочка,
Ох ты, гибкая,
Ай, не гнися подо мной,

Ай не гнися подо мной!»
«Ай, ты, Настенька,
Ай, ты, душенька,
Ай, не гневайся со мной,
Ай, не гневайся со мной!
Выпей рюмочку,
И полрюмочки,
Ай, не будь же пьяненька,
Ай, не будь же пьяненька!
Роди семь сыновей
Да-й дочушечку.
Ай, не будь же старенька,
Ай не будь же старенька!»
«Выпью рюмочку
И полрюмочки,
Я-й не буду пьяненька,
Я-й не буду пьяненька!
Рожу семь сыновей
Да-й дочушечку,
Я-й не буду старенька,
Я-й не буду старенька!»

298

В зеленом-то саду груша
    Зашумела, зашумела.
Отчего же в саду груша
    Зашумела, зашумела?
Как повеяли тонкие, буйные
    Ветерочки, ветерочки.
У Михайла в дому радость
    Учинилась, учинилась,
У Ивановича в дому радость
    Учинилась, учинилась!
Отчего же в дому радость
    Учинилась, учинилась?
Молода его жена сына
    Породила, породила,
А свет Федосья-душа сына
    Породила, породила,
Свет Петровна-душа
    Сына породила, породила!

299

Не бушуй, не бушуй,
Холоден ветер,
Не раскачивай, не раскачивай
Звонки ко́локола,
Не попусти, не попусти
Звону по́ земле:
Не разбуди, не разбуди
У Матвея жену,
Не разбуди, не разбуди
У Васильевича
Свет душу Анну,
Свет Анну Ивановну!
Вечор она, вечор она
Во компаньи была,
К утру-белу свету, к утру-белу свету
Сына породила́.
В то время его, в то время его
Не случилося в дому,
В то время его, в то время его
Царь жаловал
Тремя городами, тремя городами,
Тремя стольными.
В первом городу, в первом городу
Тут ви́на курят,
Во втором городу, во втором городу
Тут пива варят,
В третьем городу, в третьем городу
Тут дитя крестят!

300

Ой не сы́рый бор загорается,
Не туман с моря подымается,
Иван-судырь собирается,
А Васильевич в свою отчину,
Он во женину, во приданую.
А за ним народ — что пчела летит:
«Воротись, Иван ты Васильевич!
А твоя жена сына родила!»
«Для сына я не ворочусь домой:
Ой и сын-от мой вековой гостек,
Вековой гостек, собери-домок,
Домок батюшкин!»

Ой не сырый бор загорается,
Не туман с моря подымается,
А Иван-судырь собирается,
А Васильевич в свою отчину,
Он во женину, во приданую.
А за ним народ — что пчела летит:
«Воротись, Иван ты Васильевич!
А твоя жена дочерь родила!»
«Для дочери я ворочусь домой:
А дочь у меня часовой гостек,
Часовой гостек, расточи-домок,
Домок батюшкин!»

301

Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали,
Ох, кабы на меня не кручина,
Ни о чем-то бы я не тужила,
Не сидела бы я подпершися,
Не глядела бы я в чисто поле!
И я батюшке говорила,
И я свету своему доносила:
«Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы!
Не с хоромами жить — с человеком!
Не с богатством жить мне — с советом!»
Я по сеням шла, я по новым шла,
Подняла шубушку соболиную,
Чтоб моя шубушка не прошумела,
Чтоб мои пуговки не прозвякнули,
Не услышал бы свекор-батюшка,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

302

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
Приневолили меня, малёшенька, женили;
Молода была жена — я глупенек,
Стал я мо́лодцем — жена стала старенька.

Полюбилась мне молодка молодая,
Иссушила мое сердце ретивое.
Как вечор меня молодка огорчила,
Мне несносную насмешку насмеяла:
«Отступися,— мне сказала,— отвяжися,
У тебя своя жена, с ней и целуйся!»
Во бору ли во сыром ли стук-треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают;
Из сыра бора по лугу волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по реке.
«Вы постойте, добры молодцы, погодите,
Разлучите с опостылой со женою!»

303

Кукушечка соловьюшка
Журила-бранила:
«Уж ты, глупенькой соловьюшка,
Глупый, неразумный!
Не вей, не вей тепла гнезда,
Не вей при долине,
Совей, совей тепло гнездо,
Совей в темном лесе.
Никто твово тепла гнезда
Никто не разорит,
Ни охотничек, ни разбойничек,
Ни зверь, ни птица,
Разорит твое тепло гнездо
Красная девица!»

304

Скучно, скучно, невозможно!
С кем мне ночку ночевать,
Осённую коротать?
Я одна, млада, боюся,
Товарища со мной нет,
Что такого-то товарища —
Нету милого дружка.
Пойду с горя на реченьку.

На реченьку на Дунай —
На Дунае утоплюсь,
Во садике задавлюсь.
Тут нигде взялся милой,
Моя радость дорогой —
Машет правою рукой:
«Стой, девушка, не топись,
Красавица, не губись!
Свою душу не губи,
Молодчика не суши!
Через Дунай-реченьку
Положу я лавинку,
Проведу сударушку
На свою сторонушку!
Как на нашей на сторонке
Есть утехи и гульбы,
Молодецкие игры́.
По сторонку стоит жёнка,
По другую — смерть-гроза.
Уж я смерти не боюся,
К смерти ближе подойду,
Ей пониже поклонюсь:
„Уж ты, смерть моя драгая,
Ты не трогай-ка меня, —
Умори мою жену!“»
Не дал женушке скончаться,
Прикрыл тонким полотном,
Сам к сударушке пошел.
«Сударушка-девушка!
Не зови меня вдовцом, —
Зови удалым молодцом!»

305

Не скучно ли тому,
Кто кого полюбит?
Поскучнее есть тому,
Кто о ком потужит.
Полюбил-то ли молодчик
Молоду молодку;
Он печалюшки, заботы
Много получает,
Он темных-то ночей
Мало усыпает,

Круг молодкина двора
Всю ночку гуляет;
Ко кутнему окошечку
Часто припадает,
Любезну́ю он свою
Сашей называет.
«Спишь ли, моя любезна́я?
Ежели не спишь ты,
Выйди на крылечко!»
«Уж я рада, рада встать —
Старый пробуди́тся.
Что лежит постылый муж
У меня на ручке.
Он тяжел ли, не тяжел —
Как гнила колода;
Колодушка гнилая,
Ровно дубова́я,
Из-под моху, из болота,
Я его хозяйка.
Я хозяюшка его,
Жёнка молодая.
Уж я встану же, млада,
Встану пораня́е,
Уж я встану да умоюся,
Богу помолюся:
Здынься, здынься, накатися,
Туча тёмна, гро́зна,
Уж ты вылети из тучи,
Стрела калена́я!
Ты убей-ка, застрели-ка
Постылого мужа,
Ты спаси-ка, сохрани-ка
Сердечного друга!»
Как здынулась, накатилась
Туча тёмна, грозна,
Вылетела же из тучи
Стрела калена́я,
Что убила, застрелила
Сердечного друга,
Сохранила, сберегла
Постылого мужа.
«Лучше мне бы, молоденьке,
Богу не молиться,
Лучше мне бы во любови
С миленьким нажиться!»

306

Как на дубчике два голубчика
Целовалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Где ни взялся тут млад ясён сокóл,
Он ушиб, убил сиза голубя,
Сиза голубя, мохноногого,
Он и кровь пустил по сырý дубý,
Он кидал перья по чистý полю́,
Он и пух пустил по поднебесью.
Как растужится, разворкуется,
Сиза голубушка по голубчике.
Как возговорит млад ясён сокол:
«Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка, по своем голубе,—
Полечу ли я на синё море,
Пригоню тебе голубей стадо,
Выбирай себе сиза голубя!»
Как возговорит сиза голубушка:
«Не лети, сокол, на синё море,
Не гони ко мне голубей стадо:
Ведь то мне будет уж другой венец,
Моим детушкам не родной отец!»

307

Ах ты, дума ль, моя думушка,
Ах ты, мысль моя, молодецкая!
Пригадай-ко, мысль молодецкая,
Что жениться ли мне молодцу
Или век мне холостому жить?
Что придумала моя думушка,
Пригадала мысль молодецкая:
«Не женись-ко, добрый молодец,
Не теряй свою золоту казну,—
Ты на те же деньги коня купи,
Не поглянется тебе добрый конь —
Ты продашь коня или променяешь,
Иль товарища, братца подаришь;
Не поглянется тебе худа жена,—
Ни продать-то ее, ни променять,
Ни товарища, братца подарить,—
Тебе век с ней горе мыкати!»

308

Все-то бы я, девушка, с Пахомушком жила,
День с утра до вечера улочку мела,
Мела, мела улочку, распахивала!
А грешного кофея сроду не пила.
А чаю заварила, заварила — вылила.
Ой, все меня свекровушка без винушки бранит,
А свекрушка-батюшка покоя не дает.
Ой, мама, мама, маменька моя,
Помоги мне, маменька, горю моему,
Худо без Пахомушки, как я буду жить?..
«Не плачь, моя доченька, не грусти,
Окончится германская, и Пахомушка придет!»
Все-то бы я, девушка, с Пахомушком жила,
День с утра до вечера улочку мела!..

309

По зоре-зоре овин молотит,
Выше пеледы соломушка летит.
Свекор по сеничкам похаживает,
Сношку-невестушку побуживает:
«Встань-ко ты, сношка,
Поди по воду сходи!»
«Нет, я не пойду, нет, не пойду:
Берега круты, вода глубока,
Ведро велико, вода тяжела,
Рыба больша, проглотит меня!»

310

Скучно, матушка,— голова болит,
Ай, люли, люли, голова болит!
Худо можется — нездоровится!
Ай, люли, люли, нездоровится!
Нездоровится, гулять хочется,
Ай, люли, люли, гулять хочется!
Я украдуся, нагуляюся,
Ай, люли, люли, нагуляюся!
Со милым дружком повидаюся,
Ай, люли, люли, повидаюся!

«Ах ты милой мой, мил сердечной друг!
Ай, люли, люли, мил сердечной друг!
Научи меня, как домой прийти,
Ай, люли, люли, как домой прийти!»
«Ах ты глупая, неразумная,
Ай, люли, люли, неразумная!
Поди улицой серой утицой,
Ай, люли, люли, серой утицой!
Широким двором — белой лебедью,
Ай, люли, люли, белой лебедью!
Во высок терём — ясным соколом!
Ай, люли, люли, ясным соколом!
Твой высок терём растворён стоит,
Ай, люли, люли, растворён стоит!
Твой ревнивой муж за столом сидит,
Ай, люли, люли, за столом сидит!»
За столом сидит, сам ломается!
Ай, люли, люли, сам ломается!
Надо мной младой надругается,
Ай, люли, люли, надругается!
За шелковую плеть принимается,
Ай, люли, люли, принимается!
Плетка свистнула, а я вскрикнула,
Ай, люли, люли, а я вскрикнула!
Свекру-батюшке возмолилася,
Ай, люли, люли, возмолилася:
«Свекор-батюшка! Отыми меня,
Ай, люли, люли, отыми меня!
От свово сына, от моего мужа,
Ай, люли, люли, от моего мужа!»
Свекор-батюшка велит больше бить,
Ай, люли, люли, велит больше бить!
Велит больше бить, кожу до пят спустить,
Ай, люли, люли, кожу до пят спустить!
Кожа волочится — гулять хочется,
Ай, люли, люли, гулять хочется!

311

Из-под камешка, из-под серого
Водица не течет.
Что за реченькой за быстрою
Зеленой садик цветет.
Не шуми ты, зеленой садик,

Вы не пойте, пташечки,
Не давайте вы кручинушки
Сердцу моему.
Что мое сердце ретйвое
Изныло, изболело,
Сам не знаю, почему.
Только знаю, что младешеньку
Хотят взамуж отдавать.
Вот злодей-жених красуется
На кониках вороных,
На их сбруя вся горит;
Что извозчики-молодчики:
На их платье все блестит.
Со нова́ крыльца ведут
Красну девицу,
А милой-то на стороночке
Стоит, слезы ронит.
Слезы ронит, речь говорит:
«Я по́ил, кормил забавницу
Сам я для себя,
Что досталася красавица
Иному, а не мне.
Ты, красавица, моя забавница,
На меня хоть раз взгляни!»
«Рада бы я радешенька
На тебя взглянуть,
Да закрытое мое лицо».
«Ты, красавица, моя забавница,
Хоть на ноженьку вступи!»
«Рада бы радешенька
Я на ноженьку вступить.
Видишь: веником метут!»
«Ты, красавица, моя забавница,
Хоть ручкой махни!»
«Рада бы радешенька
Я ручкой махнуть —
Руки заняты:
Жених за руку, сваха за другу!»
«Ты, красавица, моя забавница,
Хоть простись ты со мной!»
«Рада бы радешенька
Проститься с тобой —
Да лошадок не сдержать!»

312

Полынька, полынька, травонька горькая!
Не я тя садила, не я сеяла.
Сама ты, злодейка, уродилася,
По зеленому садочку расстелилася.
Заняла, злодейка, в саду мéстечко,
Место доброе, хлебородное.
На этом на месте чернослив растет,
Виноград цветет, изюм-ягода.
Изюм-ягода, черная смородина.
Свети-ка, светел месяц, во всю темну ночь,
Освещай дорожку, когда мил пойдет.
Что пошел мой милый по улице вдоль,
В самый крайний дом, ко чужой жене.
Что чужая-то жена зла, догадлива:
Устилала постельку под окошечком
И ложилась спать под косящатым.
Отворяла окошко помалешеньку:
Говорила с милы́м потихошеньку:
«Ах ты, милый мой друг,— не вовремя!
Мой постылый муж на руке лежит,
На руке лежит, во глаза глядит,
Во глаза глядит, целовать велит.
Целовать-то его мне не хочется,
Сердце не воротится, кровью обливается!»

313

У нас по улице,
У нас по широкой,
У нас по зеленой,
У нас по муравой
Шел-ишел удалой молодец,
Шел-ишел — посвистывал,
Плеткою похлыстывал,
Молодую покликивал:
«Молодая молодушка,
Открой оконушко,
Прими подарочек —
Московский пряничек!
Он ни дорог, ни дешев —
Семь рублей с полтиною,

С золотою гривною!»
«Мне нельзя открыть окна,
Нельзя оконушка:
Старый муж на руке лежит,
Старый муж на ручушке!
Он тяжеле каменя,
Он студене леденя,
Студене зимнего!
Он постылей собаки,
Постылей бешеной!..»

314

Хорошо тому на свете жить,
У кого нету стыда в глаза,
У кого нету и совести.
Хорошо тому на свете жить,
У кого нету ми́ла дружка;
У кого нету мила дружка,
У того нету и горюшка.
У меня ли, у младешеньки,
Превеликие заботушки:
Уж как первая заботушка —
Свекор да свекровушка,
А вторая-то заботушка,—
Муж, удалая головушка.
Уж как третья-то заботушка —
Еся миленькой сердечной друг.
Зазнобил меня, повысушил —
Суше ветру, суше вихорю,
Суше той травы кошенныя,
К сырой земле положенныя,
Я сама дружка повысушу,
Я любезного повызноблю.
Суше той травиночки,
Полевой былиночки.
Не достанься, мой любезный друг,
Ни сестрице, ни подруженьке,
Ты достанься, мой сердечной друг,
Одной матушке сырой земле,
Еще белой гробовой доске.

315

Из ворот, было, вороточек,
Из новых, было, решетчатых,
Выходили красны девушки,
Что весной они на улицу гулять.
Выносили красны девушки
Соловьюшка на белых руках.
Соловьюшка насвистывает,
Красным девушкам наказывает:
«Погуляйте, красны девушки,
По своей воле у батюшки,
У родимыя у матушки,—
Неравно да замуж выйдется,
Неровён злодей навяжется:
Либо старый удушливый,
Либо младый невежливый,
Либо ровнюшка, да пьяница —
Не опустит на улицу гулять!»
Я стара мужа потешила,
Во чисто́ поле выво́зила,
На осинушку повесила —
На осину саму долгую,
На вершину саму тонкую.
На осинушке чапа́ется —
Мой старо́й муж величается!
Как осинушка обломится —
Мой старой-от муж обо́рвется,
О крапивушку обо́жжется,
О шипицу-то околется,
О шипицу о колючую,
О крапиву о жегучую,
В быстрой речке закупается,
Во свежей воде захлебается!

316

Братец се́стрицу ласкает,
Он на ручках ее держит.
«Вырастешь большая —
Отдам тебя замуж
Из села в деревню,
Не в большую се́мью.
Там живут три братца:

Первый братВаню́шка,
Другой брат Яку́шка,
Третий брат Викто́рка.
Викторушка братец,
Возьми мою сестрицу!
Куда ни поеду,
Все к тебе заеду.
Здорово, сестрица,
Здорово, голубушка!
Каково, сестрица,
Ноне поживаешь?»
«Ой, братец, голубчик,
Как я несчастли́ва!
Сегодняшну ночку
Шёлковая плетка
Всю ночь просвистела,
Мое тело бе́ло
Всю ночь прогорело,
Слезы горючи́е
Всю ночь пролилися!»

317

Упалася, перепалася —
С милым другом не видалася.
Увидалась — дружку срадовалась.
У батюшки во беседе сидела́,
У матушки во компаньице,—
Уж как мой-то миленькой
В переднем углу сидит,
Я, младенька, на дубовой на скамье,
Постыло́й муж середь лавочки.
Как мы с милым моим сглянемся,
Усмехнемся, отвернемся,
Поцелуемся,
Ки́внем, ми́гнем, на двор по́йдем.
Постылой муж догадается,
По лавочке подвигается,
До шапочки добирается,
Домой идти снаряжается.
Меня, младу, за рукав тащи́т,
За рукав тащит — рукав трещит.
За другой тащи́т — сам-от весь дрожит.
Мне, младеньке, не хотелося идти,

Не хотелось вдоль по улице пройти,—
Мне хотелось мимо кузницы!
Во кузнице молодые кузнецы
Куют, дуют, принаваривают,
Молотами приколачивают,
Ко мне, младе, приговаривают:
«Поди, сю́да, молодица молода,
Мы тебе башмачки скуём,
Мы еще скуём замочек с ключом!»
Мне не надо бы замочек с ключом,
Не хотелось бы башмачков с каблучком,
Мне бы надо пистолетик со ружьем —
Хотело́сь бы стара мужа застрелить,
Хотело́сь бы честной вдовушкой пожить,
Хотело́сь бы вдовье платье носить,
Хотело́сь бы молодых ребят любить!

318

Отдавали-то моло́ду
В большу семью,

В большу семью
Неразвытную.

Сами ужинать идут —
Меня по воду пошлют,

А я по воду иду —
Как голубка гуду,

А с водой я иду —
Утираюся.

Ко дверям подхожу —
Прислушаюся...

А и свекор говорит:
«Ни напечь, ни наварить!»

А свекровь говорит:
«Ни напрясть, ни нашить!»

А и деверь говорит:
«Пора в шею ее бить!»

А и муж говорит:
«За что ее бить?

У нее и так
Сердечко болит!»

А золовка говорит:
«Вам никто не угодит!

Вам и тот не угодит,
Кто в озере сидит!»

319

Отдают молоду
За реченьку за Неву,
Во горенку во нову,
Во семеюшку малу:
Только свекор да свекровь,
Да четыре деверька,
Две золовушки
Да две тетушки.
Как меня, младу, ведут,
Туто свекор говорит:
«Нам медведицу ведут!»
А свекровь-то говорит:
«Людоедицу ведут!»
А деверья говорят:
«Разоридомку ведут!»
А золовки говорят,
Что неряху ведут,
А тетушки говорят:
«Не ткаху, не пряху,
Не швею, не белею!»
Шесть недель прошло —
Говорить можно́.
«Свекор-батюшка, позволь
Мне по горенке пройти,
Слово выговорить:
Свекор-батюшка! Медведицы
В темно́м лесу живут!
Людоедицы, свекровушка,
В верлоге лежат!
Уж вы, братцы-деверьки,

Ваши жены таковы!
А золовушки,
Вы, голубушки,
Когда замуж выйдете,
Таковы же будете!
А вы, тетушки,
Вы, лебедушки,
Вы сидите на пече,
На девятом кирпиче,
Не судите, не рядите,
Не указывайте!»
А как милая-то лада
Под полатями сидит,
Искося глаза глядит.
«Ты косись, не косись,—
Я не больно боюсь!»
Шелковую плеть схватил —
Мое тело обварил.
Уж как я ли, молода,
Да не робкая была:
Плеть-то выхватила,
Его выварила.
Праву руку отвела —
В леву щеку подала,
А леву́ю отвела —
Да в праву́ю подала,
За русы кудри взяла —
К сырой земле пригнела:
«Уж ты кланяйся пониже,
Говори со мной потише!»
Уж как мужняя гроза —
Наплевать ему в глаза;
Уж как мужние побои —
Наплевать ему поболе!

320

Кабы да на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
На меня, молоду́, не печали —
Я, поджав белых рук, не сидела,
Подпершись, молода, не ходила.
Слышу: стук! слышу: бряк! — под окошком.
Я окошечко отворила,

Я в окошечко заглянула:
У ворот гости дорогие,
Там два братца мои, два родные.
Свекра-батюшка дома нету,
Свекровь-матушка на пирушке,
А деверья ушли за охотой,
А невестушки ушли в гости,
А золовушка во беседе.
«Погодите-ка, братцы, я доложуся,
У милого лады спрошуся.
Отворись, отворись, тепла спальня,
Пробудись, моя мила лада!
У ворот гости дорогие:
Там два брата мои, два родные».
«Отойди прочь, жена мне не ми́ла,
Мне родня твоя вся опостыла!»
Тут сестрица в окно заглянула,
Своим братцам родным отказала:
«Поезжайте домой поскорее
И скажите родной челобитье,
А сестрицам моим по поклону,
А родному батюшке не спасибо,
Что он выдал меня за урода,
За большое свекро́во богатство,
За цветное нарядное платье.
Их большое богатство — сусеки,
А их цве́тное платье на грядке,
А урод-от лежит на кроватке
И велит перед ним мне стояти,
И велит мне его целовати.
Не могу на урода смотрети,
А не то что его целовати!»

321

Как при речке, речке,
При бережечке,
Мыла молодушка
Белые ноги.
Набело мыла,
Приморозила.
Налетели на реченьку
Серые гуси.
Кыш, кыш! полетите,

Воды не мутите.
Станет молодушку
Свекор бранити,
А свекровь журити:
«Что ты, молодушка,
Долго ходила,
Кого полюбила?»

322

Исходила младенька все луга и болота,
Все луга и болота, все сенные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка:
«Ах-ахти горевати, где мне ночь коротати?..»
Мне на ум-то запало про родного братца.
Уж я стук под окошко, уж я бряк во колечко:
«Дома ль, дома ли, братец, дома ль, белый голубчик?»
«Дома, дома, сестрица,— дома, бела голубка!»
«Ты укрой меня, братец, да от темные ночи,
Что от темные ночи и от лютого зверя!»
«Ах, сестрица-голубка, да светлая ноченька,
Светлая ноченька и своя ли семейка!..»
Выходила невестка, выходила злодейка,
Выпускала собаки, все собаки лихие:
«А сю-сю! Вы схватите! А ту-ту! Разорвите!
Чтобы эта да гостья не почасту ходила —
Не почасту ходила, не подолгу гостила!..»
Как пошла-то сестрица — залилася слезами.

323

«Ах ты, Васенька, Вася-казак,
Пора завтракать вставать,
Тебе время работáть,
Работушка не тяжёла —
Серу пашеньку пахать».
Мужик пашеньку пахал,
Сам на солнышко взирал.
Стало солнышко с обеда
Поворачивати.
«Наши добрые жены́
Мужьям есть принесли.
Что моя курва жена

Долго есть не несёт?
Уж я вырублю лозу́
На свою шельму жену.
Я поеду ко двору,
Исстегаю всю жену!»
Мужик едет ко двору —
Жена ходит в терему
Набеленная,
Нарумяненная!
«Уж я брошу же лозу́,
Поцелую жену —
И ужинать не хочу!»

324

Да спасибо тебе, синему кувшину:
Разогнал ты мою всю тоску-кручину!
Не кручина моя меня сокрушила —
Сокрушила меня плохая жененка...
Ты умри-ка, жена, умри поскорее,—
Я возьму-то себе в руки топорочек,
Я пойду-то, пойду в рощу зеленую,
Я срублю-то себе сосну кудрявую,
Я срублю-то себе горенку новую —
Я возьму-то себе жену молодую!

325

Из-под камня ли то, камня серого
Вытекала река — вода холодная.
Тут девица бело мылася
Да на гу́лье снаряжалася.
Взошла на́ гору — диво видела,
Диво видела, дивовалася:
У колодчика-то у ключе́вого
Тут донской казак конюшка поил;
Он не конюшка поил — свою жену губил.
Ему жёнушка-жена возмолилася,
В праву ноженьку поклонилася:
«Ах ты, муж, мой муж, ты донской казак!
Не губи душу рано с вечера,
Ты губи душу со полу́ночи,
Когда соседушки поразо́йдутся,

Когда семейнички спать улягутся,
Малы детушки крепким сном заснут!»
Малы детушки просыпаются,
Своей маменьки они хватаются:
«Родный тятенька, где же наша маменька?»
«Ваша маменька в новой горнице,
В новой горнице под окошечком!»
«Не обманывай, родный тятенька!
Наша маменька во сыром бору,
Во сыром бору, за колодиной!»
«Вы не плачьте-ка, малы детушки!
Я сострою вам высо́к терем,
Я повешу вам золотую цепь,
Приведу я вам молодую мать!»
«Ты сгори, сгори, наш высок терем,
Ты скипи, скипи, золотая цепь,
Ты спомри, спомри, молодая мать,
Ты восстань, восстань, наша матушка!»

326

Я мала была — горя не было,
Вырастать стала — горе прибыло:
Как замуж вышла я за старого,
Я за старого, за ревнивого.
Он ложится спать не по-людскому,
Не по-людскому, по-дурацкому,
По-дурацкому: ко мне спиной.
Промежду-то нас — змея лютая,
В головах у нас — что сугроб снегу.
Ты взойди-взойди, туча грозная,
Убей ты, убей змею лютую!
Воссияй-воссияй, солнце красное,
Разогрей-разогрей тот сугроб снегу!

327

Отдала меня матушка
За три горы высокие,
За три города за каменных,
Не велела мне сударыня
Ни тужить-то мне, ни плакати,
Ни почасту в гости ездити,

Ни почасту — через двадцать лет...
Уж как я-то, горька-бедная,
В три недельки стосковалася,
Уж я выйду, горька-бедная,
На красно-то на крылечушко,
На красно крыльцо перильчато,
Обопрусь я о перилечки,
Обольюсь я горячи́ми слезми́,
Посмотрю я в свою сторону:
Не летит ли оттоль ласточка,
Сизокрылая косаточка?
Попрошу я у ней крылышков,
У перепелочки перышков,
У кукушечки голосу,
Полечу я в свою сторону.
Уж я сяду, горька-бедная,
К родну батюшке в зеленой сад,
К родной матушке на вишенье.
Я слезами сад повытоплю,
Я кручиною весь повыгублю.
Как родимой-то мой брателко
По широкому двору похаживат,
Он свой тугой лук натягиват,
Калену стрелу направливат:
Сам ко стрелке приговариват:
«Полети, моя калена стрела,
Ты убей в саду пташечку,
Сизокрылую косаточку!»
Как родимая моя матушка
Увидала из окошечка косящета,
Своего сына уговариват:
«Ой ты гой еси, мое дитятко,
Не стреляй ты в саду пташечку,
Сизокрылую косаточку,—
Уж как это моя мила дочь
Со чужой дальной сторонушки!»

328

Ах вы ночи, ночи темные,
Ночи темные осенние,
Вечера наши развеселые!
Я всю ночь не сплю, все в ногах стою
Дружка милого у кроватушки,

У кроватушки у тесовыя,
Прошу милости друга милого:
«Умились ко мне, мой сердечный друг!
Ты пусти меня на кроватушку,
Положи, злодей, ты на ручушку,
Ты прижми меня ко сердечушку».
Как у милого сердце каменно,
Золотым замком сердце заперто,
Белы груди запечатаны,
От замка ключи порастеряны.
Потеряла те ключи ключница,
Супротивная мне разлучница.
Находила ключи девица,
Друга милого полюбовница.

329

От суха дуба отростьев нет —
От мила друга привета нет.
Я с той тоски, со кручинушки
Пойду сама во чисто поле гулять,
Со чиста поля во зеленый сад.
Нарву-нащиплю хмелю ярого,
Нагоню да накурю пива пьяного,
Созову-соберу пир-беседушку.
За матушкой я посла пошлю,
А за батюшкой слугу верного,
За милым дружком я сама пойду.
Посажу дружка за дубовый стол,
А сама сяду поконец стола,
Напою-то дружка пивом допьяна,
Стану дружка пытать-спрашивать:
«Одну ли меня ты суши́шь-круши́шь?..»
«Я сушу́-то, крушу семь девушек,
А восьмую — вдовушку-молодушку,
Девятую — тебя, молоду жену!»
...Напою-то я дружка допьяна,
Позову его спать на соломушку,
Подожгу я соломушку снизу доверху...

330

Ходила-гуляла вдова молодая,
Смотрела-глядела на свои высокие хоромы:

«Хоромы, вы хоромы, высокие вы терёмы!
Что же вы, хоромушки, не покрытые стоите?
Али у вас, хоромушки, хозяина в доме нету?..»
Услышал холостенький из высокого терема:
«Не плачь, не плачь, вдовушка, не печалься, молодая!
Я этим хоромушкам сам хозяин в доме буду,
Я эти хоромушки покрою, себя, молодца, пристрою!»

331

Ветры мои, ветры, вы буйные ветры!
Не можете ли, ветры, горы раскачати?
Гусли мои, гусли, звончатые гусли,
Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?
У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины, да пятое горе,
Да пятое горе, что нет его боле!
Первая кручина — нет ни дров, ни лучины;
Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Третия кручина — молода овдовела;
Четвертая кручина — малых детушек много;
А пятое горе — нет хозяина в доме.
Я посею горе во чистые поле.
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью!

332

Эй, уж ты, камешек, ты мой камешек,
Эй, а ты камень беленький!
Эй, излежался, камешек,
Эй, а ты во полугоре,
Эй, во полугоре камень,
Эй, а ты во ковыль-траве.
Эй, против солнышка камень,
Эй, а ты против красного!
Эй, уж ты, молодость моя,
Эй, а ты молодецкая!
Эй, ты когда-то, молодость,
Эй, прошла, прокатилася?
Эй, или днем ты, молодость,
Эй, или поздно вечером?

Эй, или в матушку, молодость,
Эй, а ты во глуху полночь?
Эй, прошла, прокатилася,
Эй, не в житье-то, не в бытье,
Эй, прошла не в богачестве,
Эй, не в гульбе-то, не в беседе,
Эй, а ты и не в радости!

333

Седина ль моя, сединушка,
Седина моя молодецкая!
Ты к чему рано появилася,
Во черны кудри вселилася?
Ах ты, молодость, моя молодость,
Ах ты, молодость молодецкая!
Я не чаял те измыкати,
Ах, измыкал я свою молодость
Не в житье-бытье богачестве —
Во проклятом одиночестве.
Изошел-то я, добрый молодец,
С устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку —
Не нашел-то я, добрый молодец,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцов-то, ясных соколов,
Ни сестриц-то белых лебедушек.
А нашел-то я, добрый молодец,
Полоняночку красну девушку.

334

А и горе, горе-гореваньице!
А в горе жить — некручинну быть.
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денег нету — перед деньгами,
Появилась гривна — перед злыми дни!
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхого,
Не откормить коня сухопарого,
Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера!

А горе, горе-гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я от горя в темны леса —
А горе прежде век зашел;
А я от горя в почестный пир —
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак —
А горе встречает, уж пива тащит!
Как я наг-то стал, насмеялся он!

335

Уж ты, котенька-коток,
Кудреватенький лобок,
Приходи к нам ночевать,
Нашу Лидочку качать!
Я тебе, тому коту,
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
Да кусок пирога,
Белой папыньки —
В обе лапоньки!

336

Уж ты, котя-коток,
Котя — серенький лобок,
Приходи, котя-коток,
Во печурочке поспать,
Во печурочке поспать,
Мне Володю качать!
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу,
За работу заплачу —
Шубку новую куплю,
Шубку плисовую,
Шапку бархатную!
«Мне не надо, коту,
Шубки плисовой, шапки бархатной,—

Только надо мне, коту,
Корки с мяконьком,
Только надо мне, коту,
Со сметанкой молочка!»

337

Баю-баю девушку —
На полянке жнеюшку,
На лужке грабеюшку,
У стола стряпеюшку,
У окошка швеюшку!

338

Баю-баю паренька —
На полянке пахарька,
На гулянке форсунка,
На беседе плясунка!

339

Бай-побай,
Колыбели не ломай
И цепочки не ломай!
Спи-поспи
И упокой держи,
Скорей вырасти!
Вырастешь большой —
Станешь под окошком секарек,
На полоске пахарек,
В темном лесе лесничок!
Станешь птичку ловить
И родителей кормить!
Спи-тко, высыпайся,
Вставай — не ломайся!

340

Байки-побайки —
Всем по китайке,
Отцу — кумачу,
Братцу — ситчику!

А сестрице моей
В косу — ленточку,
На головушку — платок:
Во всю головушку — цветок!

341

Байки-побайки,
Матери — китайки,
Отцу — новы сапоги:
Куда хошь побеги!
Няньке — сини башмачки,
Сестре — ленточку-бразументочку,
Брату — серого коня, заломи голова,
Крёсне — шелковый платок,
Гранатуру на салоп,
На шейку — янтарьки
Восьмушки в полторы!

342

Баюшки-баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат —
Полна горница ребят:
Все по лавочкам сидят,
Кашу с масличком едят,
На окошечке студят!

343

Баю-баюшки-баю,
Живет мужик на краю:
Он не беден, не богат,
Много у него ребят.
Все по лавочкам сидят,
Все соломку едят.

344

Баюшки-побаюшки,—
Нету дома матушки:
Мамушка в чужих людя́х,
Молоко в белых грудях.

345

Бай-бай да люли,—
Хоть сегодня умри!
Завтра мороз —
Снесут на погост.
Мы поплачем-повоем,
В могилу зароем!

346

Ходит Сон по лавочке
В красненькой рубашечке.
Уж ты Сон-Дрема́,
Поди к сыну в голова!

347

Бродит Дрёма возле дома,
Ходит Сон по сеням,
И пытает Сон у Дрёмы:
«Где тут люлечка висит?
Где тут деточка лежит?
Я пойду их укладать,
Буду глазки закрывать!»

348

Баю-баюшки-баю
Да уж Колюшку лю-лю!
Ходит Сон по окон,
Ходит Дрёма возле дома.
Как у Коли колыбель
Во высоком терему,

Во высоком терему
Да на тонком очепу.
Кольца-пробойца серебряные,
Положочек золотой камки,
В изголовьях — куны,
А в ногах — соболи:
Соболи убáют,
Куны усыпят!..

349

У котика, у кота
Колыбелька золота,
А у нашего Коли деревянная!
У нашего у кота
Есть перина пухова,
А у нашего Колюшки соломенная!

350

Баю-баюшки-баю,
Ходит кошка по краю,
Кошка лыко дерет,
Коту лапти плетет,
А кот лапти износил
Да другие запросил.

351

У котика, у кота
Была мачеха лиха.
Она била кота,
Колотила его.
Колотила его,
Приговаривала:
«Спи-ка, котик, на печи,
На каленом кирпичи.
Голову, котенька,
В лапки положь,
Хвостиком, котик,
Приокутайся!»

А котик осердился,
На полати ушел.
На полати ушел,
Там копеечку нашел.
Сам на рынок пошел
И там крупки купил.
А как крупки купил,
Молочка попросил.
Молочка попросил,
Масла выклянчил.
Дома кашу сварил
И (имя) накормил.
Спать укладывал,
Уговаривал:
«Спи-ка, спи-ка ты, усни.
Сладкий сон себе возьми.
Когда выспишься,
Большой вырастешь.
Большой вырастешь —
Станешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
А обносочки свои
Станешь няньке дарить.
Своей матушке — на платье,
Отцу — на кафтан,
А сестренкам — по юбчонкам,
Братишкам — по штанишкам,
А бабушке родной —
На кокошник на косой!»

352

Ты мороз, мороз, мороз,
Не показывай свой нос.
Уходи, мороз, домой,
Унеси стужу с собой!
(Имя) саночки возьмет
И кататься пойдет.
Ходит вьюга под окном
И стучит ставешко́м,
А снежинки-пушинки
В окошечко глядят
И кататься велят.

«(Имя) в люленьке усни,
Лучше в теплой полежи!»
А по улочке с прогулочки
Бежит серенький коток —
Познобил свой коготок.
А шерстка на нем
Позаиндевела.
А усики и брови
Позакуржевели.
Он за дверью ревет,
В и́збу просится.
Его бабушка впустила,
Взяла выстегала
От метелки голиком:
«Не ходи, кот, босиком.
Ходи в варежках,
В теплых валенках!»
(Имя) умненький,
Мальчик славненький,
Не пошел на улочку:
Засыпает в люлечке.
А котик заплакал,
На печку ушел
И улегся на печи
На каленом кирпичи.
А головеньку-то котенька
Лапкой обнял,
А хвостиком котя
Приокутался.

353

Баю-баю-баинька,
Прибежал заинька.
Пошел зайка под липку,
Нашел себе скрипку.
Надо зайку поймать,
Скрипочку отобрать!
Скрипочку отобрать —
Станет Ваня засыпать.

354

Уж я сына качаю —
Я себе замену чаю!
Уж я дочерь качаю —
Я себе-то зятя чаю!

355

Зы́баю-позы́баю —
Отца пошлем за рыбою!
Мать пойдет коров доить,
Бабушка — телят поить,
Дедушка — назем возить!

356

Кач, кач, кач —
Купим Ванюшке калач
Да конфетинку —
На заединку!

357

Люльки-полюльки —
Побежит Тоня по улке!
Будет лето и лужок —
Надо Тоне сапожок!

358

Ой, баиньки-баиньки,—
Куплю сынку валенки,
Куплю сынку валенки
Бегать по заваленке,
Сапожки на ножки —
Бегать по дорожке!

359

Петя, петя, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова бородка,
Что ты рано встаешь,
Зачем громко поешь?
Зачем громко поешь —
Сынке спать не даешь?

360

Скок-поскок
Молодой дроздок,
По водичку пошел,
Молодичку нашел.
Молодиченька —
Невеличенька,
Сама с вершок,
Голова с горшок!
Они сели рядком —
Посидели ладком.
Настала ночь —
Улетели прочь.

361

Тоню тяну,
Рыбу ловлю,
В кошель кладу,
Домой несу!
Щучки — в кучке,
Плотички — на палочке,
Один ершок,
Да и тот в горшок!
Ухи наварю —
Детей накормлю
Да и спать уложу!

362

Пегушка пегая
Мимо двора бегала,
Диковинку видела:
Едет барин на козе,
А барыня на баране,
А малые барчата,
Словно поросята:
В закоулках хрючáт —
Знать, спать не хотят!

363

Потягунушки, потягунушки!
Поперек толстунушки,
А в ножки ходунушки,
А в ручки хватунушки,
А в роток говорок,
А в головку разумок!

364

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая:
Ножками — топ, топ!
Глазками — хлоп, хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает, забодает!

365

Улита, улита,
Высунь рога!
Дам конец пирога!

366

Стучит-брячит на улице:
Фома едет на курице,

Тимошка на кошке —
Туды ж по дорожке.
«Куды, Фома, едешь,
Куды погоняешь?»
«Сено косить!»
«На что тебе сено?»
«Коровок кормить!»
«На что тебе коровы?»
«Молоко доить!»
«На что тебе молоко?»
«Ребяток поить!»

367

Сорока, сорока
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости на двор —
Каша на стол.
Одному дала,
Другому дала,
Третьему дала,
Четвертому дала,
А пятому недостало:
«Ты, шиш, мал,
Крупу не драл,
Воду не носил,
Дрова не колол,
Печку не топил,
Кашу не варил!»
Ш-ш-ш... полетели,
На головку сели,
Там и кашу съели!

368

Ладушки, ладушки!
«Где были?» — «У бабушки».
«Что ели?» — «Кашку».
«Что пили?» — «Бражку».
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,

Бабушка добренька.
Попили, поели,
Шу-у-у — полетели,
На головушку сели!

369

У нашего дворянина
Разыгралася скотина:
И коровы и быки
Разинули кадыки,
Утки — в дудки,
Тараканы — в барабаны.
Коза в синем сарафане,
Во льняных штанах,
В шерстяных чулках.
Вот и пляшет —
Ногой машет,
Вот и делат трепака:
«Не жалей четвертака!»
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять:
Бух, бух, бух!

370

А тари-тари-тари,—
Куплю Маше янтари!
Останутся деньги —
Куплю Маше серьги!
Останутся пятаки —
Куплю Маше башмаки!
Останутся грошики —
Куплю Маше лож⟨и⟩ки!
Останутся полушки —
Куплю Маше подушки!

371

Ай, ду-ду, ду-ду, ду-ду!
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу,

Во серебряную.
Через мышкин дом
Идет дым столбом:
Кошка с мышкой подралась —
В одной ямке собралась.
Маленький мальчик
По бережку скачет,
Рыбушку ловит,
Мамашеньке носит,
Папашеньку кормит.

372

Скачет галка
По ельничку,
Бьет хвостом
По березничку.
Наехали на галку
Разбойнички,
Сняли с галки
Синь кафтан.
Не в чем галочке
По городу гулять.
Плачет галка,
Да негде взять!

373

Тили-тили-тили-бом!
Загорелся кошкин дом.
Кошка выскочила,
Глаза выпучила.
Бежит курица с ведром,
Заливает кошкин дом.
А собачка только лает,
Ничего не помогает.

374

Утка шла по бережку,
Сера шла по кру́тому,
Деток вела за собою.

«Вы, детоньки, остановитесь,
Вы, маленьки, подождите,—
Я схожу в лесок:
Там живет лиса лихая,
Она съела утенка —
Из лучших лучшего,
Из матерых матерого!..»

375

Пошли коровушки
Около дубровушки.
Овечки —
Около речки.
Свиночки —
Около нивочки.
А кошечки —
Около горочки!

376

Летели кукушки
Через три избушки:
Как они летели,
Все люди глядели;
Как они садились,
Все люди дивились!

377

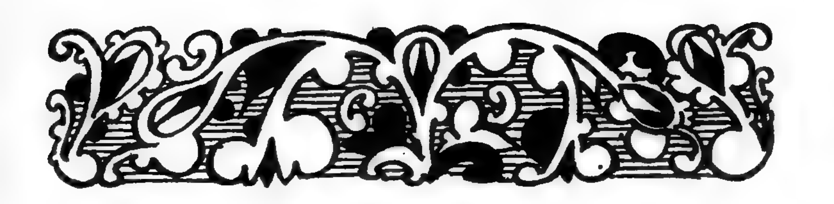
Ходит конь по бережку,
Вороной-то по зеленому.
Он головушкой помахивает,
Черной гривушкой потряхивает,
Золотой уздой побрякивает.
Все колечушки-то: бряк, бряк, бряк!
Золотые они: звяк, звяк, звяк!..

378

Плыла, плыла выдра,
Выплывала выдра
Из озер да в ручьи!
Еще встретила выдра
Самого черна бобра.
«Бобер, продай пуху,
Мне пушок на шапку —
Шапочку сошить,
Рукавички скроить!..»

379

Воробей, воробей,
Не летай на песок —
Не клюй песок,
Не тупи носок:
Пригодится носок
На овсяный колосок!



РАЗБОЙНИЧЬИ, УДАЛЫЕ ПЕСНИ

380

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос йти!
Перед грозного судью — самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
«Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебе, всю истинну,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ — темная ночь;
А второй мой товарищ — булатный нож;
А как третий-от товарищ — то мой доброй конь;
А четвертой мой товарищ — то тугой лук;
Что рассыльщики мои — то калены стрелы»
Что возговорит надежа православный царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной!»

381

Сирота ли, сирота ты, сиротинушка,
Сиротец, удалец, горе-вдовкин сын!
Да ты спой, сирота, с горя песенку!
«Хорошо песни петь, да пообедавши;

А и я ли, молодец, лег — не ужинал,
Поутру рано встал — да не завтракал;
Да плохой был обед, коли хлеба нет,
Нет ни хлеба, нет ни соли, нет ни кислых щей!
Я пойду ли, молодец, с горя в темный лес;
Я срублю ли, молодец, я иголочку,
Я иголочку, я дубовую,
Да я ниточку я вязовую.
Хорошо иглой шить, под дорогой жить:
Уж и раз-то я стебнул — да я сто рублей,
А другой-то раз стебнул — да я тысячу;
А как третий раз стебнул — казны сметы нет!»
«Сирота ты, сирота, ты сиротинушка,
Где твоя казна?»
«А моя, братцы, казна во сыром бору,
Под сосною,
Под сосною под зеленою!»

382

Не былинушка в чистом поле зашаталася —
Зашаталася бесприютная моя головушка,
Бесприютная моя головушка молодецкая!
Уж куды-то я, добрый молодец, ни кинулся —
Что по лесам, по деревням всё заставы,
На заставах ли всё крепки караулы;
Они спрашивают печатного пашпорта,
Что за красною печатью сургучовой.
У меня ль, у добра молодца, своеручной,
Что на тоненькой на белой на бумажке,
Что куды-то ни пойду, братцы, ни поеду,
Что ни в чем-то мне, добру молодцу, нет счастья!
Я с дороженьки, доброй молодец, ворочуся,
Государыни своей матушки спрошуся:
«Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Под которой ты меня звездою породила,
Ты каким меня и счастьем наделила?»

383

«Ты Дунаюшка, Дунай,
Дунай, славная река!
Еще что же ты, Дунаюшка,
Возмутен очень течешь?»

Он ответ-то держит
Удалому молодцу:
«Еще как же мне, Дунаюшке,
Не мутнехоньку течи:
С вершинушки по Дунаюшке
Земляные ключи бьют;
Посередь меня, Дунаюшки,
Бел-горюч камень лежит,
Из камешка, из белого,
Бела рыбица воду мутит.
Из-под бережка, из крутого
Легка лодочка бежит.
Ох, на той ли же на лодочке
Удалы молодцы,
Всё удалы молодцы,
Всё донские казаки!»

384

Ты взойди-ка, взойди, солнце красное,
Над горою ты взойди, над высокою,
Над дубравушкою взойди, над зеленою,
Обогрей ты нас, добрых молодцов,
Добрых молодцов, все воров-разбойников,
Солдат бедных, рекрут беглых!
Протекала тут река, речка быстрая,
Как на этой на реке плывет лодочка,
Изукрашена эта лодочка все ворами-разбойниками
На корме сидит атаман с веслом,
На носу сидит есаул с ружьем.
Среди лодочки стоит бел шатер,
Под шатром стоит дубовый стол,
За столом сидит красна девица,
Есаулова сестра ро́дная,
Атаманова полюбовница,
Перед ней стоит золота казна.
«Нехороший мне сегодня ⟨сон⟩ привиделся:
Как с правой-то с ручки спал золот перстень,
Из левого из уха золота серьга,—
Есаулу-то быть застреленному,
Атаману-то быть повешенному
Во чистом поле на трех столбиках,
На трех столбиках на дубовых,
На трех петелках на шелковых!»

385

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито;
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися.
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образа ведь — звезды частые,
А попами — волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес — то наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенка.
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеямши,
Не цепом молотим — слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим:
Свистнет слéгушка — кафтан сошьет,
А вдругоряд — сапоги возьмет,
Свистнет втретьи — шапка с поясом,
А еще раз — золота казна!
С золотой казной мы вольные.
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица,—
Там нам смерти нет, ребятушки!

386

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Хо-хо! О-хо-хо!
Только улица грязна!
Хороши наши ребята,

Только славушка худа.
Хо-хо! О-хо-хо!
Только славушка худа!
Величают нас ворами,
Всё разбойничками.
Хо-хо! О-хо-хо!
Всё разбойничками!
Мы не воры, мы не плуты,
Не разбойнички.
Хо-хо! О-хо-хо!
Не разбойнички!
Государевы мы люди,
Рыболовнички.
Хо-хо! О-хо-хо!
Рыболовнички!
Мы ловили эту рыбу
По сухим по берегам.
Хо-хо! О-хо-хо!
По сухим по берегам!
По сухим по берегам —
По амбарам, по клетям.
Хо-хо! О-хо-хо!
По амбарам, по клетям!
Как у дяди у Петра
Заловили осетра.
Хо-хо! О-хо-хо!
Заловили осетра!
Заловили осетра —
Белогривого коня.
Хо-хо! О-хо-хо!
Белогривого коня!
Как у тетки у Арины
Заловили три перины.
Хо-хо! О-хо-хо!
Заловили три перины!
А у кума у Степана
Унесли горшок сметаны.
Хо-хо! О-хо-хо!
Унесли горшок сметаны!
Заловили сорок щук,
Из которых шубы шьют.
Хо-хо! О-хо-хо!
Из которых шубы шьют!
Заловили мы белугу,
Что калачиком рога!

Хо-хо! О-хо-хо!
Что калачиком рога!
Вот за эфтаки дела
Посадили в кандала.
Хо-хо! О-хо-хо!
Посадили в кандала!
Посадили на неделю,
Продержали круглый год.
Хо-хо! О-хо-хо!
Продержали круглый год!

387

Вы бродяги, вы бродяги, беспачпортны мужики!
Да вы полноте, бродяги, полно горе горевать.
Настает зима-морозы, мы лишаемся гулять...
Только нам, братцы, страшненько скрозь зеленую пройтить:
Батальон солдат стоит порядком, барабаны по концам,
Барабанушки все забили — под приклад нас повели,
Белы рученьки привяжут — за прикладом поведут,
Спереди стоят и грозятся, без пощады сзади бьют.
Спины, плечи, братцы, настегали — в гошпитали нас ведут,
Разувают, братцы, раздевают, спать на коечки кладут,
Травкой мятой прикладают,— видно, вылечить хотят.
Мы со коечек слезали — выходили на лужок,
Во лужку, братцы, гуляли — стали службу разбирать:
Который прусской, который турской, а мы белого царя!
Которых били да били, а мы песенки поем,
А мы песенки, братцы, поем — господам честь воздаем!

388

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы бродяженьки мои!
Что и полно ль вам, бродяги,
Полно горе горевать!
Вот придет зима-морозы,
Мы лишилися гульбы.
Гарнизон стоит порядком,
Барабаны по бокам,
Барабанщики пробили,
За приклад всех повели,

Плечи, спину исчеканят,
    В госпиталь нас поведут.
Разувают, раздевают,
    Нас на коечки кладут,
Мокрыми тряпицами обкладают,
    Знать, нас вылечить хотят.
Мы со коечек вставали,
    Становилися в кружок;
Друг на дружку посмотрели —
    Стали службу разбирать:
Вот кому идти в Бобруцкой,
    Кому в Нерчинской завод.
Мы Бобруцка не боимся,
    Во Нерчинске не бывать:
Путь-дороженька туда не близко,
    Со пути можно удрать.
Тут деревня в лесу близко,
    На пути стоит кабак,
Целовальник нам знакомый,
    Всё из наших, из бродяг.
Мы возьмем вина побольше,
    Инвалидных подпоим;
И конвой весь перепьется,
    И в поход тогда пойдем.
Мы конвой весь перевяжем,
    Караульных разобьем,
Мы оружьё все захватим,
    Сами в лес с ним удерем!

ПЕСНИ О КРЕПОСТНОЙ ДОЛЕ

389

Расхороша наша барыня
Что Арина-то Ивановна:
Разорила село теплое Пилюгино,
Раздала крестьян в солдатушки,
Во молоденьки рекрутики.
Охотники наперед идут,
Невольники позадь тянутся.
Охотнички песню взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
«Сторона ль моя, сторонушка,
Гульливая наша прохладливая!»

390

Уж мы сядемте, ребяты, посидимте, господа,
Споем песню про себя,
Не сами про себя, про свое житье-бытье,
Про крестьянских мужиков.
Крестьяне завидуют лакейскому житью:
«Нет лучше на свете лакейского житья —
Они пашенки не пашут, косы в руки не берут!»
Глупые крестьяне! Сами пожили бы с нами,
Обо всем бы вы спознали,
Как лакеи-то живут:
Придет праздник воскресенье —
Нам хочется погулять.
Попроситься — не отпустят,
Не спросясь идти — нельзя.
Дождуся вечеру — не спросясь гулять пойду!
А я, мальчик, заевался,
С девчонкою застоялся;

Оглянулся я назад —
Ан мне палочьем грозят.
Придем рано поутру —
Изготовлено по кнуту;
Станем оправдаться —
Велят нам раздеваться,
Рубашонки сняли с плеч,
Начали нас больно сечь...
Хотя спины бито больно,
Да погуляно довольно!
Хотя спины и избиты,
Да сударушки нажиты!
Наши господа нерассудливые и неразрядливые:
На работу гонят рано,
С собой хлеба дают мало.
Хотя брать не запрещают,
Да опосле укоряют:
«Работы мало работáли,
Хлеба много поедали!»
Работали от рожденья,
С нас не пот — вода льет,—
Господин веры неймет!

391

«Ох, хорошо житье лакеям
На боярском на дворе!
Они пашенки не пашут
И оброка не дают.
Ох, они пашенки не пашут
И оброка не дают,
И оброка не дают,
Косы в руки не берут!»
«Ах вы глупые крестьяне,
Посудите-ка вы сами!
Куда пошлют — беги скоро,
Чтобы дело было споро.
Засмотрелся, застоялся,
С сударушкой повидался,
Оглянулся назад —
Сзади палочкой грозят.
Воротился домой —
Кафтанишка с плеч долой,
На конюшню ведут,
Сзади палочку несут!»

392

Во лесу, лесу дремучем
Тут поет, поет соловьюшка,
Тут кукует горька кукушечка,
Да никто ее голоса не слушает,—
Одна слушает, сиротинушка,
Сиротинушка, сенна девушка:
«Государыня родная матушка!
Выкупи из неволюшки,
Из неволюшки — дому барского:
Пристоялись резвы ноженьки,
Примахались белы рученьки,
Качаючи дитя барского!»
«Уж ты милое мое дитятко!
Золотой казны у нас нет с тобой.
Ты терпи, горя не сказывай:
Тебе стерпится, тебе слюбится;
Носи платья, не складывай:
Износя платьице, сложить можно,—
Истерпя горе, сказать можно!»

393

Как во городе во Устюжине,
Во деревне во Денисовой,
У крестьян Долгогреевых
Проявилась экзекуция,
Экзекуция царя белого
Царя белого, православного.
Подходили храбры воины,
Храбры воины гарнизонные.
Квартирушки порасписаны,
Солдатушки порасставлены,
Не на долгое время — на два месяца.
И прошло красное лето —
Не явилось ни одной душеньки.
Скрывались добрые молодцы
По темным лесам;
Кинули свои хижинки,
Оставили малых детушек,
Молодых жен — на позор людской.
«Вы терпите, малые детки,
Вы крепитесь, молодые жены,
Вы потерпите — после вам слюбится.

Собирайтесь в одно место,
Во остров во Костыжницу,
Напишем просьбу однокровную,
Однокровную, однослезную.
Выберем мы себе ходока,
По имени Трифона Петровича:
Ты ступай, наш родной брат,
Не жалей тоски-работушки,
Ты ступай во Петровский град,
Во Петровский град на Неву-реку.
На Неве-реке там стоит дворец
Царя белого, православного;
Ты подай, подай просьбушку
Царю белому, православному!»

394

Ох, да слобода ты ли моя, слободушка,
Слобода ты ли моя, село новое,
Село новое, разоренное!
Разорил-то село степной староста,
Степной староста, горький пьяница:
Й-он вина-то не пьет — с кабаку не идет,
С кабаку-то й-он не идет — всегда пьян живет.
На кабак-то идет — пьян шатается,
С кабаку-то идет — й-он валяется,
За шелковай-то й-он травушку, мил, хватается.

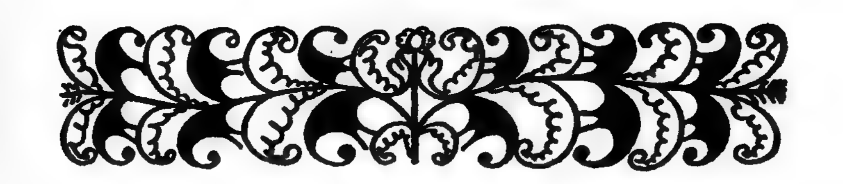
395

Вы кудри ль мои, кудри,
Хорошо ль кудри расчесаны,
Как по плечикам лежат
И развийтись хотят.
Как завила, завила
Чужа дальна сторона.
Как плакала, тужила
Наша Обозерска слобода,
Наша Обозерска слобода,
Что нагуляться не дала.
Разорил нашу сторонку
Злодей боярин-господин,
Как повыбрал он, злодей,
Молодых наших ребят,
Молодых наших ребят
Во солдатушки,

А нас, красных девушек,
Во служаночки,
Молодых молодушек
Во кормилочки,
А матушек с батюшками
На работушку.
Собрались наши ребятушки
Что на круту горушку,
Отказали наши ребятушки
Своему боярину-господинушке:
«Ты злодей наш господин,
Мы тебе не солдатушки,
Красны девушки тебе
Не служаночки,
Молодые молодушки
Не кормилочки
И батюшки с матушками
Не работнички!»

396

Как по речке по быстрой
Становой едет пристав.
Ой, ухнем! Ой, охнем!
За ним письмоводитель —
Он страшно́й грабитель.
Он едет по делу —
По мертвому телу:
У нас во Хрычёвке,
В огородах у Лёвки,
Под старой под липой
Нашелся убитой.



АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

397

Во лугах, лугах, лугах, во зеленых лугах
Там ходила, там гуляла телка беленькая —
Телка беленькая, вымя черненькое.
Как увидел эту телку игумен из окна,
Посылает, снаряжает свово рыжего дьячка:
«Ты поди, моя слуга, приведи телку сюда,
Не хватай за бока, не попорть молока!
К молоку телка добра, к маслу выгодна,
Ухвати за рога, приведи телку сюда!..»
Эта телочка по келейке похаживает,
А игумен-ат на телочку поглядывает:
«Посажу телку — сидит, положу телку — лежит,
Положу телку — лежит, у ней вымечко дрожит,
Ножки корчатся, глазки морщатся.
Скину, скину клобучок — подвалюся под бочок!..»

398

На горе-то монастырь стоял,
А монахов-то было многое множество.
Они все были горькие пьяницы,
Пили водочку из скляницы.
А игумен-то у них старший был,
Не велел им вина помногу пить.
«Вот мы давайте, братья, порассердимся,
Не пойдем мы ни к обедне, ни к заутрене!»
И прикатил он им бочку зелена вина.
«Вот мы тут и поднатянемся
И за бочку спать уладимся!»

399

Что во городе было во Казани,
    Здунинай-най-най, во Казани,

Молодой чернец постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Что за те ли за святые за ворота.
За воротами беседушка сидела:
Как во той ли во беседе — стары бабы.
Уж как тут чернец не взглянет,
Чернечище клобучище принахлупит.

Как во городе было во Казани,
Молодой чернец постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Что за те ли за святые за ворота.
За воротами беседушка сидела:
Как во той ли во беседе — молодицы.
Уж как тут чернец привзглянет,
Чернечище клобучище приподнимет.

Как во городе было во Казани,
Молодой чернец постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Что за те ли за святые за ворота.
За воротами беседушка сидела:
Как во той ли во беседе — красны девки.
Уж как тут чернец привзглянет,
Чернечище клобучище долой сбросит.
«Ты сгори, моя скучная келья,
Пропади ты, мое черное платье!
Уж как полно мне, молодцу, спасаться!
Не пора ли мне, добру молодцу, жениться
Что на душечке на красной на девице?..»

400

Против солнца на востоке
Монастырь-келья стоит;
Что во этой-то во келейке
Монашишка живет.
Как к обедне зазвонят,
Так пойдет чернец в кабак:
Свою рясу пропивает
И клобук закладывáет.
Целовальник не пущает:
«Поди прочь, кавалер,
Не велит пить казначей!»
Что монах-то говорит,

Свою келью все бранит:
«Распроклятая такая,
Моя келья земляная!
Не пойду я в эту келью,
Пойду в рощицу гулять!»
В роще девушки гуляли,
Под кусточкам грибы брали.
Доходили до конца —
Увидали чернеца.
Девки песенку запели,
Чернецу плясать велели.
И стал же наш монашишка
Похаживати,
С ножки он на ножку
Поступывати!

401

Круг я келейки хожу,
Да, э-э-э, э-ох!
Круг я новенькия,
Круг сосновенькия;
Все я старицу бужу:
«Уж ты, старица, встань,
Ты, спасена душа, встань —
Уж к заутрени звонят,
Люди сходятся,
Богу молятся,
Все спасаются».
«Ты поди прочь, пономарь!
Ты поди прочь, молодой!
Уж я, право, не могу,
Вот те бог, не могу:
Ручки-ножки болят,
Все суставчики мозжат».
Круг я келейки хожу,
Круг я новенькия,
Круг сосновенькия;
Все я старицу бужу:
«Уж ты, старица, встань,
Ты, спасена душа, встань —
Уж к обеденке звонят,
Люди сходятся,
Богу молятся,
Все спасаются».

«Ты поди прочь, пономарь!
Ты поди прочь, молодой!
Уж я, право, не могу,
Вот те бог, не могу:
Ручки-ножки болят,
Все суставчики мозжат».
Круг я келейки хожу,
Круг я новенькия,
Круг сосновенькия;
Все я старицу бужу:
«Уж ты, старица, встань,
Ты, спасена душа, встань —
Уж к вечеренке звонят,
Люди сходятся,
Богу молятся,
Все спасаются».
«Ты поди прочь, пономарь!
Ты поди прочь, молодой!
Уж я, право, не могу,
Вот те бог, не могу:
Ручки-ножки болят,
Все суставчики мозжат».
Круг я келейки хожу,
Круг я новенькия,
Круг сосновенькия,
Все я старицу бужу:
«Уж ты, старица, встань,
Ты, спасена душа, встань:
Как у наших у ворот
Собирается народ
Все со скрипочками,
С балалаечками».
«Ты постой-ка, пономарь,
Подожди, молодой!
Уж и стать было мне,
Поплясать было мне!»

ВОЕННО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА

402

Бережочек зыблется
Да песочек сыплется,
Ледочек ломится,
Добры кони тонут,
Молодцы томятся.

«Ино, боже, боже,
Сотворил ты, боже,
Да и небо-землю,—
Сотвори же, боже,
Весновую службу!

Не давай ты, боже,
Зимовые службы:
Зимовая служба —
Молодцам кручинно
Да сердцу надсадно!

Ино дай же, боже,
Весновую службу:
Весновая служба —
Молодцам веселье,
А сердцу утеха!»

«А емлите, братцы,
Яровы весельца,
А садимся, братцы,
В ветляны стружочки
Да грянемте, братцы,

В яровы весельца
Ино вниз по Волге:
Сотворил нам боже
Весновую службу!»

403

У отца было, у матушки три сына любимыих,
Отец с матерью всю ночь не спят,
Всю ночь не спят, за столом сидят,
За столом сидят, думу думают:
«Нам которого сына в солдаты отдать?
Большого-то отдать — детей много;
Среднего отдать — жена хороша,
Жена хороша, больно услужлива.
Уж отдать ли, нет ли сына малого,
Сына малого, неженатого?»
А меньшой-то сын расплакался,
Отцу с матерью разжаловался:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Или я вам не тот же сын?
Или я вам не кормилец был?»
«Уж вы дети мои милые!
Уж вы все-то мне милехоньки,
Милехоньки и больнехоньки!
Вы возьмите-ка по ножичку,
Уж вы срежьте-ка по прутику;
Сами сделайте по жеребью
И метните-ка по жеребью,
Что которому достанется!»
Доставалося большому брату.
Большой брат расплакался,
Перед батюшкой с матушкой стоючи:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Не покиньте мою молоду жену,
Молодую жену, малых детушек!»

404

Ты пеки, пеки, красно солнышко,
Ты свети, свети, светел месяц,
Ты со чистыми со звездами,

Ты со светлою со луною,
Чтобы нам, старикам-ворам-мироедам,
Чтобы видно было на кабак идти,
На кабак идти да дума думати:
У богатого взять — не отдати,
У бедного взять — дак разорити.
Есть за реченькою, за рекою,
У вдовушки у старушки
Один-одинакой сын Иванушко,
Нам того отдать да во солдаты:
Он хорош-пригож да уродился,
Он девушкам да прилюбился,
Он всему миру да пригодился.

405

Ох ты пей-ка, моя головушка, прохладися
Что за батюшкиной, за матушкиной головою!
Тошно жить вдове грешной с сиротою,
А еще тошней жить с богатыми мужиками:
Богатые мужики — мироеды;
Собирали они сходы частые, потайные,
Они думали думу крепкую заедино:
«Нам кого отдать будет во солдаты?
Нам богатого отдать — прогневити,
Одинокого отдать — разорити.
На ряду-то живет вдова грешная с сиротою,
У нее есть один сыночек-сиротина,—
Отдадим-то мы его во солдаты!»

406

Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла
Что за батюшкиной да за матушкиной большой головою,
Что за братцовой, за невесткиной тяжелой работой!
Как не бел гребень головушку чешет — чешет пора-время,
Чешет пора-времечко, гульба-воля, удаль молодецкая,
вольное раздолье.
Вдруг почуяло мое сердечушко невзгоду.
Та невзгода ли, невзгода — частые наборы.
Что хотят-то меня, молодца, всем миром поймать,
Белы рученьки связать, резвы ноженьки сковать!
Не поймавши добра молодца, как же в рекруты отдать?
Не сыскавши красной девушки, кого ж замуж обвенчать?

Как поймали добра молодца у прилуки красной девицы,
Белы рученьки связали, резвы ноженьки сковали!
Посадили меня, молодца, на мирски подводы,
Повезли-то меня, молодца, во город Саратов.
Во городе во Саратове бреют кудри не жалеючи.
Приводили молодца в приемную,
Становили разудалого под меру казенную
И обрили добру молодцу кудри русые.
Не видать моим кудреюшкам уже прежней холюшки;
Уж не будет добру молодцу гульбы-волюшки!
Соберите, братцы милые, мои кудри русые,
Завяжите их в миткалевый платок,
Отошлите к матушке в терем высок!

407

Пила-то моя головушка,
Пила, погуляла,
По неделюшке моя голова
В доме не бывала.
Как вечор я,
Добрый молодец,
Со раздушенькой,
С красной девицей
Застоялся.
Как вечор-то меня,
Доброго молодца,
Поймали.
Резвые ноженьки
Доброму молодцу
В железы сковали,
Белые рученьки
Назад завязали;
Посадили же меня,
Доброго молодца,
Во большие сани,
Повезли-то меня,
Доброго молодца,
Во город Симбирской.
Постановили же меня,
Доброго молодца,
Во казенную меру,
Ничем-то я,
Добрый молодец,

Под меру не вышел.
Только вышел я,
Добрый молодец,
Своей красотою,
Еще-то я, добрый молодец,
Русыми кудрями.
Посадили же меня,
Добра молодца,
Во казенное кресло,
Стали у меня,
Доброго молодца,
Кудерушки брити.
Только бреют мои кудерушки,
Бреют — не жалеют.
Уж встал я,
Добрый молодец,
Встал я обритым;
Уж я собрал
Свои кудерушки
В белые руки,
Пошел же я, добрый молодец,
На матушку-Волгу.
Я пущаю кудерушки
По матушке, по Волге:
«Плывите, мои кудерушки,
К батюшке с матушкой!
Вы скажите, мои кудерушки,
Батюшке с матушкой,
Чтобы батюшка с матушкой
Ко мне приезжали,
Во поход меня,
Доброго молодца,
Во поход собирали!»

408

Уж ты ветер, шельма, ветер-ветерочек,
Ветер — тоненький, шельма, голосочек!
Ты не дуй, ветерочек, на лесочек,
Не шатай, ветерочек, в бору сосну —
Й-уж ⟨и⟩ так сосенушке, вот ей стоять тошно·
Не й-у места сосенка вырастала —
Вырастала сосенка по край Волги,
Что по край ли Волги, по край речки,

Что на крутеньком да на бережочку,
На желтеньком, шельма, на песочку.
Со верху сосенушка засыхает,
С кореню сосенушку подмывает,
Горностай сосенушку подъедает...
Посеред сосенушки окол пчелы вьются,
И й-у мене, молодца, братцы, слезы льются:
Что же, почто мене куют-вяжут?
Я не вор был, братцы, не вор, не разбойник —
Я до девушек, братцы, я был охотник,
До молодушек, братцы, я был желанник!..

409

По зарям-зарям сердце слышало,
За неделюшку испугалося —
Испугалося, не сказалося,
Что не можно жить со милым дружком:
Будет скорое расставаньице,
Будет дальнее провожаньице.
Провожу дружка я дальным-далеко,
Я дальным-далеко, я — до города,
Я до города — до Воронежа,
Я до матушки каменной Москвы.
Вся Москва-царство сдивовалося:
Да и кто же это распрощается —
Либо брат с сестрой, либо муж с женой?..

410

Как никто про то не знает, не ведает,
Что куда наш государь-царь снаряжается...
Снаряжается государь-царь в землю шведскую,
Он меня ли, добра молодца, с собой берет.
Уж как мне ли, добру молодцу, не хотелося —
Мне хотелось, добру молодцу, при Москве пожить,
При Москве пожить, при дворце служить,
При дворце служить при государевом.
Как не жаль-то мне, молодцу, золотой казны,
Только жаль-то мне, молодцу, зелена сада.
Что во зеленом во садике три деревца:
Уж как первое в саду деревце — кедровое,
А другое в саду древо — кипарисное,

А третье в саду древо — сладка яблонька.
Что кедрово древо в саду — родной батюшка;
Кипарис-древо в саду — родна матушка;
Сладка яблоня в саду — молода жена;
Отросточки у яблоньки — малы детушки.

411

Я несчастный уродился:
Не с кем жеребий метать,
Не с кем горя горевать —
Нету маменьки родной,
Я не вижу пред собой!
Пойду схожу на кладбище,
Побужу родную мать:
Ты вставай, родная мать,
Со мной горе горевать,
Во солдатушки сбирать!
Уж ты, тятенька родной,
Сядь на лавочку со мной!
Я не пахарь полевой,
Не косец я луговой,
Не рачитель домовой,—
Я солдатик рядовой!

412

Двадцать пятого числа
Из правленья весть пришла:
Записали в некрута́,
Записали молодца,
Не спросилися отца.
От родимой матушки
Повезли в солдатушки.
Как кудрявого забреют,
Мне в уме не устоять,
Мне в уме не устоять.
Старшине пойду пенять:
«Старшина ты, старшина,
Рассуди наши дела,
Не тех забрил в некрута́!»
Что в софроновском правленьи
Нет рассудку ничего:

Старшина судит за деньги,
Писарь пишет за вино,—
Забрили мила моего!

413

Красная рябинушка
Рано расцвела;
Родимая матушка
Сына родила.
Вспоила, вскормила,
В солдаты отдала.
Провожала матушка
Сына со двора,
Посадила матушка
В легкой челночок,
Сама села, ро́дная,
На крут бережок.
Вскричала ро́дная
Громким голоском:
«Сын ты, мой сыночек!
Скажи, мой сыночек,
Когда в гости ждать?»
«Не жди, не жди, матушка,
Четыре годка,—
Я на пято летечко
К тебе прилечу,
Весь зелен садочек
Горем обнесу,
Все садовы листики
Слезам оболью!»

414

Шел детинушка дорогою, шел широкою,
Пристигает его темна ноченька,
Темна ноченька осенняя,
Осенняя, распоследняя.
«Где мне ноченьку ночевать будет?
Ночевать мне, молодцу, во сыром бору,
Во сыром бору под сосною,
Под сосною под кудрявою».
Не дубравушка шумит-шумит —
Зеленая сосна шатается,

Добрый молодец печалится,
Он печалится-кручинится,
Горючими слезами заливается.
«Не шатайся ты, моя зелена сосна,
Не печаль ты меня, доброго молодца!
Не сам-то я под тебя зашел,
Занесла-то меня неволюшка,
Неволюшка — служба царская,
Нет-то на службу охотничков — всё
невольнички!»

415

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя незнакомая!
Что не сам я на тебя зашел,
Что не доброй меня конь завез,
Ни буйны ветры завеяли,
Ни быстры реки залелеяли,—
Занесли меня, доброго молодца,
Что неволюшка солдатская,
Грозна служба государева!
На чужой дальней сторонушке
Ни отца нету, ни матушки,
Ни брата, ни родной сестры,
Ни младой жены, ни малых детушек.
Как на чужой дальней сторонушке
Что ложился я, доброй молодец,
На голых досках без постелюшки;
Умывался я, доброй молодец,
Что своими горючми слезми;
Утирался я, доброй молодец,
Я своею полой правою!..

416

Погодушка полуденная,
Полуденная, полунощная!
Она дула, подувала,
С лесу листьицы срывала,
Во чисто поле уносила,
Мать сыру землю укрывала,
От того земля простонала;
Она от того-то земля простонала —
На ней силушка стояла:

Сила войская, полки солдатов —
Всё солдатушки молодые,
Молодые новобранцы.
Новобранцы наши, наши братцы.
Стоючи-то они слезно плачут-возрыдают,
Свою сторону вспоминают;
Один-то солдат не плачет,
Он по армии гуляет,
Солдатушек утешает:
«Вы не плачьте, мои солдаты,
И не плачьте, новобранцы!
Я сошью-то вам по кафтану,
По красному камзолу».
«Ох ты, батюшка наш, полковник,
Не шей ты нам по кафтану
И по красному камзолу, —
Отпусти ты нас домою!
Наши домы удалели,
Отцы-матери устарели,
Молодые жены овдовели,
Малы дети осиротели!»

417

Климэуцкие ребятушки думали бежати.
Прибежали к быстрой речушке, кричат перевозов,
Кричат перевозов:
«Сподай легкую лодку — съедем на середку,
Съедем на середку!»
Хоть мы съедем на середочку — глянем на сторонку,
Глянем на сторонку:
Что на нашей на сторонушке солдаты маршируют,
Солдаты маршируют.
Они маршируют — всё плачут, горюют,
Всё плачут, горюют.
«Вы не плачьте-ка, ребятушки, не плачьте, молодые,
Не плачьте, молодые.
Вам достанутся хозяюшки, да всё молодые,
Да всё молодые.
Как достанутся квартирушки, да всё каменные,
Да всё каменные.
Как достанутся кроватушки, кровати тесовые,
Кровати тесовые.
Как достанутся перинушки, да всё пуховые,
Да все пуховыё!»

418

Бежит речушка слезова́я,
На ней струюшка кровава́я;
По бе́режку растет част осинничек,
Во тем осинничке куст рябинушки;
Она аленькими цветочками она расцветала.
На цвету сидит кукушечка,
Горемычная куковала,
Жалобнехонько, горемычная, причитала,
Всем солдатушкам назо́лушку давала.
Не кукуй-ко ты, кукушечка, жалобне́нько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то, солдатушкам, жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

419

Горька-то, горька в чистом поле полынь-трава,
Еще горчее солдатушкам служба царская:
Что ни день-то, ни ночь нам угомону нет!
Пристоялися наши ноженьки ко сырой земле,
Пригляделися наши глазыньки на сине море!

420

Как далече-далеченько, во чисто́м поле́,
Еще того подале — во раздольице,
Как не белая березынька к земле клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелко́вая ковыль-травынька расстилается —
Еще стелется-расстилается полынь горькая.
Ох, и нет тебя горчее во чисто́м поле́,
А еще того горчее служба царская!
Что ни день-то, ни ночь нам, солдатушкам, угомону нет:
Темна ноченька приходит — нам, солдатушкам, на карауле быть;
Бел денечек наступает — нам, солдатушкам, во строю стоять;
Во строю стоять нам, солдатушкам,— по ружью держать;
Пристоялися резвы ноженьки ко сырой земле,
Придержалися белы рученьки к строеву́ ружью,
Пригляделися наши глазыньки на часты́ звезды́!

421

Полно, белые снежочки,
На талой земле лежать,
Полно вам, солдатушки,
Горе горевать,
Горе горевать,— горе мыкати!
Забывайте, солдатушки,
Отца-мать и жену;
Вспомни, служивые,
Тесак, ружье и суму;
Стоя, наедимся,
Ходя, выспимся,
Хлеба напечем,
Крутой каши наварим;
Сложимся по денежке —
Купим мы винца;
Выпьем мы по рюмочке,
Позавтракаем;
Выпьем по другой —
Сами песни запоем;
Выпьем по третьей —
Разгуляемся, пойдем.
С матерью-отцом
Вовек не видатися,
С ружьем да с сумой
Вовек скончатися!
С девками, с молодками
Полно нам гулять,
Перины-подушечки
Пора нам забывать!

422

«А Ванюшка, мой батюшка,
Куда тебя снаряжают?»
«А мамынька, в солдаты,
Сударыня, в солдаты,—
Не тронь, в солдаты,
Не замай, в солдаты,
Что же делать,— в солдаты!»

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь в солдатах делать?»
«А мамынька, учиться...»

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь есть-то?»
«А мамынька, сухари...»

«А Ванюшка, мой батюшка,
Сухари-то жестки!»
«А мамынька, размочу...»

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что еще там делать?»
«А мамынька, отдыхать...»

«А Ванюшка, мой батюшка,
С кем же отдыхать-то?»
«А мамынька, с женою...»

«А Ванюшка, мой батюшка,
Где жену-то возьмешь?»
«А мамынька, украду...»

«А Ванюшка, мой батюшка,
Она убежит?»
«А мамынька, догоню...»

423

В чистом поле стояло тут древо —
Березонька бела.
На тем ли на дереве сидит птица пава.
Кричит пава: «Запропала солдатская слава!»
Летели гуси со святой со Руси.
«А знать, нам, солдатушки, не бывать на Руси,
На Руси не бывать, отцов не видать,
Матерей не знать!»
«Солдатушки, ребятушки, а где ваши домы?»
«Наши домы — круты горы,
Широки раздолья — то наши подворья!»
«Солдатушки, ребятушки, а где ваши жены?»
«Наши жены — ружья заряжёны, штыки присажёны!»
«Солдатушки, ребятушки, а где ваши дети?»
«Наши дети полужёны —
В суме положёны, в поход припасёны!»
«Солдатушки, ребятушки, а где ваши тетки?»

«Наши тетки — шапки теплы на буйной головке!»
«Солдатушки, ребятушки, а где ваши кони?»
«Наши кони — резвы ноги:
Завсегда в походе, в казенной работе!
Мы под Киев подходили, на горку всходили,
Мы на горочку всходили, во фрунт становились».

424

Уж ты зимушка-зима,
Холодна, зима, была!
Холодна зима проходит,
Лето красно настает.
Лето красно настает —
У солдата сердце мрет.
У солдата сердце мрет:
Лето дома не живет.
Лето в лагере стоять,
Поутру рано вставать.
Поутру рано вставать,
Лицо бело умывать.
Лицо бело умывать,
Мундир черный надевать.
Мундир черный надевать,
На ученье выезжать.
Нам ученье — не мученье,
Между прочим, тяжело,
Между прочим, тяжело,
Что не знаем ничего:
Ни налево, ни направо,
Бьют солдата чем попало —
И прикладом, тесаком,—
Не будь, солдат, дураком!

425

Вниз по реченьке,
Да вниз по быстрою,
    Ах, люли, люли,
    Вниз по быстрою!
Плывет утица,
Утица серая,

Несет голову
Выше берега,

Несет буйную
Да выше крутого!

По дороженьке
Да по широкою

Тут и шли-прошли
Три полка солдат.

Три полка солдат,
Да молодых ребят.

Они стояли
Да речь говорили:

«До Москвы дойдем
Да остановимся,

Остановимся
Да переженимся.

За себя-то возьмем
Да красных девушек».

Красны девушки
Да испугалися.

За солдат-то замуж
Payload

Онн год-то живут —
Не стоскуются.

Они два-то живут —
Да не сгорюются,

А на третий-то год
Стосковалися.

Стосковалися,
Сгоревалися.

«Хорошо-то жить
Да за солдатами:

Они пьют-то едят
Да все готовое,

Одеяньице да
Припашенное.

На часах-то стоят
Да калачи едят.

Со часов-от идут
Да каравай несут».

426

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались...
Как заслышали мои русы кудри на себя невзгодье,
Как большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что уж быть-то мне, доброму молодцу, во солдатах,
Что стоять-то мне, доброму молодцу, в карауле!
Вот стоял я, добрый молодец, в карауле,—
Пристоялись у доброго молодца мои скоры ноги,
Как задумал я, добрый молодец, задумал бежати.
Что бежал я, добрый молодец, не путем-дорогой,
А бежал я, добрый молодец, темными лесами.
Во темных лесах, добрый молодец, весь я ободрался,
Под дождем я, добрый молодец, весь я обмочился,
Прибежал я, добрый молодец, ко своему подворью,
Прибежавши, добрый молодец, под окном я постучался:
«Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти обогреться!
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обсушиться!»
«Я б пустила тебя, мое дитятко,— боюсь государя!
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйным ветром тебя, дитятко, там обсушит,
Красным солнышком, мое дитятко, тебя обогреет!»
Что пошел-то я, добрый молодец, пошел, сам заплакал
«Уж возьмись-загоритесь вы, батюшкины хоромы!
Уж ты сгинь-пропади, матушкино подворье!»

427

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ — люди первые,
А к жалованью — люди последние!
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.
Что за грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходилися —
Что подымался выше облак черной дым,
Загремела тут стрельба оружейная;
Что не камушки с крутых гор покатилися —
Покатились с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле заалелось —
Заалелася тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули —
Так воскликнут молоды жены солдатские!

428

Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана,
не плугами —
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами;
А засеяна славная земелюшка казацкими головами!
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами!
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами!
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, матерними
слезами!

429

Из-под бережку, из-под крутого
Тут течет ручей да бел-серебряный.
По тому ручью селезень плывет,
Селезень плывет — девкам весть несет:
Выбирай девок во Казань-город,
Во Казань-город за солдат замуж!
Красные девушки испужалися,
За ребят замуж навязалися —

Кто за старого, кто за малого,
Кто за ровнюшку, за горькию пьяницу,—
Ой, люли-люли, за горькию пьяницу!

430

Проторенная новая дорожка,
Тут дорожка Московская,
Московская дорожка широкая!
Никто не шел по этой дорожке,
Только шел-прошел по этой дорожке
Пре⟨о⟩браженский славный полк солдат.
Не дошедши до новой деревни,
Становилися во поле ночевать —
В чистом полюшке под белой березкой,
Под кудрявой березкой зеленой.
Расшумелася белая березка
Во всю темную ночку до утра —
До утра, было, до самого белого денька.
Не от этой ли белой от березки
Вдоль по Питеру ли́сточки несет?
Что не мой ли то миленькой-хороший
За собой ворона коня ведет?..

431

Вдоль по Питерской широкой по дорожке
Тут и шли-прошли солдаты молодые,
А за ними идут матушки родные.
«Сколько вам, матушки, ни гнаться —
расставаться!
Всю Россеюшку за нами не испройдешь,
Сыру землю всю слезами не намочишь!»

432

Как не с гор, не с дол сильная погодушка подувала —
Трое суточки моряна бушевала,
Все синее море сколыхало,
Со желтым песком море перемешало,
Все казенные кораблики ветром разбивало,
Смоленые снасточки ветром подшибало,
Ёлевые деревьецы ветром посломало,

Канифасные парусочки ветром поизорвало,
Становые якорьицы ветром постаскало,
Самого душу-енералушку с носика сшибало.
Поплыл же душа-енералушка вдоль синего моря —
Ничего-то его не видно,
Только видны его русые кудри.
Никому-то его не жалко,
Только жалко молодым матросам.
Скоро они догадалися —
Во легоньки лодочки побросалися,
За крашеные весельцы похваталися,
Они гнавши за ним, насилу догнали,
Поймали же душу-енералушку за русые кудри,
Положили его на белое полотенце,
Качали его и день до вечера,
Всею ночь до белой зари,
На белой заре стал пробуждатися:
«Чем же мне вас дарить-жаловать:
Золотой казной али своим именьецом?»

433

Со вечера, со полночи
Закипела в море пена —
Видно, скоро будет
Погода-перемена.
От удару корабль стонет,
От волненья чуть не тонет.
От погоды мачты гнутся,
От натуги снасти рвутся.
Командиры все в заботе,
А матросики все в работе:
Одни лезут сверху книзу,
Другой лезет снизу наверх,
Они парусы убирают,
Веревочки закрепляют.
Пущай-де, братцы, кто нам не верит,
Тот сам синее море измерит!

434

Ох вы туманы мои, туманушки!
Не пора ли вам, туманушки, со синя моря долой?
Не пора ли тебе, кручинушка, с ретива сердца долой?

Как вечор мне, доброму молодцу,
Мало спалось, много виделось во сне:
Будто я, удал добрый молодец,
На Саратовской большой степи
Лежу в травке, в ковыле.
Сквозь ребрышек и суставчиков ковыль-травка проросла,
Во русых кудрях ремезин гнездо свивал.
Ремезин ты мой, ремезинушко, ремезин, вольна пташечка;
Полети, мой ремезинушко, куда я тебя пошлю,
На родимую сторонушку, к мому батюшке!

435

Уж вы горы мои, горы Воробьевские,
Ничего вы, горы, ничего не породили,
Породили горы один бел-горюч камень.
Из-под камушка течет, течет быстра реченька,
Как на этой на реке стоит куст ракитовый,
На кусту том сидит, сидит млад сизой орел,
Во когтях держит, держит черна ворона.
Он и бить его не бьет, все выспрашивает:
«Где ты, ворон, братец, был, где полетывал?»
«Уж я был я на диких, на диких степях на саратовских,
Уж и видел я там, видел чудо дивное:
Там лежит, лежит тело белое.
Никто к тому телу, никто не подступится.
Как вокруг того тела вьются лишь три ласточки.
Как и первая ласточка — его родна матушка,
А другая ласточка — его сестра родная,
Как и третья ласточка — его молода жена.
Как и мать по нем кричит, что быстра река течет.
А сестра по нем кричит, что с горы ручьи текут.
А жена по нем кричит — словно утрешня роса:
Как и солнышко взойдет — роса высохнет».

436

Как далеченке-далече, в чистом поле,
Что еще того подале, во раздольице,
Как не белая березынька к земле клонится,
Не шелковая ковыль-травынька расстилается;
Как не ясен огонечек загорается,
Как у огничка разостлан бел шелков ковер;

Как на ковричке лежит удалый-добрый молодец,
Избит и израненный,
Припекает свои раночки кровавые.
В головах стоит у молодца его чуден крест.
По правую рученьку лежит у него сабля острая
А по левую руку булатный нож.
На груде-то лежит у него тугий лук,
А по четырем сторонушкам кленовые стрелы,
А в ногах стоит у молодца его добрый конь.
Задумал добрый мóлодец жениться,
Друженькой был у молодца его чуден крест,
А свахынькой у молодца сабля острая,
Тысяцким был у молодца его булатный нож,
В поезду-то был у молодца его тугой лук,
Его тугий лук и каленые стрелы.
И закладывает добрый молодец своего добрá коня.
Что возговорит конь-лошадь добрая:
«Ой ты гой еси, удалый добрый молодец!
Ой ты встань, проснись-пробудись, отецкий сын!
Я бегу, лечу на твою родимую сторонушку.
Ты скажи своему батюшке поклон,
А родимой матушке низкий поклон до земли».

437

За Кубанью за рекой
Там казак-то гулял.
Он ходил-то, гулял,
Там коня свово он пас.
Ковыль-травыньку рвал
К ранам он прикладывал,
Через моченьку казак
Приговаривал:
«Уж вы, раны мои,
Раны больные,
Раны кровью изошли,
К моему сердцу пришли».
Перед смертью казак
Стал приказывать:
«Уж ты, конь ли, мой конь,
Лошадь верная!
Оборви-ка чумбур
Ты шелковенький.
И лети-ка стрелой

К отцу к матери в дом;
Понеси им, мой конь,
До земли поклон;
А жене младой скажи —
Я женился на другой.
Как сосватала меня
Шашка острая,
Положила спать
Калена стрела».

438

Не сон-от долит дак меня, не дрёмотушка, ох, меня не дрёмотушка... (ой)
Не дрёмотушка...
Ох, валит-то ли да долит-то да, ох, меня печаль горькая... (ой)
Уж горькая...
Ох, была лошадь добрая, ох, была лошадь добрая... (ой)
Уж добрая...
Да был же конь да заносистый, ох, был же конь заносистый.
Заносистый...
Ох, конь-от ли занес же дак, ох, конь да за Дарью-реку,
За Дарью-то реку...
Как за Дарьёй да рекой же да, ох, там растет да камыш-трава... (о)
Камыш-от трава...
Ох, как в этом камыше в траве, ох, там растет да резун-трава... (о)
Резун-от трава...
Ох, как конь подрезал ноженьку, ох, как конь подрезал ноженьку,
Ноженьку...
Ох, в самую-то щеточку, ох, в самую-то щеточку.
И во щеточку...
Ох, конь идет, прихрамыват, ох, конь идет да прихрамыват.
Конь прихрамыват...
Ох, головой да накачиват, ох, головой да накачиват.

439

Как доселе у нас, братцы, через темной лес
Как никто-то у нас, братцы, не прохаживал,
Не пропархивал тут, братцы, млад ясён сокол,

Не пролетывал, братцы, ни сизой орел.
А как нынеча у нас, братцы, через темной лес
Пролегла, лежит широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Проезжал тута удалой доброй молодец.
На заре-то было, братцы, да на утренней,
На восходе-то было, братцы, красного солнышка,
На закате-то было, братцы, светлого месяца,
Как убит лежит удалой доброй молодец,
Что головушка у молодца испроломана,
Ретиво сердце у молодца испрострелено.
Что постелюшка под молодцом — камыш-трава,
Изголовьице под добрым — част ракитов куст,
Одеяличко на молодце — темная ночь,
Что темная ночь холодная, осенняя.
Прилетели к добру молодцу три ласточки,
Из них первая садилась на буйной главе,
А другая-то садилась на белой груди,
Ах, как третия садилась на скорых ногах.
Что как первая-то пташка — родна матушка,
А другая-то пташка — то мила сестра,
Ах, как третья-то пташка — молода жена.
Они взяли мертво тело за белы руки,
Понесли они то тело во высокой терём.
Его матушка плачет — что река льется,
А родная сестра плачет — как ручьи текут,
Молодая жена плачет — как роса падет:
Когда солнышко взойдет, росу высушит,
Как замуж она пойдет, то забудет его.

440

Край дорожки, край широкия было Московской,
Тут стояла зелена елинка,
Не толстая, собою ровная
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елинке,
Что на самой было на вершинке,
Тут сидела дорогая пташка,
Горе-горькая бедна кукушка.
Не кукует, все бедна горюет,
Жалобнешенько, слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:
Под елинушкой лежит молодчик.

Не убит он лежит, не застрелен —
Вострой сабелькой весь он изрублен.
Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
Во крови-то она была, кумашна,
Во грязи-то она была, китайна.
Тут спроговорит душа-молодчик:
«Уж ты мамушка, зелена елина!
Опусти ты свое прутье-витье!
Ты прикрой мое тело белое —
Чтобы дождичком тела не мочило,
Красным солнышком тела не сушило,
Чтобы звери тела не терзали,
Чтобы вороны тела не клевали!»

441

Во поле елочка стоит,
Елочка стоит кудрявенькая.
Как под этой елочкой гусарик убит,
Гусарик убит, конь его стоит.
Конь копытом землю бьет, воды достает.
«Тебе, тебе, конюшка, воды не достать,
А мне, добру молодцу, от земли не встать!»

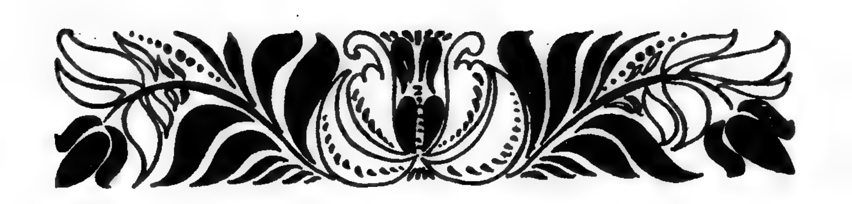
442

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор крутых, высоких,
Не красно солнушко восхóдило,
Не светел месяц выкатается:
Вылетает тут млад сизóй орел,
Млад сизой орел, птица камская,
Во когтях несет белу рученьку,
Белу рученьку молодецкую,
Молодецкую, солдатскую.
На белóй-то руки золóт перстень,
На печатке было написано,
Написано, напечатано:
«Моему батюшке — челобитьице,
Родной матушке — низкóй поклон,
Малым детушкам — благословеньице,

Молодой жене — на две волюшки:
Хошь заму́ж поди, хошь вдовой сиди.
А мне, молодцу, так господь велел:
Положить буйну головушку
На чужой, дальной сторонушке».

443

Не былинушка в чистом поле зашаталася —
Зашатался-загулялся добрый молодец.
Пришатнулся добрый молодец ко синю морю,
Он возгаркнул, он воскликнул громким голосом:
«Есть ли же на синем море перевощички?
Перевезли бы меня, молодца, на ту сторону,
На ту сторону — на святую Русь,
Причастили бы молодца и исповедали,
Схоронили бы доброго молодца промеж трех дорог —
Против Питерской да Московской, третьей Киевской.
В головах бы положили золот чуден крест,
В ногах бы поставили ворона коня.
Старый поедет — помолится,
Молодой поедет — потешится».



ПЕСНИ НЕВОЛИ, КАТОРГИ

444

Соловей мой смутный — да смутён, не весёл,
Он головушку повесил, зерно не клюет,
Головку повесил, да зерно не клюет.
«Ой, клевал бы я зерен, да волюшки нет,
Пропел бы я песни, да голосу нет,
Пропел бы я песни, ой-да голосу нет:
Соловья-то малого хотят уловить,
Соловья-то малого да хотят уловить,
Ой, в золотую клетку хотят посадить,
В золотую клетку да хотят посадить...
Ой, золотая клетка все сушит меня,
Золотая клетка да все сушит меня,
Ой, зеленая ветка веселит меня!»

445

Ты злодейка да злоканка, змея лютая!
Из норы ты, змея, ползешь, сама озираешься;
По песку ты, змея, ползешь, сама извиваешься;
По траве ты, змея, ползешь, сама всю траву сушишь,
Иссушила в поле цветочки все лазуревы!
Что не то-то, братцы, злодейка змея лютая,
Что то-то, братцы, злодейка красная девица;
Довела меня, доброго молодца, до погибели,
Что до той же до злодейки темной темницы.

Что из главного приказу из московского,
Что из славного села-села Преображенского

Что ведут-ведут доброго молодца казнить-вешати,
Переди идет доброго молодца православный царь;
По правой руке доброго молодца отец-матушка;
По левой руке доброго молодца грозен палач;
Позади идет доброго молодца красная девица...

446

Бывало у соколика времечко:
Летал-то сокол высокохонько,
Высокохонько летал по поднебесью;
Уж-то он бил-побивал гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, уток черныих!
А ноне соколу время нету:
Сидит-то сокол во поиманье
Во той во золотой клеточке,
На серебряной сидит нашосточке,
Резвы его ноженьки во опуточках!

447

Вы леса мои, лесочки, леса темные!
Во лесах-то садики, садики зеленые;
Во садах кусты, кусты позаломаны,
Все дружочки наши, все-то позаловлены,
Во немецки во железы все-то позакованы,
Во большой домок все-то посажены!

Сидят-то они, богу молятся,
Со слезами в землю все-то кланяются:
«Ты возмой-ка, возмой, туча грозная!
Ты пролей-ка, размой стены каменны,
Ты выпусти-ка нас на святую Русь!»

Из острога-то они все разбежались,
По темным лесам все-то размырялись,
На полянушку они, соколы, собирались,
Во кружок они, удалые, садились.

448

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Доброй молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери.
Он просит того жавороночка:
«Отнеси ты, млад жавороночек,
На мою ли, ах, дальну сторону,
Ты сие письмо к отцу, к матери!»
Во письме пишет доброй молодец:
«Государь ты мой, родной батюшка,
Государыня моя, родна матушка,
Выкупа́йте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вам родимого!»
Как отец и мать отказалися:
«Как у нас в роду воров не было,
Воров не было и разбойников!»
Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Доброй молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к красной девице.
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес письмо к красной девице.
Во письме пишет доброй молодец:
«Ты душа ль моя красна девица,
Моя прежняя полюбовница,
Выкупай-выручай добра молодца,
Своо прежнего полюбовника!»
Как возговорит красна девица:
«Ах вы нянюшки мои, мамушки,
Мои сенные верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте скорей добра молодца,
Мово прежнего полюбовника!»

449

Ты не пой, не пой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке,
На проталинке — на проталинке,

А воспой-ка, воспой, млад жавороночек,
Воспой-ка, воспой при долине!
Что стоит ли тюрьма,
Тюрьма новая,
Тюрьма новая,
Дверь дубовая,
Что сидит ли там, сидит
Добрый молодец,
Он не год сидит,
Он не два года,—
Сидит ровно семь годов.
Заходила к нему матушка родная:
«Что я семь-то раз,
Семь раз выкупа́ла,
Что и семь-то я,
Семь тысяч потеряла,
Что осьмой-то,
Осьмой-то тысячи не достала!»

450

Соловеюшко да громко свищет,
Молодешенек да распевает,
Молодца в тюрьме да утешает.
Молодец в тюрьме да слезно плачет,
Во слезах тюрьму да проклинает:
«Распроклятая такая потюремка —
Ни дверей нету да ни окошек,
Ни щелья нету да ни протесу,
Только одна... только печка да муровая,
Что у печеньки труба дымовая.
Окол трубочки да часовые,
Часовые, все солдаты молодые —
Никого к тюрьме да не пропустят!..»
Одни ласточки да пролетали,
Душа красная девица проходила,
С молодцом речи да говорила:
«Если хочешь, добрый молодец, на волю,
Что на волюшку да погуляти,
Мать Россиюшку да увидати,
Я сама схожу да к воеводе,
Я сама куплю да пару коней:
Перву парушку да вороную,
Втору парочку да золотую,
Третью парочку да темно-карю».

451

Сизенькой голубочек,
Сизенькой ворковистый!
Ты зачем ко мне
В терем не летаешь?
Буйный ветер разве
Тебя прочь относит,
Или частым дождичком
Сизы крылья мочит?

Сидит милый во неволе,
Во темной темнице.
Что в темнице нет окошек,
Ни щелей нет, ни протёсок,—
Только трубка дымовая,
Дымовая, выводная.
Из трубы дым вывивает —
Меня горе разбирает.

Я пойду, млада, во терем,
Возьму ключи золотые,
Отопру ларцы кованые,
Возьму казны сорок тысяч,
Пойду милого выкупати.
Офицер казны не примает.
Любезно́го не выпущает!

452

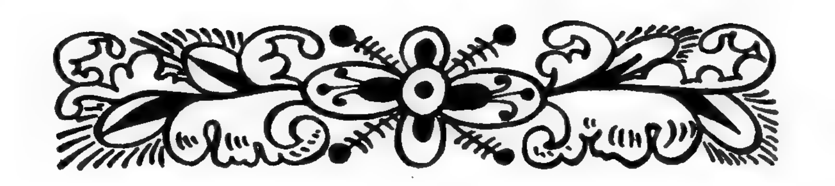
Не соловушек в зеленом саду громко свищет —
Добрый молодец во неволюшке слезно плачет,
Жалобу творит на матушку на родимую:
«Ты бы легче меня, матушка, не родила,
Сорока бы недель во своем чреве не носила,
Полтора бы года белой грудью не кормила,
Полтретья́ бы года в колыбелюшке не качала,—
Легче бы ты, матушка, меня относила в круты горы,
Я кормился бы, добрый молодец, белым камнем,
И тут бы моему сердцу легче было!»

Иркутские края ли да заборы,
Они нам головы крушат.

Они нам головы крушат...
Начальнички были у нас престроги,
Работой тяжкой нас да нурят.

Работой тяжкой нас нурят...
Какая может быть, братцы, у нас работа —
Одно мученье в кандалах!..

Одно мученье в кандалах...
Ну, кандалы были у нас тяжёлы,
Пробили ноги до... й-до костей!



ЯМЩИЦКИЕ, БУРЛАЦКИЕ, ТРУДОВЫЕ АРТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

454

Уж ты степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
От Саратова, ты, степь, до села Царицына,
До Царицына;
Пролегла по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проезжали по ней молодцы извозчики,
Молоденькие;
Как лошадки у них буланые,
Все буланые,
Хомуты-то у них серебряны,
Серебряны;
Как узды-то у них все наборные,
Все наборные;
Как тележки-то у них все шиновные,
Все шиновные...
Солучилося у них несчастьице,
Да немалое:
Захворал да занемог у них добрый молодец,
Млад извозчичек...
Он просил-то, он просил своих товарищей,
Товарищей:
«Ах, вы братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А свезите вы, братцы, батюшке низко́й поклон,
Низко́й поклон,

Родной матушке челобитьице,
Да челобитьице,
Малым детушкам мое благословеньице
Благословеньице,
Молодой моей жене полну волюшку,
Всё свободушку!»

455

Поутру-то было раным-рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе красного солнышка:
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымалися —
Подымалися добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками!

456

Перед нашими вороты,
Перед нашими широки,
Перед нашими широки
Разыгралися робята,
Всё робята молодые,
Молодые, холостые!
Они шуточку сшутили —
Во новы́ сени вскочили,
Во новы́ сени вскочили,
Но́вы сени подломили,
Но́вы сени подломили,
Красну девку подманили,
Красну девку подманили,
В но́вы сани посадили:
«Ты садися, девка, в сани,
Ты поедем, девка, с нами,
С нами, с нами, молодцами,
С понизовыми бурлаки!

У нас жить будет добренько.
У нас горы золотые,
У нас горы золотые,
В горах камни дорогие!»
На обман девка сдалася,
На бурлацкие пожитки.
А бурлацкие пожитки
Что добры, да не велики:
Одна лямка да котомка,
Еще третья-то оборка!

457

Мне не жаль-то платка, платка алого —
Только жаль-то дружка, дружка милого!
Покрывала платок аленький, покрывала,
Потеряла не знай где, не знай где.
Мне не жаль-то платка, платка алого,
Только жаль-то дружка, дружка милого:
Хорош миленький уродился,
Во бурлачушки подрядился —
Во всё лето-летичко до покрова праздничка!
Ой ли покров праздничек к нам приходит.
Ой ли все бурлачушки с Волги идут,
А моего-то дружка долго нету.
Ой ли пойду-то я сразу во светлицу,
Ужи погляжу-то я, погляжу из окошка, в окошко:
Не плывет ли лодочка с Волги?
Уж сверху лодочка завиднелась,
Черна шляпа зачернелась!

458

Подуй, подуй, непогодушка,
Эх, немаленькая!

Раздуй, развей ты рябинушку,
Эх, кудрявенькую!

Заной, заной ты, сердечушко,
Эх, ретивенькое!

Поил, кормил красну девицу,
Эх, прочил за себя!

Досталася моя любушка,
Эх, иному — не мне!

459

Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая,
Ничего в волнах не видно —
Одна лодочка чернеет,
Никого в лодке не видно —
Только паруса белеют,
На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин,
Сам хозяин во наряде,
Во коришневом кафтане,
В пирюсеневом камзоле,
В алом шелковом платочке,
В черном бархатном картузе,
На картузе — козыречек,
Сам отецкой он сыночек.
Уж как взговорит хозяин:
«И мы грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановой здоровью!»
Аленушка выходила,
Свою дочку выводила,
Таки речи говорила:
«Не прогневайся, пожалуй,—
В чем ходила, в том и вышла,
В одной тоненькой рубашке
И в кумашной телогрейке!»

460

Волга-матушка родимая течет,
Друга милого, касатика несет;
Вниз красивая расшивушка плывет,
Дорогой товар нарядная несет!

Подбодрился мой хороший, дорогой,
Словно гоголь над кормой:
Кудри шелковы по плечикам бегут,
Ясны оченьки расшиву стерегут,
Друга милого путина далека,
Разделила нас широкая река.
Друга милого путина далека,
Не оставила следа широкая река —
Только струйка малая ко бережку бежит,
Как слеза моя, колышется-дрожит.
Растворю тесовые ворота я на двор,
Выйду рано я на утренней заре,
В синю далюшку туманну погляжу —
Друга милого хоть сердцем провожу...

461

Ой-ё-ёй,
Ой-ё-ёй,—
Дует ветер верховой!
Мы идё-о-о́м,
Бо́сы, голодны,
Каменьё-о-ом
Ноги порваны!
Ты пода-а-ай,
Микола, помочи,
Доведи-и-и,
Микола, до ночи!
Эй, ухнем! Да ой, ухнем!
Ша-агай
Крепче, друже,
Ло-ожись
В лямку туже!
Ой-ой,
Оё-ёй!

462

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села!

Ой, ребята, собирайся!
За веревочку хватайся!

Чтоб прибавить барке ходу,
Побросаем девок в воду!

Чтобы барка шла ходчее,
Надо лоцмана по шее!

463

Да вы, ребята, бери дружно!
Тащить сваюшку нам нужно!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребята, не робейте,
Свою силу не жалейте!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребята, дери глотку!
Нам хозяин даст на водку!
Эх, дубинушка, ухнем!
Вот, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребятушки, старайтесь,
За дубинушку хватайтесь!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

464

Взяли, молодцы,
Ох, еще разок!

Разудалые,
Ох, еще разок!

Как и бравые,
Ох, еще разок!

Мы в кабак-от пойдем,
Ох, еще разок!

Полуштоф возьмем,
Ох, еще разок!

Крепку водку разопьем,
Ох, еще разок!

Целовальника побьем,
Ох, еще разок!

Целовальник молодой,
Ох, еще разок!

Напоил черной водой,
Ох, еще разок!

Напои ты, напои,
Ох, еще разок!

Нас по шее проводи,
Ох, еще разок!

465

Мы бьем первую залогу,
Просим бога на подмогу.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет,
Сама пойдет!

Что ж ты, сваюшка, стала,
Аль на камушек попала?

Как мы сваюшку затурим,
Сядем, трубочки закурим.

Эй, ребята, плохо дело,
На каменья свая села.

Как хозяин раскрасавчик
Поднесет вина стаканчик.

Как на речке на Казанке
Плыл наш староста на палке.

Эй, ребята, бери дружно —
Наше дело очень нужно.

Эй, веревочки витые,
А хозяева скупые!

На работу посылают,
А обедать не давают.

Что ж, ребята, припотели,
Али выпить захотели?

Эй, ребята, дери глотку,
Наш хозяин даст на водку!

Наш хозяин сам одевши,
Отпустил ребят не евши.

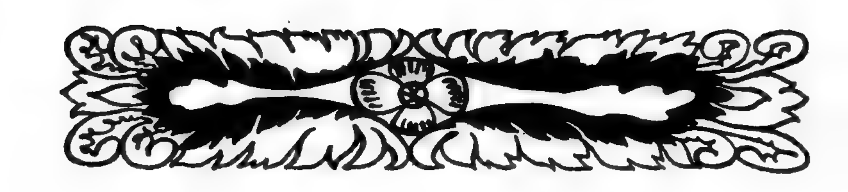
466

Матушка Волга
Широка и долга.
Она укачала,
Она уваляла,
Нашей силы,
Силушки не стало!

Матушка Унжа,
Тебя нету уже!

Матушка Клязьма,
Ты узка и грязна!

Матушка Кама,
Ты течешь не прямо!



ПЕСНИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

467

Во селе было Крашинском,
Во дворе фабричном:
Молодец кросна́ — сбирает,
Тяжело вздыхает,
На подножки наступает,
Слезно возрыдает.
Полотно-то то́нко, бе́ло,
А бердечко медно,
Полотно берды подводит,
Нитки подсекает,
Нитки, нитки подсекает,
Бли́зны натыкает.
Мастера приходили,
Бли́зны рассмотри́ли,
Молодца́ журили:
«Не пора ль тебе, молодчик,
Забывать сторонку?
Не пора ль тебе, удалый,
Покинуть дево́ньку?»
«Сторонушку не забуду,
Девку не покину!
Мила́, как мне мила́
Роди́ма сторонка!
А еще того милее
Красная дево́нька!
Потому она миле́нька,
Что ходит беле́нько:
Чулок белый, башмак красный,
Сарафан кумачовый,
Рубашечка то́нка, бе́ла,
Вечо́р только вздела!»

468

Из Казанюшки, братцы, выезжали
С полными да возами, да,
Мы только к Тоболюшку, братцы, подъезжали,
На гору да съезжались.

На гору съезжались, да,
Что только на крутенькой было на горке
Каменны да палаты.

Каменны палаты, да.
Из палатушки ли да выходит
Казак да снарядчик.

Казак да снарядчик, да,
Он только выходит, он ли да выносит
Перо, лист да бумаги.

Перо, лист бумаги, да,
Начинает, он, вор да собака,
Списывать да работу.

Списывать работу, да
Ко... кому каменна, кому кирпична,
Нам все зе... земляная.

Нам все земляная, да,
Мы только канавушки, братцы, копали,
Праздничков да не знали.

Праздничков не знали, да,
Да мы про Россиюшку да ли вспоминали,
Сибирь проклинали.

Сибирь проклинали, да,
Ты только Россия — мать наша Россия,
Куда ж от... от нас скрылась?

469

Лет семнадцати мальчишечка
Вздумал в Питере пожить.
В Петербурге денег много,

Только даром не дают.
Не проживши года три
И пришлось идти домой.
Я в деревню жить поеду,
Только б деньги получить.
Я с хозяином расчелся —
Не пришлося ни гроша.
Кулаком слезы утерши,
Полетел я в дальний путь.
Всю дороженьку проехал,
Об расчете проскучал
Девять дней я, во десятый
Во деревню жить попал.
Я приехал оборвавши,
Всяк смеется надо мной:
«Не можно́ тому поверить,
Чтобы денег не привез!»
«В Петербурге денег много,
Только даром не дают.
Погребов, трактиров много,
Чаем голову хошь мой!»
«Поживи у нас в деревне,
Похлебай-ка серых щей,
Поживи у нас в деревне,
Поворочай в лесу пней!»
Не проживши мальчик году,
Стал проситься в Петербург:
«В Петербург я жить поеду,
Стану денежки копить.
Когда гривенка случится,
Я поло́жу в сундучок.
Накоплю я денег много,
Отнесу все в кабачок.
Половину прогуляем,
А другую проедим,
Что другую проедим
И девушкам отдадим!»

470

Близко-близко городочка,
Близ зеленого садочка,
Близ зеленого сада,
Близ города Ярославля,

Недалече от реки,
Початой слободы,
На прекрасе-красоте,
На высокой на горе,
На высокой на горе
Стоял фабричек большой.
В том фабричке ребята —
Удалые молодцы,
Удалые, молодые,
Не женаты, холостые.
Собиралися ребята
С того фабрика гулять
На прекрасу-красоту,
На высокую гору;
Садилися по краю,
Близ зеленого сада,
Близ зеленого сада
Близ города Ярославля;
Садилися, песни пели,
Соловьям свистать велели:
«Соловеюшки, свищи!
Разгуляться к вам пришли!»
Соловьюшки свистали,
Молодцов всех утешали.
Как у нас было, ребята,
В Ярославле-городе,
В Ярославле-городе,
Во Толчковой слободе
У солдатки у вдовы,
У солдатки у вдовы
Были девки хороши;
Был Васильюшка сынок,
Ковры ткать мастерок,—
Ковры точит, вытыкает
И наборы набирает;
Он горазд письма писать,
Горазд грамотки читать.
При компанье пребывает,
Сам во скрипочку играет.
Заиграли на скрипице
Для души красной девицы,
Для школьныя, манерныя,
Для Пашеньки вдовиной.
Говорила Паше мать,
Уговаривал и брат:

«Полно, Пашенька, уймись,
С молодцами не водись!
Доведут тебя ребята
До славушки до худой!»
«Хоть худой славы добиться,
А со всеми поводиться!»

471

Бессчастная девушка я на свете рождена,
Несчастли́вая Дуняша все любови изошла,
Все любови изошла, себе дружка не нашла!
Полюблю я, девушка, я такого молодца,
Я такого, удало́го, фабричного, бравого,
Фабричного, бравого, Ванюшу кудрявого,
Ванюшу кудрявого, белого, румяного!
Ты фабричный бравый мой, что ты сделал надо мной?
Что ты сделал надо мной, над моею головой?
Вор измучил-истерзал, чужу сторону спознал,
На чужой дальней сторонке он иную полюбил,
Меня, горькую, несчастную, навеки позабыл!
Он оставил, вор-разбойник, век во девушках сидеть,
Век во девушках сидеть, худу славушку терпеть.
Никто, горькую, несчастную, меня замуж не берет:
Что ни старый-то, ни малый, ни ровнюшка — горький пьяница!

472

На разбор нас посылают,
Шибко нас дерут и мают,
А сами за что — не знают,
В отдаленны края посылают.
Поедем в Бельмесо́ву —
Запоем песню веселу,
Приедем в Шадрину —
Растеребим старшину;
Приедем в Саушку —
Попросим бабушку
Напоить, накормить
И спать положить.
Утром встанем,
Кошельки свои достанем,

Сухариков поедим
И вдаль поглядим.
Видим — на горке на горе,
На высокой, на крутой,
Над плотиной, над водой
Стоит рудник Змеев золотой,
Да нам противный он какой.
Наши горные работы
Дают нам заботы.
На промывке на ручной
Есть нарядчик некошной.
Он идет, шары уставит,
Работать нас заставит,
Ходит нас розгами дерет
И волосы на голове рвет:
В праздник робить оставляет
И сам за что — не знает.
Жаловаться не знаем кому,
Только богу одному;
До его высоко,
До царя далеко,
И говорим: охо-хо,
Житье нам плохо́;
В казарме мы живем,
Хлеб с водой только жуем;
С работы убежим,
По целым дням в кустах лежим;
Нас поймают
И тогда до смерти задирают и замают.

473

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат.
Офицерам хоть не скучно,
Зато быть им безотлучно.
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили своих глаз,
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,

Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробишь наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч,
Да оттудова валится,
О чем петь нам не годится!

474

Благослови, сударь, хозяин,
У тебя ли во дому,
Во высоком терему
Поскакать, поплясать,
Про все горести сказать,
Про все Демидовые!
У Демидова в заводе
Работушка тяжела,
Ах, работушка тяжела!
От виц спинушки болят,
Ох, спинушки болят!
В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают!
Там нас голодом морят,
Ах, студенцою поят!
Уж вы горы, да горы высокие,
Уж леса на горах да дремучие,
Вы укройте работничков бедныих,
Добрых молодцев, людей беглыих,
Ах, людей да Демидовых!

475

Уж как зимонька-зима
Да й холодная была!
Холодна была да й морозлива —
Нету сена, нету дров,
Скотина ревет!
А в избе на печи
Дети скорчились сидят.
Мужика в доме нет —

На завод он ушел.
Как мне, бедненькой, быть,
Горю как пособить?..

476

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
Во большой тайге.

Там пески мы промывали,
Людям золото искали,
Себе не нашли.

Поисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас беда:

Как исправник с левизором
По тайге пойдут дозором,—
Ну, тогда смотри!

Иной спьяну, иной сдуру
Так тебе облудят шкуру,
Что только держись!

Там шутить не любят шутки,
Там работали мы в сутки
Двадцать два часа!

Щи хлебали с тухлым мясом,
Запивали жидким квасом,
Мутною водой.

А бывало, хлеба корка
Станет в горле, как распорка,—
Ничем не пропихнешь!

Много денег нам сулили,
Только малость получили —
Вычет одолел:

Что за бродни, что за трубку,
Что за полы к полушубку,
Что за табачок!

Выпьем, что ли, на остатки,
Поберем опять задатки,
Да опять в тайгу!..

477

В прийсках лето жили,
Свои жилы натужили!
А на третьем на годочке,
На последнем на денечке
Нас подрядчик рассчитал,
Ни копеечки не дал,
Только матерно ругал,
Во неволюшку отдал!
Осталися малы детки
Без водички и без хлебца!
Разлучила, развела
Чужа дальна сторона —
Та Бисертская дорожка,
Дороженька больша!

478

Загудел гудок на пять —
На работу мне вставать.
Загудел гудок на шесть —
А на зданье негде сесть.

Я на клеточку садился —
С белым светом распростился.
Клетку дернуло, качнуло —
Меня в сердце колонуло.

Клетка в шахту понеслась —
Вся постройка затряслась.
Клетка к камере подходит —
Там народ стоит толпой,

Там народ стоит толпой:
Весь оборванный, худой,
Зубы ясны, глазы красны,
А рубашка как смола!

479

Ай да вы заводы,
Вы мои заводы кирпичные!
Ай да мы, работящий народ,
Люди горемычные,
Люди горемычные!
Без грошей живем,
До ноченьки работаем,
С горя водочку пьем.
Ну а кто же вас, заводы,
Заводил, ай да заводил?
Кто же вас, работнички,
В заводы привозил? —
Ай да заводы заводил хозяин,
Ай да работничков
Привезла нужда горькая!

480

Мужики вы, мужики,
Одним словом — дураки!
Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали.

Вы во шахтах не бывали,
Нужды с горем не видали,
Вы пойдите в шахты с нами —
Распознаете про все.

Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про все,
Распознаете про все,
Про шахтерское житье.

Шахтер пашенку не пашет,
Косы в руки не берет,
Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.

Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.
Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды.

Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нету воли никуды!

481

Что шахтерска жизнь проклята,
Кто не ведает про то?
В божью церковь он не ходит,
Он не знает про нее.
День и ночь он работает,
Ровно в каторге всегда.
Придет праздник воскресенье —
Уж шахтер до света пьян!
В кабачок бежит детина —
Словно маковка цветет,
С кабака ползет детина —
Как лутошечка гола!
Ой гола, гола, гола —
В чем мамаша родила!

482

Лето красное проходит,
Зима морозна настает —
  Ай ли, катай ли,
  Покатывай, катай!
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеёт.
На машине задремал —
Праву ручку оторвал,
Праву ручку оторвал,
К отцу-матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабриканта все бранят:
«А постылый ты завод,
Перепортил весь народ,
Перепортил, перегадил

Никто замуж не берет:
И ни барин, ни купец,
Ни фабричный молодец!
Тот лишь замуж их возьмет,
Кто свиней в лесу пасет!»

483

Распроклятый наш завод
Перепортил весь народ:
Кому палец, кому два,
Кому по локоть рука.
Грудь расшиб себе два раза
У мартеновских печей,
Я ослеп на оба глаза —
Хоть бы голову с плечей!
Ах ты, мамынька родима,
Ты зачем меня родила?
Все забота да работа
До тяжелого до пота.
Она сушит молодца,
Эх, до самого конца!

484

Кто на Охте не живал,
Тот горя не знает,
А мы жили-поживали,
Всё горе узнали.
«Ай, фабричные девчонки,
Почему все бледны?»
«Потому мы худы, бледны,
Что живем мы бедно,
Поутру рано встаем,
Поздно спать ложимся.
У нас машинушки худые,
Шпинделя кривые;
Подмастерья молодые,
Ни черта не знают,
Только знают-понимают —
К мастеру подводят,
Мастера-то англичане,
Всё штрафы становят!»

485

На Нижнетагильском заводе,
Над старым большим рудником,
Стряслася беда роковая
Над тем молодым бедняком.
В ту пору хозяйские лапы,
Как когти, держали нас всех,
А Важгин-артельщик все хапал,
И то не считая за грех.
Он брал и деньгами, и хлебом,
И сахарным мелким песком;
На наши на кровные деньги
Себе он повыстроил дом.
Себе он повыстроил терем
Из красных больших кирпичей,
Из нас-то ведь всякий был беден
И много ему проработал ночей.
Важгин по приказу Павлухи
Входил к нам ко всякому в дом
И каждого гнал на работу
Большим коногонным кнутом.
И все мы до время, до поры
Ему подчиняться должны,
И все на работу ходили
Весь год от зари до зари.

Но время пришло,— и явился
Средь нас удалой тот бедняк,
Он богу вовек не молился,
И нам он говаривал так:
«Товарищи, братья родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб хозяевам-чертям
На ваших трудах отдыхать.
Прошло то несчастное время,
Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работать!»

Но он говорил, а Павлуха
И с ним кровопивец Важгин
Призвали казаков с полсотни,
И был им приказ лишь один:
«Стрелять, не жалея патронов,

Коль будут идти против нас!»
Издали они приказанье,
Урядник отдал им приказ,
А сами бедняка молодого
Сковали они в кандалы
И, не давши с семьею проститься,
Провели вдоль тюремной стены.
С завода его по этапу
Угнали скорей на Байкал,
И умер бедняк там безвестно
Среди тех безрадостных скал.
А дома остался родитель
И старая, дряхлая мать.
И будем мы дружно, ребята,
Его за упокой поминать!

486

Ох, Демидов уж умен, умен, умен,
И за это он начальством отличен:
Получил он званья итальянские,
Отнял он леса крестьянские,
Обзавелся гувернантками,
Мамзелями-итальянками.
На гроши наши рабочие
Шьет наряды им хорошие.
Он кручинушки не ведает —
По три раза в день обедает,
А на приисках рабочие
Пески моют дни и ночии.
Щи хлебают с тухлым мясом,
Запивают кислым квасом.
Заработают какие-то гроши
И несут в кабак четвертаки.
Ох, и сколь народ наш дураки! —
Только сказывать нам будто не с руки

487

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

На жалобы, на стоны
Голодных русских масс
Один ответ от трона —
Лупить нагайкой нас.

Царит нагайка всюду,
Сильна в стране родной,
Но ей царя-иуду
Спасти не суждено.

Нагайкой не убита
Живая мысль у нас:
Пойдем вперед упорно
Под знаменем труда!

488

Стреляй, солдат, в кого велят,
Убей отца, родного брата,
Убей жену, убей детей,
Лишь помни «Памятку солдата».

Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать прикажут,
По чарке водки вам дадут,
И этим совесть вашу губят.

В далекий край вас поведут,
На родине ведь не оставят,
Ружье, мундир вам выдадут,
Машиной быть заставят.

Попы тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашу службу не забудет».

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как буйным бунтарям,
Штыки и пули преподносят.

Стреляй, солдат, коли штыком,
Кусай зубами, бей прикладом,
Но, убивая, не забудь,
Что убиваешь родного брата!

489

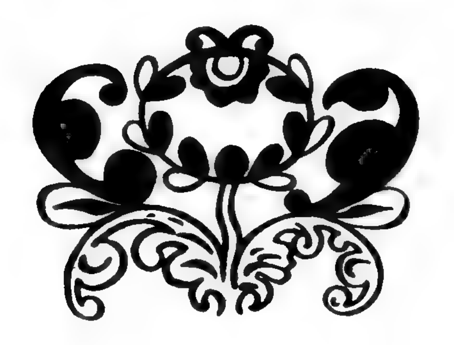
От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых маньчжурских полей
Калека солдат истомленный
К семье возвращался своей.
Идет, и в убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его.
И дрогнуло сердце тревогой:
«Вернулся я, верно, не в срок,
Скажите скорее вы, братья,
Где мать, где семья, где сынок?»
«Жена твоя... сядь, отдохни-ка,
Небось твои раны болят».
«Скажите скорее всю правду».
«Всю правду?.. Мужайся, солдат!
Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать с челобитной
К царю, как к родному отцу.
Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она.
И насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена».
«Где мать?» — «Помолиться Казанской
Давно уж старушка ушла,
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила».
«А где же остался мой мальчик,
Сынок мой?» — «Мужайся, солдат!
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят».
«Не все еще взято судьбою —
Остался единственный брат,
Моряк и красавец собою.
Где брат мой?» — «Мужайся, солдат!»
«Ужели и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?»
«О нет, не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою.
Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоял,
За то, что вступился за правду,

Своим офицером убит».
Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза —
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

490

Дело было в Петербурге,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда с царизмом
С красным знаменем труда.
Всероссийский император,
Царь жандармам и шпикам,
Царь, изменник, провокатор,
Царь, создатель кандалам,—
Побежден был на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, замазанный в крови!
Люд восстанет за свободу,
Покорит твой подлый трон,
Долю лучшую народу
Завоюет в битве он.
Всех романовцев повесим,
Царство будет в пользу нас,
А тебя, злодей жестокий,
Суд народный разорвет!
Подкупал ты черну сотню
И расстреливал крестьян,
Избивал ты всех рабочих,
Награждал одних дворян.
Люд восстанет за свободу,
Покорит твой подлый трон.
Всех романовцев повесят,
Царство будет в пользу нас!

ЧАСТУШКИ



ПОЭЗИЯ ЧАСТУШКИ

Чечевику молотила,
Чечевику веяла...
Дома меру позабыла —
Башмаками мерила!..

В веселой, притопывающей песенке нет и десятка слов, а перед глазами возникают солнце, вороха соломы, рокочущая веялка, девушки в повязанных до бровей платках.

Удивительно ли, что эта простосердечная искренняя лирика разбудила проникновенный дар Сергея Есенина. Не случайно поэт говорил в скупой «Автобиографии»: «Стихи начал писать, подражая частушкам».

Я по клеверу иду,
Срываю клевериночку.
Я не знаю почему
Жалею ягодиночку...—

признается другая частушка в чувстве, необъяснимо волнующем молодую душу.

Так разломленная сота обдает дыханием цветущего сада.

Удивительно ли, что обаяние коротенькой фольклорной песенки испытал и обновитель русской лирической прозы Михаил Пришвин. Творец «Жень-шеня» и «Кащеевой цепи» увидел в ней искомый идеал словесной миниатюры и выразил желание «доработаться до такой формы, которая останавливает мгновенье пролетающей жизни и превращает его в маленькую поэму, как это делается... в творчестве народных частушек» [1].

Мимоходом оброненное слово Пришвина как нельзя лучше определило самую сущность жанра: в русском фольклоре нет песни иного типа, где бы столь непосредственно выступала насыщенность всякого момента человеческого бытия переживанием, где бы так настойчиво утверждалась самозначительность мелькнувшего мгновения жизни.

---

[1] Пришвин М. Собр. соч., т. 4. ГИХЛ, М.— Л., 1931, с. V.

Ой, спала я в чистом поле,
Меня ветер разбудил:
«Ты не спи, не спи, девчонка,—
Тебе милый изменил...»

Задушевная подруга,
Много снегу выпало.
Твою любовь, мою измену
Глубоко засыпало.

А частушек у народа многие десятки тысяч, и большинство их хранит неповторимую интонацию неповторимого же душевного движения, которое рождает однострофную песню-миниатюру.

В частушке фольклор достигает потенциально содержавшейся в лирической песне индивидуализации художественного самовыражения, и это отчетливо выявляется при сравнении частушечных вариаций по одной канве.

Заглянем в первое десятилетие нынешнего века. Тамбовская губерния. С деревенской улицы слышится любовная мужская частушка:

Не запью я свое горе,
Я ни пивом, ни вином:
Я те, милка, не забуду
И ни вечером, ни днем!

Приходят годы — 1913-й, 1922-й, 1936-й. На Владимирщине, Ярославщине, Архангельщине записываются женские варианты приведенной частушки. Во всяком тексте сверкает нечто, важное данному исполнителю-соавтору.

Спустя почти сорок лет после публикации процитированного четверостишия отец, потерявший на фронтах Великой Отечественной войны двух сыновей, спел на сожженной Псковщине новую частушку, ритмически и образно восходящую к стародавней песенке, но в новых песенных словах прорвалась вся неизмеримость сугубо личной утраты:

Не запить мне свово горюшка
Ни пивом, ни вином:
Не забыть своих сыночков
Мне ни ноченькой, ни днем!..

По-иному выразила родительскую скорбь горестная частушка матери:

Не запить мне свово горюшка
Ни пивом, ни вином:
Не забыть мне своей кровушки
Ни летом, ни зимой!

Бесчисленные частушечные экспромты доказывают неприменимость слова, отлитого чужим переживанием, к индивидуальной

ситуации[1]. Давно наметившийся художественный процесс был явно ускорен пореформенным временем XIX века. Именно тогда в деревне пошатнулись старозаветные бытовые устои и эмоциональный мир личности раскрепощается. Именно с той поры можно говорить о всероссийском разливе частушки.

Сельская лирика, извечно идеализировавшая действительность, в частушке ощутимо меняется, ее художественные формы обретают гибкость пословицы, загадки. В исповедальной частушечной культуре звенят ручьи разговорной речи, и сборники частушек, словно открываясь гомону ярмарочной толпы, полнятся шумным многоголосием.

С частушкой народное искусство обрело свободу речевого жеста, и образ лирического героя стал раскрываться через социальную и психологическую характерность высказывания человека, через прямое соответствие слова и интонации персонажа его облику и душевному состоянию:

От дружка письмо пришло,
От маменьки скрывается
В черной юпочке в кармане:
Каждый день читается.

Я сидела на угоре
На такой на высоте...
Дай ты, боже, помоложе —
По моей по красоте!

Частушка способна говорить о чувстве, не называя самого чувства:

Красно солнце на закате,
Попросил попить у Кати:
«Катя, Катя, Катенька,
Кака водичка слатенька!»

Я рассыпала часы —
Сбирала серебриночки.
Не часы рассыпала —
Горячие слезиночки.

Слово в частушке выражало «невыразимое» — переживание незавершенно-текучее, непроясненно-смутное:

То бы пела, то ревела,
То бы ехала куда,
То бы серые глазеночки
Закрыла навсегда.

Исключительная зоркость жанра, внимание к едва уловимым, тенью набегающим чувствам, к подробностям и оттенкам челове-

---

[1] Из этого, разумеется, не следует, что отдельные частушки не могли жить целые десятилетия, почти не подвергаясь никакому варьированию. Но в таком случае перед нами явление иного порядка: хранение в устах народа образцовых художественных обобщений действительности либо устойчивость произведений, долгое время отвечающих устойчивым же вкусам масс.

ческого поведения сделали частушку искусством предельной психологической правды:

В ту сторонушку взглянула —
Все равно как побыла.
Платочком беленьким махнула —
Все равно как отдала.

По мозаике миниатюр, поднявших переживание мгновения на высоту события, стало возможно составить исторически изменчивый нравственный портрет молодых поколений русского народа, и это в высокой степени объясняется преобладанием в частушке темы любви, темы открытия мира юностью.

Краткие песенки запечатлели свежесть и изумление молодого чувства перед распахивающейся, манящей жизнью:

Я иду, а ты не чувствуешь,
Широкая трава!..

Погодите, не летите,
Белые снежиночки!..

В нашем полюшке овес
От ветра колыбается...

И так значительна всякая черточка, жест любимого, в которых находится тайное признание, иносказание, читается измена, обещание встречи, предвестье разлуки.

Это типично в равной мере для мужской и женской лирики:

У милашки глазки серые,
Похожи на мои.
Не судьба ли, ягодиночка,—
Не будем ли свои?

Дроля, серенькие глазочки
Твои да и мои.
Часто смешивались серые,
К любови привели.

Достигая абсолютных высот лиризма, частушка утончила художественную культуру индивидуального высказывания.

* * *

Частушка впервые запечатлелась русской литературой в 60-е годы XIX века — произведениями В. А. Слепцова («Владимирка и Клязьма», 1861), Г. Успенского («На бегу», 1863), Ф. М. Решетникова («Где лучше?», 1869) и других писателей. Это одно из неоспоримых свидетельств популярности, общераспространенно-

сти жанровой культуры фольклорных песен-миниатюр для названного десятилетия. В мае 1869 года Достоевский пишет Аполлону Майкову: «Народ уже не сочиняет песен прежним размером, а сочиняет в рифмах» [1]. Примерно в те же годы записи частушек появляются в «Сборнике песен Самарского края» В. И. Варенцова (1862) и «Русских народных песнях» П. В. Шейна (1870).

Первоначально у них нет еще общепризнанного названия. Когда вологодский краевед Н. А. Иваницкий в 1882 году описывает обращающиеся в «крестьянской среде... четверостишия, трехстишия... и двустишия», он попросту называет их «выкрикиваниями», которые «сочиняют девки и парни, выражая в них мимолетные порывы, чувства любви, ревности, злобы, зависти, насмешки» [2]. Через некоторое время, однако, этнограф уже пользуется народным термином «частушка» [3]. И, наконец, статья Глеба Успенского «Новые народные стишки» (1889) закрепляет в литературе последнее название за однострофными народными песенками. Впрочем, позже выяснится, что исконно наиболее распространен в народе был термин «припевка», и он конкурирует с литературно привившимся жанровым наименованием «частушка» вплоть до последнего времени.

Частушка — культура рифмованных однострофных песенок, пропеваемых или выкрикиваемых на определенный местный мотив. Выдающийся советский музыковед- фольклорист Наталья Котикова записала более трехсот частушечных напевов. Местные мелодико-интонационные традиции и особенности исполнения частушек создали прихотливое богатство форм миниатюры, которые обычно представляют в записях как четырехстишия, двустишия (в них действительно укладывается основной смысл частушки!), реже — как песенки из шести, восьми стихов, еще реже — как песенки, имеющие повторы строк, вставки, припевы.

Вот как выглядит частушка из Читинской области в обычной публикации:

Восемь часиков пробило
Без пятнадцати минут:
Наверно, карие глазеночки
Сегодня не придут.

Между тем в исполнении этой частушки третий и четвертый

---

[1] Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973, с. 413.

[2] Архив Русского географического об-ва, разр. 7, оп. 1, № 51, с. 492—493.

[3] Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960, с. XXIV.

стихи повторяются, что превращает произведение в шестистишие [1].

Одна из южнорусских разновидностей частушки — «страданье» — обычно выглядит и трактуется как двустрочие. Но в бытовании сплошь и рядом видим трехстиховую форму, о чем говорит хотя бы пример из Липецкой области:

Из окна — эх! — из окна в окно видаться —
И то можно, и то можно настрадаться!
И то можно, и то можно настрадаться!

Иногда из четырех знаменательных стихов в пении образуется восемь, как, скажем, в такой вологодской частушке:

Я не весело пою —
Забытая девчоночка.
Я не весело пою —
Забытая девчоночка,
Забытая не от людей —
Забыта от миленочка!
Забытая не от людей —
Забыта от миленочка!

Но восемь стихов могут образоваться и за счет припева-междустишия, «пробрасываемого» перед повтором двух последних стихов и отделяющего их от основного текста, что дают частушки белгородские:

Балалаечка играет,
Балалаечка звенит.
На меня миленок глянет —
Мое сердце заболит.
    Ой, ля, трай-ля-ля!
    Ой, ля-ли, ля-ляй-ля! Ох,—
На меня миленок глянет —
Мое сердце заболит.

При исполнении четырехстиховой «Семеновны» повторяется второй куплет, «песенка» удваивается в объеме.

В «двойных припевках» из Куйбышевской области четыре стиха частушки превращаются за счет повторов в двенадцатистишие. Орловская «прика́зка» украшается пятым стихом-припевом «Э-ой, ра-ра, ой, ра-ра-ра!»

---

[1] В разговоре об объеме строф в частушке использованы образцы из сборника частушечных записей Н. Л. Котиковой, который собирательница предполагала издать с моим участием.— *А. Г.*

Немало частушек имеют по шесть полнозначных стихов. Иные из четырехстрочий «контаминируются» (объединяются) с тематически близкими текстами.

Таким образом однострофные песенки-частушки, в зависимости от их формы, содержат два, три, четыре, пять, шесть, восемь, двенадцать, а подчас и более стихов, что вполне можно ощутить лишь при нотных публикациях частушечных произведений.

Разновидности частушки получили в народе десятки собственных, исконных названий: «матанечки», «частоговорки», «коротушки», «ти́горки-мати́горки», «саратовские переборы», «прибаутки», «пригудки», «подгорная», «под язык», «бологовка», «ихахошки», «тараторки», «разливное», «елецкий», «проходные частушки» и другие. Эти термины то указывают на частый или протяжный (как в «страданиях») темп исполнения песен-миниатюр, то на характер сопровождающих пение действий, то на вид аккомпанемента, то связывают конкретную разновидность жанра с определенной географической зоной, то с упоминаемым в песнях условным лицом («Семеновна») и т. д.

История частушки еще не написана, поскольку разные ее виды имеют различные истоки, но сопоставление частушек с аналогичными плясовыми однострофными миниатюрами славянских народов (белорусов, украинцев, поляков, чехов, словаков) позволяет видеть в ней органическое, глубоко укорененное порождение славянской песенности. Не случайно немногие записи русских плясовых произведений XVIII века содержат близкие подобия новейшим записям частушек.

Лихое четверостишие из знаменитого сборника Кирши Данилова (1740-е — 1768 годы):

А щучины не ем,
Карасей-то не ем,
А и ем треску —
Припру к шестку! —

по своему художественному строю почти неотличимо от современного плясового текста:

Пойду плясать —
Рукава спущу.
Больно парень-от хорош:
Ночевать пущу! [1]

---

[1] Бахтин Вл. 1000 частушек Ленинградской области. Л., 1969, с. 105.

Есть основания думать, что тематический диапазон частушки исторически расширялся, и из песен эротических, из бытовой скоморошьей сатиры она превратилась в культуру широкого лирического дыхания постепенно.

Владимирский краевед Я. И. Коробов, собиравший фольклор с 1860-х годов, писал, между прочим, об исключительно мужском характере ранних местных частушек: «До 60-х годов частушки в деревенском песенном обиходе занимали особое место: пелись... только молодыми парнями, во время пляски, на гулянье, в тесном кругу слушателей мужского пола; пляшущие, притопывая под звуки появившейся гармошки, приговаривали частушки, повторяя старые известные и гимпровизируя новые» [1]. Персонажами «плясовых частушек, появившихся раньше 50-х годов или в начале прошлого столетия», он называл героев эротических песен и анекдотов: «поп с попадьей, дьякон с дьяконицей, дьячок и пономарь с дьячихой и пономарихой, монах с монашиной, теща и Еремеева жена и пастух, и барыня с перебором и т. п.» [2].

Но вторая половина XIX века свидетельствует о гораздо большей емкости частушки: она запечатлевает богатейший мир личного чувства.

Частушка — лирика молодежных гуляний. Это идеальный тип песни для вечерок, игрищ, посиделок. Она универсальна в том смысле, что сразу и говорит, и поет, и приплясывает. Она общественна: в ней личное хочет расплескаться принародно.

Оттого, что эмоции частночеловеческие и общественные в частушке неразделимы, в периоды массовых движений захваченная событиями молодость откликнется на них частушками высокой социальной страстности, выразит чувства миллионов.

* * *

«Собирание частушек и обработка их» были оценены Львом Толстым как «хорошее, полезное дело», говорящее об уважении к «собирательному автору» [3] фольклора. И эта деятельность оставила истории русской народной культуры подвижнические труды типа коллекции тверского самоучки В. И. Симакова, состоящей из ста тысяч полевых записей частушек за 1897—1950-е годы. Работа накопления фактов народного творчества активно

---

[1] Я. И. К⟨оробов⟩. Народная песня в северной части Покровского уезда. (Из записок старожила).— Старый владимирец, 1913, № 192.

[2] Там же, 1914, № 19.

[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 80. М., 1955, с. 127.

продолжается современными фольклористами, музыковедами, писателями, композиторами, этнографами, лингвистами.

Старшие слои частушек сложны, неоднородны, ибо сложна и неоднородна была в социально-психологическом отношении стихия, которая творила и хранила частушку: обилие подробностей времени, регистрируемое фольклором, означает даже известное преимущество, бо́льшую полноту массового творчества в сравнении с литературой.

Дореволюционному времени принадлежит создание целого ряда таких лирических произведений, где раскрывается драма любви, раздавленной властью родителей и «большой семьи», имущественным неравенством; где выражен протест против подневольного труда на богачей, против жестокой морали, темноты, косности старой деревни. В этих частушках живет, любит, негодует молодость, выходящая на борьбу со всем старым строем жизни, рвущая с предрассудками своей среды; но рядом с нею живет молодость смирившаяся, в полной мере обремененная этими предрассудками, обладающая психологией противоречивой, во многом далекая нам, мыслящая и чувствующая совершенно так, как герои деревенских рассказов Бунина, Вересаева, Подъячева, Шишкова.

Есть среди старших частушек и произведения памфлетно-саркастические, отражающие кульминации политической борьбы, говорящие о становлении нового политического сознания масс.

В частушках Октября, гражданской войны, восстановительного периода, нэпа, коллективизации отражен процесс изменения внутреннего облика самого народа, слышатся голоса живых участников неповторимых событий. Здесь все в движении, ломке, изменении, становлении, и сама частушка то и дело меняет окраску, словно то «яблочко» («сбоку красное — сбоку зе́лено»), которое прокатывается в гражданскую войну из конца в конец России.

Социалистическая революция — целая эпоха пересоздания, преобразования общества, «преображения России». Будни жестокой классовой борьбы превращают частушку в острейшее социальное оружие. Она перехо́дит из уст в уста, из одного лагеря в другой, выражает отношение крестьянства, а отчасти и городского пролетариата к событиям. Она фиксирует оттенки социальных настроений, по-своему запечатлевает реальную сложность и неуклонность процесса утверждения социализма.

Поколения, помнившие земских начальников, старост, «винополь» (монопольку), чувствовали иначе, нежели поколения, выросшие в общественной атмосфере, где главными деревенскими «персонажами» стали коммунист, председатель, тракторист, бригадир, лейтенант, шофер, инте́ллигент.

Старая частушка пела о зависимости молодой девушки от старшего брата:

Брату я работала —
Едва я дни коро́тала,
Попросила башмаки:
«Сестра, не заработала!»

Новая частушка говорит, что эта зависимость ушла с изменением деревенской жизни:

Брат, работай, брат, работай,
А за платье не кори —
Я сама его купила
На свои на трудодни!

На смену родительскому гнету (вспомним популярный старинный запев: «Вы родители-губители...») приходит свобода любовного выбора:

Никогда не пообижусь
На родителей своих:
Выбирала ягодиночку —
Не спрашивала их.

Среди частушек о призыве любимого в армию, окрашенных горечью разлуки, появились частушки, попросту немыслимые в дореволюционной деревне:

Эко дело — солнце село!
Завтра новое взойдет.
Эко дело — дролю взяли!
Образованный придет [1].

Известные сборники частушек в записях советского времени, хоть они и далеки от необходимой полноты, при сопоставлении с классическими дают богатейший материал для понимания того, как и в чем меняется духовный мир, строй мышления человека в процессе созидания нового общества. «Тихий Дон», «Россия, кровью умытая», «Поднятая целина», поэмы Твардовского, «Русский лес»... К этому литературному ряду фольклор имеет свою, частушечную параллель — не менее емкую в смысле отражения «внутреннего человека» и безупречно правдивую.

---

[1] Ср., например, старую рекрутскую частушку:

Во солдаты, во солдаты,
Во солдаты дорогой...
Чего я, девочка, затеяла?
В колодец головой!

Вспоминается гулкое эхо на морозной улице сибирского села Голишова в феврале 1942 года:

Эх, я катал, катал матаню
д' на зеленой кошаве-е... да-а...
Эх, не досталася матаня
д'ни товаришшу-у, ни мне-е... да!

Эхо летело над закатно-медным льдом степной речки. Пели новобранцы, съехавшиеся на сборы со всего района перед отправкой на фронт. Захлебывались гармони. В разных концах огромного села — на Низу, в Углу, у Совета, в Дегтяревке,— везде кричали тонкие девичьи, пронзительные бабьи, залихватские, удалые, бравые голоса парней, которым горе не беда... И когда утром в степь двинулась огромная, не вмещавшаяся в улицы толпа призывников и провожатых,— снова закружились, взлетели частушки, слова которых вьюга мешала с хлопьями снега.

И слова и напев навсегда застревали в излучинах памяти.

И навсегда западали в сердце другие частушки: их пели девушки около молокозавода, где каждый вечер собиралась совсем зеленая молодежь; пели летней ночью на дальних заимках «робятёшки»; пели погонщики быков на пыльных дорогах, где ползали к элеваторам фургоны с хлебом; их приносил народ из соседних деревень и из санитарных эшелонов.

Частушки говорили о степной метели и о миленочке. Но то была не метель, а война.

Возвращался внезапно высокий молодой парень с медалью и пустым рукавом — частушка жалостливо откликалась на возвращение. Приносили похоронную — песенка-коротушка заходилась в рыдании. И подобно некрасовской несжатой полосе вошел в русскую поэзию трагической эпохи горестный частушечный образ невыжатой ржи:

На горушечке качается
Невыжатая рожь...
Распроклятая Германия
Сгубила молодежь.

В годы, когда учебником истории для подростков стала книга Алексея Толстого «Что мы защищаем», россыпи частушки были зеркалом народной нравственности. Тысячи и миллионы переживаний частного человека сливались в единое напряжение воли, в единое сознание ответственности минуты и в единое для всех требование к себе не пожалеть жизни ради спасения социалистического отечества:

Широко растянуты
Полосы фронтóвые.
Ягодиночек убьют —
На смену мы готовые!

Молодость рано взрослела и брала на свои плечи государственные задачи. Раннее вторжение драмы в ее судьбу дало много художественных отражений. Но народные вера, надежда были в частушках неистребимы. Семнадцатилетние девушки пели:

...Не придется сволочам
Взять Россию под начал!

На оккупированной земле тайно сложили плясовую частушку:

Наварили кулешу —
Получилась каша.
Сколько Гитлер ни воюет,
А победа наша!

Вседневный подвиг и патриотическое искусство составляли одно целое: в частушках звучало предвестье победной весны.

И она пришла.

Она принесла хмельные от радости слова:

Девушки, у нас веселье,
На границе тишина!
Сорок пятого, девятого
Закончилась война!

Задушевная товарочка,
Среда, девятый май!
Сероглазого миленочка
С победой ожидай!

Честная спутница народных тягот, частушка ничего не упростила:

Вот окончилась война,
Я осталася одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик [1].

Рожденная не праздностью чувства, а его накалом, песенка-миниатюра, нераздельная с народными переживаниями большой истории, в годы Великой Отечественной войны подтвердила свое право называться большим искусством [2], как то было в периоды трех русских революций, первой империалистической войны, в сложную эпоху коллективизации.

А затем она рассказала о чувствах человека, обретшего мир.

[1] Частушки. «Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд. М.— Л., 1966, № 2485.

[2] Буртин Ю. О частушках.— Новый мир, 1968, № 1, с. 211—238.

* * *

Частушка — искусство особого эстетического обаяния. Жанр миниатюры порождает импрессионизм стиля. Изображаемое берется в решающих впечатлениях и эмоциях:

Заскрипели, заскрипели
На морозе валенцы.
Надоели, надоели
Ржевские пьяницы!

Роль метонимии оттого резко возрастает:

Мое сердце завлекла
Черная папаха.
Сердце режет без ножа
Синяя рубаха.

Ты сиди, да не задумывайся,
Серенький глазок.
Я тебе не отказала —
Приходи еще разок!

Частушка динамична, она перебрасывается от картины к действию, от действия к высказыванию, опуская излишние для нее посредствующие звенья:

Колокольчики гремели
Под камышевой дугой.
Выходи, милашка, в сени —
Я приехал за тобой!

Благодаря лаконизму частушки искусство слова в ней достигает высочайшего развития. По выражению поэта и известного теоретика поэзии Александра Квятковского, «частушка как художественная миниатюра по своей природе» (разрядка моя.— *А. Г.*) как бы предъявляет себе требование «быть совершенной, безупречной по мастерству»[1].

Для малой лирики народа типична словесная игра:

В поле алые *цветки*
С голубым смешалися.
Скажи, милая подружка,
Как с *цветком* расстались.

Фукал, фукал, я профукал
После батюшки домок.
К миловидненькой девчоночке
Дофукатца не мог.

Приливы и силу чувства способны передать простые или чуть варьируемые повторы:

[1] Квятковский А. П. Ритмология народной частушки.— Русская литература, 1962, № 2, с. 96.

Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря,
Сегодня тихая заря,
Услышит милая моя.

Без тебя, мой дорогой,
Без тебя, мой милый,
Без тебя, хороший мой,
Белый свет — постылый.

Различие интонационных модуляций одного и того же слова способно выразить радугу оттенков:

Ты кака, а я какой,
На каку нарвалсы!
На каку на ловкую,—
Век бы не расстался!

Слово в частушке пластично, «лепко». Существительные образуют новые глаголы (зачастую путем тавтологии):

Гоноболинка моя
Чиво ты *гоноболишься?..*

Мой батистовый платочек
На ветру *ветруетца...*

Возникают существительные от прилагательных:

Во больницы две сестрицы,
Обе *кареглазочки...*

Не моя ли *чернобровинка*
За прялочкой сидит?..

В словотворчестве, подчиняющемся национальным законам обновления языка, виртуозность частушки безгранична:

Проводил, да не до дому,
Сел на изгородочку.
Я пошла, а он остался
Любовать походочку.

Ты не думай, мой хороший,
Не *нашейница* твоя...

Проводила Мишеньку
Под горку за *утишинку.*

С блеском обыгрывает песенная миниатюра «новомодные» словечки, общественно-политические, газетно-канцелярские выражения, ежедневно подновляя свой лексико-фразеологический и образный строй:

Как по нашей по деревне
Почтовая станция...
Раньше я его любила
Как *была ваканция.*

Удивительная осень —
У колодца грязи нет.
Ягодиночка в любови
Потерял авторитет.

Вот опять заговорили
Громкоговорители:
Это девушку ругают
Дролины родители.

Полюбила я его,
А он, девушки, *пилот*:
У него насчет любови
Самолет да самолет.

Частушка подтверждает неистощимость изобразительных ресурсов слова, его неумирающую способность к самообновлению. Частушечные рифмовка, звукопись давно стали школой поэтов. Перезвоны гласных и согласных способны сообщить миниатюрам музыкальность без музыки:

Тише, тише, тишина:
Идет гармошка Мишина.
Еще лучше Васина:
Всю беседу скрасила.

И тишина ночи, с дальними переборами гармони и чьими-то шагами, и шелесты ветра, и шум дождя, и рассыпчатая дробь каблуков могут слышаться в частушке. Но звукопись эта имеет смысл больший, нежели имитация обстановки,— она создает настроение:

До чего ветер додует,
До чего-то дошумит...
До чего мое сердечушко
Доноет, доболит!

В общем же ассонансы и консонансы частушек (зачастую — следствие синтаксических и морфологических повторов внутри рифмующих стихов) имеют «техническое» назначение, скрепляя части целого в нерасторжимое единство.

В те края похожено,
Кружовнику поношено,
Вишенья повижено,
С забавочкой посижено.

Шел беленький с ярмарки,
Зашел к садовой яблоньке,
Сел на доску тонкую,
Развел тальянку звонкую.

Фонетические скрепы цементируют контур фольклорной частушки, создают возможности сохранения текста в устах, либо обеспечивают такое варьирование «первотекста», при котором в дочерних произведениях сохраняется как бы «оглядка» на текст-предшественник.

В частушках-четверостишиях многообразны рифмы. Конечная рифма может быть и перекрестной, и смежной (преобладавшей среди старых записей), и сквозной, однако наблюдается полное отсутствие рифмы кольцевой, опоясывающей. Иногда рифмуются целые стихи («Поиграешь или нет?.. Понимаешь или нет?»), есть повторы стихов, есть морфологические рифмы одних и тех же частей речи (земе́люшку — изме́нушку, дерева́ — слова́, сорок девя́тая — пятидеся́тая, берёзовый — бело-ро́зовый, ничего́ — на него́, научи́лася — поучи́лася и т. д.), есть омофоны

(бок — бог, о́строва — о́строго...) и есть великолепные — по своей свежести, непостижимой изысканности и свободе сопряжения — рифмы разных частей речи (попере́чила — четыре ве́чера, я́руса — ра́дуйся, дья́вола — пропла́вала, кро́лики — стро́ите, пото́нела — дро́лина, не поднять — не под стать, горя́чая — не для́ чего...). Ослабленность или отсутствие конечной рифмы вызывает потребность в компенсирующей внутренней (в том числе начальной) рифме:

Не сердись-ка, мой хороший,
Не сердись, тебя прошу.
А садись-ка на телегу —
Вдоль деревни прокачу.

Пеки-ка, мама, пироги —
Последний раз побереги,
Последний раз, последний час,
Последнюю минуточку.

Добавочные рифмы — органическое явление частушечной поэтической культуры. При созвучии четных стихов нечетные далеко не всегда обладают рифмой конечной, поэтому «скрытые» внутристиховые фонетические связи оказываются первостепенно важными:

Я по бережку ходила —
*Изме*ряла глубину:
Если миленький *изме*нит —
В этом месте утону.

Где бы милого увидеть —
Попеняла бы ему:
Променял цветочка *ало*го
На блеклую траву!

Эвфония миниатюр — критерий оценки их художественности и подлинной народности. Частушка, которую нельзя петь, под которую нельзя плясать,— не частушка.

Образно-метафорический строй народных миниатюр многое позаимствовал из арсенала лирической песни.

Например, немало двухчастных композиций использует известную традиционной лирике символику цвета:

Кабы в поле не цветы,
Поле не *алело* бы.
Кабы, милая, не ты,
Сердце не болело бы.

Огорожена малина
Палисадом *голубым...*
Занята моя головушка
Подростком молодым.

Алый, голубой цвета символизируют любовь.

Символика способствует появлению метафорического подтекста:

Я в последнее, в остатнее
Пройду этой тропой:
Зарастет эта тропиночка
Осокой и травой.

Тропинка, зарастающая травой,— гибель любви, а осока — вероятный намек на соперницу («супостатку»), о которой недвусмысленно сказано в других частушках:

Супостаточка моя
Без ладу высо́ка:
Замешалася в народе,
Как трава осока.

Ягодиночка обзарился
На рост высокой...
Сено мелкое зелёно
Не сравнишь с осокой!

Символы, правда, могут выступать и в форме сравнений, «маскирующих» заимствование. Так, традиционный образ молодой женщины, женской молодости — белой лебеди получает в одной из частушек вид сравнения, прямо почерпнутого из мира природы человеком, живущим в постоянном общении с нею:

Прошла молодость моя,
Легонько прокатилася:
По воде, *как белый лебедь,*
Проплыла и скрылася.

Иные сопоставления имеют источником прямые индивидуальные наблюдения:

У молоденькой у девочки
Молоденький умок:
Во все стороны кидается,
Как в поле ветерок.

Супостаточка намазалась,
Кудрей-то навила.
Сидит на стуле — разгорелась,
Как за баней головня.

На меня люди напавши,
Точно иней во лесу...

У меня сердечко бьется,
Как ключёвая вода...

У известного числа двухчастных припевок начало, гармонирующее с продолжением, по-песенному подготавливает определенность восприятия главного. Это эхо, обгоняющее речь:

Поздно вечером на улице
Качались дерева.
Долго помнятся неверные
Евонные слова.

В двухчастных произведениях нередко наблюдается скользящая плавность переходов от впечатлений, картин, набросков окружающего к лирической исповеди (исповеди внутри исповеди). Но частушка не только идет за традиционной песней, а и вносит нечто принципиально новое. Миниатюры закрепляют в контрапунктной композиции течение двух автономных потоков сознания: жизнь внешняя и внутренняя предстают в их равноправности, а бытовой, пейзажный ряды и человеческое чувство не взаимодействуют, а лишь соприкасаются:

Сарафанчик мой травчатый
По малиновой земле...
Наши к празднику уедут —
Приходи, милый, ко мне.

Я иду, иду по линии,—
На линии песок...
Черноброву понравился
Мой грубый голосок.

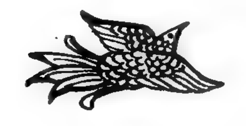
Сравнительно с песней частушка принесла осязаемость большей сложности, прихотливости ассоциативных отношений человека со средой. Углубилось, с одной стороны, ощущение суверенности индивидуума, с другой — ощущение единства бытия личности с грандиозным, не зависимым от человека и даже равнодушным к нему миром. В частушечной культуре сказалась общая эволюция национального художественного сознания, качественно сближающего на рубеже XIX—XX столетий свои фольклорные и литературные формы. И если на одном полюсе искусства мы видим чеховскую новеллу, а на другом — частушку, то эти явления оказываются гораздо более близкими по художественному методу, нежели фольклор и литература в границах пушкинской эпохи.

Перемены в народном творчестве синхронны с общим, все убыстряющимся возрастанием роли профессиональных видов искусства в национальном быту. Так возникли частушки самодеятельная, литературная — новые внефольклорные формы, пытающиеся имитировать особенности частушки фольклорной и поставить их на службу массовой агитации.

Но и частушка фольклорная продолжает жить, хотя ее «метрополия» резко сузилась и сужается далее. Народную частушку продолжают записывать тысячи людей — от «безымянных» любителей до дипломированных ученых, наслаждаясь частушечным словом, частушечными мелодиями, насыщаясь пульсирующим юным чувством:

Возле речки, возле быстрой
Все фиалочки растут.
Ох, без любви прожить бы можно,
Да чего-то не живут...

Ал. Горелов



ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЧАСТУШКИ

1. У нас фабрика высо́ка,
На ней крыша зелена.
Помолитесь богу, бабы,—
Провалилась бы она!

2. Дома с полем уберутся —
И сидят, как господа.
А мы фабричную работу
Не окончим никогда.

3. Ай, подруженьки мои —
Все при радости они.
А я, девка, при печали:
Меня на фабрику вкачали.

4. Ах, поработаю на фабрике
Я последненький годок:
Заработаю на фабрике
Себе шелковый платок!

5. Кто бы, кто бы догадался —
Нашу фабрику сожег...
А покамест ее строят,
Погуляли бы годок!

6. На болоте мы живем,
По карьерам ходим,
Годовые праздничкн
Во слезах проводим!

7. Трудно, трудно нагибаться
За черной торфиной.
А еще того труднее
Походить с корзиной.

8. А фабричный свисток тонок.
Где бы скрыться мне, миленок?

9. Моя молодость пропала —
Всю заел ее завод.
От чахотки исхудала,
Никто замуж не берет!

10. Зимогоры от конторы
Кое-как плетутся, —
Сколь получат, все пропьют,
На чаишке бьются.

11. Шахтер уголь добывает,
Днем и ночью мается,
Сам без хлеба помирает
И с женой ругается.

12. Как на фабрике у нас
Чисто ад кромешный:
Ходит Гурша[1] с кошельком,
Как Иуда грешный.

---

[1] Смотритель одной из фабрик Забайкалья Гурий Кузнецов.

13. Ярославская хозяйка,
Рассчитай, пойду домой,
Ваши каменны хоромы
Мне-ка кажутся тюрьмой!

14. Я пришла, меня спросили:
«Хорошо ли в людях жить?»
Я заплакала, сказала:
«Надо всякому служить».

15. На заводе огоньки,
На пароходе огоньки,
На работушке хозяйской
Тяжелехоньки деньки!

16. Дролечка, женись, женись,
Не бери девок ничьих.
Меня выкупи из горюшка,
Из бедных казачих.

17. Я из Питера приехал
На осиновом коле,
Батьке денег прибуравил —
Три копейки в рукаве.

18. Бондари, бондари,
Почините бочку!
За работу денег нет —
Поцелуйте дочку.

19. Сорок лет — коровы нет,
Маслом отрыгается.
На дворе один петух
С курицей ругается.

20. Эх, доска моя, доска,
Где живет моя тоска?
Дом с карнизами стоит,
Ходить батька не велит.

21. Богачу опять лафа:
Придумали отруба.
Он земельку соберет —
Жить на отруб перейдет,
А мы, бедны мужики,
Обирай его клоки!

22. Мой папаша отрубился —
Продал землю кулаку.
От работы он отбился —
Лежит пьяный на боку.

23. Мы шатали старшину,
Нарушали тишину;
Мы шатали старосту,
Не боялись áресту!

24. Мы на лодочке катались
Посредине Ангары.
Трех легавых подкололи
И попали в кандалы.

25. Кандалы забрякали —
Матери заплакали.
Вы не плачьте, мать, отец,—
Нас угонят в Сахалец! [1]

Сахалец — о-в Сахалин.

26. У молоденькой девчоночки
Головушка болит:
Чернобровый помилаша
За политику сидит.

27. Объявилась нова мода —
Шерстяные юбки шить,
Стали ношенски девчонки
Политических любить.

28. Здеся лесу близко нету
Вересиночку срубить.
Вся «политика» уедет,
Будет некого любить.

29. Ох, ох, не дай бог
С «политикой» знаться:
Арестуют, увезут —
Жалко расставаться!

30. Картошки цветут,
Марьины коренья!
Сына в каторгу сошлют,
Дочку — на моленье.

31. Тяте робить, тяте робить,
Тяте в добры не войдешь,
Тятя дал наделочку:
Блюдо да тарелочку!

32. Меня дома-то ругают,
Что помногу хлеба ем.
Сшейте белую котомочку —
Уйду, не надоем!

33. Моя мама — староверка,
Не научит на добро.
Дала медную копейку:
«Разменяй на серебро!»

34. Мамка в люлечке качала —
Целоваться приучала.
Приучала меня мать
С холостых гостинцы брать.

35. У нас семейка велика —
Не похлебаешь молока:
Не успеешь ложку взять —
У чашки донышко видать.

36. Чем ты, миленький, заносишься?
Земли одна душа!
Али тем, милой, заносишься —
Одёжа хороша?

37. Полюбила, да и скаялася:
Много братовей;
Тебе не то что, дроля, дому —
Не достанется дверей!

38. Я сидела с им за шутку,
Разговаривала — смех!
Четыре брата — одна шляпа,
Перекидывай на всех!

39. Проводил меня один
До березовых лядин,—
Раз пятнадцать побожился,
Что у батюшки один.

40. Не форси калошами:
У тебя нет лошади.
Одна метелочка в углу,
И та кричит: «Уйду-уйду!»

41. Самовары, самовары,
Самовары медные,
Не от вас ли, самовары,
Стали люди бедные?..

42. Ты гори, гори, лучина,
Гори, уголь золотой!
Ты гуляй, гуляй, хорошенький,
Пока не забритой.

43. Неужели нас забреют,
Неужели уведут —
Шинель серую наденут,
Ружье светлое дадут?

44. Над приемной галки вьются.
У милашки слезки льются!..

45. Я пойду во лесик темный,
Я спрошу у елки черной,
У зелененьких прутков
Про своих рекрутиков.

46. Вы, солдатики-некрутики,
Казенны сыновья,
Вы вставайте под рядовочку,
Тяните жеребья!

47. Некрута наши гуляли,
По деревне ухали,
С девок ленточки снимали,
Коням гривы путали.

48. Думал, думал: не забреют,
Думал, думал: пронесет.
Подхожу к родному дому —
Мать с причётами ревет.

49. Нас забреют, уведут
Во вьюгу, во погодушку.
Не видать отца и мать
До будущего годушку!

50. Отрекрутили рекрутики,
Отпел колоколец,
Отходили мои ноженьки
К милашке на крылец.

51. Не ходите, девки, яром —
Все равно обвалитесь.
Не любите рекрутов —
Все равно расстанетесь.

52. Отдадут меня в солдаты,
Подлеца и вольницу.
Запираю на три года
Свою милку в горницу!

53. Не вино меня качает —
Меня горюшко берет.
Я не сам иду в солдаты:
Белый царь меня берет!

54. Милый мой, пойдем домой,
Пойдем, моя кровиночка.
Тебя угонят в Порт-Артур —
Останусь сиротиночка!

55. Кому — шапочка боброва,
Мне — фуражка с козырьком!
Кому — девка чернобрева,
Мне — винтовка со штыком!

56. Мы споем про сине море
И про матушку Москву,
Про свою кручину-горе,
Про великую тоску.

57. Прощай, Питер и Москва
С высокими главами!
Прощай, милочка моя,
С черными бровями!

58. Куропаткин-генерал
Все иконы собирал,
Пил да ел, да жарил кур —
Протранжирил Порт-Артур!

59. Хоть сдадут, служить не стану
Николашке-дураку:
Сапоги, шинель закину
Через быструю реку!

60. Видно, я не угодила
Вышнему создателю:
На три года с половиной
Девка осолдатела!

61. Все косите и гребите —
Я одна буду метать.
Все женитесь, выходите —
Я солдата буду ждать.

62. Мой-то миленький некрутик,
Что ольховый в поле прутик
Предо мной сгибается,
В мужья мне набивается.

63. Сдали брата во солдаты —
И дружку не миновать.
Я по брате буду плакать,
По дружке — заумирать.

64. Долго-долго я стояла
У окошка битого.
Долго-долго поджидала
Мальчика забритого.

65. Шурочка, разбой, разбой:
Разлучают нас с тобой!
Разлучают нашу дружбу:
Тебя замуж — меня в службу,
Меня в службу — на пять лет,
Тебя замуж — на весь век!

66. Не смотрите, девки, в реку —
В реке черная вода.
Расхороших ребят сдали —
Девкам чистая беда.

67. У приемной я стояла,
У разбитого стекла.
Мне сказали: дролю взяли,—
Я еще разбила два.

68. Машина-то железная,
Колеса-то чугунные.
Увезли миленочка
Начальники безумные.

69. Что-то бело пролетело,
На мое окошко село:
Белая касаточка...
Осталась я солдаточка.

70. Взяли дролечку в солдаты —
Я не провожала:
У подружки на груди
Без памяти лежала.

71. Распроклятый царь-германец
Нам войны не объявил,
Он на бедную Россию
Три земли подговорил.

72. Неужели вас погонят
Под Варшаву воевать?
Неужели мы останемся
Слезами торговать?

73. Моёго милого угнали
В дальнюю Галицию.
Его немного поучили —
Сразу на позицию.

74. Мой-от миленький в окопицах,
Заветрело лицо.
Навалился на винтовочку,
Читает письмецо.

75. Ягодиночка в окопах
Заморозил ноженьки.
Побежала бы в окопы —
Не найти дороженьки!

76. Расходилось сине море
В рукомойничке на дне.
Мой миленочек страдает
Третий годик на войне.

77. Прилетела птичка с поля,
Села на руку мою:
Принесла поклончик с боя
От того, кого люблю.

78. Чайна ложечка в стакане,
Земляничка в блюдечке...
Мой миленок у германца,
А я здесь, на рудничке.

79. Не находится миленок:
Ни убит, ни раненый.
Наверно, дроля на позиции —
Землей заваленный.

80. Горит бор, горит сырой,
Горят в лесу коренья!
У германского царя
Будет замиренье.

81. Ягодинка-клюквинка
Далеко укатилася.
Без тебя, солдатик мой,
Я всяких налюбилася.

82. Мой миленочек — солдат,
Я ему сказала:
«Расстреляй мою любовь
Чтоб я не страдала».

83. Мой солдатик дорогой
Стал с ума меня сводить
Я не в топленую баню
Стала париться ходить!

84. Вы, товарищи-друзья,
Убейте милку из ружья,
Из ружья казенного:
Не люби кажённого!

85. У меня любого нет,
Нет и не бывало —
До семнадцати годов
Сердце не нывало!

86. Кабы тятенька не помер,
Маменька не вдовушка,—
Не росла бы я такая
Оторви-головушка!

87. Я любила старшину
За порядок, тишину.
Я любила старосту
За рубашку гарусну!

88. У нас гостюшка гостит,
Чужая, деревенская,—
Всех ребят у нас отбила,
Как контора земская!

89. У нас борова забрили,
Осолдатилась свинья, —
Остаются поросята —
Горемычная семья!

90. Я любила семь попов,
А писарей-то триста.
Что хотите говорите —
Моя душа чиста!

91. «Милая, беляночка,
Скажи, чем белилася?»
«Сызмалетства вся такая —
Беленькой родилася!»

92. Я сидела на угоре
На такой на высоте!..
Дай ты, боже, помоложе —
По моей по красоте!

93. Маменька родимая,
Болит мое ретивое,
Оно болит-то побаливат —
Наявь не выговариват!

94. Мама, мама, сшей мне куклу, —
Я сошью кукленочка.
Закопаю куклу в землю —
Присушу миленочка!

95. Все я горки исходила,
Все крутые бережка.
Травку с маковкой искала —
Присушить мила дружка.

96. Светит месяц и луна —
Девчонка ищет колдуна.
Она ищет ворожить,
Чтоб с миленком легше жить!

97. С того края в этот край
Меня потягиват, как в рай.
Из-за какой безделицы?
Из-за красивой девицы!

98. Новый дом, зелена крыша,
Светло лампочка горит.
Мой миленок деревенский
По-господски говорит.

99. Сердце шает, сердце шает,
Шает уголечком.
До того оно дошает —
Вспыхнет огонечком!

100. Что ты, белая березка,—
Ветру нет, а ты шумишь?..
Что, ретивое сердечко,—
Горя нет, а ты болишь?..

101. Что болит мое сердечушко —
Не знаю, отчего.
На Павлиновке есть мальчик —
Неужели оттого?

102. А чернобровые, баские —
Где-ка они родятся?
Да ихни матери-отцы
Какому богу молятся?

103. Некрасивы да счастливы
Есть на свете родятся.
Ихни матери-отцы
Какому богу молятся?

104. Я сначала — из мочала,
А потом — из волокна...
Я сначала примечала,
А потом и завлекла!

105. Я поставила ведерышка
На тоненький ледок,
Покатилося ведерышко
К милашке во садок.

106. Возьму крашены ведерочки,
Пойду я за водой:
Боля серого Серочка
Приведет на водопой!

107. Красно солнце на закате,
Попросил попить у Кати...
«Катя, Катя, Катенька,
Кака водичка слатенька!»

108. Я сегодня не обедала
И чаю не пила:
Поутру миленка видела
И тем сыта была!

109. Не скажу, в какой дере́венке
Веселенький народ:
Подле саменькой часовенки
Мой миленький живет!

110. Ходила по лесу, по вересу —
Ни верес, ни трава.
Любила Лёшеньку смалёшеньку —
Как вербенка цвела!

111. Я к обеденке ходила,
Все вставала наперед:
Не мое ли умоленное
На клиросе поет?..

112. Куманечек, мое зернышко,
Не хватай меня за ребрышко:
Мое ребрышко хрустальное,
Переломится остальное!

113. Мой духанечка хорош,
Хорош — не ходит без калош.
Тройка новая, трековая —
На писаря похож!

114. Говорила голоску:
«Раздайся, голос, по леску,
Чтобы милого, красивого
Ударило в тоску!»

115. Скоро, скоро прикатит
В новенькой шубенке —
Развеселые глаза,
Щапленьки губенки!

116. Что же сделать, маменька,
Что я родилась маленька?
Что же делать, родненька?
Хоть небольша, да модненька!

117. Кабы я, кабы я
Канареечка была,
У милого над окошком
Я бы гнездышко свила!

118. Ты, гармошка, помолчи
У попа на помочи.
Как мы выйдем за село —
Загуляем весело!

119. Ты играй, играй, гармошечка,
«Недорого» дана:
С самой Пасхи до Казанской
Все работал на тебя.

120. Поиграй, гармонь моя,—
Сегодня тихая заря!
Сегодня тиха зоренька —
Услышит чернобровенька!

121. Заиграл дроля в гармошку —
Токнуло сердечушко,
Подружку ткнула под бочок:
Выйдем на крылечушко!

122. Вересовые кусточки,
Где вы вересилися?..
Золотые ваши ручки,
Где играть училися?

123. Синемехая играет
За высокой за горой.
Было каменно ретивое,
И то сказало: «Ой!»

124. Веселись-ко, бережок,—
Идет с тальяночкой дружок!
Радуйся, травиночка,—
Идет мой ягодиночка!

125. Потихонечку, миленочек,
По лавинке иди!
Из рук тальяночку не вырони
И сам не упади!

126. Девочка-тихоничка,
Неси воду тихонечко,
Неси воду — не плескай,
Придет милый — приласкай!

127. На окошечке — герань,
Геранюшка цветистая.
У миленочка — гармонь,
Гармонька голосистая!

128. Я сударушку свою
Через поле узнаю:
Головушка — павиная,
Походка — лебединая!

129. Ягодиночка ты мой,
Какой ты ненаглядный!
Над головушкой твоёй —
Цветочек виноградный!

130. Ах-ай, айда-айдовая,
Сладкая, медовая!
Сладкий сахар, сладкий мед!
Слаще нет, как обоймет!

131. Миленький, не стукайся,
Хорошенький, не брякайся,
У переднего окна
Только поцарапайся!

132. Ах ты, милая моя,
Какая разбедовая:
С пяточек до головы —
Как пряничек медовая!

133. Ты кака, а я какой
На каку нарвалсы!
На каку на ловкую,—
Век бы не расстались!

134. Спи-ка, спи-ка, душечка,
На алой подушечке,
Спи-ка, спи-ка без пробуду —
До утра будить не буду!
Если придут тебя будить,
Скажи: «Головушка болит!»

135. Сидит кошка на окошке —
Белолапенький коток...
Подарила я миленку
Беловышитый платок!

136. Сидит кошка на окошке —
Белолапенький коток...
У меня дружок молоденький —
Семнадцатый годок!

137. Распроклятая осина
Не дает грибам расти...
У миленка две сестренки —
Не дают любовь свести!

138. Зонтик синий, зонтик синий,
Палочка камышова!
На что, миленок, рассердился —
Что платок не вышила?..

139. Распашу я, распашу
Черную земельку!
Я люблю, милый, тебя —
Всю твою семейку!

140. Милый ходит за сохой,
Машет мне косынкой.
Милый любит всей душой,
А я половинкой!

141. Боронила я на паре,
А миленок на одной;
По миленковой полосыньке
Проеду раз-другой!

142. Тученька затучила —
На горке сено кучила.
Кучила я, кучила —
По ягодке соскучила.

143. Милая, заветная,
По косе заметная,
Рожку жнет на полосе —
Алеет ленточка в косе!

144. Шел я полем — милка жала
Серебристенький овес,
Заунывну песню пела —
Довела меня до слез.

145. Я сегодня молотила,
Махивать училася.
Меня маменька учила —
Вся изгорячилася!

146. Опряду я, опряду
У кудели бороду.
По деревеньке пройду —
Будто я по городу.

147. Коля, Коля дрова коля
Недалеко от реки —
В кашемировой рубашке,
Три колечка на руки.

148. Шиковала, шиковала —
Перестала шиковать:
Много шику накопила —
Стала шиком торговать!

149. Светит месяц, как полтинник,
А звездочка — четвертак.
Мой миленок — как картина,
А товарищ — как бурлак.

150. У моей матани Тани
Колокольчик на гайтане:
Кто мою матаню тронет,
Колокольчик затрезвонит!

151. Я из шахты выхожу —
Только зубы белые.
Не пугается матаня —
До чего же смелая!

152. У миленочка тулуп —
Девяносто один руп.
На малиновой подкладке —
Девяносто две заплатки.

153. Посмотрю в большо окошко,
Что там дроля делает:
В лапотищах по назьмищу
С фонарищем бегает!

154. У кого какие кони? —
У духани — бурые!
У кого какие кудри? —
У духани — русые!

155. Мой духанюшка призапил,
Распатрет призагулял:
Середи чистого полюшка
Калоши растерял.

156. Боря, Боря, Боренька,
Что наделал горенька!
У милашки в горенке
Перебил оконенки!

157. «Расфрантовенький Андрейка,
Притулупь меня маленько!»
«Расфрантовая моя,—
Без тулупа вышел я!»

158. Говорила я милому:
«Прокати в коляске».
А мне милый на ответ:
«Запылятся глазки!»

159. По деревенке катался —
Воронко не бегает.
Сто разочков прокатился —
Милка все обедает.

160. Я рябинушку ломала —
Со рябины пала кисть,
Правой рученькой махала:
Приходи рябину исть!

161. Ты играешь, милый, в веночку,
Играешь — и играй!
Ты не знаешь мово горюшка,
Не знаешь — и не знай!

162. Сероглазенький с тальяночкой
Не просто подошел, —
Сердце выныло у девушки
С тех пор как он ушел!

163. Только в доме украшенья —
Когда солнышко взойдет.
Только сердцу утешенья —
Когда миленький придет.

164. Бело к белому подходит,
Бело носят господа...
Верхохонские девчонки
По ребят ходят сюда.

165. Милый мой — король бубновый,
В голубой рубахе новой,
Черна шляпа на боку —
Наглядеться не могу!

166. «Мама, мама, что такое,
Где-то утки крякают?»
«Это, доченька, не утки —
Это шпоры брякают!»

167. На окошке кочешок
Любит поливаньице,
А моя-то расхороша
Любит целованьице!

168. Озеро ты, озеро,
Ноги приморозило.
Как девчата подошли,
Ноги встали и пошли!

169. Это тоже не любовь:
Постоял — и нету.
А по-моему, любовь:
С вечера — до свету!

170. Забавочка мой,
Заряночка светит.
Оберни меня полой —
Никто не заметит!

171. Золотое-то колечко
Докатилось до села.
Не за то ли милый любит,
Что головка весела?

172. Потеряла я колечко
Во сусеке во муке.
Оказалося колечко
У милого на руке!

173. В те края похожено,
Кружевнику поношено,
Вишенья повижено,
С забавочкой посижено!

174. Дорогая ненагляда,
Я пришел, а ты не рада.
Я пришел проведать вас,
А вы капризитесь гораз!

175. Дорогой-то дорожиночко
Вчерась с ума сошел:
Со веселой со беседушки
Ранехонько ушел!

176. Гоноболинка моя,
Чего ты гоноболишься?
Четыре вечера сидела,
Теперь — церемонишься!

177. Утка сера, шейка бела,
Вдоль по бережку плыла.
Девка смела к парню села
И за шею обняла.

178. Золото мое колечко
Над изморьем вертится.
Не садись ко мне, забава:
Много девок сердится!

179. Ты подружка моя —
Веточка орехова!
Хотела милого отбить —
Не на того наехала!

180. Золото мое колечко,
Вставочка малинова.
Если любишь меня, милый,
Поцелуй одинова!

181. Высоко голубь летает —
Крылышки мелькаются.
Хорошо милый целует —
Губочки слипаются!

182. Ах, щечки горят,
Алые полыщут!
Не меня ли, молодую,
В хороводе ищут!

183. Пошла плясать —
Только пол хрустит!
Мое дело молодое —
Меня бог простит!

184. Эх, ну, плясну,
Пока молоде́нька!
Стара буду — все забуду
И плясать тогда не буду!

185. Кума, шире, кума, доле,
Кума, шубу разорвешь!
Кума, дальше от комода:
Всю посуду перебьешь!

186. И мышь пищит,
И комар пищит,
А кум от кумы
Суда́ка тащит!

187. Уж ты рыбка моя,
Судаковинка!
Ну что ж не поплясать
За диковинка!

188. Перед мальчиками
Пройду пальчиками!
Перед вами, господами,—
Косолапыми ногами!
Перед старыми людьми
Пройду белыми грудьми!

189. Чечевику молотила,
Чечевику веяла...
Дома меру позабыла —
Башмаками мерила!

190. Кума, бей, кума, ладь,
Кума, дело не подгадь!
Кума била, ладила,
Дело не подгадила!

191. Ой ты, милка моя,
Семигривенная!
Где у черта была —
Вся заиндевела?

192. Ох, черт подери,
Пусть деревня горит!
Не давайте есть и спать,
А дайте «барыньку» сплясать!

193. Сошью милому рубашку
Из крапивного листа,
Чтобы тело не болело,
Не чесалось никогда!

194. Рыжий батька, рыжа матка,
Сам я рыжу женку взял —
Все семейство порыжело,
Рыжий поп меня венчал!

195. Бело-розовый мужик,
Красная рубашка,
На головушке — сапог,
На ноге — фуражка!

196. Слава богу, понемногу
Стал я разживаться:
Продал дом, купил ворота,
Стал я запираться!

197. Ты играй, играй, гитара,
Басы медные!
Благовещенски девчата
Ох и вредные!

198. Уж как велькотски девчонки —
Что конфетки литые,
А уж тютицки девчонки —
Что солдаты бритые.

199. Милочки фартовые,
Сердятся которые:
Сердятся, бухарятся,—
На конфетки зарятся!

200. У меня в кармане мята,
Мята не помятая...
Я, девчонка молодая,
Никем не занятая!

201. Черна юбочка — разлука,
Желтая — изменушка.
Буду белую носить:
Не заня́та девушка!

202. Не целуй меня на улице —
Целуй меня в сенях!
Не целуй меня в сенях —
Целуй на маслену в санях!

203. Мы к деревнюшке подходим —
Вся деревнюшка на нас.
Мы по колышку сломали —
Вся деревнюшка от нас.

204. По деревне мы ходили,
По окошкам шарили,
Восемь девок утащили,
А одну оставили!

205. Пьем и водку, пьем и ром,
Завтра по миру пойдем.
Вы подайте христа ради,
А то лошадь уведем!

206. Что ж ты, милая, хорошая,
Неправдою живешь,—
Две поставы ночью мелешь,
Мне засыпать не даешь?

207. На гулянку побежал,
Батька три копейки дал:
«Две копейки профорси,
Копейку сдачи принеси!»

208. Встанем, братцы, все в рядовочку,
Подсучим рукава:
Мы ивановским ребятушкам
Нашпокаем бока!

209. Я по улице хожу —
Сам собой не дорожу:
Если голову отрубят,
Я корчагу привяжу!

210. Нас побить, побить хотели
На высокой на горе.
Не на тех вы нарвалися —
Мы и спим на топоре!

211. Когда я была маленька,
Качала меня маменька;
Она качала — величала:
«Спи, моя сударынька!»

212. Шила милому кисет,
Пока мамы дома нет.
Мамочка за скобочку —
Я кисет в коробочку!

213. Ты не бей меня, мать,
Крашеным ухватом,
Дай еще мне погулять
С подруженькиным братом!

214. Тятька с мамкой эки ловки —
Меня держат на веревке,
На веревке, на гужу —
Перекушу да убежу!

215. Отворяй, мама, ворота —
Я с гуляночки иду;
Стели мягкую постелю —
К себе спальщика веду!

216. Ой, маменька, тошно —
Хвораю нарошно!
Пеки булки на меду —
Я миленка приведу!

217. Маменька, не охай-ка,
Сердечко не полохай-ка:
Без тебя наохано,
Сердечко наполохано!

218. Попросила я у тятеньки
Суконного пальта,
Посулил радушник-тятенька
Ременного кнута!

219. Повяжу я полушалок
Беленький внахмурочку.
Не ругайте меня дома,
Что люблю я Шурочку!

220. Тяте, маме надоела,
Брату голос напостыл...
Запрягите лошадь ка́рюху —
Отвезите в монастырь!

221. Сруби, тятенька, мне келью
Во сыром бору под елью,
Проруби двериночку,
Чтоб пропустить кровиночку!

222. Дорогой, твоя мамаша —
Баба нехорошая:
Шла я мимо ваших окон —
Словечком огорошила!

223. У залетки матка — бес,
Выбирает все невест.
Выбирает да и спрашиват:
Котора много ест?

224. Уж я кофточку купила —
Не хватило на рукав.
С милым рядом посидела,
А сказали: на руках!

225. Девушка — не травушка,
Не вырастет без славушки:
Девушка — на ноженьки,
А слава — по дороженьке!

226. Девушка — не травушка,
Не вырастет без славушки.
Только та без славушки,
Котора хуже бабушки!

227. Не от солнышка рябина
Кисти принавесила.
Не от радости девчонка
Голову спровесила.

228. Я пойду да помолюся
У рябинушки густой:
Ты спаси меня, рябинушка,
От славушки пустой!

229. Мою белую березку
Ветром распороло...
Мово милого дружка —
Жорновом смололо!

230. Горе-горькая кукушечка,
Не ты ль мене сестра?
Горя не было у девушки,
Не ты ли принесла?

231. Полюбила я его,
Такого интересного.
А теперя — отнеси,
Царица мать небесная!

232. Моя досада — не рассада:
Не раскинешь по грядам,
А кручина — не лучина:
Не зажжешь по вечерам.

233. Не тобой дорожка мята —
Не тебе по ней ходить.
Не тобою я занята —
Не тебе меня любить!

234. В той деревнюшке малина
Целу зимушку манила.
А теперя — лебеда:
Не манит меня туда!

235. Темны ноченьки не спятся,
Мой забава, из-за вас!
Мне подруженька сказала,
Что сижу с тобой напрас.

236. Дорогой мой дролечка,
В тебе не много верности.
По наговорам отстаешь
Али из-за бедности?

237. Не расти, верба́, в болоте —
Расти в поле, на меже.
Не люби, милой, богату —
Люби бедну, по душе.

238. Мой миленочек уехал —
Только пыль на колесе...
Меня, горькую, оставил,
Как полынь на полосе!

239. Пела я — запелася,
Ревела — наревелася,
На ключу умылася...
Кого люблю, лишилася!

240. Ты плыви, суденышко,
Золотое донышко...
Без тебя, хороший мой,
Не греет красно солнышко!

241. Девушки, отстала я
От стада лебединого...
Девушки, отстала я
От своёго милого!

242. Пойду в чисто полюшко,
Разбросаю горюшко,
Раскидаю по зерну —
Ты люби меня одну!

243. Я от горя — в чисто поле,
Я от горя — в темный лес.
Я в любовь ушла от горя,
Оглянулась — горе здесь!

244. Я спала, меня будили
В поле алые цветы:
«Вставай, залеточку отбили,
Сиротой осталась ты!..»

245. Вы гуляйте, я не буду,
Свою молодость забуду.
Свою молодость-красу
В лес под елочку снесу.

246. С неба звездочка упала,
Словно серебриночка.
Знает бог и добры люди,
Что я сиротиночка!

247. Под капелями стояла —
Вся искапалася.
Свово милого ждала —
Вся исплакалася!

248. Снегу белого надуло
С огородами ровно.
Я своёго дорогого
Не забуду все равно!

249. Сероглазенький парнишка,
Было, было хожено,
А теперя что такое —
Словно заморожено?

250. Сердце ноет и не ноет,
Зaныват — не заныват...
Милый любит и не любит,
Забыват — не забыват!..

251. Болит сердце не от боли —
От проклятой от любови,
Заболело с малости —
Проболит до старости.

252. Утром рано выходила
На парадное крыльцо,
Своей горькою слезою
Мыла белое лицо.

253. Если б я тя не любила,
Не такая бы была:
Была бы бела и румяна —
Все любили бы меня!

254. Не от нас огонь погас —
Сами погасили.
Не от нас не любят нас —
Сами разлюбили.

255. Вспомни, милый, как гуляли,
Вспомни, как влюблялися:
Наши руки белые
Круг шеи обвивалися!

256. Суди люди, суди бог,
Кого я любила:
По морозу босиком
К милому ходила!

257. Отворилися ворота
Дубовые, белые —
На измену налетели
Мои глазки смелые!

258. Дорогой мой ягодиночка,
Ты любишь с хитростя́м:
У тебя любовь распущена
По разным волостям!

259. Золото мое колечко
Пошло клубышком ко дну,
Ты раскайся, мой любезный,
Любишь двух или одну?

260. Я по ключику иду,
Колечко на воду кладу.
Колечко радугой ко дну —
Люби, бессовестный, одну!

261. Золотое-то кольцо
Пошло на распаяньице:
Идет у нас не на любовь —
Идет на расставаньице.

262. На окошко извалюсь —
На цветы на нежные.
Жалко дроли чернобрового,
Любови прежние.

263. Ты зачем меня лестила,
Коли я тебе не я?
Ты бы с осени сказала,
Подколодная змея!

264. К синю морю подходила —
Море все под пеною.
Три недели сердце ныло —
Все перед изменою.

265. Почернело мое сердце
Черней черного чела:
Не видала сново милого
Ни нонче, ни вчера.

266. Быстро с гор вода стекает
И шумит, шумит, шумит.
От разлуки сердце ноет,
От изменушки болит.

267. Без тебя, мой дорогой,
Без тебя, мой милый,
Без тебя, хороший мой,
Белый свет — постылый!

268. Отцвела черемушка,
Отбелела веточка,
Отходил дролюшечка —
Бархатная кепочка!

269. Огонечек под пенечек —
Корешки зашаяли.
От любови, от тоски
Легкие заржавели.

270. Я в последочки, в остаточки
Иду этой горой:
Зарастай, моя тропиночка,
Осокой и травой!

271. Скоро, девушки, уеду,
Не пойду по улочке:
Занесет мои следочки
В этом переулочке...

272. Мы с миленочком расстались —
Оба мы заплакали.
Золотые наши слезы
На дорожку капали.

273. Нету яблоньки пониже —
Негде яблочка сорвать.
Нету милого поближе —
Не с кем слова мне сказать!

274. Голубой, не полиняй
На моей головушке...
Дорогой, не забывай
На чужой сторонушке!

275. Ты, Печора, ты, Печора,
Золотые бережка!
Через тебя, Печора-матушка,
Спокинула дружка.

276. На реке, на бережку
На колени пала:
Куда, быстрая река,
Милого девала?

277. Купил тятенька икону —
Видно, хочет выдавать.
Поклонюся тяте в ноги:
«Дай хоть годик погулять!»

278. За высокие-те домы,
Мамонька, не выдавай!
Человек дороже дома —
Человека выбирай!

279. Меня ладили женить —
Такого малехонного!
Испугалися того:
Задавит баба сонного!

280. Колокольчики забрякали,
Затопал вороной.
«Ты готова ли, желанная?
Приехал за тобой!»

281. Что мне зайчиков бояться,
Что за кустик прятаться!
Что, миленочек, смеяться —
Что до время свататься!

282. Наши ужинать садятся,
Затируху подают.
Мою бедную головку
За пол-литра отдают.

283. Голубочек сизенький,
Снеси поклончик низенький!
Ласточка крылатая,
Скажи, что я просватана!

284. Приезжали ко мне сваты
На седой кобыле.
Все приданое забрали,
А меня забыли!

285. Бороды-лопаты,
Приходили сваты.
Пили красное вино...
Я просватана давно.

286. Ты, пальто, мое пальто,
Не берет замуж никто!
Пойду в поле, закричу:
«Караул, замуж хочу!»

287. На черемухе сидела,
Три я думы думала:
То ли сеять, то ли жать,
То ли замуж убежать?

288. Сено грабила в болоте
В бело-розовом капоте,
Лента ала на груди...
Мил, жениться погоди!

289. Режьте тело, режьте бело,
Режьте грудь напополам,
Режьте грудь напополам —
Милку замуж не отдам!

290. Ты куда, товарищ, ездил? —
Стоит бурка у крыльца.
Не мою ли милку сватал? —
Увезу из-под венца!

291. Открывайте в церкви двери.
Ванечка венчается!
Наливайте больше водки —
Молодость кончается!

292. Как на речке — леденец,
Ехал милый под венец,—
Стала я ему кричать:
«Не будет поп тебя венчать!»

293. Я на прииске была,
Золотичко мыла,
Услыхала, милку женят —
Голосом завыла.

294. Я надену шаль пухову,
Завяжу концы назад...
Выйду замуж за чалдона —
Никому не указать!

295. Светит месяц, как рублевка,
Часты звезды — пятаки.
Выйду замуж за монаха —
Он замолит все грехи!

296. Скоро — девичья солдатчина,
Подруженьку сдадут:
Косу надвое разделят,
Не по-нашему завьют!

297. Вы потопайте, ботиночки,
Вам больше не плясать:
Выйду замуж, буду плакать,
Вы — на полочке лежать!

298. Молодые-то молодушки
Повесили носы:
Они сповесили, сгорюнились
По девичьей красы!

299. Кабы знала-перезнала,
Где мне замужем бывать,
Пособила бы свекровушке
Капусту поливать!

300. Я у зеркала стояла —
Сама себя видела.
Я миленочка любила,
Мужа ненавидела.

301. Не ходите, девки, замуж,
Тамо жись — проклятая:
Вся-то кровью облита
И слезам окапана!

302. Прошла молодость моя,
Легонько прокатилася,
По воде, как белый лебедь, —
Проплыла и скрылася.

303. Ах, бил меня муж,
Колотил меня муж,
Наступил на горло...
Сказала: «Не больно!»

304. Рано, рано мама встала,
Рано цветик сорвала:
Мою молодость сгубила́
Рано замуж отдала!

305. Прошла молодость моя.
Прошла, да, прокатилася:
Прошла, да, прокатилася
Назад не воротилася!

306. Маменька неродная —
Похлебочка холодная.
Эх, кабы родная была,
Щей горячих налила!

307. Молодая вышла замуж,
На сто раз схватилася;
Кабы нонешним умом —
Назад бы воротилася!

308. Пожила бы в этом доме,
Поносила бы воды.
Несчастлива зародилася —
Ношу, да не туды!

309. Встань-ка, маменька, поране
Да послушай на заре,
Как я плачу и рыдаю
На чужой на стороне.

310. Моя молодость прошла,
Прошла и прокатилася.
По воде, как сера уточка,—
Плыла и скрылася.

311. «Разливное» что-то значит:
Я пою, а сердце плачет!

312. Ой, подруга, поверь горю:
Я полы слезами мою!

313. Гармонист тебе named,—
Сыграй, Ваня, мне «страданье»!

314. Ты голубка, а я голубь,
Полетим «страдать» на пролубь!

315. Твои глазки, мои брови
Довели нас до любови.

316. Ах ты, Сонечка, букетик,
Ты сними с себя патретик!

317. Брови черные с отливом,
От губ пахнет черносливом!

318. Соломон, ты — царь-гадатель,
Отгадай, кто мой страдатель!

319. Милка спит, тихонько дышит.
Я целую — он не слышит.

320. Чернобровых любить — воля,
Расставаться с ними — горе!

321—322. Сколько раз тебе моргала:
Завивай кудри направо!

Сколько раз тебе велела
Завивать кудри налево!

323. Плывет лодка, бьет волною, —
Гуляй, миленький, со мною!

324. Течет речка и бьет пеной —
Пришел миленький с изменой.

325. Моряк по морю морячит,
А морячка дома плачет.

326. Ветер дует — лес качает.
По мне милочка скучает.

327. Сел на дрожки, свесил ножки,—
Эх, прощайте, все хорошки!

328. В монастырь хотел спасаться —
Жалко с девками расстаться!

ЧАСТУШКИ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

329. Ты, Николка, царь наш белый,
Ты зачем нам тюрьмы сделал?
Ты кандалики ковал,
Нам свободы не давал.

330. Никаких святых не стало,
Бог уехал в Петроград,
Богородица осталась
На молоденьких ребят.

331. Царь посеял пашеницу,
А царица — виноград.
Царь пропил всею Россию,
А царица — Петроград.

332. Николай Второй, Романов,
Ты наймись пасти баранов!

333. Ох, и яблочко,
С боку зелено!
Нам не надо царя,
Надо Ленина!

334. Эх, яблочко
Покатилося!
А кадетская власть
Повалилася!

335. Ах, яблочко
Прокатилося!
А Советская власть
Укрепилася!

336. Эх, яблочко
Ананасное!
Не ходи за мной, буржуй, —
Я вся красная!

337. Ох, яблочко
С горки скокнуло!
Буржуй схохотал —
Пузо лопнуло!

338. Ой, яблочко,
Куда котишься?
К Колчаку попадешь —
Не воротишься!

339. Скоро кончится война,
Все будет иначе —
Прапора будут кричать:
«Пироги горячи»!

340. Прапора, прапора,
Вы наемны шкуры!
Кто вас любит, прапора?
Гимназистки-дуры!

341. Богачи, богачи,
Аржаная каша!
Вы помрете, богачи,—
Будет воля наша!

342. Офицер молодой,
Наган беленький,
Уходи поскорей,
Покуда целенький!

343. Все цветочки на лужочке —
Незабудочка в воде,
Все ребята на беседе —
Ягодинка на войне.

344. Я посею стакан маку —
Помаленьку буду жать.
Мово милого забреют —
На побывку буду ждать.

345. Я посею лампасею —
Лампасеюшка взойдет!..
Мово милого забреют —
На побывочку придет!

346. Полно, мать моя родная,
Полно плакать обо мне,
Ведь не всех же, дорогая,
Убивают на войне!

347. Эх, яблочко
Укатилось в воду!
Надоело воевать
Нашему народу!

348. Енисей бежит,
Вода — кольцами.
Будем рыбу кормить
Добровольцами!

349. Пароход стоит
Возле пристани.
Будем рыбу кормить
Монархистами!

350. Во саду ли, в огороде
Завелись фазаны.
Ой, тикайте, колчаки, —
Придут партизаны!

351. На той стороне
Красные гуляют,
А эсеры, дураки,
В Енисей ныряют!

352. Ой, яблочко
Укатилося!
Колчаковская власть
Провалилася!

353. Яблочко
Да с листочками!
Едет батько Махно
Со «сыночками»...

354. На печке горох,
На шестке-то каша,
Околейте, анархисты, —
Будет воля наша!

355. Пароходы идут,
Вода — кольцами.
Наши девочки гуляют
С комсомольцами!

356. Ой ты, юбка моя,
Юбка узкая!
Мой миленок — австрияк,
А я — русская!

357. Яблочко,
Половиночка!
Эх, барышня
Украиночка!

358. Яблочко
Земляничное!
Эх, барышня
Симпатичная!

359. Яблочко,
Золотой глазок!
Обойми, поцелуй
Хоть один разок!

360. Ах, кофта моя,
Красная заплатка,
Мой миленок — комсомолец,
А я — делегатка!

361. У меня коса большая,
Лента зелениста!
Никого любить не буду,
Кроме коммуниста!

362. Дезертиры, дезертиры —
Дезертирам горюшко:
Коммунисты — на беседу,
Дезертиры — в полюшко!

363. Я не тятина, не мамина
И, дроля, не твоя,—
Я теперича девчоночка
Коммуны Октября!

364. Мой миленок — коммунист,
А я коммунарочка.
Поглядите-ка на нас:
Хорошая мы парочка!

365. У меня на сарафане
Косари-косарики.
Не просты ребята любят —
Любят комиссарики!

366. У милашечки на за́дворке
Талёшенька земля.
Взял бы, взял бы тебя замуж —
Не позволила семья!

367. Моя милка черноброва
Нарядилася в боты́:
Полюбила комиссара
Деревенской бедноты.

368. Нынче новые права —
Старых девок на дрова:
Девятнадцати — любить,
Двадцати пяти — рубить!

369. Я за нонешную моду
Очень беспокоюся:
Юбки шьют уж до колена,
И дойдут до пояса!

370. Девочки,
Что наделали!
Юбку клеш на галифе
Переделали!

371. «Ку-ка-реку!» — Петушок
Залетел на ставешок.
У милого нет портянок —
Доведется рвать мешок!

372. Моя милая сестрица,
Она стряпать мастерица:
Она в печку — на дрожжах,
А из печки — на вожжах!

373. Бор горит, сырой горит,
Горит в бору сосеночка.
Не полюбит ли меня
Кака-нибудь челдоночка?..

374. Я на Качу иду —
Щепки шевеля́тся.
А как с Качи иду —
Все меня боятся!

375. Я на Каче не рыбачу —
Только сети полощу.

Я с кронштадтским не гуляю —
Только голову кручу.

376. Я на Качу еду — плачу,
С Качи еду — веселюсь.
Все подружки мне грозятся —
Никого я не боюсь!

377. Я на Качу еду — плачу,
С Качи еду — веселюсь:
В Николаевку заеду —
На молоденькой женюсь!

378. Панчина-то при угоре,
Красны девки — при уборе:
Груди выставят вперед,
На них зарится народ!

379. Запрягу я комара,
Пристяжную — муху.
Я поеду в Бодайбо,
Привезу маруху!

380. В Красноярске ходить —
Грязи по колено.
Красноярских любить —
Надо брать полено.

381. Я на бочке сижу —
Бочка капает...
Никто замуж не берет,
Только лапает!

382. Голова царапатся:
Никто не едет свататься.
Таракан посватался —
И тот за печку спрятался!

383. Как у мельников-плутов
Сапоги семи пудов.
На вечерочку идут —
Сапоги с собой несут.

384. Ворожейка ворожила
На четыре короля,—
Куда осенью приклонится
Головушка моя.

385. То ли в речку,
То ли в лес,
То ли с милым
Под венец!..

386. У мово миленка
Куда разум делся? —
У собаки на хвосте
Кругом завертелся.

387. Милка по воду поехал —
Милка за угол задел.
Милка высватал невесту —
На себя петлю надел.

388. Меня тятенька просватал,
Как посеял в поле рожь.
За богатого просватал,
Только парень не хорош.

389. Слава богу, слава богу,
У мня тятенька богат:
Шьет мне новые ботиночки —
Подпяточки скрипят.

390. Меня дома берегут:
Блины белые пекут,
Жарят рыбки-окуньки,
Чтоб любили пареньки!

391. На горе — каланча,
Под горой — часовня.
Не ухаживай за мной,
Я тебе не ровня!

392. Золото-вито колечко
Укатилося под лед.
Раньше милый ненавидел,
Теперь голосом ревет.

393. Мое колечко с дырочкой,
Цепочка с перерывочкой.
Мое колечко, упади...
Милой, жениться погоди!

394. Научилась я купаться,
Камешки подкидывать.
Научилась я влюбляться,
Глазками подмигивать!

395. Ты куда ведешь
Таку молоденьку? —
В поле траваньку топтать,
Таку зелененьку?

396. Мама спит на западне,
Я — на западёночке.
Мама думат обо мне,
А я — об миленочке.

397. Не любите, девки, дальних,
В дальних только сухота,
В своей деревне есть миленочек —
Такая любота!

398. Сошью юбку, сошью черну,
Сошью с полосами.
На лицо я некрасива —
Завлеку глазами!

399. Разгорайтесь в печке, дровцы,
Золотые угольки!
Поспешай-ко, мой миленок,
На горячие блинки!

400. На горе стоит береза,
Вся покрыта куржаком...
Меня миленький целует —
Покрывает пинжаком.

401. Мне не надо решета,
Мне не надо сита:
Милый любит хорошо —
Я и этим сыта!

402. Я косила белоус,
Косу бросила под куст,
Лопаточник под елочку —
Сама пошла к миленочку.

403. Эх, яблочко,
С боку верчено!
Я живу с молодым,
Да не венчана!

404. Неохота наклоняться —
На меже овес худой.
Неохота расставаться,
Ягодиночка, с тобой!

405. Из колодца вода льется —
Точно жизнь моя течет.
Сколько с милым ни гуляю,
Все равно народ собьет...

406. Во бору стоит березка
Недорубленная...
У милого есть девчонка
Недолюбленная!

407. Ты, милашка моя,
Распотешь-ка меня,
У тебя широкий пояс —
Подпояшь-ка меня!

408. Милая фартовая:
Юбочка — бордовая!
Милая форсистая:
Кофточка — батистова!

409. Конь вороной,
Сбруя золотая,—
Садись, прокачу,
Моя дорогая!

410. **Ах, милка моя,**
Милка-ласточка!
Вспорхнула, полетела,
Моя язвочка!

411. Эх, матаня, матаня,
Матаня моя, —
Замотала матаня
До смерти меня!

ЧАСТУШКИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

412. Ах, юбка моя
Незабудками!
Разрешите танцевать
С прибаутками!

413. Ах, яблочко,
Катись под елочку!
Коммунист полюбил
Комсомолочку!

414. Мой миленок — коммунист,
Рубашонка бела.
«По тебе, мой коммунист,
Сердце изболело!»

415. Слышь, подружка моя Нюшка,
Пойдем-выйдем на лужок.
Может, нас с тобой запишут
В комсомольческий кружок?..

416. Ты, нардом, ты, нардом,
Ты большое зданье!
Научил меня нардом
Ходить на собранье!

417. Я — девчонка-комсомолка,
Красну кофточку ношу.
Комсомола полюбила —
Комсомолом дорожу!

418. Будем, девочки, почаще
С комсомольцами гулять:
Комсомольцы нас научат
Книги Ленина читать.

419. Мой миленок строил домик —
Комнатка отдельная.
Мой миленок — коммунист,
А я — беспартейная.

420. Мой миленок — комсомолец,
Приглашает и меня.
Ну, какая комсомолочка —
Неграмотная я?..

421. На печи сидит старуха,
Снарядилась помирать.
Побежали молодухи
Делегаток выбирать.

422. Комсомольцев любить —
Надо перемениться:
Надо крест не носить,
Богу не молиться!

423. В комсомолки все просилась —
Приняли намедни,
А мамаша-богомолка
Гонит все к обедне.

424. Не гони, мамаша, в церковь,
Я не богомолочка:
Запишусь я в Ре-Ка-Пе —
Буду комсомолочка!

425. Из-за леса вышел поезд,
Фонари на нем горят.
Девки старого режима
Все про бога говорят.

426. Нынче вот какая мода —
Стали бога забывать.
Брошу я икону в печку —
Неужели отставать?..

427. Не ругай меня, мамаша,
Что я сына принесла:
Богородица-то наша
Тоже в девках родила!

428. Теперь новые права,
Новые законы,
Дьякон ризы продает,
Попадья — иконы!

429. Сошью кофточку-японку,
Я повешу на забор.
Если поп не первенчает —
Первенчает комсомол!

430. Мы на деревце сидим
И качи-качаемся.
Пойдем, миленький, в Совет —
Там и обвенчаемся!

431. Ах, бог, ты наш бог,
Что ты бо́таешь?
Продналог не везешь,
Не работаешь!

432. Старый месяц исчезает,
Новый нарождается.
Кто корявых девок любит —
Продналог скощается!

433. Серебро звенит в кармане,
Полюбилось оно мне,
Полюбилось сыну Ване,
Полюбилось и жене [1].

434. На базаре чего хочешь —
Разные товарики...
Ходят в синих галифе
Красны комиссарики.

435. При политике при новой
Все пошло иначе,
На базарах все кричат:
«Пирожки горячи!»

436. Все пошло на новый лад,
На новое величество:
В потолок ввернем пузырь —
Будет электричество.

---

[1] В 1923 г. были выпущены в обращение серебряные монеты.

437. Скоро масленка придет,
Кто нас покатает?
Как у нонешних ребят
Санок не бывает!

438. Скоро пасха придет,
Кто нас покачает?
Как у нонешних ребят
Веревок не бывает!

439. Моя прялочка слиняла,
Где рукой держалася...
Мил уехал на ученье —
Сиротой осталася.

440. Ты играй, играй, гармошка,—
Выговаривай кадрель!
Сосчитай, моя милашка,
Сколь до призыва недель.

441. На качелях я качалась —
Оборвалася доска.
Взяли милого в солдаты —
На сердце легла тоска.

442. Говорят про меня,
Что я набелилася...
Я коровушку доила,
Молочком умылася!

443. Не обижайся, мой миленок,
Что я невеличка:
Умоюсь, приберусь —
Стану, как брусничка!

444. У меня на голове
Красненький платочек.
Я никем не занята,
Гуляю, как цветочек!

445. А я выйду на крыльцо,
Охолону свое лицо.
Я раскрою белу грудь —
Приголубит кто-нибудь!

446. Потеряла голосок:
Ходила по грузди в лесок.
Потеряла тоненькой:
Ходила за смородинкой.

447. Ну, звонят, ну, звонят —
В городе, в соборе.
Про подружку говорят,
Про меня — тем боле.

448. Сошью юбочку воланом —
Пускай улицы метет,
Полюблю, кого желаю,—
Пускай славушка идет!

449. Лягу спать на кровать,
На розову подушку:
Буду ждать-поджидать
Милого на ручку.

450. Мамынька, мамашенька,
Я теперь монашенька:
В черной лопотиночке —

С миленком на картиночке,
В белом одеяньице —
С миленком на гуляньице!

451. Не люблю я рыбу свежу,
А люблю в реке рако́в,
Не люблю я деревенских,
А люблю питеряков!

452. Не пойду я в поле жать,
Буду в пологе лежать:
Спинушка не заболит,
Личико не загорит!

453. Посылала меня мать
Картошку копать,
А я вышла за ворота
И — чечетку выбивать!

454. Я помру — меня положьте
На переднюю лавочку,
Ко моей груди приложьте
От гармони планочку!

455. Ах, шаль, моя шаль,
Зеленая клетка!
Хорошо, милый, играешь —
Ни часто, ни редко!

456. Хорошему игроку —
Хорошая пляска!
Худому игроку —
За виски да тряска!

457. Конфетка моя,
Леденистая!
Полюбила я милого
Лебедистого!

458. Конфетка моя,
Шоколадная!
Полюбила я милого
Ненаглядного!

459. Разделывала,
Раскомаривала —
С молодыми казаками
Разговаривала!

460. Ой, юбка моя,
Юбка узкая!
Я карелина люблю,
Сама русская!

461. Ой-ой-а-ха-ха!
Выросла картошка!
У людей-то не хрушка,
У меня — с лукошко!

462. Я галоши не ношу,
Берегу их к зиме,
Оттого их не ношу —
Они в магазине.

463. Сыпь, сыпь с чердака,
А я буду с горки!
Пускай говорят,
Что мы тараторки!

464. Сыпь, сыпь камушки —
Не боюсь я мамушки!
Боюсь мужа-дурака:
Наколотит мне бока!

465. Ах, брат, ты мой брат,
Брат ты мой родимой!
Ты своди мня на вечерку
Вечерок единой!

466. Не играй, милой, в гармошку:
Холодно твоим рукам.
Подойди ко мне к окошку,
Я перчаточки подам!

467. Приди, милый, с балалаечкой
Попозже вечерком:
На балалаечке две ленточки
Раздует ветерком!

468. Неужели ты не слышишь
Мой сипавый голосок?
Расстоянье небольшое —
Только поле да лесок!

469. «Миленький, красивенький,
Прокати на сивенькой!»
«Милая, удалая,
Дороженька — талая!...
Дороженька — талая,
Сивая — усталая!»

470. По-за бережку сиренюшка,
А по озеру туман.
Откровенно скажу, милый:
Сердце сжалося по вам.

471. Милый мой, милый мой,
Семячко арбузно,
При людя́х бранишь меня —
Думашь, не конфузно?

472. На горе стоят кусты,
Под горою — гуще.
Я лошадочек люблю,
Извозчиков-то — пуще!

473. От Максатихи к Малиновке
Телефон мы проведем
И максатинских ребятушек
Гулять мы позовем.

474. У меня миленка два —
В том краю и в этом,
Одного зовут Кузьмой,
Другого Филаретом.
Одного люблю зимой,
А другого летом.

475. Тараторочка-девчоночка,
Накажет тебя бог:
Одного любить хотела,
Полюбила — четырех!

476. Я миленочка любила —
Все не сказывала:
В рукаве его носила —
Не показывала!

477. Ах, миленький мой,
Да ты маленький!
Был мал, да удал —
Никому меня не дал!

478. Мой миленок — ухаренок,
Мой миленок — ухарец:
Мать ворота заложила —
Он в окошечко залез.

479. Мой миленок заболел,
Ничего не кушает,
Трубку на уши надел,
Радио он слушает.

480. У мово у милого
Глазки, как у филина,
Брови черны, как смола,—
Настоящий сатана.

481. Как матроса не любить? —
Он так важно ходит,
Сзади ленточка висит,
Девок с ума сводит.

482. Ой ты, туз, ты, мой туз!
Не носи зимой картуз,
Носи шапку соболёву,
Люби девку черноброву!

483. Дайте кисти, дайте краски —
Живопиской буду я:
Спишу с милого я глазки
И оставлю для себя!

484. Спишу с милого портрет —
Повешу на́ стену в подклеть:
Пойду в подклеть я за кваском —
Взгляну на милого глазком!

485. Не за то тебя любила,
Что ты, миленький, хорош,
Я за то тебя любила —
Хорошо меня зовешь.

486. Я сидела — сидеть буду
Под окном на чурочке.
Я любила — любить буду
В черном полушубочке!

487. Веретёшечко гудит,
Пойду миленочка будить.
Разбужу — не разбужу,—
На сонного погляжу!

488. Возьму синеньки ведерочки,
Пойду на сепарат:
Что-то милого не видно —
Обязательно хворат!

489. Что-то знаю, что-то знаю,
Что-то я заметила:
Мил по улочке прошел,
Цыгарочка просветила.

490. Я цыганке прогадала
Оржаной муки совок.
Мне цыганка нагадала:
«Через год будет сынок!»

491. Лиходеечка моя
Не красивее меня,
Только лишняя краса —
Большая русая коса.

492. Гуси серы, гуси серы,
А гусыня белая...
Я любила, ты отбила —
Я бы так не сделала!

493. Перебойщицу-подружку
Надо в баню запереть,
Замок повесить на пробой,
Чтоб не шла на перебой!

494. У солдатки губки сладки,
У вдовы — как медовы.
А у молоденькой-то девушки
Не знаю, каковы.

495. На беседушке невесело:
Егорушка один.
Давайте, девушки, Егорушку
Под лавку закатим!

496. Ай, кто про что
Говорят почто,
Будто ты меня не любишь,—
А зовешь начто?

497. Гори, гори, лампочка,
Гори под белым кругом:
Сокращается любовь
Со любезным другом!

498. Я по берегу ходила —
Утопиться не могла:
Моя лента голубая
Застилала берега!

499. Ты, разлука моя крепка,
Полежи ты где-нибудь,
Может, совесть поимеет —
Подойдет коли-нибудь!

500. Ягодиночка на память
Ничего не подарил,
Только тяжки разговоры
Сахаринка говорил.

501. На Мологе на реке
Золотые камушки!
У моёго милого
Двадцать две сударушки!

502. Золото свое колечко
Ухайда-хайдакала.
Я свыкалась — хохотала,
Расставалась — плакала.

503. Кабы знала, не качала
Золотую колыбель...
Кабы знала — не любила,
Не страдала бы теперь!

504. Дорожинка воду брала,
Дорогой коня поил.
Дорожиночка пеняла,
Почему не проводил.

505. Позадуйте, ветерочки,
С четырех сторон в одну,
Пораздуйте, как песочки,
Крепку думушку мою!

506. То ли в лодочку садиться,
То ли на пароме плыть?
То ли старому кориться,
То ли нового любить?..

507. Лягу спать, а мне не спится,
За меня подушка спит.
Дума думу погоняет:
С кем мой Ванечка сидит?

508. Кто бы, кто бы нам построил
Маленьку каюточку?
Кто бы сердце успокоил
На одну минуточку?

509. Я любила воду пить,
Любила по воду ходить.
Мимо дому милого
Ходьба моя любимая.

510. Ой, чей это дом?
Раньше жил в нем ми́лой.
А теперь этот дом
Кажется могилой.

511. Пойте, пойте, петушки,
Пойте, все воробушки.
После пасхи скрою глазки
Со своей сторонушки!

512. Все платочки перемыла,
Два шеста навешала:
Будет, будет — погуляла,
Милого потешила!

513. Стакан чистый, чай душистый,
Золотистые края...
Опоздал теперь, миленок,
Уговаривать меня!

514. Не пиши, миленок, писем —
Я не буду получать:
Твои белые конверты
На лепестья буду рвать!

515. Енисей — река широка,
Посередке — полынья.
Поздно, миленький, схватился
Уговаривать меня!

516. Милый мой, король бубей,
Ворота мажь, окошки бей,
Ворота мажь, окошки бей,—
Подходить ко мне не смей!

517. Я на тоненьку веревочку
Теленка привяжу...
Я сама себе шаманочка —
Миленка присушу!

518. Я не дам капусте виться,
Кочешку по бережку...
Я не дам дружку жениться,
Взять красиву девушку!

519. Возьму то́пор, пойду тяпну
Поперек дороженьки:
Поедет миленький венчаться —
Конь подломит ноженьки.

520. На столе стоят цветы,
К нам приехали сваты.
На столе клееночка —
Отдайте за миленочка!

521. Милые родители,
За что меня обидели?
Все мосты разладили,
Всех ребят отвадили.

522. Меня мать вышивать
Гарусом учила.
От ворот никуда —
Славу получила!

523. Тятенька, купи коня,
Лёгоньку кошовочку:
Я поеду к милому
На лесозаготовочку!

524. У гармошки медны ножки,
На гармошке петухи...
Кучерявы наши хлопцы,
Да не наши женихи!

525. На горе я стог метала —
Высоко вершилася.
За богатством прогонялась —
Бедного лишилася!

526. Сошью розовый халат —
Сорок пуговок назад,
Золотые наперед:
Никто замуж не берет!..

527. Все подружки шьют подушки,
А я — одеяло.
Все подружки вышли замуж,
А я прозевала...

528. Уж вы, волки, волки, волки,
Забежали во лесок...
У моей-то у милашки
Кинарейки голосок!

529. Отчего конфеты сладки?
На них сахарный песок.
Отчего девчонки гладки?
На них пудры на вершок.

530. Что упало, забренчало?
С самовара колпачок...
Моя милка задается,
Носит шапку на бочок.

531. Золотистая канавка,
Золотистая трава.
Кабы все такие были,
Как симпатия моя!

532. Ой ты, мила, попляши:
Твои ножки хороши!
Твои щечки как цветочки,—
Целовать их разреши!

533. Новоладожска телега,
Вытегорско колесо!
Девка маленького роста,
А целует хорошо!

534. Ой вы, саночки-очки,
Дубовы полозочки!
Ходят милочки-очки,
Карие глазочки!

535. Не стругает мой рубанок,
Не пилит моя пила:
Ко мне милка не подходит —
И работа не мила!

536. Что, мила́я, долго спишь,
На ворота не глядишь?
Стенки мажут, окна бьют,
На ворота смолу льют!

537. По деревеньке иду —
Собаки лают на беду.
Они лают — про то знают,
Что карелочку веду.

538. Стал картошку я копать —
Нет моей копалки.
Семь лет не видал
Я своей Наталки.

539. Я пойду на тот конец
И надену шесть колец:
Два витых, два таких,
Два дареных золотых!

540. Ты, милашка Нюрашка,
Не дай помереть:
Дай-ко баночку помады —
Мне головку натереть!

541. Батька делает карету
Новой моды — без колес.
Сватай, маменька, невесту
Новой моды — без волос!

542. Как в Омелине деревне
Прокатилась головня!..
Как омелински девчонки
Ходят, голову загня!

543. В Каратузе растет рожь:
Каратузка-девка — грош!
В Минусинске-то — пшеница:
Пятьдесят рублей — девица!

544. Дроля спрашивал приданое —
Машину швейную.
Дорогой, тебе не надо ли
Корову стельную?

545. Ох, ох, не дай бог
С молоканом знаться:
Руки, ноги в простокваше —
Лезет целоваться!

546. У меня рубашка яшная,
Овсяные штаны,
Пиджак из блинного сулою,
Из дробины сапоги!

547. Меня батька изобидел —
Сапоги большие сшил:
Сапоги большие сшил,
Чтобы за девкам не тяншил!

548. Полюбила-то какого —
Всем на завидость людя́м:
Оденет белую фуражечку,
Завесится кудря́м!..

549. Ох, забавочка, не фыкай —
Пойдем на́ ручей за лыком:
Надерем мы лык пучню́,
Поцелуемся в ручью!

550. На шуто́вской на беседе
Все припущенки сидят:
Не хватают ноги до полу —
Сидят да шевелят.

551. Кусты горят,
Вересные шают...
Каких девок отдадут,
Те и не мешают!

552. И-эх, сыграй, Лешенька, на венской,
И-эх, на губернию Смоленской!..

553. Ах, я по ки́словской плотинке
Разбил новые ботинки,
По коча́новской по дорожке
Разбил новые сапожки!

554. Я пойду на эту реку,
Где пенька моченая:
Прилети ко мне, мила́я,
Как ворона черная!

555. Кочано́вская деревня,
Чем она украшена?
Елками-березами,
Девками-карёзами!

556. Соловей часы читает,
Галка богу молится...
Знаю, знаю, чей мальчишка
Хочет познакомиться!

557. Соловей письмо читает,
Галка богу молится...
Несчастлива та девчонка,
Что за парнем гонится!

558. Ха-ха-ха, ха-ха-ха,
Мой платочек у хохла,
У хохла-хохленочка,
У мово миленочка!
Я не буду кланяться,
Пускай утирается!

559. Девушки после измены
Все ревут да охают.
У меня после измены
Пушше лапти топают!

560. Все — по парочке, по двойке,
А мы с миленьким в расстройке!

561. Пойдем, милка, в сад зеленый,
Разорвем платок дареный!

562. Голова моя, головка, —
Семерых любить неловко!

563. Не страданье — только мука:
Милки нету, а я тута!

564. У гармошки мехов сорок,
Люблю девок-однодворок.

565. Если б не было зазнобы,
Я б не мерил бы сугробы.

566. Хорошо страдать на печке:
Ножки в тепленьком местечке!

567. Я за милку завалюся —
Никого я не боюся!

568. Да какого бога молят? —
По любови замуж ходят!..

ЧАСТУШКИ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

569. Все мы горы-перегоры,
Все мы перемерили.
Все мы власти испытали,
А Советам верили!

570. Ваши девки голосисты —
Наши голосистее!
Ваши девки коммунисты —
Наши коммунистее!

571. Пойдем-выйдем, милый, в поле,
Поглядим, какая рожь,
Если красная солома —
В Красну Армию пойдешь!

572. Трактор идет,
Красные колесы,
Трактористы сидят,
Курят папиросы!

573. Комсомолию ругала,
Комсомолию кляла,
А теперь вот комсомольца
Я милóго завела!

574. Выходите, девки, замуж,
Пока новые права:
Повенчают и распишут
В исполкоме у стола.

575. Мы с залеткой расписались,
Показали свою рысь:
В девять-двадцать расписались,
В десять-тридцать разошлись!

576. Что ты, милый, редко ходишь —
На неделе восемь раз,
Карамели мало носишь —
По три фунтика зараз?

577. Если хочешь, чтоб была
Я твоя невеста,
Принеси мне шоколаду,
Фунтик чаетреста!

578. Не смотри, милый, на кофту,
На косые рукава,
Посмотри, милый, во поле —
На работу какова!

579. Я надену бело платье
И пойду на сенокос.
Все равно единоличники
Запишутся в колхоз!

580. Ах, Левонтьевна,
Да моя милая!
Не входи в колхоз —
Ты ленивая!

581. Я иду, а мне навстречу
Дуют желтые пески.
Я спою, а ты, подруженька,
Заплачешь от тоски!

582. Выселяете миленка —
Выселяйте и меня,
Будем оба выселенцы —
Ягодиночка и я.

583. Самовары закипели,
Чайники забрякали.
Все колхозники запели,
Кулаки заплакали.

584. Самовары закипели...
Девки замуж захотели.
А ребята не берут.
Девки рёвушком ревут.

585. У меня миленка нет,
Заявлю Совету:
«Совет-комитет,
Ухажера нету!»

586. Задушевная товарочка,
Запишемся в колхоз:
Будем беленькие кофточки
Носить на сенокос!

587. Раньше я была худа,
А теперь поправилась:
Коллективная работа
Очень нам понравилась!

588. Дроле легкая работа
За столом у перышка,
Мне тяжелая работушка —
Таскать ведерышка.

589. Шел по улке мостовой —
Нашел платочек носовой,
Посмотрел на кромочки —
Знать, моей знакомочки!

590. Разовью катушку ниток
По цветистому лужку,
Вышью белую рубашечку
Любезному дружку.

591. Отпущу я отголосочки
По темному леску.
Не услышит ли мой миленький,
Не кинется ль в тоску?

592. Голубые, голубые,
Даже синеватые!
Он завлек, а я влюбилась —
Оба виноватые!

593—594. «Ты зачем расцвел,
Василек, во ржи?
Ты зачем завлек,
Дроля мой, скажи?»

«Я затем расцвел,
Чтоб красивым быть!
Я затем завлек,
Чтоб тебя любить!»

595. Голубые, голубые,
Голубые ни при чем;
Кого надо, так и серыми
Глазами завлечем.

596. Ты сиди да не задумывайся,
Серенький глазок.
Я тебе не отказала —
Приходи еще разок!

597. Глазки серы, глазки серы,
Глазки сероватые!..
Ты завлек, а я влюбилась —
Оба виноватые!

598. Доведу тебя, мальчишка, —
Будешь черный, как земля!
Сорок раз жениться будешь —
Все равно возьмешь меня!

599. Говорят, что не заплакать
От любови никогда...
Покатились мои слезы,
Как по зеркалу вода!

600. Забавочка красивая,
Свеча неугасимая!
Горела да растаяла...
Любила да оставила!

601. На колхозном на собраньи
Надо так постановить:
Бригадиру без гармоньи
На обед не приходить!

602. Милушка — на сто процентов,
Я — на восемьдесят пять.
Номер с номером не сходится —
Не гуливать опять!

603. Мы с миленочком сидели,
Я была молоденька:
Выполняла пятилеточку
В четыре годика!

604. С неба звездочка упала,
Две повыше поднялись.
В воскресенье — записались,
В понедельник — развелись.

605. Подарила я платочек —
Милый требует картуз.
У меня не коперация,
Не райпотребсоюз!

606. Моя милая подруга,
Посмотри на милого:
Брови черные, густые,
Как у Ворошилова!

607. Ягодиночка-то мой
На тракториста учится,
Его бедная головушка
Горазно мучится.

608. Мой залетка учится —
Не знаю, что получится:
Или поп, или монах,
Или шо́фер на быках!

609. Мой-то дроля тракторист,
На тракторе катается.
Интересно мне узнать,
Трактор чем питается?

610. Задушевная подруженька,
В деляночке не стой:
Очень часто мастер смотрит
Из-за елочки густой.

611. Ягодинка зазнаётся:
«Макинтош да макинтош!»
Не возвышайся, ягодинка,
Макинтош-то носят в дож⟨дь⟩!

612. Лес катаем, лес катаем,
Лес катаем на Двине.
Пропивают наши денежки
В конторе на вине.

613. Ягодиночке-то надо,
Чтобы в шляпочке была,
С редикульчиком ходила,
Говорила все на «а»!

614. По-стахановски работа,
По-стахановски еда,
По-стахановски с ребятами
Гуляли до утра!

615. Я любила, где малина,
Я любила, где покос!
Я любила кари глазки,
Ворошиловский зачес!

616. Я иду-иду по бережку,
Иду возле крути́к...
Иссушила шапка с ленточкой
И флотский воротник!

617. Не любите, девки, море,
А любите моряка —
За красивую походочку
И цвет воротника!

618. Эко дело — солнце село!
Завтра новое взойдет.
Эко дело — дролю взяли,—
Образованный придет!

619. Помилаша, в Красной Армии
Служи, не унывай!
Служи Советскому Союзу
И меня не забывай!

620. Я иду, иду, иду,
Иду — не спотыкаюся.
Пограничника люблю,
Люблю — не отпираюся!

621. На горе стоит скамейка,
Под горой скамеечка...
Мой миленок — пограничник,
Я — красноармеечка!

622. Ягодистая черемушка,
Пониже наклонись...
Ты, миленочек, с винтовочкой
На карточку снимись!

623. Куплю ленту голубую
И пойду на финский бой.
Дроле рану забинтую
Своей лентой голубой.

624. Что-то, что-то подымается —
Угонят на войну.
Давай, миленький, срисуемся
На карточку одну!

625. Я посею в поле маку,
По цветочку буду рвать...
Я из армии милого
По денечку буду ждать.

626. Хороша наша деревня:
С поворотом улица.
В школу взрослых походила —
Сразу стала умница!

627. Вы спросите, я скажу,
Зачем в училище хожу:
Там окошки синие,
Мальчики красивые!

628. Возьму красненько ведерочко,
Пойду я за водой:
Не примыло ли миленочка
Из городу домой?

629. Не ходи, милый, по валу,
А то с валу свалишься.
Я с тобою не гуляла,
А ты мною хвалишься!

630. Ты, Анюта, сера ута,
Не летай с краю на край:
Тебе вымажу ворота,
Раскатаю весь сарай!

631. Сроду в лодочку не сяду,
За реку не поплыву.
Бей окошки, мажь ворота —
Все равно не полюблю!

632. У околицы стою
С молодым студентом.
Страсть люблю поговорить
С таким интеллигентом!

633. Вон идут, вон идут —
Эки маленькие!
Принадуло ветерком —
Щечки аленькие!

634. Почему не поплясать,
Почему не топнуть?
Неужели в этом доме
Переводы лопнут?

635. Шире круг, шире круг,
Шире пошире́тся!
Кому не хочется смотреть,
Прошу — отворотитеся!

636. Начинаю припевать,
Прошу извинения,—
Бросить семечки щелкать,
Прекратить курение!

637. На веселую беседу
Дроли не явилися:
Они шли через болото,
Клюквой подавилися!

638. Завлекаши здесь не наши —
Завлекают, да не нас.
Подруга, наши завлекаши
Далеко живут от нас!

639. Задушевная подруга,
Ты залетку не жалей:
Без тебя его делили
На одиннадцать долей.

640. Говорят, распоряжаюсь
Я над дролей над своим;
Надо, надо распорядок —
У меня их не один!

641. У меня миленка два —
Два и полагается:
Один по воду идет,
А другой стирается.

642. Подробить — так подробить,
Чтобы подробилося!
Полюбить — так полюбить,
Чтобы сердце билося!

643. Я сплясать-то бы сплясала
И сдробить сдробила бы.
Кабы воля-то моя —
От семи отбила бы!

644. Раз и два,— моя забава,
Три, четыре,— дорогой,
Пять и шесть — не погонюся
Семь и восемь — за тобой!

645. Ой, лили-лили-лили,
Чашку меда налили,
На кровать поставили,
Танцевать заставили!

646. Топни, ножка-нога,
Топни, правенькая!
Все равно ребята любят,
Хоть и маленькая!

647. На мои-то ножки
Надо бы сапожки,
На мои-то резвые
Надо бы железные!

648. Под окошечком березка
Зыблется-колыблется.
Ягодиночка на пляске
Взглянет да улы́бнется!

649. Ах, ручки мои,
Ручки с пальчиками!..
Мы с миленком целовались
Под сарайчиками!

650. Ах, кофта моя,
Неутюженая!
Я расту — не понимаю,
Кому суженая!

651. Володя, Володя,
Володенька!
Полюби меня, Володя, —
Я молоденька!

652. Алеша, Алеша,
Алешенька!
Полюби меня, Алеша, —
Я хорошенька!

653. У меня ботиночки,
Каки они обувисты!
У болю́шки губки алы,
Щечки поцелуисты!

654. Ягодка моя,
Ягодка медовая!
Влюбилася в тебя,
Четырехгодовая!

655. Потише, потише,
Повежливее!
Помоложе, подороже,
Понадежливее!

656. По льду шла —
Лед шатается!
Подо льдом вода
Колыхается!

657. Мама, ставь самовар,
Золотую трубку!..
Меня милый целовал,
Укусил мне губку!

658. Сербирь-бирь, орехи ела,
Сербирь-бирь, из баночки.
Сербирь-бирь, избаловалась
Хуже хулиганочки!

659. Низовы ребятушки,
Сами себя губите.
Отрубите галифе —
Аккуратней будете!

660. Если б не было земли,
Не было б и неба!
Не продáл бы я штаны —
Не купил бы хлеба!

661. Проплясала сапоги,
Самые носочки,
Поглядите-ка, отцы,
Как гуляют дочки!

662. Супостаточка-то носит
Маленькие тапочки.
Пойдет плясать — завыставляет,
Как лягушка, лапочки!

663. Не садися, милый, рядом,
Плечико о плечико.
Ой, изныло, изболело
О тебе сердечико!

664. Я пляшу — они не топают,—
Ботиночки мои.
Я люблю — они не сватают,—
Родители твои!

665. Я иду, иду,
Снег осыпается!
Да он сказал: «Люблю»,—
Сам улыбается!

666. Я иду, иду,
А снег белеется!
Он сказал: «Люблю»,—
А мне не верится!

667. Я иду, иду,
Трава — колых, колых...
Ребята хитрые,
А мы хитрее их!

668. Аэроплан летит,
Меня крылом задел.
Мой-то дролечка
У руля сидел.

669. Аэроплан летит —
И уронил печать.
Уехал дролечка
И не велел скучать.

670. Аэроплан летит,
Пропеллер вертится.
Мой-от дролечка
На что-то сердится!

671. Эх, Семеновна, ты моя милая,—
Ох, болит, болит мое ретивое!

672. А я иду, иду — передо мной овес.
Ах, не влюбляйтеся — в любови много слез!

673. Эх, гора, гора — гора гористая!
А на той горе — трава волнистая!

674. Ходила пó лесу — топтала травушку.
Любила мальчика — терпела славушку.

675. Срываю яблочко — другое валится,
Я отбивать люблю: мне это нравится!

676. Раз — «солома», два — «солома»,
Третий раз она опять!
Разрешите мне, товарочки,
«Соломушку» сплясать!

677. Что вы, девки, не поете,
Что задумоватые?
Не пришли ваши ребята —
Мы не виноватые!

678. Девок много, ребят мало —
Разгуляться не с кем стало.

679. Миленочек, где ты, где ты?.
Про тебя пишут газеты.

680. Когда б не было воды,
Не было бы рощи!
Когда б не было жены,
Не было бы тещи!

681. У меня невеста есть,
Я не сказываю.
В рукаве ее ношу,
Не показываю!

682. Я ко милочке ходил —
Все подметки износил,
А как новые подбил —
Товарищ милочку отбил.

683. Эх, милка моя,
Приманилка моя!
Не успела приманить —
Стали люди говорить.

684. Капуста, капуста —
Капустница:
Подымется, подымется —
Опустится!

685. Бабы хают — я бродяга,
Девки хвалят — работяга,
Бабы хают — я подлец,
Девки хвалят — молодец!

686. Наши кони вороные
Спотыкаются, бегут.
Разрешите познакомиться,—
Скажите, как зовут?

687. Рассыпься, горох,
По широкой грядке!
А я выйду да спляшу
На седьмом десятке!

688. Ты, старуха,— на носок,
Я, старик,— на пятку!
Ты, старуха, подбодрись:
Я пойду вприсядку!

689. У милого поговорка:
«Понимашь, не понимашь».
Вислоухий посижальник,
Что ж сидишь, не обнимашь?

690. Что ты, милый, задаешься,
Надо мной коваришься?
Если будешь задаваться,
Полюблю товарища!

691. То ли, то ли из-за Толи,
То ли, Вася, из-за вас?
Из-за Толи поругалась,
Из-за Васи подралась!

692. Загорелася соломка —
Так и пыхает огонь.
Захотела девка замуж —
Так и топает ногой!

693. Нелюбой стоит у бока,
Любый стоит у порога.
С нелюбым я говорю —
Другому голос отдаю!

694. Посиди последний вечер,
Посиди последний раз!
Наглядитесь, мои глазоньки,
До могилушки в запас!

695. Все я песни перепела —
Одна песня на уме:
Эту песенку миленочку
Спою наедине.

696. Я разбила-порешила
Белу чашечку с орлом...
На мое сердечко пала,
Пала искорка с огнем.

697. Все бы в озере купалась,
Все б у озера жила,
Озерную чисту воду
Медным ковшиком пила!

698. Мои щечки — что листочки,
Мои глазки — чернослив!
Кто полюбит мои глазки,
Тот навек будет счастлив!

699. Чай пила, жара взяла,
Взяла — расповязалася.
Без платочка милому
Красивая казалася!

700. Ой-ой-ой да ой-ой-ой,
Какая тоненькая!
Сошью юбочку на вате
Буду ровненькая!

701. В нашей полюшке насеяна
Сирени полоса...
Я сама не вертовата —
Вертоватые глаза!

702. Песен петь я не училась
И во школе не была.
Наверно, ты, родима маменька,
Весёлу родила!

703. У меня на юбочке
Горели серебриночки.
Неужто я не сто́ю
Против ягодиночки?

704. У меня на сарафане
Длинная оборочка.
Мой миленок — редкобай,
Я — частоговорочка!

705. Говорят про меня,
Что я хитренькая:
Я девчоночка такая —
Любопытненькая!

706. Дума думу спобивает,
Дума надвое идет:
И к которому миленочку
Сердечко припадет?

707. Говорят, я боевая,
Правда — боевиночка:
Стояла перед ножиком —
Не выпала слезиночка.

708. Не ходи по-под окошко,
Не ходи и не свищи:
Если я не черноброва,
Черноброву́ю ищи!

709. Меня матушка родила
На соломе на мосту,
Меня куры поклевали —
Я корявая расту.

710. Я иду, я иду,
Я иду и стану...
Через ворожеечку
Милого достану!

711. Я схожу поворожу
К бабушке-знахарочке:
«Присуши-ко чернобрового
Ко мне, беляночке!»

712. Ой, что за озеро,
Что за озеринка!
У любого один глаз,
Другой — бусеринка!

713. Провожали, руку жали —
Руку белую мою,
А еще поцеловали —
Заразили грудь мою...

714. Мой миленочек хорош:
Хоть за пазуху положь!
Положила б за душу́,
Да боюсь, что задушу!

715. У подружки на кормушке
Золотая вата...
Я до смерти люблю
Подружкиного брата!

716. Мой миленок пимокат,
Хорошо пимы катат.
Он таки пимы катат —
На неделю не хватат!

717. Это, девушки, не озеро,
Не озеро Хасан.
Это, девушки, не парень:
Это, девушки, пацан!

718. На осине листик синий,
На березе — аленький.
На лицо дроля красивый,
Только ростом маленький.

719. У милого моего
Есть часы карманные.
Я его переформу —
Повешу деревянные!

720. Меня маменька ругала
За миленкину красу.
Милый маленький, румяненький,—
В кармане унесу!

721. Лента синя, лента синя,
Лента синя, газова...
Я из сотни выбирала
Парня черноглазого.

722. Голубые глазки злые,
Серые — лукавые.
У кого есть черные,
Те самые проворные!

723. У моего Васеньки
Три рубашки красеньки:
В одной робит, в другой спит,
В третьёй на лавочке сидит.

724. До чего пристала милому
Рубашка апаше!
Апаше рубашка нравится,
Да он — не по душе.

725. Некрасивая сосна —
Красивый подсосеночек.
Некрасива я сама —
Красивый мой миленочек!

726. Мой батистовый платочек,
Уголочек строченый...
У дроли вспыльчивый характер —
У меня настойчивый.

727. Из колодца вода льется,
Вода волноватая...
Мил напьется, подерется,
А я виноватая!

728. Проводил, да не до дому —
Сел на изгородочку.
Я пошла — он любовался
На мою походочку.

729. Прежнего бы милого
Из земельки вырыла.
Нового, негожего —
Туда бы я поло́жила!

730. Мальчишечка, ты мне дорог,
Мальчишечка, ты мне мил.
На крылечко выйдешь, куришь —
До меня доходит дым.

731. Я рассыпала часы,
Сбирала серебриночки.
Не часы рассыпала —
Горячие слезиночки.

732. Подружка, шаль, подружка, шаль,
Подружка, шаль пуховая...
Подружка, жаль, подружка, жаль,
Да не скажу — которого!

733. Эх, подружка моя Оля,
Какая красавица!
Твое белое лицо
Хоть кому понравится!

734. Эх, подружка моя Оля,
Дай хоть порумяниться:
Мое черное лицо
Никому не нравится!

735. Твои глазки да мои —
Они смигнулись издали,
Твоя черненькая бровь
Пришлась мне, мальчику, в любовь.

736. Незабудочка цветочек,
Незабудочка трава...
Не забудь меня, миленок!
Не забуду я тебя!

737. Перед зеркалом стояла:
То ли я, то ли не я?
Посмотрела и заплакала:
Как высушил меня!

738. Отворила я окно —
Потянуло холодно,
А на небе тучно...
А без залетки — скучно!

739. Голубок летел, убился, —
Парень в девушку влюбился.
Он влюбился, врезался —
Без ножа зарезался.

740. Экой срам табак курить!
Эка горечь вино пить!
Эка сладость сахар есть!
Эка радость с милой здесь!

741. Шел дорожкой с папироской —
Папироса вспыхиват.
Сидит шмара под окошком,
Тяжело повздыхиват.

742. Из-за крыши ветер воет,
Из-за крыши выдуват.
Из-за Гриши сердце ноет,
Из-за Гриши замират.

743. Я вечор вечеровала,
Много дум подумала,
Тяжелешенько вздохнула,
Огонек задунула.

744. Это чей гармонист
Идет по улице на низ?
Шапочка-пурпурочка,
Коротенька тужурочка!

745. Тальяночка-гулимочка:
Играет мой любимочка!
Разные припевочки
Дает он петь мне, девочке!

746. Гармонист, гармонист
Хорошо играет!
Для кого-то гармонист
Сватов засылает?

747. Балалаечка играет,
Струнки серебреются.
Любить люблю, жалеть жалею —
Не могу надеяться!

748. Поговори-ка ты со мной,
Гитара семиструнная!
На душе моей тоска,
Ночь такая лунная!

749. Шей, машина, шей, машина,
Шей, машина, нитки ски!
Кабы милый не гармонщик,
Я пропала бы с тоски!

750. По деревне идут —
Рубашки аловатые,
В руках тальяночки несут:
Играть мастероватые!

751. Ты сыграй повеселее,
Моя ягодиночка!
Не оторвется ли от сердца
Горя половиночка!

752. Говорят, что боевая,
Бойкая боюжина;
Как услышу — заиграет, —
Убегу от ужина!

753. Поиграйте веселее,
Чтобы веселенечко!
Мне игра-то ваша нравится
И вы маленечко!

754. Музыкантика любила,
Приглашала ночевать:
«Ставь гармошку на окошко,
Сам садись вечеровать!»

755. Вот опять и заиграло,
Вот опять и грянуло!..
Дролечка, не пей вина —
Не уважаю пьяного!

756. Отыграли мои пальчики
По крашеным ладам.
Я свое ретиво сердце
Красным девушкам отдам.

757. По поселку я пройду,
В тальяночку прогрохаю, —
Я милашечку свою
Со сна переполохаю!

758. Мы, девчата боевые,
Голосуем за декрет:
Гармонистам не жениться
До пятидесяти лет!

759. Где-то, где-то заиграли,
Где-то затальянили...
Не по мысли пришли сватать —
Только место заняли!

760. Хороша милашка та,
Хороша и эта,
Эта-та, вот эта-та,
Не хуже этои и та!

761. Хорошо траву косить,
Которая зеленая,
Хорошо девку любить,
Которая ядреная!

762. У мня милка золотая —
Золотая, да не вся:
Кабы вся-то золотая —
Дотронуться бы нельзя!

763. Я постелю постлала
От порога до стола.
Я по ней каталася —
Миленка дожидалася.

764. Хорошо траву косить,
Которая волнуется!
Хорошо девку любить,
Которая целуется!

765. Я милашечку свою
Робить не заставлю.
На колени посажу,
Целовать заставлю.

766. Восемь часиков пробило
Без пятнадцати минут, —
Наверно, карие глазёночки
Сегодня не придут!

767. Су́да — матушка-река,
Песчанинское донышко...
Ягодиночка пришел,
Да на ненадолгышко!

768. Мой миленок — через поле,
У подружки — через пять.
Через поле, да не ходит,
Через пять — идет опять!

769. Синие глазеночки
Стояли у сосеночки.
Стояли, улыбалися —
Кого-то дожидалися!

770. У миленочка домок —
Настоящий теремок:
Из-под выезда — окошечки,
Хрустальный потолок!

771. Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.
Лучше нету того время,
Когда миленький придет.

772. Как на улице погодушка —
Великая метель.
То ли, сё ли — скажи, миленький,
Меня не канитель!

773. Я ли, я ли не люблю,
Я ли — тебя шельму!
Уведу куда-нибудь,
Укутаю шинелью!

774. Сядем, миленький, побаем,
Щей горячих похлебаем,
Друг на дружку поглядим —
Будто пряники едим.

775. Шире, улица, раздайся,
Мы с товарищем идем!
Под полой, под правой ручкой,
По девчоночке ведем.

776. Кого люблю, того мне жаль —
Кто в охапочке держал,
Кто в охапочке, без шапочки
До дому провожал!

777. Милый мой, пойдем домой,
Скоро рассветает,
По туманчику пройдем —
Никто не увидает!

778. Меня дроля провожал
Очень осторожно:
Один раз поцеловал
Из десяти возможных.

779. Из колодечка в колодечек —
Вода пробежная!
Забава ручевьку давает:
«Здравствуй, старопрежняя!»

780. Мы с миленочком стояли
На железном на пути.
Сорок раз поцеловались —
Он не знал, куда идти...

781. Высоки каблучки,
Каемочки — поуже бы...
Худо, дроля, прижимаешь:
Туже бы — не хуже бы!

782. Снегу белого напало,
Белого-пребелого...
Я сама, самостоятель-
ная, что наделала!..

783. Долго с дролечкой стояли,
Не жалели времечка, —
Много снегу навалило
На его кудеречка!

784. Сухарёночка не глуп:
Одевал меня в тулуп,
К стеночке приваливал —
Сватал, уговаривал.

785. Я хотела с тобой, милый,
Кое-что поговорить, —
Не могла от ретивого
Свои речи отделить!

786. Поиграй, гармонь моя,
Сегодня светлая заря.
Светлая зориночка —
Услышит ягодиночка!

787. Миленький, сумел завлечь —
Теперь сумей меня беречь!
Сумей сердечко согревать,
Не дай ему охолодать!

788. Меня милый на дороге
Поцелует десять раз.
Ну, какая моя память:
Отдохну — забуду враз!

789. Печка топится галаночка,
Валит зеленый дым.
По тебе, милой, скучаю
Своим сердцем молодым!

790. Серы уточки летают —
Они ищут острова.
С кем забавочка проводит
Дорогие вечера?

791. Гоноболечка неможет,
Земляниченка лежит...
Мой миленочек поправится —
Проведать прибежит!

792. Что ты, милый, редко ходишь —
В пятидневку восемь раз?
Или кажется далёко?
Приходи, живи у нас!

793. Наша молодость пройдет,
Как в трубу зеленый дым!
Не знает милый, как страдаю
Своим сердцем молодым!..

794. Круг пенечка обвивает
Алая травиночка...
Окончательное слово
Дайте, ягодиночка!

795. Скоро дролечка приедет
Из дорожки дальние,
Все лежат неговоренные
Словечки тайные.

796. Красно лето — на проходе,
Осень — на приходе.
Сулился милый с моря быть
На этом пароходе.

797. Где-то, где-то красно лето,
Где-то шарфик голубой,
Где-то милая подружка,
Где-то дроля дорогой?..

798. Поцелуй-распоцелуй,
Моя распоцеловочка!
Раньше славно целовались,
Ныне — забастовочка.

799. Голубую ленту бантом
Ты зачем развязывал?
Мы гуляли с тобой тайно,
Ты зачем рассказывал?

800. Милка — сахар, милка — сахар,
Милка — сахарный песок,
Не сердися понапрасну,
Поцелуй один разок!

801. Не ходи по горенке,
Не стучи ключами.
К черту, к черту посылаю
С этими речами!

802. Снегу белого напало
В аккурат до лесенки:
Отходили на угорышки,
Отпели песенки.

803. Девки, ало, девки, ало,
Девки, ало мыло-то...
Про меня чего сказали —
Хоть бы правда было-то!

804. Меня хаяли без славушки,
Топили без воды —
Не могли охудославить,
Как не сделала беды!

805. Про меня наговорили,
Про меня набаяли,
А напрасные слова
На солнышке растаяли!

806. Накопайте, девки, глины
И замажьте бабий рот,
Чтобы бабы не судили
Про молоденький народ!

807. Наговаривают дроле,
Наговаривают все,
Чтобы он меня оставил,
Как травиночку в росе.

808. Бабы судят, бабы судят,
Бабы: вей-наперевей...
Я, молоденькая девушка,
Гуляю веселей!

809. Я иду, а бабы судят,
А одна показыват:
«Вот за этой за вертушкой
Мой сынок ухаживат».

810. Меня сватали — корили,
И просватали — корят.
Все корёны — вышли замуж,
Все хваленые — сидят!

811. Носила синенький атласик —
Кудри завивались.
Надела кичку без привычки —
Кудри поломались.

812. Не ходи, подружка, замуж,
Не плети-ка две косы,
Не меняй-ка русы волосы
На розовы цветы [1].

[1] «Замуж выдают, цветов понатыкают в голову», — объяснила исполнительница.

813. В черной юбочке в кармане
Письмецо скрывается,
От родителей тихонько
Каждый день читается.

814. Мое тело припотело,
Тело к белой кофте льнет.
Мое дело молодое:
Миленький с ума сведет!

815. Ох, какая темнотина,
Ой, какая темна ночь!..
Одна мать искала сына,
А дру́га искала дочь.

816. Тятька с мамкой золотые —
Половину чугуна.
Обвенчаемся с миленком —
Тятьке с мамкой фигу: «На!»

817. У миленка в домике
Самовар на столике,
Занавески аленьки,
Две золовки маленьки.

818. В чернобровую влюбился,
В вертеглазу врезался.
Кабы был булатный ножичек,
Сейчас зарезался!

819. Кабы мне стальную грудь,
Золотое дверце,
Я б открыла, поглядела,
Что лежит на сердце.

820. Голубую голубинку
Голубила, голублю.
Занятого ягодиночку
Любила и люблю!

821. Я иду, иду и стану,
Стану и подумаю:
«У него жена и дети —
Что я, дура, думаю?»

822. Я иду, а ты не чувствуешь,
Высокая гора!
Я люблю, а ты не веришь,
Ягодиночка моя!

823. «Не ходи, милашка, тут:
Ты потонешь — берег крут!»
«Ягодиночка ты мой,
Рада я тонуть с тобой!»

824. То бы пела, то ревела,
То бы ехала куда,
То бы карие глазеночки
Закрыла навсегда!

825. Про мое велико горюшко
Никто не может знать,
Только розова подушечка,
Тесовая кровать!

826. До чего ветер додует,
До чего он дошумит?
До чего мое сердечушко
Доноет, доболит?..

827. Подойду-ка я к Байкалу
Да ударю по волнам:
«Ах ты, море, сине море,
Расставаться нужно нам!»

828. Отходили ноженьки
По этой по дороженьке!
Отлетали крылушки
По этой по долинушке!

829. Буду пить холодну воду
Изо всех текучих рек,
Будет ныть мое сердечко
Об одном мальчишке век.

830. Вспомни, вспомни, милый мой,
Как я гонялась за тобой:
Все крещенские морозы —
В белой кофточке одной!

831. Девушки, любовь горячую
Храните под платком!
Я хранила под косыночкой —
Раздуло ветерком!

832. Привяжите меня к дубу
И убейте — любить буду!
Привяжите к елочке —
Ну, не отстать от кровочки!

833. Говорят, что здесь невесело,
Невесело и есть:
Все мне кажется — без милого
Кругом дремучий лес!

834. Стань-ка, маменька, пораньше,
Вымой лавочку с песком,
Я откутаю окошечко,
Поплачу голоском.

835. Сердце выну, брошу в Двину —
В Двиночку на льдиночку.
Разве можно позабыть
Такого ягодиночку?

836. Река Кама, река Кама,
Река с перекатами!..
Не любовь, а наказанье
С нашими ребятами!

837. Чолон тонет, чолон тонет,
На чолне девчонка стонет.
Погоди, чолон, тонуть,
Дай девчонку цолонуть!

838. Ягодиночка на льдиночке
Кричит: «Тону! Тону!»
Я обрадовалась, девушка:
Не мне и — никому!

839. Жалко с любушкой расстаться,
Жалко людям подарить.
Лучше выкопать могилушку —
Живу похоронить!

840. Нынче годы — сухоплоды:
На горе травинки нет.
Меня высушил миленок —
Во лице кровинки нет!

841. До чего ты меня высушил,
Забава дорогой:
В поле белая березонька
Равняется со мной.

842. Дорогой, серые глазки,
Ты меня приворожил:
Собрал любовь со всего света,
Мне на сердце положил!

843. Я иду, иду дорожкой,
Моя дума — стороной.
Как на эту крепку думушку
Пришел бы милый мой!..

844. Ты пиши, залетка, письма,
А я буду получать.
Ваши алые конверты
Буду у сердца держать.

845. Я люблю, когда пылает,
Я люблю, когда горит.
Я люблю, когда матанечка
С улыбкой говорит!

846. Девушки, беда, беда!
Великое гореньице!
Кому достанется любить
Мое ненагляденьице?

847. Мне не все по горе плакать,
Мне не все по нем тужить,
А хоть и маленьку частиночку
В весельице пожить!

848. Запевай, подруга, песню,
Я не буду запевать:
За мое за ретивое
Что-то стало задевать.

849. Где все горе переплакать,
Где все горе притужить?
Мне последнее-то горюшко
На радость положить!

850. Ворожила, ворожила,
На туза заветила:
Я своёго дорогого
Со другой заметила!

851. На окошечке клубочек,
Туго-натуго завит.
Меня дроля критикует
И товарищу велит.

852. Я по клеверу гуляла,
Наступила на змею.
Вспомни, милый, как гуляли.
Говорил: «Не изменю!»

853. Хоть и весело играли,
Я печально запою:
Не сменяю розу белу
На зеленую траву.

854. Неужели ты изменишь
Меня, розу алую?
Неужели променяешь
На траву на вялую?

855. С ягодиночкой сидели —
Травка вяла под ногам.
Она вяла, точно знала,
Что измена будет нам.

856. Незабудочку сорвала,
В руки милому дала —
Незабудочка завяла:
Забыл миленький меня.

857. Недалеко от прогона
Жала путаную рожь.
Милый, я слыхала новость:
Ты чужим умом живешь!

858. Говорят, измена — в поле,
В поле на травиночке.
На траве измены нет —
Измена в ягодиночке!

859. Я по бережку ходила,
По некошеной траве...
Понапутанная совесть,
Ягодиночка, в тебе!

860. Темно платье полоскала —
Лента оторвалася.
Только желтая измена
На груди осталася.

861. Кабы знала — не ломала
Черную смородину.
Кабы знала — не любила
Хитрую природину!

862. Задушевная товарочка,
Сходи-ка в сельсовет:
Если дролечка изменит
По закону или нет?

863. Стала лодочка от бережка
Тихонько отплывать.
Стал мой милый зазнаваться,
А я — вовсе забывать.

864. Я не буду боле-то
Тосковать по боле-то:
У него другая есть,
Ему не надо боле-то!

865. Чернобровенький миленочек,
С тобой не вековать:
На серебряну подцéпочку
Тебя не приковать!

866. Я одна с крутой горы
На саночках качуся.
Что гонишься за мной?
Я не ворочуся!

867. Если хочешь любовь бросить —
Поезжай на станцию,
Положи любовь в багаж,
Потеряй квитанцию!

868. Мы с подруженькой тропиночку
Тропили заодно.
Ты, подруга, из-за дролечки,
А я из-за кого?

869. Не с тобой ли мы, подружка,
Шалью увивалися, —
За родны́м братья́м гонялись,
Сестрами назвалися?

870. Мы с подруженькой сидели —
Нас измена встретила.
Она тихонько проходила —
Я и не заметила.

871. Бела шаль, бела шаль,
Бела кашемирова...
Не ко мне, подружка, ходишь —
Караулишь милого!

872. Голубы ведерки,
Чистая водичка!
Отбивает милого
Двоюродна сестричка!

873. Утка сера, утка сера —
До пера вся серая,
Я любила, ты отбила —
Я бы так не сделала!

874. Выхожу и запеваю
Перву песенку на «ся»:
Лиходейка — на гуляньице,
И я явила-ся!

875. Как у нашей у часовни
Звонкие колокола...
У моей у грубиянки
На пружинах голова!

876. Из-за Зареки идет
Форсиста грубияночка.
«Из-под юбки юбку видно —
Подбери, гражданочка!»

877. Супостаточка намазалась
Ало-алёшенько:
В пол-литровой баночке
Осталося малёшенько.

878. Перебеечка модна:
Гребнем утыкается,
На высоких каблуках
Ходит-спотыкается.

879. Истрепался ягодиночка,
Как в полюшке метель.
От меня отстал, от девушки, —
Не лучше налетел.

880. В том конце качают воду
Золотой бадеечкой...
Поздравляю тебя, милый,
С новой симпатеечкой!

881. Не один я, не один
К тебе, хорошая, ходил.
Не одну я думу думал,
Не одну тебя любил.

882. Погляжу на стёклышко,
Где садится солнышко?
Садится солнышко в туман —
Ребята любят на обман.

883. В поле алые цветочки
От жары подзапеклись.
Товарка, наши ягодиночки
С другими занялись.

884. Боля, боля, твоя воля, —
Выбирай десятую.
Все равно с тоски порвешь
Рубашку полосатую!

885. Ходи, дроля, к супостатке —
Я ни слова не скажу.
Огороды помешают —
Я приду, разгорожу!

886. Меня милый изменил
На одну минуточку.
Теперь ловит — не поймает,
Как дикую уточку!

887. Изменил, так изменяй, —
Печатку мыла покупай:
Свою черную цыганочку
Белее промывай!

888. Ты не рой, подруга, яму —
Не зарыть тебе меня:
Тебе глубокую не вырыть,
А из мелкой выйду я!

889. Супротивница моя
Десять тысяч стоила.
Трехкопеечная я
Ее любовь расстроила!

890. Супостатка, из-за дроли
Не казни да не ругай —
Сундучок купи окованный
И дролю запирай!

891. Я любила черта,
Уважала черта,
А у него у черта,
Я уже четверта!

892. Перебейку-модницу
Запереть бы в горницу,
За железный за пробой:
Не ходи на перебой!

893. Я свою соперницу
Увезу на мельницу,
Поставлю в жернов головой —
Снова милый будет мой!

894. Перебеечек четыре —
Пятая является.
У него, у трепача,
Бригада собирается!

895. Я любила-уважала
Пару коней вороных,
А теперь моя соперница
Катается на них!

896. Коленкоровый платочек
На ветру ветруется.
Супостатка дролю любит, —
Чем интересуется?

897. Супротивница моя,
Крашеные губочки!
Любила я, а теперь ты
Люби мои облюбочки!

898. Поздно вечером на улице
Шумели дерева.
Долго помнятся неверные
Твои, милый, слова!

899. Где стояла, тут упала
На росу и на туман.
Я гуляла и не знала,
Что в любви мне все обман.

900. После рыжиков залеточка
Опять девчонку звал.
Я тебе не балалайка,
Не позволю, чтоб играл!

901. Середи деревни липа —
Серебрист у липы лист.
После этой лиходеечки
Не люб и не садись!

902. Дороженька снеговая
Выпала — растаяла.
Всю дорожку с милым шла —
Ничего не баяла.

903. Сколь я камень золотила —
Камень не золотится.
Сколь миленка ни любила —
Сердце не воротится.

904. Сено сухо, сено сухо,
Не шумит по сену дож⟨дь⟩.
Раскрасивые-то вдовы
Всю отбили молодежь.

905. Я иду, а ты не чувствуешь,
Высокая трава!
Я люблю, а ты не любишь,
Ягодиночка моя!

906. Часы ходят, часы бьют,
Мне покоя не дают...
Гиря опустилася —
С миленочком простилася.

907. Лист по дереву не тужит,
Лист по деревиночке.
А мене чего тужить
По этом ягодиночке?

908. Всю дорожку завалило
Листиком кленовеньким.
Погляди, милашка старый, —
Я гуляю с новеньким.

909. Снегу белого напало
На сырое, талое.
Дроля голову повесил —
Видно, вспомнил старое.

910. Сыпь больше, снежок,
Завали дорожку,
Чтобы не было следа
К моему окошку!

911. Я иду, а листья сыплются,
И я по листью шла.
Ты вернись, любовь горячая,
Которая была!

912. Ты, шипиночка колючая,
Цветочек аленькой, —
Не могу забыть миленочка,
Любови старенькой!

913. Я, бывало, запою —
Зеленый лес качается.
А тепере запою —
Измена получается!

914. Запылило, замело
Перила у крылечка.
Неужели не болит
У милого сердечко?..

915. Задушевная подруженька,
Какие были-то!
Ты вздохни, а я подумаю,
Кого любили-то!

916. Голубы платки не в моде:
Вся середка выгорит...
Мое каменно сердечко
До кусочка выболит!

917. Измененная гуляю,
Хуже нет такой беды:
Умываюся слезами,
Не расходую воды.

Лубочная картинка «Хмель — высокая голова» (центр. фрагмент).

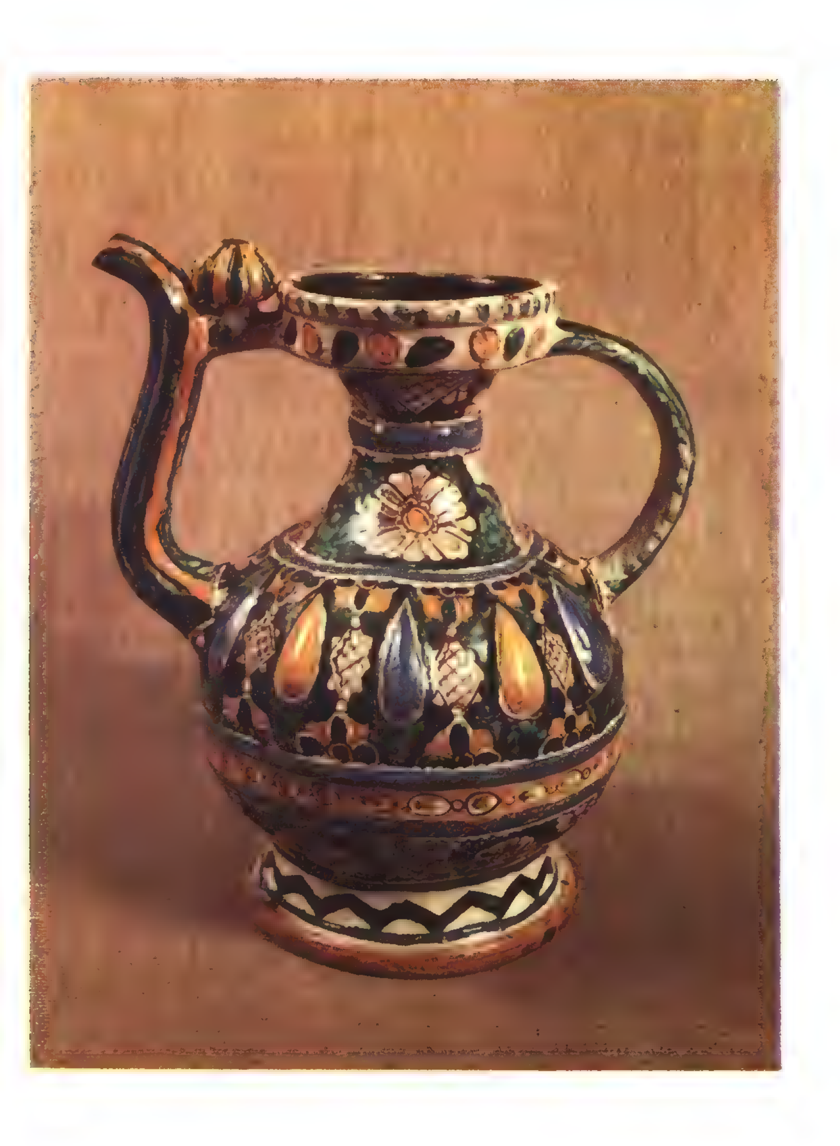
Лубочная картинка «Кот казанский». XVIII в.

Лубочная картинка «Песня пахаря». 1881 г.

Вышитый подзор с изображением Белозерска. Конец XVIII в. Север.

Деталь кружевного покрывала. XIX в.

Солоница-утка. 1815 г. Север.



Кувшин. XVIII в.

Трепала для льна. XIX в.

Деталь росписи прялки «Чаепитие». XIX в. Вологодская губ.

Кованые светцы. XVII — XVIII в. Север.

Вышитое полотенце. XIX в. Костромская губ.

Игрушки «Монахи». XIX в. Богородское. Владимирская губ.

Игрушки «Гусар и дама». XIX в. Богородское. Сергиев посад.

В. Буторина. «Куманечек, спобывай у меня». 1972 г. Палехская лаковая миниатюра (с деталями).

Расписные подносы. 1880-е гг. Нижний Тагил.

918. Я измену и любовь
По реке отправила.
Измена быстро утонула,
А любовь все плавала!

919. Вспомни, милая подруга,
Как гуляли мы с тобой:
Шумела черная черемуха
У нас над головой.

920. Задушевная подруга,
Много снегу выпало:
Твою любовь, мою измену
Глубоко засыпало.

921. Вей, погода, вей, погода,
Вей, погода, белый снег!
Не завивай, погода, в поле
Моего милого след!

922. Осыпалася сирень
На кофту белую мою.
Милый мой, не вешай голову,
Когда я запою!

923. Песня вся, песня вся —
Песню не добавишь.
Парень девушку не любит —
Силой не заставишь!

924. На реку ходила девушка
Любовь свою топить, —
Волны выкинули на берег:
Опять стала любить.

925. Хорошо тебе, подружка.
Тебе милый по душе.
А я уточка подстрелена
В зеленом камыше.

926. Ягодиночка на память
Не оставил ничего:
Оставил малую малюточку —
Похожа на него.

927. У меня залетка был,
Звали его Витею.
А я, девушка, была
Не по его развитию!

928. Проводила я приятку
За чугунный литый мост —
От росы ли тропка смокла,
От моих горячих слез?

929. На машинушку садился —
Ночь была туманная.
Серой кепочкой помахивал:
«Прощай, желанная!»

930. Мой залеточка уехал,
Он уехал не один:
Ретивое мое сердце
Покатилося за ним.

931. Сиротиночка, без милого
Куда деваюся?
Пойду в дремучие леса,
Там позаблужаюся...

932. Вспомни, милый, час унылый,
Как мы расставалися:
Слезы капали на розы —
Розы осыпалися.

933. С ягодиночкой простилась,
Разошлись по сторонам,
А он запел, а я заплакала —
Легко ли было нам?..

934. Я иду — переливается
Водичка мутная...
Только карточка осталася
Пятиминутная!

935. Я умру, меня положат
Под сатин под голубой.
Я и мертвая узнаю,
С кем живет мой дорогой!

936. Погодите, не летите,
Белые снежиночки!
Погодите, не женитесь,
Наши ягодиночки!

937. Милый, сватать-то поедешь,
Хоть заедь — погреешься:
Ты по старой-то любови,
Может, возжалеешься?..

938. Милый ехал от венца,
Я стояла у крыльца.
Милый шапочку не скинул,
А я поклонилася.
Молода его жена
Только покосилася.

939. Милый женится — пусть женится, —
Не жалко его мне.
Жалко тайного словечка —
Передаст его жене.

940. Вы прощайте, до свиданья,
Очи русобровые!
Ну, пущай вас уважают,
Кроме нас, фартовые!

941. Дом высокий, дом высокий,
Дом высокий — не по нам:
Полотенца — не по стенкам,
Скатерти — не по столам.

942. У залеточки в дому
Идет конференция:
Ему невесту выбирает
Вся интеллигенция!

943. Я недолго забывала
Тебя, ягодиночка, —
Пока в горячем кипятке
Растаивала льдиночка!

944. Одна кофточка линяет,
А друга подлинивает.
Один милый изменяет,
А другой подмигивает.

945. Я миленочка любила
И картиночкой звала,
А теперь эту картиночку
Подружке отдала.

946. Мы залеток провожали,
Провожали дорогих,
Провожали, говорили:
Нам скорее бы других!

947. Стара баня, нова баня —
В новой лучше париться!
Старый милый, новый милый —
Новый лучше глянется!

948. Ой, подружка, не меняй
Золото на олово!
И я тоже не сменяю
Старого на нового!

949. Хорошо тебе, подруга:
Твой залетка близко.
А меня замучила
Проклята переписка!

950. Я — сударушке своей:
«Расти, сударушка, скорей!»
Она росла, старалася,
Товарищу досталася.

951. Я катал, катал матаню
На зеленой кошеве.
Не досталася матаня
Ни товарищу, ни мне!

952. Ой, подруга, тебе — вьюга,
Мне — холодная зима:
Изменил тебе залетка,
А я бросила сама.

953. Любила я степенного —
Из дому пятистенного,
А теперя важного —
Из дому двухэтажного.

954. Ягодиночка культурный,
Я девчонка серая.
Некультурная культурному
Измену сделала.

955. Мне-ка милый говорил:
«Ты у меня десятая!»
Что же делать, дорогой:
Ты у меня сороковой!

956. За измену дорогому
Я поджарила лягух.
Кушай, кушай, ягодиночка, —
Еще поджарю двух!

957. Во вчерашнем вечеру
Провожал, не знаю — чью.
У рубахе розовой.
Молчал, как стяг березовый.

958. Ой, подружка, ой да ой,
Потерялся милый мой:
У старухи бешеной,
В киселе замешанный!

959. Ой, залетка дорогой,
Тебя сглазил домовой, —
Приходи ко мне кормиться
Из корзинки кормовой!

960. Нам сказали — ягод много,
Мы за ягодам пошли.
Нашли по ягодиночке,
Что не вошли в корзиночки!

961. Ах вы, девочки-девчоночки,
Девчоночки — на ять:
Окоротили юбчоночки —
Коленочки видать!

962. Ой, милый ты мой,
Какой интересный:
В лаптях, при часах,
В рубашке небесной!

963. «Ты, матаня Ванина,
Чем ты нарумянена?»
«Нарумянена малиной,
Подбелёна белой глиной!»

964. Моя милашка на салазках
В Ленинград поехала.
Она такая растопыра —
На трамвай наехала!

965. Уж ты, Дуня, удала́,
Каки булки удрала:
Сверху ножичком срежь,
А в середке ложкой ешь!

966. Чай, уж милый через силу,
Чай, уж чаю напился?..
Чай, умылся, чай, утерся,
Чай, гулять уж собрался?

967. «Милка, цё, милка, цё,
Милка, цёкаешь поцё?»
«Я недавно из деревни —
Раз и цёкну, — ну дак цё?»

968. Вы послушайте, девчата,
Нескладушку буду петь:
На дубу свинья пасется,
В бане парится медведь.

969. Сидит сорока на березе,
Красны ягоды клюет,
Жеребенок на задворке
Топорище делаёт.

970. Парень белый, вышитой,
Рубаха кудреватая,
Огород в реку упал,
Суслон теленка растрепал!

971. Если, миленький, изменишь,
Я в корыте утоплюсь!
Не в корыте, так в чулане
Из ухвата застрелюсь!

ЧАСТУШКИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

972. Задушевная моя,
Германия — неверная:
Заключила с нами договор —
Напала первая.

973. Мы с миленочком поедем
Воевать на парочку:
Он пойдет за командира,
Я — за санитарочку.

974. Охо-хо, окопы роют
Длинные-предлинные!
Туда ушли наши ребята,
Самые любимые.

975. На войне, на войне,
На войне, на фронте,
Пули, мимо пролетайте —
Милого не троньте!

976. Голубое одеяло
Голубило всю кровать.
Кто завлек мое сердечко,
Тот уехал воевать.

977. Мы с товаркой лили олово
И лили на мосту —
Выливалась краска синяя,
И дроля на посту!

978. Дролечка мой,
Дролечка военный!
Приходи, дроля, домой
Не раненый, не пленный!

979. Ягодиночка, из армии
Пиши, пиши, пиши!
Не жалей листа бумаги —
Пожалей моей души!

980. Три письма дружку писала —
Не спала девять ночей.
Не чернилом я писала,
А слезами из очей.

981. Не спою единой песенки
Теперя про любовь:
Ягодиночка на фронте
Проливает свою кровь.

982. На горушечке качается
Невыжатая рожь.
Распроклятая Германия
Сгубила молодежь!

983. Задушевная подруга,
В Красну Армию пойдем,
Будем раны перевязывать
Под пулей и огнем!

984. Пурга-вьюга, пурга-вьюга,
Пурга-вьюга и метель...
Завивает пурга-вьюга
На матанечке шинель.

985. Кабы не было зимы,
Бураны не буранили.
Если б не было войны,
Залеточку не ранили...

986. Девушки советские,
Не будьте гордоватые:
Любите раненых ребят —
Они не виноватые!

987. Санитары, покажите
Беленькую коечку,
Разрешите поглядеть
На раненого дролечку!

988. Ну, пускай духаню ранили,
Пусть будет инвалид,—
Я и раненого милого
И то буду любить!

989. Все морошка, все морошка,
Да никак не виноград.
Есть для Гитлера дорожка,
Да никак не в Ленинград!

990. Все в пехоту, все в пехоту,
Меня, мальчика,— во флот:
Во Балтийско серо море,
На «Аврору»-пароход!

991. Выхожу и запеваю
Первую «елецкую»:
«Моя милка защищает
Родину советскую!»

992. Дорогая ты подруга,
Что случилося на днях:
Полюбила лейтенанта —
И запуталась в ремнях!

993. То бы пела, то ревела,
То бы ехала куда,
То бы серые глазеночки
Закрыла навсегда.

994. Мой залетка на войне,
Там он и ночует!
А я здесь припою:
Его сердце чует!

995. Говорят, что сиротинка.
Это слово верное!
Ну, конечно, сиротинка:
Времечко военное!

996. Сероглазому-то дроле
Выдали винтовочку,
А меня, девчоночку, —
На лесозаготовочку.

997. Гори, бор! Гори, сырой!
Гори, гора-гориночка!
Гори, немецкая земля!
Вернися, ягодиночка!

998. Распроклятая Германия
И Гитлер-сатана!
Раньше я гуляла с дролечкой —
Теперь хожу одна!

999. Розу алую, повялую,
Садила в чернозем.
Кого любила и жалела,
Тот далёко увезен.

1000. Позвоню по телефону:
«Дайте райпотребсоюз!
Из-за Гитлера косого
Старой девой остаюсь!»

1001. Напишу милке письмо,
Положу на рацию,—
Летите, тайные слова,
Залетке в авиацию!

1002. Стели, мать, постелюшку
Последнюю неделюшку,
А на той неделюшке
Постелим мы шинелюшки.

1003. Я на горочке стояла —
Вся Германия видать.
Наши дролечки сражаются,
И нам не миновать!

1004. Получила, распечатала —
Бумага черная,
Трехугольная печать...
От дроли похоронная!

1005. Ягодиночку убили
И засыпали песком.
Три денька кричала девушка —
Не слышал — голоском.

1006. Ягодиночку убили
Под Воронежем в бою.
Из кармана вынимали
Фотографию мою.

1007. Ягодиночку убили —
Не поставили креста.
Его общая могила —
Человек четыреста.

1008. Ягодиночку убили
И засыпали песком.
Не сыграет больше «веночка»
Веселым голоском.

1009. Сорок первый год несчастный:
На нас Гитлер наступил,
Меня сироточкой оставил,
Ягодиночку убил.

1010. Сероглазого залеточку
Убили на войне.
Распроклятая Германия
Сгорела бы в огне!

1011. Наварила кулешу —
Получилась каша.
Сколько Гитлер ни воюет,
А победа наша!

1012. Брянский лес, Брянский лес,
Зеленые елочки,
Передайте мой поклон
Партизану-розочке!

1013. Мой залеточка в бою,
Просит карточку мою.
За его любовь горячую
Четыре подарю!

1014. Партизанская игра
По лесу раздавалася.
Партизана я любила,
Но не сознавалася!

1015. Полицеи, полицеи,
За что вы воюете?
Все равно вы партизанской
Пули не минуете!

1016. Меня резали, кололи,
Я без памяти лежал.
Мне вопросы задавали —
Я не выдал, не сказал.

1017. Я к проклятому германцу
На работу не пойду.
Через мох, через болота
К партизанам убегу!

1018. Ты лети и не постукивай,
Немецкий самолет, —
Все равно победа наша,
Ягодиночка придет!

1019. Германец-оборванец,
Разорвися поперек!
Отпусти парней быстрее —
С девок требуют налог.

1020. Шла машина из Германии —
Окно разбитое.
Из машины выносили
Дролечку убитого...

1021. Ах вы, германцы, вы, германцы,
Дайте линию пройти —
Мне убитого, зарытого
Миленочка найти!..

1022. Надоела мне лопата,
Надоел железный лом,
А еще мне надоело
По-немецки слово «ком».

1023. Не кричи, машина, гулко,
Не своди меня с ума!
Я сама, девчонка, знаю,
Что фашистска сторона!

1024. Пойду лягу под машину,
Под большое колесо,—
Ты дави, дави, машина:
Все равно нехорошо!...

1025. Я — девчонка из минроты,
Разминирую поля.
Поверь, подруга дорогая,
Жизнь минутная моя!

1026. Все бы пела, все бы пела
И была бы рада...
Если б кончилась война —
Ничего не надо!..

1027. Германия, Германия,
Наделала чего:
Девяносто девять девок
Обнимают одного!

1028. Немец шел в Россию прямо,
Из России — косяком.
Шел в Россию он обутый,
Из России — босиком.

1029. Бежит курица по улице,
Кричит: «Кара-кара!»
Скоро Гитлера проклятого
Распилят на дрова!

1030. Скоро Гитлеру могила,
Скоро Гитлеру капут!
Куда руки, куда ноги
Наши пули разнесут!

1031. Распроклятый этот Гитлер,
Он каку войну открыл:
У жен мужей, у девок дролей
Во сыру землю зарыл!

1032. На германской на границе
Зеленеет ивушка.
Еще больше зеленеет
Дролина могилушка.

1033. Ты, война, война, война,
Ты меня обидела:
Ты заставила любить.
Кого я ненавидела!

1034. Задушевная товарочка,
Среда, девятый май:
Сероглазого миленочка
С победой ожидай!

1035. Девушки, у нас веселье,
На границе тишина:
Сорок пятого, девятого
Закончилась война!

1036. Не дождаться тех минут,
Когда с Германии придут:
Папиросочки засвитиют,
Тальянки запоют!

1037. Я иду, иду
Тропинкой узкою:
Война окончилась
Победой русскою!

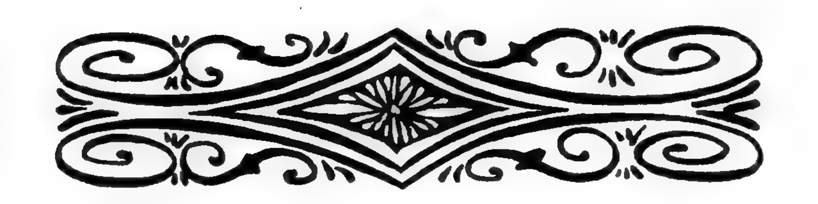
1038. Вы разрежьте мое сердце —
Нет ли пятнышка на нем?
Четыре года восемь месяцев
Пылало как огнем!

1039. Не запить мне сводо горюшка
Ни пивом, ни вином.
Не забыть своих сыночков
Мне ни ноченькой, ни днем!

1040. Хоть и кончилась война —
Неинтересно девушке:
Мой-то миленький останется
В сырой земелюшке!

1041. Вот и кончилась война —
Я осталася одна:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик!

1042. Подружки мои,
Сердечные!
Отгремели бои,
Навечно ли?



ЧАСТУШКИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

1043. Трактор ходит, трактор ходит,
Тракторист — чертеночек.
Трактор любит керосин,
Тракторист — девчоночек.

1044. Елочки зеленые,
Верхушки опаленные...
Не ревнуйте, девушки:
Ребята — неделеные!

1045. Говорят, незанятая,—
Удивительного нет:
У нас всего четыре мальчика
На целый сельсовет.

1046. Ах, какие нынче парни —
Как весенние дожди:
Погуляют один вечер —
На другой уже не жди!

1047. Было время — завлекала
По колено сапоги.
А теперя завлекаю
Инвалида без ноги.

1048. Девок много, девок много,
Девок некуда девать.
Из Москвы пришла печать:
Девку с девкою венчать.

1049. За рекой на берегу
Погасло электричество.
Не нужно качество ребят —
Было бы количество!

1050. Двести раз поцеловать —
Это же чудачество!
Мне количество не нужно,
Подавай мне качество!

1051. Голубо — на голубо,
Зелёно — на зелёное.
Мне-ка боли не нажить:
Мое дело смирёное!

1052. У меня миленка нет,
У подружки — семеро.
Я спросила: «Где брала?» —
«В огороде сеяла!»

1053—1054. «Ой, подружка моя Паня,
Как бы нам не прозевать:
По девятому талону
Будут мальчиков давать!»

«Ой, подружка моя Маня,
Мы уж прозевали:
По девятому талону
Мальчиков давали!»

1055—1056. «Задушевная подружка,
Там залетку продают:
За него четыре пуда
Аржаной муки дают!»

«Задушевная подружка,
Очень дорого даешь:
Неужели за картошку
Себе парня не найдешь?»

1057. Полюбила я его,
А он, девушки, связист:
У него насчет любови
Провода повисли вниз.

1058. Гляньте, бабы, веселее,
Нынче не об чем скучать:
За седьмого за ребенка
Будем тыщи получать!

1059. Мой миленочек — шофер,
По грейдеру катается.
Как увижу его номер —
Сердце разрывается.

1060. Подружка моя,
Потеряла брошку!
Выходи скорее замуж,
Покажи дорожку!

1061. Стой, полынка, не качайся —
Алой лентой обовью.
Ходи, милый, не печалься —
Одного тебя люблю!

1062. Балалаечка-гудилочка,
Четыре струночки!
На вечерочки ходила
Боле из-за Шурочки.

1063. Балалайка, светлы струночки,
Невесело тебе:
Проводили в город Шурочку —
И мне не по себе.

1064. Поиграйте веселее,
Ручки наученые.
Вы не сами завлекали —
Ваши глазки черные.

1065. Мой-от миленький женился
На ревнивой девушке,
Теперь ходит — примечает
Все мои припевушки.

1066. Я гармошку — на окошко,
Гармониста — на кровать!
На гармошку — алу ленту,
Гармониста — целовать!

1067. Леня, Леня, поиграй,
Леня, нас поуважай,
Леня, эдак-ту не делай —
Каждую не провожай!

1068. Гармонисту своему
Задаем задание:
Ему играть, а нам плясать —
На соревнование.

1069. Раздайся, народ,—
Моя сударыня идет!
Она хочет поплясать,
Все манеры показать!

1070. На веселое гулянье
Я пришла без ремешка...
Девяносто песен знаю,
Еще дома два мешка!

1071. Мой муж с тоски
Потерял носки,
А я — валенки
На завалинке!

1072. Эх, трахнулся!
Тарарахнулся!
За полати не держался,
С печки трахнулся!

1073. Ой, Семеновна,
Что наделала —
Да из худых лаптей
Галоши сделала!

1074. Я еще бы покосила —
Ну, литовка не берет.
Я еще бы полюбила —
Мама воли не дает.

1075. Ой, подружка моя Таня,
Пляшешь не по-нашему:
Скоро тетеньку чужую
Назовешь мамашею!

1076. Гармонисту за игру —
С ухажеркой рядом сесть,
Нынче вечером жениться,
Завтра — к теще, блины есть.

1077. Гармонисту за игру —
Коечку-периночку,
Полосатенький матрац —
И жениться сорок раз!

1078. Гармонисту за игранье —
Позолоченный мундштук,
Одеяло с покрывалом,
Ребятишек сорок штук!

1079. Не гармошка меня сушит,
Милые товарочки,—
Сушит розовый конверт
И голубые марочки!

1080. На столе стоит чернильница,
Чернила красные.
Мой миленок — пограничник,
Где места опасные.

1081. Говорят, что загорела,—
Не за рюмочкой сижу:
На тяжелую работушку
Кажинный день хожу.

1082. Мой милый — тракторист,
Я ему велела:
«Запаши мою любовь,
Чтоб сердце не болело!»

1083. Бригадирова жена
Не рабатывала:
Каждый день трудодень
Выхохатывала!

1084. Ах ты, милая моя,
Черепаха серая,
На работу тебя нет,
Кашу есть — ты первая!

1085. Я ударница, ударница,
Ударница везде:
Только выехали в поле —
И уснула в борозде!

1086. Мы подсолнухи пололи,
К нам ребята припороли.
Мы — мотыги на плеча,
По загонам — дергача!

1087. Не глядите на меня,
Глядите на серьги!
Председатель мне купил
На колхозны деньги!

1088. Бабы сеют и боронят,
Огороды городят.
Мужики сидят в правленье,
Папиросками чадят.

1089. За Байкалом я родилась,
За Байкалом я живу.
Забайкальские частушечки,
Хотите, вам спою?

1090. У парнишки моего
Новая хваленая:
В четырех водах умоется —
И все зеленая!

1091. Я своячину не знала,
Вот она, которая...
Ох, какая подмазуля,
Широкоподолая!

1092. Я своей соперницы
Стóю-перестóю.
Стóю выходки ее,
Стóю красотою!

1093—1094. «Задушевная подружка,
Черная гребеночка,
Подари на вечерок
Твоего миленочка!»

«Задушевная подружка,
Ты меня научишь:
Подарю на вечерок —
С тебя и не получишь!»

1095. Вот он едет, вот он едет —
Раззеленая дуга.
Я его хотела встретить —
Его встретила друга.

1096. Мне не жалко сенокоса —
Жалко аленьких цветов.
Мне не жалко тебя, мальчик,—
Жалко первую любовь.

1097. Голубое свое платье
Буду подсиренивать.
Давай, миленький, гулять,
Друг другу не изменивать!

1098. Ой, подруга,— Первый Май,
Бело платье надевай,
А я все зеленое —
Девчонка измененная.

1099. Мил вертушка, мил вертушка,
Мил вертушка — не по мне:
Милый вертится в любови,
Как береста на огне!

1100. Меня милый не целует,—
Ой, какой он молодец:
Свои толстые губища
Бережет на холодец!

1101. Мне залеточка фактически
Хотел измену дать,
Ну а я категорически
Не стала с ним гулять.

1102. Ягодиночка пошел —
Я кричу вдогоночку:
«Я не буду покупать
Любовь за самогоночку!»

1103. Милый думает с начала,
А я думаю с конца:
Больше нам с тобой не стаивать
У нашего крыльца!

1104. Будет, будет, походил,
Будет, поопутывал —
Все до дому провожал,
Тужурочкой окутывал!

1105. Оторвись, оторвись
От поясу, бордова кис⟨т⟩ь!
Донесись миленку вис⟨т⟩ь:
Нажила другого здись!

1106. Меня милый изменил,
Думает: удачество.
Он нашел и я нашла —
Идет борьба за качество!

1107. Мне измена, мне измена,
Мне измена не во вред:
Я, во-первых, боевая,
Во-вторых, мне мало лет!

1108. Я иду, а конкуренточка
Дорогу перешла.
Молися богу, косолапая,—
Полена не нашла!

1109. Мне миленок изменил,
Сам другую полюбил —
Тонкую, высокую,
Характером жестокую.

1110. Койка ты, койка,
Железна кровать!
Сколько мне горько.—
Нельзя рассказать!

1111. Износила белы тапки
В городе по камушкам...
Я тобой нуждаюсь, милый,
Как в июле варежкам!

1112. Изменяешь, изменяешь,
Изменяешь пятую.
Я такого трепача
В газете пропечатаю!

1113. За измену меня миленький
Хотел поколотить.
Поколоточкой, залеточка,
Любовь не воротить!

1114. За измену сероглазому —
Троих бы тройникóв,
Семерых бы одногодочков
И всех бы — дураков!

1115. Давай, Катя, припоем,
Давай, Катя, крикнем.
Неужели без любви
Жить мы не привыкнем?

1116. Отбивай, подруга, друга,—
Все равно не завладеть:
На твои колени сядет —
На мои будет глядеть!

1117. Ай, товарка дорога,
Мы с тобою — как одна:
Мы все речки перемерили
До самого до дна!

1118. **Говорят, я боевая,**
Правда, есть маленечко:
Полюблю и рассчитаю
За коротко времечко!

1119. **Ой, какая я была:**
Лед колола и плыла!
Ох, какой залетка мой:
Лед колол и плыл за мной!

1120. **Говорят про меня,**
Что я толстая.
А я себя не морю —
Кашу гу́стую варю!

1121. **У меня миленок — летчик,**
Я его́ невеста.
Если сяду в самолет,
Самолет — ни с места!

1122. **На горе-то — дыня, дыня,**
Под горой — арбузики...
Голишовские ребята —
Чисто карапузики!

1123. **По деревне мы пройдемся,**
На конце воротимся:
Старых девок запряжем,
С молоденьким прокотимся!

1124. **Вы, ребята, не гордитесь,**
Никуда вы не годитесь:
Ни в солдаты, ни в матросы,
Ни подмазывать колесы.

1125. Вот они заговорили —
Громкоговорители.
Я бойка, меня не любят
Милого родители.

1126. У мово у милого
Сердце голубиное:
Как ему меня корили —
Все равно я милая!

1127. Нынче кофточки не в моде —
В моде распашоночки.
Нынче девочки не в моде —
В моде разведеночки.

1128. Мама, чаю, мама, чаю,
Мама, забеленного!
Мне не надо холостого —
Надо разведенного!

1129. С неба звездочка упала
Прямо на акацию.
Продай, мама, одеяло,
Купи комбинацию!

1130. Говорят, наряду мало —
Вешала да вешала:
Юбка в плойку, юбка в клеш,
Еще какого лешего!

1131. Поглядела по народу —
Мне по сердцу резнуло:
Я туда-сюда глазами —
Нет мово любезного...

1132. Золотое мое дверце,
Облитое медию...
Завлечёно мое сердце
Миленочком Федею.

1133. Я гуляла с Колею
С большою приневолею.
Теперь гуляю с Васею
По своему согласию.

1134. Шура, Шура, Шурочка,
Идешь ты с переулочка!..
Идет и улыбается,
А сердце — разрывается!

1135. Ой раз, что ли,
Ехали матросы:
Все красивы, как один,
Курили папиросы.

1136. Ой раз, что ли,
Подмигнем мы Коле,
А потом Сереже
И всей молодежи!

1137. Ах, сердце мое,
Сердце луковоё!
Сердце ныло, ныло, ныло —
Запостукивало...

1138. Эх, и чуб волной,—
Не гонись за мной!
Эх, и чуб кучею,—
Я тебя замучаю!

1139. На меня злятся,
Много лихостятся,
А я с карими глазами
Не могу расстаться!

1140. Пятка, носок,
Выковыривай песок!
Выковыривай, пошвыривай,
Бросай наискосок!

1141. Мне такого дролю надо,
Чтобы я боялася —
Чтобы с каждым встречным парнем
Я не улыбалася!

1142. Ой, бойкая,
Бойковатая!
Кругом одна —
Не занятая!

1143. Меня маменька ругает,
А папаша нежит:
Как я с улицы иду —
Хворостину держит.

1144. Раздавайся, круг,
А то мене тесно!
Хоть и мало я пляшу -
Зато интересно!

1145. Критикуй, не критикуй —
Не боюсь я критики:
Все равно не перебьешь
Меня ты по политике!

1146. Я не вашего села,
Не вашего селения,
Не по-вашему пою,
Прошу извинения!

1147. Я военного люблю,
Военный лучше нравится:
У военного шинель
По ветру развевается.

1148. Пароход плывет по Волге,
Под названьем «Волга-лес».
Ходи, миленький, почаще,
Тогда будет интерес!

1149. В Красной Армии ребята
Расцвели, как розочки:
На плечах у них погоны,
На погонах звездочки.

1150. Речка Кама течет прямо,
В Каме быстрая вода.
Принеси-ка, речка Кама,
Мне миленочка сюда!

1151. Часы бьют, часы идут,
Часы спокою не дают,
Часы утром, часы днем,
Часы вечером с огнем.

1152. Это лето мне на память,
Это лето не забыть:
Привалился к сердцу камень
Мне его не отвалить!

1153. Дороженька торна, торна,
А кто ее торновал?
Лет семнадцати мальчишка
От любови тосковал.

1154. С горочки бутылочки
Катилися — не билися.
Мы с тобой, миленочек,
Нечаянно влюбилися.

1155. Подруженька, гром ударил —
Я на Воложке была:
Я на волны любовалась —
Как любовь моя плыла.

1156. Вы, цыганы, вы, цыганы,
Вы зачем приехали?
Запрягли мое сердечко,
Сели да поехали.

1157. Где бы милого увидеть,
Где бы с ним поговорить?
Много горя накопила,
Пополам бы разделить!

1158. Если б сердцу дали крылья,
Улетело бы оно,
Улетело бы и село бы
К мило́му на окно!

1159. Знаю, знаю, где ведерочко,—
Не знаю, где вода.
Знаю, знаю, где залеточка,—
Не знаю, где судьба.

1160. Я тогда тебя забуду,
Когда в кузницу схожу:
Грудь железную там вставлю,
В сердце камень положу.

1161. Ты военный, ты военный,
Ты военный — не простой:
Ты на севере женатый,
А на юге холостой!

1162. Лейтенанта полюбила —
Оказался старшина.
Не успела познакомиться —
Приехала жена.

1163. Полюбила лейтенанта —
Оказался рядовой.
Он довез меня до Буя
И скомандовал: «Домой!»

1164. Не любите, девки, моря,
Не любите моряков —
У них каменное сердце
И слова из пустяков!

1165. У миленка моего
Кубаночка мечена.
У него насчет любови —
«Да», да «ну», да «нечего».

1166. Раньше было, дорогой,
Дорожила я тобой,
А теперя, дорогой,
Ты дорогой, да для другой!

1167. Я теперича одна,
Одна и одинокая.
И никем не занята,
Как реченька глубокая.

1168. Голубые шарики
Под лавку укатилися...
Подруга, пой, не унывай:
Не унывать родилася!

1169. Мне миленок изменил,
Вся я исстрадалася:
Было сорок килограммов,
Семьдесят осталося!

1170. Говорят, я некрасива,
Но зато я смелая.
За меня растет красивая
Береза белая!

1171. У меня миленок маленький,
Как зернышко в овсе.
Дал копеечку на семечки,
Сказал: «Купи на все!»

1172. На столе стоит квашня,
А в квашне-то тесто.
Мама, папа, до свиданья,
Я уже невеста!

1173. Тор-дорога, тор-дорога,
Тор-дороженька — дугой.
По тебе, моя дороженька,
Уехал дорогой!

1174. В Ленинграде жизнь хороша —
Меня дроля известил.
Я уехала бы, девушка.—
Колхоз не отпустил.

1175. Интересно потухают
Ленинградские огни.
У нас с дролечкой свиданья
В выходные только дни.

1176. Мы в кино пошли с подругой,
Чистили ботиночки.
Нам билеты покупали
Наши ягодиночки.

1177. Скоро, скоро я уеду,
На машине: «чи-чи-чи!..»
До свиданья, деревенские
Ребята-трепачи!

1178. Пароход идет по Волге —
Стекла голубеются.
Без билета милка едет:
На красу надеется.

1179. Раньше девок угощали
Сладкими конфетами,
А теперь их угощают
Только сигаретами.

1180. Говорят, что елка колка,
Ей и надо колкой быть.
Говорят, девчонки бойки,—
Им и надо бойким быть!

1181. Во саду рвала цветочки —
Желтую акацию.
Дорогого продаю
За рупь, за облигацию!

1182. Говорят, что боевая,
В самом деле — огонек.
От меня уж отлетает
Двадцать пятый паренек!

1183. Пойдем, милка, погуляем,—
На дворе така жара.
Пусть картошку убирают
Из Москвы инженера!

1184. Ребят много, ребят много,
Ребят некуда девать!
Запряжем худые сани —
Ребят по полю терять!

1185. Миленочек дорогой,
Обрати внимание:
Обрати внимание
На редкое свидание!

1186. Боевая, боевая —
Боевой не стоите.
От меня, от боевой,
Смирёные, завоете!

1187. Я иду и поднимаюсь
На крутую горушку:
Я иду к тебе, духанечка,
Ломать черемушку!

1188. На тебе, дороженька,
Устала моя ноженька!
На тебе, лукавая,
Устала моя правая!

1189. Ой, конь вороной,
Грива до полу волной...
Все встречает, провожает
Ягодиночка домой.

1190. Белая березонька,
Белая без листу...
Я своёго дорогого
Узнаю по свисту.

1191. Ягодина, ягодина,
Ягодина, чаешь ли?
Ягодина, расстаемся,
Ягодина, знаешь ли?

1192. Ваня, Ваня, Ваньице —
Легкое названьице.
Легкое названьице —
Тяжело расставаньице!

1193. Я иду, а мне навстречу
Восемь елочек поврозь...
Милка, я тебя не брошу,
Только ты меня не брось!

1194. Шурка, в беленьких носочках
У ворот постой, постой...
Через белые носочки
Я остался холостой!

1195. Ох, Шурочка моя,
Шкурочка орехова!
Не сказала «до свиданья» —
Села и уехала.

1196. Почему не через речку?
Почему не через пруд?
Почему милашки нету,
А подруга ее тут?..

1197. Кабы в поле не цветы,
Поле не алело бы.
Кабы, милая, не ты,
Сердце не болело бы!

1198. Я хотела любовь первую
По воздуху поймать,
А любовь все выше, выше,
Улетела — не догнать!..

1199. Песни пела, песни пела,
Разговаривала. За...
За улыбку дроля любит,
За веселые глаза!

1200. На веселом на гулянье
Нету мово милого:
Я веселыми глазами
На другого вскинула.

1201. Травушка шелко́вая
Вкруг березы вилась.
Девчонка бестолковая —
В кого я влюбилась?

1202. Ягодиночка зачесывает
Набок волоса,
Закрывает свои рыжие,
    бесстыжие,
    зеленые,
    в полосочку —
Не высказать, товарочки,
Какие у миленочка
Веселые глаза!

1203. Боле разу не надену
Кофточку малинову:
Закружила голову
Сама себе и милому.

1204. Дроля — каренькие глазки,
Карие кариночки.
Завлекли кариночки
Вчера на вечериночке!

1205. Мой-от миленький большой
Любит меня, маленьку.
Подожди, мой дорогой,
Встану на завалинку!

1206. У залеточки глаза
Серее маку серого:
Подруга, я его люблю
Не вижу свету белого!

1207. Миленькой, женатенькой
Стоит как виноватенькой
Был бы милый холостой,
Сказал бы: «Девушка, постой!»

1208. Я на лодочке каталась —
Лодочка ко дну, ко дну.
Я тону, а сама думаю:
Миленочка кому?

1209. Ох, подружка дорогая,
Все ребята хороши,
Но кто носит серу кепочку —
Разрыв моей души!

1210. Девушки, заоболачивает —
Скоро будет дож⟨дь⟩.
По характеру залеточку
Не скоро подберешь!

1211. Ко мне милый подойдет —
На лице улыбочка:
Встрепенется мое сердце,
Как на речке рыбочка!

1212. Золото колечко тонет,
А серебряно плывет.
Один милый сядет рядом,
А другого зло берет.

1213. Мимо леса милый ехал —
Вишенка висела...
Меня милый целовал,
Я его — не смела.

1214. Меня дома запирают
От милого на замок.
А он ключик подбирает,
Ходит каждый вечерок.

1215. Я по клеверу хожу,
Срываю клевериночку.
Я не знаю, почему
Жалею ягодиночку.

1216. Дроля, серенькие глазочки
Твои — да и мои.
Часто смешивались серые —
К любови привели!

1217. Голубую незабудку
С неба голубь уронил.
Никогда не позабуду,
Что мне милый говорил.

1218. Вот она и заиграла,
Вот она и вышла...
Хотя тихо припоет,
Но далёко слышно!

1219. Вот опять и заиграли,
Вот и забаянили —
Молодое сердце девушки
Без пули ранили!

1220. Заиграла Ванина,
Я думала — Сережина,—
Это весення темна ноченька
Меня тревожила!

1221. Хорошо игрок играет,
Все глядел бы на руки!
Его серые глаза
Завлекают навеки.

1222. Да довольно вам играть,
Довольно выфигуривать!
Ваши пальчики устали —
Можете закуривать!

1223. Гармонист какой красивый,
Я в него влюбилася:
Была бы я стеклянная —
Пала и разбилася!

1224. Маменька родимая,
Горело небо синее!..
Оно горело-таяло,
Меня страдать заставило.

1225. Тонет-тонет по затону,
Тонет белая заря...
Тонет-тонет по затону
Любовь первая моя.

КОММЕНТАРИИ

При подготовке данного издания к печати в основу были положены следующие принципы.

Подбор текстов осуществлялся из авторитетных изданий и собраний.

Композиционное распределение материалов книги — жанровое, соответствующее общественно-эстетической функции песен. Крупные разделы сформированы согласно содержанию произведений — социальному объекту изображения (крестьянство в широком смысле, собственно крепостной люд, носители социального протеста, солдаты, отходники, фабричные и т. д.), тематическому родству песен. Содержание текстов выявляет связи данных групп фольклора со средой творцов либо исполнителей, культивировавших то или иное искусство в силу особенных условий своей общественно-исторической биографии.

Для удобства восприятия разнородные по приемам первичной записи или публикации тексты песен ориентированы на действующие ныне нормы орфографии. В связи с этим последовательно снимаются: фонетическая фиксация произношения, общего с литературным (например, окончания *-ова, -тца* переданы как *-ого, -тся*), фонетические диалектизмы (печатается «*хв*атунушки» вместо «*ф*атунушки», «*о*жерелье» вместо «*он*жерелье»; устранены а́канье, я́канье, и́канье, о́канье, пропуски или удвоение согласных; твердое окончание третьего лица ед. числа возвратных глаголов *-тса* заменено на *-тся* и т. д.). К орфографической норме приведены некоторые просторечные виды лексики и фразеологии (вместо разговорных «де», «лутче», «рошша» следует «где», «лучше», «роща» и т. п.). Исключения и отступления от правила сделаны для текстов, где правка могла бы нарушить ритмо-фонетический рисунок и морфологию песен (скажем, правка строк «на сво*ему* вороно*му* кон*ю*», «пускай коня *у* конюшеньку» на литературно-нормативный лад означала бы переработку текста № 210, лишив соответствующие стихи полнослоговой распевности, метрической слаженности: «на сво*ем* вороно*м* кон*е*», «пускай коня *в* конюшеньку»). Подчас орфографическая унификация влечет за собой эмоциональное обесцвечивание произведений, поэтому в старших — XVIII века — записях и публикациях оставлены штрихи архаики (окончания *-ой, -ей* вместо *-ый, -ий*), случаи общепонятного характерно-народного, просторечного произнесения слов и фразеологизмов: «*че*желешенько», «кори*ш*невая», «туд*у* и сюд*у*» и др. Тексты песен

сверены с оригинальными первопубликациями и в тех случаях, когда они печатаются по литературной редакции публикаторов-посредников, составителей антологий, чей опыт был учтен при комплектовании разделов (А. И. Соболевского, А. М. Новиковой, В. Я. Проппа и др.). В настоящем издании уточнена акцентация, пунктуация, а иногда и строфика песен. Особые случаи поправок оговорены в примечаниях к песням.

Типовой комментарий к песням содержит ссылку на источник публикации, указание на место и время записи, ссылку на автора записи, если он известен. Приводятся основные данные о форме исполнения песни и ее связи с игровым действием. Иногда сообщается о вариантах и литературных применениях текста.

При подборе частушек были взяты тексты, типичные для подлинно народной устной традиции. Поскольку абсолютное большинство достоверных записей и публикаций не содержит нотировок и огласовок, фиксируя именно *словесный* облик частушечной культуры, и лишь отчасти запечатлевает богатство живого распевно-музыкального исполнения произведений (мелодия, «узорные» повторы стихов, полустиший, интонационные задержки, перепады, вставные, междометные, придыхательные частицы и т. д.), в настоящей публикации по неизбежности сохранена ориентация на эти несколько односторонние издания и записи, представляющие искусство частушки как вид *поэзии* в собственном смысле.

Перечень источников частушечных текстов построен в хронологическом порядке.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТА

Акимова — Фольклор Саратовской области, кн. 1. Сост. Т. М. Акимовой под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

Банин — Банин А. Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971.

Варенцов — Варенцов В. Сб. песен Самарского края. СПб., 1862.

Васнецов — Васнецов Александр. Песни Северо-Восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. 2-е изд. Редакция Л. В. Дьяконова. Киров, 1949.

ЖС — журнал «Живая старина».

Зырянов-I — Лирические народные песни. Собрал и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962.

Зырянов-II — Уральские хороводы. Хороводные песни о любви и о семейной жизни. Зап. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1980.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подг. текстов Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Картыков — Картыков М. Н. Русские песни. Изборник народной лирики. Вологда, 1922.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Киреевский, Нов. сер.— Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1. М., 1911; вып. 2, ч. 1—2. М., 1917—1929. (Издание имеет единую сквозную нумерацию текстов.)

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд. Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Котикова — Котикова Н. Народные песни Псковской области. М., 1966.

Красноярские песни — Русские народные песни Красноярского края, вып. 2. Под ред. С. В. Аксюка. М., 1962.

Крупянская и Полищук — Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX— начало XX в.). М., 1971.

Лаговский — Лаговский Ф. Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губурний, вып. II, Кострома, 1923.

Листопадов — Листопадов А. Песни донских казаков, IV. М., 1953.

ЛН — Литературное наследство, т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.

Лопатин и Прокунин — Лопатин Н. М. и Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. Под ред. В. Беляева. М., 1956.

Львов-Прач — Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. Под ред. В. М. Беляева. М., 1955.

Мехнецов — Народные песни Вологодской области. Песни средней Сухоны. Сост. А. Мехнецов. Л., 1981.

Новикова — Русские народные песни. Вступ. статья, сост. и примеч. А. М. Новиковой. М., 1957.

НППК — Народные песни Пермского края. Сб. текстов, т. 1. Сост. М. А. Ганина, Р. В. Комина, Т. Ф. Пирожкова, Р. С. Спивак. Пермь, 1966.

ПФМ — Песенный фольклор Мезени. Изд. подг. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.

Песни Печоры — Песни Печоры. Изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.— Л., 1963.

Песни пушкинских мест — Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области, вып. 1. Изд. подг. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. Л., 1979.

Песни Томского Приобья — Хороводные песни, записанные в Томской области (Песни Томского Приобья). Л.— М., 1973.

Пропп — Народные лирические песни. Библиотека поэта. Большая серия, 2-е изд. Вступ. статья, подг. текстов и примеч. В. Я. Проппа. Л., 1961.

Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, т. 1—7. СПб., 1895—1902.

ТФНО — Традиционный фольклор Новгородской области. (По записям 1963—1976 гг.). Песни. Причитания. Изд. подг. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979.

Фольклор Московской области — Фольклор Московской области, вып. 1. Календарный и детский фольклор. Сост. В. Б. Сорокин. М., 1979.

Чулков — Собрание разных песен М. Д. Чулкова, ч. 1,2 и 3 с прибавлением. СПб., 1770—1773. (Соч. М. Д. Чулкова. Изд. ОРЯиС ИАН, т. 1. СПб., 1913.)

Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 1 и 2. СПб., 1898—1900.

ЭО — журнал «Этнографическое обозрение».

Языковы-I — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях, т. 1. Подг. текстов А. Д. Соймонова. Л., 1977.

Якушкин-I — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина, т. 1. Подг. текстов З. И. Власовой. Л., 1983.

ПЕСНИ

ХОРОВОДНЫЕ, ИГРОВЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

1. Соболевский, т. 2, № 72. Запись 2-й половины XVIII в.

2. Шейн, № 320. Новгородская губ., Крестецкий у., 2-я половина XIX в. Из числа «наборных» песен, с которыми «набирались» хороводы. Запись Б. Б. Глинского.

3. ТФНО, № 76. Новгородская обл., Боровичский р-н, 1974 г. Из «наборных» песен.

4. Там же, № 73. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, 1970 г. Из «наборных» песен.

5. Там же, № 75. Новгородская обл., Окуловский р-н, 1974 г. Из «наборных» песен.

6. Зырянов-II, с. 169. Пермская обл., Чайковский р-н, 1968 г. Запись И. В. Зырянова. Из «наборных» песен. Припев следует после каждого двустишия.

7. НППК, № 253. Пермская обл., Чердынский р-н, 1958—1963 гг. Запись Васильевой и Литвиновой.

8. Зырянов-I, № 170. Пермская обл., Чердынский р-н, 1959 г. Запись И. В. Зырянова. В песне обычно еще одно (второе) обращение — к матери.

9. Руднева А. В. Курские тано́ки и карагоды. М., 1975, с. 109. Курская обл., Дмитриевский р-н, 1948 г. Запись А. В. Рудневой. Начальный припев повторяется после каждой строфы.

10. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1554 а. Московская губ., Звенигородский у., 1833 г. Запись П. В. Киреевского.

11. Красноярские песни, № 57. Красноярский край, 1957 г. Запись С. Кондратьевой и В. Каликина. «Игрищная» песня. С припевом «Ой люли, люли, да» повторяется каждый четный стих двухстрочных строф.

12. Листопадов, № 3. Область Войска Донского, 1893 г. Запись А. М. Листопадова. Каждый стих повторяется в пении.

13. Пропп, с. 120—121. После припева «Ай люли, ай ладу» — повтор четного стиха.

14. ТФНО, № 228. Новгородская обл., Новгородский р-н, 1971 г. Песня для третьей фигуры кадрили из пяти фигур. Известна и как игровая песня.

15. Соболевский, т. 7, № 40. Запись XVIII в.

16. Новикова, с. 302—303. Казанская губ., 1870-е гг. Запись А. Можаровского.

17. Зырянов-II, с. 204—205. Пермская обл., Березовский р-н, 1971 г. Запись И. В. Зырянова.

18. Котикова, № 88. Четные стихи повторяются.

19. Лаговский, № 15—16. Костромская губ., Галичский у., 1872—1874 гг. Запись Ф. И. Лаговского. Из «ходовых» песен, поющихся «молодцу». Каждый стих повторяется. К припеву прибавляется последнее слово строки.

20. ТФНО, № 234. Новгородская обл., Новгородский р-н, 1972 г. Обычный эпитет в предпоследней строке: «сладкой булочки».

21. Зырянов-II, с. 133—134. Пермская обл., Чердынский р-н, 1960 г. Запись И. В. Зырянова. Каждый стих варьируется, образуя строфу, подобно первым трем строкам.

22. Зырянов-I, № 190. Пермская обл., Чердынский р-н, 1959 г. Запись И. В. Зырянова.

23. Листопадов, № 134. Ростовская обл., 1940 г. Запись А. М. Листопадова. Каждый стих повторяется. Ср. № 152.

24. Иваницкий, № 169. Вологодская губ., г. Вельск, рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

25. Зырянов-I, № 199. Пермская обл., Чердынский р-н, 1960 г Запись И. В. Зырянова. «Рожнёвские» — из местной деревни Рожнёвой.

26. Лаговский, № 91. Костромская губ., Галичский у., 1872—1874 гг. Запись Ф. И. Лаговского. Каждый стих повторяется. Из песен «ходовых — девице».

27. Зырянов-II, с. 68—69. Пермская обл., Чердынский р-н, 1959 г. Запись И. В. Зырянова.

28. Иваницкий, № 366. Вологодская губ., рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

29. Котикова, № 90. «Редкая плясовая шуточная», по словам собира-

теля. В сатирическом перечне упомянуты жители местных сел: Сенно, Новоселье, Лавры — и г. Печоры.

30. Иваницкий, № 454. См. коммент. к № 28.

31. НППК, № 241. Пермская обл., Фокинский р-н, 1958—1963 гг. Запись М. А. Ганиной и Власовой. Каждое двустрочие повторяется. Ср. вариант № 261.

32. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1 582. Московская губ., Звенигородский у., 1833 г. Запись П. В. Киреевского. В вариантах есть отсутствующие в данной записи части — см. «Тихий Дон» М. А. Шолохова, кн. 1, ч. 3, конец гл. VII.

33. Пальчиков Н. Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда, Уфимской губернии. СПб., 1888, № 116. Припев повторяется после каждых двух строк.

34. Иваницкий, № 167. См. коммент. к № 28.

35. Там же, № 10. См. коммент. к № 28. 2-й стих повторяется.

36. ТФНО, № 82. Новгородская обл., Волотовский р-н, 1972 г. Плясовая припевка.

37. Львов-Прач, 2-я половина XVIII в. Запись Н. А. Львова. Припев следует после каждого стиха с повторением второй части этого стиха.

38. ТФНО, № 231. Новгородская обл., Боровичский р-н, 1969 г. Из песен для четвертой фигуры пятифигурной кадрили.

39. Там же, № 204. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, 1969 г.

40. Васнецов, № 104. Вятская губ., 1868—1894 гг. Запись А. М. Васнецова.

41. Соболевский, т. 4, № 842. Олонецкая губ., 1860-е гг.

42. ТФНО, № 81. Новгородская обл., Солецкий р-н, 1971 г. Одна из «наборных» игровых припевок.

43. Там же, № 225. Новгородская обл., Новгородский р-н, 1972 г. Песенка, исполняемая непрерывно во время второй фигуры кадрили из пяти фигур.

44. Чулков, ч. 2 № 180. 2-я половина XVIII в. Припев с «Ах» повторяет последнее слово стиха.

45. Красноярские песни, № 22. Красноярский край, г. Енисейск, 1957 г. Запись С. Кондратьевой и В. Каликина. Парень сидит на стуле в круге, девушки ходят кругом и поют. При словах «Я хватал бы, имал бы ее» парень вскакивает и ловит девушку; другие парни ловят «своих» девушек, после чего пение продолжается.

46. Пропп, с. 227. Вологодская губ., 1880-е гг.

47. Листопадов, № 42. Область Войска Донского, 1899 г. Запись А. М. Листопадова. Припев «жаль, жаль, жаль же мне» соединяется с повторяемой четной строкой. Есть и более сложные повторы, оговариваемые собирателем.

48. Новикова, с 262—263. Тульская губ., 1919 г. Запись А. М. Новиковой.

49. Соболевский, т. 4, № 234. Курская губ., Старо-Оскольский у., 1840—1850-е гг. Запись Кохановской (Н. С. Соханской).

50. Соболевский, т. 3, с. 266. О записи см. предыдущее примечание.

51. Зырянов-I, № 186. Пермская обл., Красновишерский р-н, 1948. Запись И. В. Зырянова.

52. Там же, № 185. Пермская обл., Чердынский р-н, 1960 г. Запись И. В. Зырянова.

53. Архив Курганского ГПИ. Курганская обл., Кетовский р-н, 1978 г. Запись В. П. Федоровой. Песня с поцелуйной концовкой исполнялась «стенкой». Четные стихи повторяются. «Ай да Дуня!» — добавила певица Л. Н. Бутакова.

54. Лаговский, № 68. Нижегородская губ., Нижегородский у., 1872—1874 гг. Запись Ф. Н. Лаговского. Из беседных «ходовых» песен «молодцу». Песня с поцелуйной концовкой.

55. Вариант предыдущей песни. НППК, № 313. Пермская обл., Красновишерский р-н, 1958—1963 гг. Запись Пономаревой.

56. Зырянов-II, с. 50—51. Пермская обл., Березовский р-н, 1970 г. Запись И. В. Зырянова. Песня с поцелуйной концовкой.

57. Лаговский, № 60. Новгородская губ., Череповецкий у., 1872—1874 гг. Запись Ф. Н. Лаговского. Из беседных «ходовых» песен «молодцу». Песня с поцелуйной концовкой.

58. Иваницкий, № 400. См. коммент. к № 28. Песня с поцелуйной концовкой.

59. Там же, № 162. См. коммент. к № 28. Песня с поцелуйной концовкой.

60. ТФНО, № 149. Новгородская обл., Солецкий р-н, 1971 г. В припеве четные стихи повторяются. Песня с поцелуйной концовкой.

61. Иваницкий, № 416. Песня с поцелуйной концовкой. См. коммент. к № 28.

62. ТФНО, № 102. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, 1970 г. Шуточная песня с поцелуйной концовкой.

63. Там же, № 93. Запись там же, 1969 г. Песня с поцелуйной концовкой.

64. Там же, № 89. Новгородская обл., Боровичский р-н, 1969 г. Песня с поцелуйной концовкой.

65. НППК, № 317. Пермская обл., Чердынский р-н, 1958—1963 гг. Запись Спивак и Овчинниковой. В припеве повторяется 2-й стих каждой строфы. Песня с поцелуйной концовкой.

66. Лаговский, № 59. См. коммент. к № 57. Припев повторяется через 2 стиха.

67. ТФНО, № 87. См. коммент. к № 63.

68. Там же, № 76. Новгородская обл., Боровичский р-н, 1974 г. Игровая припевка с поцелуйной концовкой.

69. Лаговский, № 64. См. коммент. к № 54. Песня с поцелуйной концовкой.

70. Зырянов-II, с. 224. Пермская обл., Соликамский р-н, 1968 г. Запись И. В. Зырянова. Песня с поцелуйной концовкой.

71. Иваницкий, № 367. См. коммент. к № 28. Песня с поцелуйной концовкой.

72. Там же, № 425. См. коммент. к № 28. Песня с поцелуйной концовкой.

73. Песни Томского Приобья, № 38. Кемеровская обл., Яшкинский р-н, 1969 г. Запись А. М. Мехнецова. «Вечерочная» песня с поцелуйной концовкой.

74. Иваницкий, № 435. Вологодская губ., начало 1880-х гг. Песня с поцелуйной концовкой.

75. Лаговский, № 5. См. коммент. к № 19. Песня с поцелуйной концовкой.

76. Там же, № 42. Вологодская губ., Грязовецкий у., 1872—1874 гг. Запись Ф. Н. Лаговского. «Беседная» песня из числа «ходовых — молодцу» с поцелуйной концовкой.

77. Соболевский, т. 2, № 648. Вятская губ., начало 1890-х гг. Хороводная песня с поцелуйной концовкой.

78. Иваницкий, № 467. Вологодская губ., Кадниковский у., 1870-е — начало 1880-х гг. Запись Н. А. Иваницкого. Песня с поцелуйной концовкой.

79. Песни Печоры, № 369. Коми АССР, Нарьян-Марский р-н, 1929 г. Запись Н. П. Колпаковой. Припев повторяется через каждые два стиха.

80. Песни пушкинских мест, № 114. Горьковская обл., Кстовский р-н, 1972 г. Запись А. А. Карпова. Каждый полноразмерный стих повторяется.

81. Красноярские песни, № 78. Красноярский край, Дзержинский р-н, 1957 г. Запись В. Агафонникова и П. Лондонова. Припев повторяется после каждого двустишия. Варьируемое имя в последнем стихе оригинала — «Тома».

82. Зырянов-II, с. 121—122. Пермская обл., Соликамский р-н, 1973 г. Запись И. В. Зырянова.

83. Там же, с. 119—120. Пермская обл., Чердынский р-н, 1969 г. Запись И. В. Зырянова.

84. Там же, с. 120—121. Пермская обл., Соликамский р-н, 1975 г. Запись И. В. Зырянова.

85. Иваницкий, № 217. См. коммент. к № 28.

86. Соболевский, т 2, № 430. О записи см. коммент. к № 49.

87. Там же, № 490. Смоленская губ., конец 1880-х гг. После каждого стиха — повтор припева.

88. Лопатин и Прокунин, № 104. Конец 1870-х — начало 1880-х гг. Записана Н. М. Лопатиным как солдатская веселая плясовая «припевка».

89. Якушкин-I, № 167. Орловская губ., Малоархангельский у., 1843—1844 гг. Запись П. И. Якушкина и Н. А. Кострова.

90. Львов-Прач, № 60. 2-я половина XVIII в. Запись Н. А. Львова. Каждый стих повторяется. Кроме того, в припеве подхватывается концовка каждого стиха из четырех слогов.

91. ТФНО, № 168. Новгородская обл., Мошенский р-н, 1969 г.

92. Лаговский, № 200. Запись в Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской или Ярославской губ., 1872—1874 гг. Запись Ф. Н. Лаговского. Каждый четный стих повторяется с припевом «Люшеньки, ой люли».

93. Зырянов-II, с. 157. Пермская обл., Березовский р-н, 1970 г. Запись И. В. Зырянова.

94. Там же, с. 171. Пермская обл., г. Нытва, 1971 г. Запись И. В. Зырянова. Второй стих каждой строфы повторяется в припеве по приведенному образцу.

95. Соболевский, т. 3, № 472. Пермская губ., Чердынский у., 3-я четверть XIX в. Каждый стих повторяется; вторая половина стиха повторяется еще трижды, в последний раз после припева «Живо, браво», образуя строфическую композицию, как показано на первом стихе.

96. ТФНО, № 135. См. коммент. к № 91. Вариант предыдущей песни с однотипной структурой припева.

97. ЛН, с. 202. Псковская губ., 1820-е — начало 1830-х гг. «Плясовая». В припеве повторяется каждый четный стих. Запись А. С. Пушкина.

98. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III. Петрозаводск, 1864, с. 459—460. Олонецкая губ., Петрозаводский у., рубеж 1850—1860-х гг.

99. Иваницкий, № 417. См. коммент. к № 28.

100. Соболевский, т. 3, № 104. Казанская губ., Чебоксарский у., 1870-е гг. Запись В. Магнитского.

101. Там же, т. 5, № 70. 2-я половина XVIII в. Припев «Ой, люли, люли, люли» — после каждого четного стиха с его повторением. Ср. № 323.

102. ТФНО, № 221. Новгородская обл., Старорусский р-н, 1971 г. Песня для первой фигуры пятифигурной кадрили.

103. Васнецов, № 176. Вятская губ., 2-я половина XIX в. Из числа «игрищенских песен (дружинок)». К песне примечание собирателя: «Все играющие садятся в круг, зажигают лучину и, держа ее вертикально, передают один другому; при этом поют... безостановочно. У кого в руках угаснет уголь на лучине, с того берут фант».

104. Иваницкий, № 544. Вологодская губ., г. Тотьма, рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

105. Там же, № 531. См. коммент. к № 28.

106. Соболевский, т. 7, № 184. Терская обл., 1880-е гг.

107. Зырянов-I, № 196. Пермская обл., Красновишерский р-н, 1958 г. Запись И. В. Зырянова.

108. Песни Печоры, № 101. Коми АССР, Усть-Цилемский р-н,

1955 г. Запись Н. П. Колпаковой. В пении четные строки повторяются.

109. Соболевский, т. 7, № 129. Псковская губ., г. Торопец. Запись М. И. Семевского.

110. Шейн, № 949. Тверская губ. Тверской у., 2-я половина XIX в. Запись П. В. Шейна.

111. Зырянов-II, с. 181. Пермская губ., Чердынский у., 1959 г. Запись И. В. Зырянова.

112. Котикова, № 71. Псковская обл., Печорский р-н. Вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг.

113. Там же, № 78. Псковская обл., г. Печоры, 1958 г. Хороводная круговая песня. По словам исполнительницы, девушки ходят кругом, а парни «царям» сидят. Перед словами «отворите ... ворота» хор останавливается, «открывает ворота», три девушки переходят на другую сторону. Затем парень выбирает девицу и становится с ней в круг.

114. Коллекция Ленинградской гос. консерватории. Вологодская обл., Бабушкинский р-н, 1970 г. Запись экспедиции ЛГК.

115. ЛН, с. 573—574. Костромская губ., 1849—1853 гг. Запись из бумаг А. Ф. Писемского. Из «наборных» песен.

116. Шейн, № 317. Тверская губ., Весьегонский у., 2-я половина XIX в. Песня из хороводных «наборных». Запись А. В. Соколова.

117. Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. № 370, с. 409. Новгородская губ., Белозерский у., 1910-е гг. Помета собирателей: «Набирают „каровод“ или „город“».

118. Соболевский, т. 2, № 35. Пермская губ., Чердынский у., 1870-е гг. Запись В. Попова.

119. Шейн, № 483. Самарская губ., 2-я половина XIX в. Запись Г. Н. Потанина. Из «разборных» («разводных») песен, поющихся при «разборе» («разводе») хоровода.

120. Соболевский, т. 7, № 583. Пермская губ., 1870-е — начало 1880-х гг. Запись В. Шишонко.

121. Мехнецов, № 120. Вологодская обл., Тотемский р-н, 1975 г. Припев повторяется после каждого стиха.

122. Новикова, с. 269—270. Тульская обл., 1920-е гг. Запись А. М. Новиковой.

123. ТФНО, № 164. Новгородская обл., Пестовский р-н, 1968 г. Под эту песню, если не было гармони, прежде плясали танец «ланце», что называлось «плясать под своя».

124. Шейн, № 520. Тульская губ., г. Епифань, 1864 г. Припев после каждого двустишия.

125. ЛН, с. 197. Псковская губ., 1820-е — начало 1830-х гг. Запись и ударения в ней А. С. Пушкина. Песня, видимо, состояла из двух частей, из которых целиком дана первая, а от второй сохранились три стиха.

126. Киреевский, Нов. сер., вып. II, ч. 2, № 2847.

127. Львов-Прач, № 78. 2-я половина XVIII в., запись Н. А. Львова. Повторяются все четные строки, кроме строк трехстиший: «Ты прими, ты прими... слово приветливое».

128. Иваницкий, № 201. Вологодская губ., Вологодский у., рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

129. Песни Печоры, № 261. Коми АССР, Нарьян-Марский р-н, 1956. Запись Н. П. Колпаковой. При пении каждый стих повторяется.

130. Шейн, № 342. Вологодская губ., Тотемский у., 2-я половина XIX в. «Наборная» песня. Запись Н. А. Иваницкого.

131. Зырянов-II, с. 135—136. Пермская обл., Красновишерский р-н, 1950 г. Запись И. В. Зырянова.

132. Иваницкий, № 515. См. коммент. к № 28.

133. Шейн, № 581. Тульская губ., Епифанский у., 1864 г. Запись П. В. Шейна. В 29 строке оригинала — «барин».

134. Песни пушкинских мест, № 71. Горьковская обл., Починковский р-н, 1970 г. Запись М. А. Лобанова. Повторяются стихи 1, 8, 13, 18—20.

135. ТФНО, № 132. Новгородская обл., Пестовский р-н, 1971 г. Припев поется дважды, после каждого двустишия. В концовке текст припева изменяется.

136. ЛН, с. 190. Нижегородская губ., Лукояновский у., 1833 г. Запись А. С. Пушкина.

137. Картыков, № 349. Вологодская губ., Кадниковский у. Рубеж 1910—1920-х гг. Запись П. А. Дилакторского. См. описание игровых действий хоровода в сб. Картыкова. Песня имеет поцелуйную концовку.

138. Иваницкий, № 191. См. коммент. к № 28.

139. Соболевский, т. 2, № 187. Уфимская губ., Мензелинский у., 1880-е гг. Запись Н. Е. Пальчикова.

140. Соболевский, т. 1, № 298. Начало 1820-х гг.

141. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1. Архангельская губ., г. Холмогоры. Отнесена Киреевским к свадебным, 1840-е гг. Запись А. Базилевского.

142. Соболевский, т. 2, № 15. См. примеч. к № 118.

143. ЛН, с. 314—315. Воронеж, 1830-е гг. Запись А. В. Кольцова. Повторяется каждая строка, кроме 1-й и 2-й в зачинах строф.

144. Там же, с. 188. Нижегородская губ., Лукояновский у., 1832 г. Запись А. С. Пушкина.

145. Иваницкий, № 464. См. коммент. к № 28.

146. Якушкин-I, № 34. Орловская губ., Малоархангельский у., 1843 г. Запись П. И. Якушкина. Припев повторяется после каждого двустишия. Первый стих третьей от конца строфы — реконструкция.

147. Львов-Прач, № 62. 2-я половина XVIII в. Запись Н. А. Львова. После каждой строки дважды исполняется припев «Лёй-ли-лёй» с повтором последнего слова предыдущей строки. Строки также повторяются, кроме первых четырех.

148. Соболевский, т. 3, № 96. Запись 2-й половины XVIII в.

149. Пропп, с. 390—392. Свердловская обл., г. Первоуральск, 1947 г. Пелось при инсценировке уральской свадьбы. В припеве повторяется второй стих каждой строфы.

150. Соболевский, т. 4, № 31. См. коммент. к № 49.

151. Красноярские песни, вып. 2, № 59. Красноярский край, Енисейский р-н, 1957 г. Песня «вечерочная, проходяча». Ходили «восьмеркой».

152. Соболевский, т. 5, № 436. Кубанская обл. Запись 1880-х гг. В припеве к четным строкам эти строки повторяются. Ср. № 23.

153. Котикова, № 82. Псковская обл., Старый Изборск, 1946 г. Запись Н. Л. Котиковой. В припевах после двустрочий — повтор четных строк. Ср. вариант — № 316.

154. Соболевский, т. 2, № 577. Вятская губ., г. Елабуга, 1852 г. «Хороводная» песня. Припев повторяется после каждого стиха.

155. Руднева А. Народные песни Курской области. М., 1957, № 18, с. 67. Курская обл., Дмитриевский р-н, 1954 г. Запись под руководством А. В. Рудневой. Песня исполнялась обычно на масленицу. В пении первый стих каждой строфы повторяется. В 17 и 19 строках переставлены местами эпитеты «литовского» и «турецкого». «В ворот» означает: «у ворот».

156. Соболевский, т. 2, № 602. См. коммент. к № 49.

157. Шейн, № 833. Тверь, 1859 г. Нечетные строфы исполнялись запевалой, четные — хором. Запись П. В. Шейна.

158. Красноярские песни, № 77. См. коммент. к № 80. Песня «хороводная».

159. Соболевский, т. 2, № 644. Вятская губ., 1870-е гг. Запись Н. Абрамычева. Первая половина каждого стиха повторяется дважды, а также повторяется и весь стих.

160. Якушкин-I, № 166. Орловская губ., Малоархангельский у., 1843—1844 г. Запись П. И. Якушкина и Н. А. Кострова. Хороводная песня.

161. Соболевский, т. 2, № 636. Пермская губ., Красноуральский у. Запись 1880-х гг. Первое полустишие повторяется дважды, повторяется и каждый стих.

162. Соболевский, т. 3, № 109, 1-я треть XIX в. Запись Д. Кашина. После каждого двустишия припев: «Ай, люли, люли, люли» с повтором четного стиха.

163. Якушкин-I, № 59. Орловская губ., 1843—1844 гг. Запись П. И. Якушкина.

164. ЛН, с. 568. Орловская губ., 1848—1851 гг. Запись А. В. Марковича. Припев после каждого стиха повторяет его концовку в четыре слога.

165. Шейн, № 450. Псковская губ., 2-я половина XIX в. Запись М. И. Семевского. Припев — после каждого двустишия.

166. Зырянов-II, с. 155—157. Пермская обл., Чернушинский р-н, 1973 г. Запись И. В. Зырянова.

167. Соболевский, т. 2, № 611. Самарская губ., Ставропольский у.,

1860-е гг. Запись М. А. Балакирева. Второй куплет повторяет первые шесть строк песни, третий и четвертый повторяют первые четыре строки.

168. Иваницкий, № 402. См. коммент. к № 28.

169. Соболевский, т. 2, № 388. Алтай, 1830-е гг. Запись С. И. Гуляева. «Круговая» песня.

170. НППК, № 238, Пермская обл., Чернушинский р-н, 1958—1963 гг. Запись Ежикова.

171. Зырянов-II, с. 209—210. Пермская обл., Чайковский р-н, 1978 г. Запись И. В. Зырянова.

172. Новикова, с. 327. Воронежская обл., 1936 г. Запись А. М. Новиковой. Припев повторяется после каждого двустишия.

173. Иваницкий, № 523. См. коммент. к № 128.

174. Чулков, ч. 3, № 164. См. коммент. к № 44.

175. Шейн, № 922. Рязанская губ., Данковский у., 2-я половина XIX в. Запись П. В. Шейна.

176. Там же, № 923. Владимирская губ., г. Шуя, 2-я половина XIX в.

177. Пропп, с. 223—224. Вологодская обл., Чебсарский р-н, 1953 г. Каждое двустишие повторяется.

178. Зырянов-I, № 191. Пермская обл., Чердынский р-н, 1959 г. Запись И. В. Зырянова. Припев повторяется через два стиха.

179. ПФМ, № 91. Архангельская обл., Лешуконский р-н, 1958 г. Запись Н. П. Колпаковой. Стихи 5—10 в пении повторяются.

180. Мехнецов, № 119. Вологодская обл., Тотемский р н, 1975 г. Песня сопровождала игру «Кисель»: «на святках два ряда друг к другу ходили». Припев — после каждого стиха.

181. Зырянов-II, с. 219—220. Пермская обл., Чайковский р-н, 1968 г. Запись И. В. Зырянова.

182. ПФМ, № 112. Архангельская обл., Мезенский р-н, 1958 г. Запись В. В. Митрофановой. В строках 7, 31, 55 исправлено «на двор», вместо «на дом».

183. Шейн, № 449. Тверская губ., Тверской у., 1859 г. Игра, в которой посреди круга — девушка, изображающая куму. Песня-диалог между кумой и хором. (Ср. там же № 448). Запись П. В. Шейна.

184. Песни Печоры, № 263. Коми АССР, Нарьян-Марский р-н, 1956 г. Запись Н. П. Колпаковой. В хороводе прежде девушка наряжала «селезня».

185. Мехнецов, № 121. Вологодская обл., Нюксеницкий р-н, 1975 г. При пении ходили рядами.

186. Шейн, № 1010. Тульская губ., Епифаньевский у., 2-я половина XIX в. Запись П. В. Шейна.

187. Мехнецов, № 118. Вологодская обл., Тотемский р-н, 1974 г. Песня-игра.

188. Львов-Прач, № 43. 2-я половина XVIII в. Запись Н. А. Львова. Все стихи, кроме первого и последнего, пелись дважды.

189. Иваницкий, № 614. См. коммент. к № 28.

190. Курганов Н. Письмовник. 6-е изд., ч. 2. СПб., 1796. Присовокупление V, с. 63. Середина XVIII в. Песня, возможно, литературного происхождения.

191. ТФНО, № 237. Новгородская обл., Волотовский р-н, 1974 г.

192. Зырянов-II, с. 225. Пермская обл., Чернушинский р-н, 1971 г. Запись И. В. Зырянова. Структура песни показана на образце первой строфы.

193. Иваницкий, № 469. Вологодская губ., рубеж 1870—1880-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ЛЮБОВНАЯ, СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, ПОТЕШКИ, ПРИБАУТКИ

194. Чулков, ч. 2, № 144. 2-я половина XVIII в.

195. Львов-Прач, № 2. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

196. Соболевский, т. 5, № 595. В пении четные строки повторялись. 1840-е гг. Запись П. И. Якушкина.

197. Чулков, ч. 1, № 177. 2-я половина XVIII в.

198. Соболевский, т. 2. № 43. 2-я половина XVIII в. *Милютин* — хозяин шелково-ленточной мануфактуры, открытой в 1738 г. в Петербурге.

199. Львов-Прач, № 7. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

200. Соболевский, т. 5. № 106. Пермская губ., Соликамский у., 1880-е гг. Запись Ф. Панаева. В 1-й строке «Нижнего» исправлено на «Нижня».

201. Пропп, с. 142—143. Рыбинск, 1870—1880-е гг. Запись Н. М. Лопатина.

202. Иваницкий, № 79. Вологодская губ., 1880—1890 гг. Запись Н. А. Иваницкого.

203. Львов-Прач, № 12. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

204. Красноярские песни, № 50. Красноярский край, Енисейский р-н, 1957 г. Запись С. Кондратьевой и В. Каликина.

205. Соболевский, т. 2, № 205. Тамбовская губ., Моршанский у., рубеж 1870—1880-х гг. Запись Н. М. Лопатина.

206. Терские войсковые ведомости, 1868, № 52. Терская обл., 1860-е гг. Запись д-ра Головинского.

207. Соболевский, т. 5, № 73. Запись начала XIX в.

208. Там же. 1840-е гг. Запись П. И. Якушкина.

209. Якушкин-I, № 150. Орловская губ., Малоархангельский у., 1843—1844 гг. Запись П. И. Якушкина и Н. А. Кострова.

210. Пропп, с. 172. Архангельская губ., Мезенский у., 1860-е — начало 1870-х гг. Запись П. С. Ефименко.

211. Иваницкий, № 119. Вологодская губ., Никольский у., 1880-е — начало 1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

212. Чулков, ч. 2, № 168. 2-я половина XVIII в.

213. Там же, № 176. См. коммент. к № 212.

214. Пропп, с. 150. Конец XIX в. Запись Е. Э. Линевой.

215. 40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. М., 1882, № 15. Тверская губ., Ржев, 2-я половина XIX в. Запись Т. И. Филиппова.

216. Иваницкий, № 48. Вологда, рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

217. Шейн, № 762. Екатеринославская губ., Александровский у., 2-я половина XIX в. Запись И. И. Манжуры.

218. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. № VII, Тифлис, 1889, отд. 1, с. 80—81. Терская обл., Кизлярский округ, ст. Бороздинская, 1880-е гг. Запись Е. Бутовой.

219. Пропп, с. 145. Казанская губ., Чебоксарский у., 1870-е гг. Запись В. Магнитского.

220. Акимова, № 80. Саратовская обл., Базарно-Карабулакский р-н, 1925 г. Запись В. В. Племянниковой.

221. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2624. Запись 2-й трети XIX в.

222. Шейн, № 797. Рязанская губ., Данковский у., конец 1860-х гг.

223. Чулков, ч. 1, № 143. 2-я половина XVIII в.

224. Новикова, с. 185—186. Тульская обл. Запись А. М. Новиковой.

225. Устьянские песни, вып. 2. Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. (Рукопись). Вологодская обл., Устьянский р-н, 1978. Запись А. М. Мехнецова.

226. Пропп, с. 139—140. Воронежская губ., рубеж 1840—1850-х гг.

227. Там же, с. 139. См. коммент. к. № 226.

228. Чулков, ч. 1, № 178. 2-я половина XVIII в.

229. Львов-Прач, № 61. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

230. Иваницкий, № 290. См. коммент, к № 202.

231. Пропп, с. 125. 1-я треть XIX в. Запись Д. Кашина.

232. Киреевский, Нов. сер., вып. 1, № 972. Из сб.: Веселая Эрата на русской свадьбе, или новейшее и полное собрание всех доныне известнейших свадебных ста тридцати трех песен, употребительных как в столицах, так и в других городах. М., 1801, № 119.

233. Пропп, с. 113. Башкирская АССР, Карандельский р-н, 1950-е гг.

234. Там же, с. 113. Кубанская обл., Кавказский у., 1880-е гг.

235. Новикова, с. 213—214. 1840-е гг. Запись П. И. Якушкина.

236. Там же, с. 213. Колыма, 1890-е гг. Запись В. Г. Богораза.

237. Кохановская. Несколько русских песен.— Русская беседа, 1860, № 1, с. 103. Курская губ., Старо-Оскольский у., 1850-е гг. Запись Кохановской (Н. С. Соханской).

238. Новикова, с. 207—208. Новгородская губ., конец XIX в. Запись Е. Э. Линевой.

239. Парилов И. Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1947, с. 156. Томская обл., 1940-е гг. Запись И. Г. Парилова.

240. Варенцов, с. 57. Самарская губ., 1850-е гг. Запись В. И. Варенцова.

241. Песни пушкинских мест, № 58. Горьковская обл., Варнавинский р-н, 1971 г. Запись М. А. Лобанова.

242. Иваницкий, № 178. Вологодская губ., Вологодский у., рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

243. Там же, № 175. См. коммент. к № 242.

244. Соболевский, т. 5. № 81. Воронежская губ., Бобровский у., 1881 г. Запись С. Н. Прядкина. В 3-й строке оригинала «здесь-тут» — явно из «здесь-ту» (здесь-то).

245. Иваницкий, № 168. Вологодская губ., рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

246. Банин, № 19. Запись А. А. Банина. Припев повторяется после каждого двустишия.

247. Иваницкий, № 164. Вологодская губ., Грязовецкий у., рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

248. ЛН, с. 196—197. Псковская губ., 1820—1830-е гг. Запись А. С. Пушкина.

249. Красноярские песни, № 117. Красноярский край, Шушенский р-н, 1957. Запись Э. Еремеевой.

250. Иваницкий, № 128. См. коммент. к № 242.

251. Там же, № 103. См. коммент. к № 245.

252. Там же, № 81. См. коммент. к № 245.

253. Там же, № 65. См. коммент. к № 245.

254. Там же, № 63. См. коммент. к № 245.

255. Там же, № 55. См. коммент. к № 245.

256. Там же, № 51. См., коммент. к № 242.

257. Там же, № 39. Вологодская губ., Сольвычегодский у., 1880-е гг. Запись Н. А. Иваницкого.

258. Там же, № 34. См. коммент. к № 242.

259. Там же, № 27. Вологодская губ., Вологодский у., 1880-е гг. Запись Н. А. Иваницкого.

260. Там же, № 26. См. коммент. к № 245.

261. Там же, № 24. См. коммент. к № 245. Ср. вариант № 31.

262. Там же, № 23. См. коммент. к № 245.

263. Там же, № 19. См. коммент. к № 242.

264. Там же, № 13. См. коммент. к 242.

265. Там же, № 3. См. коммент. к № 245.

266. Львов-Прач, № 64. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

267. Там же, № 47. См. коммент. к № 266.

268. Там же, № 18. См. коммент. к № 266.

269. Иваницкий, № 104. См. коммент. к № 216.

270. Там же, № 120. См. коммент. к № 245.

271. Там же, № 123. См. коммент. к № 245. Собиратель отмечал повсеместное распространение песни в Вологодской губ.

272. Там же, № 133. См. коммент. к № 245.

273. Там же, № 147. См. коммент. к № 242.

274. Там же, № 148. См. коммент. к № 245.

275. Там же, № 153. См. коммент. к № 242.

276. Там же, № 155. Вологодская губ., 1880-е гг. Запись Н. А. Иваницкого.

277. Там же, № 160. См. коммент. к № 242.

278. Там же, № 189. См. коммент. к № 245.

279. ЛН, с. 618, № 31. Орловская губ., 1830-е гг. Запись П. В. Киреевского.

280. Соболевский, т. 3, № 437. Запись конца XVIII в.

281. Белоусов А. Ф., Макашина Т. С., Митропольская Н. К. Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, № 42. Литовская ССР, Молетский р-н, 1965 г. Запись Р. Чепиковой и Г. Михнян.

282. Соболевский, т. 2, № 422. Олонецкая губ., 1860-е гг.

283. Там же, № 170. Конец XVIII в.

284. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1287. Архангельская губ., г. Шенкурск, 1-я половина XIX в.

285. Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949, № 52. Свердловская обл., Егоршинский р-н, 1944—1948 гг. Запись Н. А. Куштума.

286. Шейн, № 1197. 2-я половина XIX в.

287. Пропп, с. 310. 1930-е — начало 1940-х гг.

288. Соболевский, т. 3, № 56. Орловская губ., Малоархангельский у., 1840-е гг. Запись П. И. Якушкина.

289. Соболевский, т. 3, № 31. Саратовская губ., 1850-е гг. Запись А. Н. Мордовцевой (Пасхаловой) и Н. И. Костомарова. Ср. № 327.

290. Чулков, ч. 1, № 158. 2-я половина XVIII в.

291. Соболевский, т. 3, № 61. Ярославская губ., начало 1890-х гг.

292. Русское народное творчество в Башкирии. Уфа, 1957, № 119. Башкирская АССР, Кигинский р-н, 1950-е гг. Запись М. Сабининой и В. Эдельштейн. Каждый стих повторяется в пении.

293. Демократическая поэзия XVII века. Б-ка поэта. Большая серия, 2-е изд. Подготовка текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1962, с. 110. Запись 1699 г. По данным А. П. Евгеньевой — из Южной Руси.

294. Соболевский, т. 7, № 136. Запись рубежа XVIII—XIX ст. Припев повторяется через два стиха.

295. Песни Печоры, № 172. Коми АССР, Нарьян-Марский р-н, 1956 г. Запись Н. П. Колпаковой.

296. Соболевский, т. 3, № 484. Уфимская губ., Мензелинский у.,

1880-е гг. Запись Н. Е. Пальчикова. После каждого стиха повторяются с возгласом «Эх» последние одно или два слова стиха.

297. Фольклор и литература Сибири, вып. 2. Омск, 1975, с. 41—42. Омская обл., Знаменский р-н, 1973 г. Запись Н. Матвеевой.

298. Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837, № 5, с. 99. Иркутская губ., 1830-е гг. Запись Е. А. Авдеевой. Песня отнесена к числу «свадебных».

299. Там же, № 4, с. 98—99. См. предыдущий коммент.

300. Кохановская. Остатки боярских песен.— Русская беседа, 1860, № 2, с. 127. См. коммент. к № 237.

301. Чулков, ч. 1, № 150. 2-я половина XVIII в. Ср. № 320.

302. ЛН, с. 195. По-видимому, Псковская губ., 1820-е гг. Запись и литературная обработка А. С. Пушкина. В последнем стихе вероятное чтение: «со постылой со женою».

303. Иваницкий, № 182. См. коммент. к № 242.

304. Там же, № 126. См. коммент. к № 245.

305. Там же, № 109. См. коммент. к № 257.

306. Львов-Прач. № 48. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова. В 6-м от конца стихе в оригинале: «сизов».

307. Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952, с. 292—293. Алтай, 1830—1850-е гг. Запись С. И. Гуляева.

308. Вологодский фольклор. Народное творчество Сокольского р-на, Сост. И.В.Ефремова. Вологда, 1975, с. 180—181. Вологодская обл., г. Кадников, 1970-е гг. Запись И. В. Ефремова. Вариант концовки 4-го стиха: «с месяц не пила».

309. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В. Н. Серебренников. Пермь. 1964, с. 269.

310. Львов-Прач, № 39. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

311. Иваницкий, № 108. См. коммент. к № 202.

312. Там же, № 112. См. коммент. к № 202.

313. Соболевский, т. 3, № 112. Курская губ., Щигровский у., 1870—1880-е гг. Запись М. Г. Халанского. Хороводная песня.

314. Иваницкий, № 115. См. коммент. к № 202.

315. Там же, № 205. См. коммент. к № 202.

316. Там же, № 207. См. коммент. к № 242. Ср. вариант № 153.

317. Там же, № 210. См. коммент. к № 242.

318. Красноярские песни, № 114. Красноярский край, Иланский р-н, 1957 г. Запись А. Голунковского и Д. Котляр. Каждое двустрочие, кроме первого и последнего, повторяется.

319. Иваницкий, № 211. См. коммент. № 242.

320. Там же, № 219. См. коммент. к № 202. Ср. № 301.

321. Там же, № 224. См. коммент., к № 202.

322. Соболевский, т. 3, № 224. 1890-е гг. Запись К. Вильбоа.

323. Иваницкий, № 233. См. коммент. к № 242. Ср. № 100.

324. Соболевский, т. 3, № 526. Тамбовская губ., 1880-е гг. Запись В. М. Орлова и Е. П. Якубенко. После каждого стиха следует «Эх да» и повторяется последнее слово стиха.

325. Иваницкий, № 239. См. коммент. к № 242.

326. ЛН, с. 420, № 44. Рязанская губ., Данковский у., 1847 г. Запись П. И. Якушкина.

327. Там же, с. 509—510. Конец 1810-х гг. Запись А. Х. Востокова. В 30-й строке оригинала: «натравливат». Ср. № 289.

328. Там же, с. 556—557. Симбирская губ., 1841—1850 гг. Запись Д. П. Ознобишина.

329. Соболевский, т. 3, № 197. Новгород, начало 1850-х гг.

330. Там же, т. 5, № 271. Терская обл., 1880-е гг.

331. Там же, т. 3, № 214. См. коммент. к № 282.

332. Новикова, с. 217. Оренбургская губ., 1900 — 1913 гг. Запись Ф. Н. Баранова.

333. Простонародные песни Нерчинского округа.— Финский вестник, 1847, № 7, Смесь, с. 24. Забайкалье, 1840-е гг. Запись И. А. Юренского. Песня русских старожилов-засельщиков Сибири, перенятая ссыльнопоселенцами.

334. Кирша Данилов, № 55.

335. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 9, № 447. Тверская губ., Бежецкий у., 1927 г. Запись Н. М. Элиаш.

336. ТФНО, № 255. Новгородская обл., Пестовский р-н, 1968 г.

337. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 9, № 66. Ленинградская обл., Лодейнопольский у., 1928 г. Запись Н. М. Элиаш.

338. Там же, № 67. См. коммент. к № 337.

339. Там же, № 96. Архангельская обл., Шенкурский у., 1860-е гг. Запись П. С. Ефименко.

340. ТФНО, № 275. См. коммент. к № 336.

341. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 9, № 126. Близ Красноярска, 1908 г. Запись М. В. Красноженовой.

342. Пропп, с. 402. Бурят-Монгольская АССР, Баргузинский аймак, 1930-е гг. Запись А. В. Гуревича и Л. Е. Элиасова.

343. Шейн, № 4. Смоленская губ., Духовщинский у., 2-я пол. XIX в. Запись Ю. А. Соловцовой.

344. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 9, № 49. Ленинградская обл., Лодейнопольский у., 1928 г. Запись Н. М. Элиаш.

345. Шейн, № 31. Рязанская губ., Зарайский у., 1860—1861 гг. Запись И. А. Худякова. В варианте Тверской губ. после 2-й строки следовало: «Сколочу тебе гробок/Из дубовых досок». После 4-й: «Бабушка старушка!/ Отрежь полотенце/Накрыть младенца!» (там же, коммент.).

346. ЭО, 1915, № 1—2, с. 121. Владимирская губ., Судогский у., 1911—1913 гг. Запись Г. К. Завойко.

347. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 9, № 218. Тверская губ., Ржевский у., 1926 г. Запись П. М. Александровой.

348. Озаровская О. Э. Пятиречие. Л., 1931, с. 345.

349. ИРЛИ, р. V, кол. 69. п. 9, № 573. Вологодская губ., Вельский у., 1925 г. Запись Е. И. Поповой.

350. Фольклор Московской области, с. 38. Московская обл., б. Богородский у., 1977 г. Запись экспедиции МГПИ.

351. Крупянская и Полищук, с. 283. Свердловская обл., г. Нижний Тагил, 1930-е гг. Запись А. П. Бондина.

352. Там же, с. 284. См. коммент. к № 351.

353. Фольклор Московской обл., с. 39. Московская обл., 1962—1964 гг. Запись Г. М. Науменко.

354. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 9, № 76. Вологодская обл., Тотемский у., 1924 г.

355. Там же, № 77. Близ Красноярска, 1928 г. Запись М. В. Красноженовой.

356. Там же, № 151. Тверская губ., Весьегонский у., 1927 г. Запись Т. М. Ломаченковой.

357. Там же, № 166. См. коммент. к № 356.

358. Фольклор Московской области, с. 43. Московская обл., Щелковский р-н, 1976 г. Запись МГПИ.

359. Там же, с. 40. Московская обл., Загорский р-н, 1974 г. Запись МГПИ.

360. Там же, с. 57. Московская губ., Дмитровский у., 1916 г. Запись Д. И. Аракчиева.

361. ИРЛИ, р. V, кол. 69. п. 4, № 20. Псковская губ., Порховский у., Запись М. Лихачева.

362. Шейн, № 203. 2-я половина XIX в. Запись Г. Н. Потанина.

363. Там же, № 33. Тульская губ., 2-я половина XIX в.

364. Там же, № 58. Москва, 2-я половина XIX в. Запись И. Паульсона.

365. Там же, № 149. Владимирская губ., 2-я половина XIX в. Поют дети, посадив улитку на ладонь.

366. Там же, № 104. Новгородская губ., г. Старая Русса. 2-я половина XIX в. Запись А. А. Северикова.

367. Варенцов, с. 12—13, № 9. Самарская губ. 1860-е гг.

368. Шейн, № 42, г. Москва, 2-я половина XIX в. Запись П. В. Шейна.

369. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 4, № 127. Вологодская губ., Тотемский у., 1925 г.

370. Шейн, № 53, г. Москва, 2-я половина XIX в. Запись П. В. Шейна.

371. Там же, № 110, г. Москва, 2-я половина XIX в. Запись П. В. Шейна.

372. Там же, № 86, г. Москва, 2-я половина XIX в. Запись А. Н. Островского.

373. Иваницкий, № 605. См. коммент. к № 216.

374. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 4, № 95. Вятская губ., г. Яренск, 1920-е гг.

375. Там же, № 105 (2).

376. Иваницкий, № 607. См. коммент. к № 202.

377. ИРЛИ, р. V, кол. 69, п. 4, № 88. Новгородская губ., г. Старая Русса, 1924 г. Запись М. М. Серовой.

378. Там же, № 91. Архангельская губ., Сумской Посад, 1926 г.

379. ЖС, 1901, вып. 1, с. 118. Ярославская губ., Пошехонский у., 1890-е гг. Запись А. Балова.

РАЗБОЙНИЧЬИ, УДАЛЫЕ ПЕСНИ

380. Чулков, ч. 1, № 131. Конец XVIII века.

381. Современник, 1861, № 5, с. 193. Орловская губ.

382. Чулков, ч. 2, № 148. Конец XVIII в.

383. Языковы-I, № 169. Оренбургская губ., Уфимский у., 1830-е гг. Запись А. М. Языкова. Варианты песни стали эпиграфами к роману-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» (кн. I, III).

384. ЛН, с. 562—563. Тульская губ., Белевский у., 1839 г. Запись К. Д. Кавелина.

385. Пропп, с. 110. Саратовская губ., 1840-е гг. Предположительно: запись Абутина. Вариант концовки см.: Пропп, с. 14.

386. Васнецов, № 116. Вятская губ., 1868—1894 гг. Запись А. Васнецова.

387. Якушкин-I, № 272. Калужская губ., Лихвинский у., 1845—1846 гг. Запись П. И. Якушкина.

388. Соболевский, т. 6, № 535. Сибирь. Конец 1860 — начало 1870-х гг. Запись С. В. Максимова.

ПЕСНИ О КРЕПОСТНОЙ ДОЛЕ

389. Акимова, № 32. Саратовская обл., Балтайский р-н, 1926 г. Запись Ф. О. Соскиной.

390. Киреевский, Нов. сер., вып. II, ч. 2, № 2372. Симбирская губ., Симбирский у.

391. Соболевский, т. 6, № 574. Тверская губ., конец 1850 — начало 1860-х гг.

392. Киреевский, Нов. сер., вып. II, ч. 2, № 2676.

393. Крепостное право в народных песнях из собрания П. В. Шейна. Русская старина, 1866, № 3, с. 672. Тверская губ., 2-я половина XIX в. Запись А. К. Жизневского.

394. Якушкин-I, № 586. Предположительно — Рязанская губ., конец 1840-х гг. Запись П. И. Якушкина.

395. Пропп, с. 106. Псковская губ., Псковский у., 1862 г. Известен вариант 1953 г. из Псковской обл. «Разоренная наша деревня» (Котикова, № 7).

396. Иваницкий, № 285. Вологодская губ., начало 1880-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

397. ЛН, с. 621, № 37. Московская губ., 1833. Запись П. В. Киреевского. В последней строке исправлена ошибка записи: «клобучок» вместо «каблучок».

398. Пропп, с. 397. Ярославская обл., Угличский р-н, 1956 г.

399. Львов-Прач, № 128. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова. Припев повторяет последнее слово каждой строки.

400. Иваницкий, № 516. См. коммент. к № 245.

401. Васнецов, № 129. О записи см. коммент. к № 386. Припев «Да, э-э-э, э-ох!» — по словам собирателя, «повторяется после каждого стиха»; «пономаря изображает весь хоровод». Девушка или женщина, стоящая в кругу, «изображает старицу, при последних словах пляшет». В строках 16 и 17 слова «болят» и «мозжат» переставлены, как в дальнейших случаях.

ВОЕННО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА

402. Демократическая поэзия XVII века. Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд. М.— Л., 1962, с. 105—106. Подготовка текста и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. Запись 1619—1620 гг. Песня служилых людей.

403. Варенцов, с. 189—192. Самарская губ., 1860-е гг.

404. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III. Петрозаводск, 1864, с. 460, № 13—14. Архангельская губ., Петрозаводский у., 1850-е гг. Запись П. Н. Рыбникова.

405. Соболевский, т. 6, № 50. Саратовская губ., 1830-е гг. Запись А. Ф. Леопольдова.

406. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 2, с. 189.

407. Языковы-I, № 173. Симбирск, конец 1830-х гг. Запись Д. А. Валуева.

408. Якушкин-I, № 574. По-видимому, Рязанская губ., конец 1840-х гг. Запись П. И. Якушкина. В оригинале сильно выражено «аканье», 3-е л. ед. ч. глаголов обозначено: «засыхая, подмывая, подъедая».

409. Там же, № 38. Орловская губ., Малоархангельский у. Запись П. И. Якушкина.

410. Соболевский, т. 3, № 587. 2-я половина XVIII в.

411. Иваницкий, № 248. См. коммент. к № 242.

412. Там же, № 252. См. коммент к № 242.

413. Там же, № 255. См. коммент. к № 242.

414. Языковы-I, № 152. Симбирская губ., Симбирский у., 1830-е гг. Запись Н. М. Языкова.

415. Чулков, ч. 3, № 167. 2-я половина XVIII в. В оригинале 13-я строка читается: «Младых детушек».

416. Языковы-I, № 181. Симбирская губ., Симбирский у., 1830-е гг. Запись А. М. Языкова. В строке 8-й исправление: «Она от того-то» (вместо «Не от того-то») по образцу 3-й строки.

417. Зялёныя моя вишенка. Собрание песен липован, проживающих в Румынии. Сост. Михаил Маринеску. Бухарест, 1978, № 306. Румыния, Сучавский у., 1972 г. Запись М. Маринеску.

418. ЛН, с. 193—194. По-видимому, Псковская губ., 1824—1826 гг. Запись А. С. Пушкина.

419. Языковы-I, № 194, Симбирская губ., 1830-е гг. Запись Н. М. Языкова.

420. Пропп, с. 450. Оренбургская губ., 1830—1840-е гг. Из архива П. В. Киреевского.

421. Там же, с. 453. Приуралье, 1880-е гг. Запись С. М. Пономарева.

422. Варенцов, с. 216—218. Самарская губ., начало 1860-х гг. Структура припева с подхватом последнего слова повторяется в каждой строфе.

423. Языковы-I, № 200. Симбирская губ., Симбирский у., 1830-е гг. Корреспонденты Языковых. В строке 12 восстановлено по вариантам слово «ружья». Принята иная разбивка текста на стихи.

424. Лопатин и Прокунин, № 103. Песня — «из излюбленнейших» во всей русской армии 2-й половины XIX в. (там же, с. 252). Записана на рубеже 1870—1880-х гг. Н. М. Лопатиным.

425. Зырянов II, с. 172—174. Пермская обл., Чернушинский р-н, 1973 г. Запись И. В. Зырянова. В припеве повторяется каждая четная строка.

426. Соболевский, т. 6, № 384.

427. Чулков, ч. 3, № 81. 2-я половина XVIII в.

428. Соболевский, т. 6, № 3. Обл. Войска Донского, 1-й Донской округ, начало 1880-х гг. Запись И. А. Сальникова. Песня послужила эпиграфом к I—II кн. романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон».

429. Якушкин-I, № 357. Московская губ., Зарайский у., 1846 г. Запись П. И. Якушкина.

430. Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, № 618. Новгородская губ., Белозерский у., 1910-е гг. Зап. Б. и Ю. Соколовых.

431. Картыков, № 29. Вологодская губ., Орловский у., начало 1890-х гг.

432. Языковы-I, № 206. Симбирская губ., 1830-е гг. Запись А. М. Языкова.

433. Там же, № 209. Симбирская губ., Карасунский у., 1830-е гг. Запись А. М. Языкова.

434. Там же, № 150. Оренбургская губ., Уфимский у., 1830—1840-е гг.

435. Пропп, с. 337. Тамбовская губ., Моршанский у., рубеж 1870—1880-е гг. Запись Н. М. Лопатина.

436. Языковы-I, № 140. Симбирская губ., Сызранский у., 1830-е гг.

437. Догадин А. А. Былины и песни астраханских казаков, вып. 1. Астрахань, 1911, № 93. Астраханская губ., Александро-Невская станица. Запись А. А. Догадина. Песня делилась на четырехстрочные куплеты. Первый стих куплета запевался запевалой, прочие пелись хором.

438. Устьянские песни, вып. 1. Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983, № 4. Вологодская обл., 1978 г. Запись А. Мехнецова.

439. Львов-Прач, с. 64. Конец XVIII в. Запись Н. А. Львова.

440. Киреевский, Нов. сер., вып. 2, ч. 1, № 1263. Архангельская губ., г. Мезень, 2-я четверть XIX в.

441. Акимова, № 46. Саратовская обл., Ново-Бурасский р-н, 1923 г.

442. Языковы-I, № 145. Симбирская губ., Симбирский у., 1838 г. Запись П. М. Языкова.

443. Там же, № 161. Симбирская губ., Симбирский у., 1830-е гг. Запись Н. М. Языкова.

ПЕСНИ НЕВОЛИ, КАТОРГИ

444. Руднева А. Народные песни Курской области. М., 1957, № 31, с. 89. О записи см. примечание к № 155. Песня считалась бурлацкой, пелась по праздникам в компании.

445. Соболевский, т. 6, № 461. Из рукописного сборника бывшей Имп. публичной библиотеки (запись XVIII в.). Каждый стих повторяется.

446. Максимов С. В. Сибирь и каторга, т. 1, СПб., 1871 г., с. 387. Сибирь, 1860-е гг. Запись С. В. Максимова.

447. Соболевский, т. 6, № 402. Саратовская губ., Аткарский у., рубеж 1870—1880 г.

448. Чулков, ч. 1, № 136, 2-я половина XVIII в.

449. Максимов С.В. Сибирь и каторга, с. 392. См. коммент. к № 446.

450. Песни Печоры, № 169. Коми АССР, Нарьян-Марский р-н, 1956 г. Запись Н. П. Колпаковой. Каждая строка повторяется.

451. Иваницкий, № 281. Вологодская губ., Сольвычегодский у., рубеж 1880—1890-х гг. Запись Н. А. Иваницкого.

452. Языковы-I, № 356. Симбирская губ., Сызранский у., с. Головино, 1838 г. Запись П. М. Языкова.

453. Красноярские песни, № 105. Красноярский край, Ермаковский р-н, 1957 г. Запись Э. Еремеевой.

ЯМЩИЦКИЕ, БУРЛАЦКИЕ, ТРУДОВЫЕ АРТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

454. Соболевский, т. 1, № 345. Орловская губ., Елецкий у., рубеж 1870—1880-х гг. Запись Н. М. Лопатина. Редакция текста Соболевского.

455. Чулков, ч. 1, № 165, 2-я половина XVIII в.

456. Там же, № 188. См. коммент. к № 14.

457. Акимова, № 64. Саратовская обл., Хвалынский р-н, 1920 г. Запись студентов под руководством Б. М. Соколова.

458. Балакирев М. А. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано. М., 1957, № 19, с. 52. Рязанская губ., 1-я половина 1860-х гг. Запись М. А. Балакирева.

459. Львов-Прач, с. 88. Последняя четверть XVIII в. Запись Н. А. Львова.

460. Соболевский, т. 4, № 59. Симбирская губ., Симбирский у., 1830-е гг

461. Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт., т. 27. М., 1953, с. 397. Нижегородская губ., 1870-е гг. Разбивка строк — по изд.: Пропп, с. 565.

462. Пропп, с. 412.

463. Пропп, с. 412—413. Нижний Новгород, 1890-е гг. Запись Е. Э. Линевой от симбирских крючников.

464. Банин, № 110, с. 160. Симбирская губ., г. Сенгилей, 1901 г. Запись А. Л. Маслова.

465. Там же, № 132, с. 177. Орловская губ., Болховский у. Бытовала в конце XIX — начале XX в. Запись С. А. Кондратьева. Артельная песня забивальщиков свай. Припев повторяется после каждого двустишия.

466. Там же, № 145, с. 188. Орловская (?) губ., 1900 г. Запись А. А. Оленина от окских лямочников. Припев повторяется после каждого двустишия.

ПЕСНИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

467. ЛН, с. 635. 1-я половина XIX в. Запись П. В. Киреевского.

468. Красноярские песни. Красноярский край, Енисейский р-н, 1957 г. Запись С. Кондратьевой и В. Каликина.

469. Иваницкий, № 289. Вологодская губ., Грязовецкий у., 1880-е гг. Запись Н. А. Иваницкого.

470. Соболевский, т. 6, № 553. Запись конца XVIII в. От слов «Как у нас было, ребята» — контаминация с другой песней.

471. Пропп, с. 484—485. Московская губ., Звенигородский у., 1-я половина XIX в. Запись П. В. Киреевского.

472. Пропп, с. 485—486. Иркутская губ., 1890-е гг. Запись В. И. Семевского.

473. Пропп, с. 488. Томская губ., Алтайский окр., начало 1880-х гг. Запись Л. П. Блюммера.

474. Пропп, с. 489. Свердловск, 1936 г. Запись В. П. Бирюкова.

475. Пропп, с. 492—493. Урал, 1935 г. Запись Ю. А. Самарина.

476. Пропп, с. 490—496. Томск, 1870-е гг. Запись С. И. Турбина.

477. Пропп, с. 496. Свердловск, 1930-е гг. Запись В. П. Бирюкова.

478. Пропп, с. 496—497. Ростовская обл., Шахтинский р-н, 1930-е гг. Запись Ал. Ионова.

479. Пропп, с. 497—498. См. коммент. к № 478.

480. Пропп, с. 500—501. Свердловск, 1930-е гг. Запись В. П. Бирюковым песни 1909—1910 гг. из г. Кизела.

481. Успенский Г. И. Собр. соч. в 9-ти т., т. 8. М., 1957, с. 564. Южная Россия, 1880-е гг. Запись С. З. Витьбина.

482. Соболевский, т. 6, № 563. После каждого двухстрочия повторяются припев и последняя строка.

483. Пропп, с. 499. Челябинская обл., г. Белорецк, 1946 г.

484. Пропп, с. 501. Ленинград, начало 1930-х гг. Запись А. М. Астаховой и П. Г. Ширяевой. Песня исполнялась в 1900-е гг. на заводах и фабриках столицы. Создана на основе солдатских песен. Охта — река и заводской район Петербурга.

485. Пропп, с. 504—505. Нижний Тагил Свердловской обл., 1930 г. Запись Ю. А. Самарина. Песня, по преданию, сложена на Урале в 1907 г. политическим ссыльным. «Важгин» — управляющий рабочими артелями на демидовских заводах. «Павлуха» — П. Демидов (Сан-Донато).

486. Крупянская и Полищук, с. 277, № 4. Свердловск, 1936 г. Запись Ерошкиной.

487. Пропп, с. 509—510. Кострома, 1930-е гг. Запись Б. Н. Быстрова и Н. Е. Новиковой. Данный вариант песни был известен среди ивановских рабочих в эпоху первой русской революции.

488. Пропп, с. 513. Ярославль, 1933 г. Запись от рабочих-текстильщиков.

489. Пропп, с. 514—515. Саратовская обл., Ртищевский р-н, 1937 г. Запись Т. М. Акимовой. Народная песня варьирует текст стихотворения Т. Л. Щепкиной-Куперник.

490. Пропп, с. 515—516. Ленинградская обл., г. Пушкин, 1934 г. Запись В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой.

ЧАСТУШКИ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ ЧАСТУШЕК

Зеленин Д. К. Сборник частушек Новгородской губернии. (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского.) — Этнографическое обозрение, 1905, кн. 65/66, № 2/3.

Князев В. Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. СПб., 1913.

Симаков В. И. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.

«Страданье». Род частушки, записанной со слов в центральной части Судогодского уезда.— Старый владимирец. 1913, № 180, 187, 192, 198.

А. Ф. Народные «частушки» во Владимирском уезде.— Старый владимирец, 1913, № 279, 280; там же, 1914, № 99.

Сборник великорусских частушек. Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914.

Груздев В. Ф. Костромские частушки.— Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1923, т. XXXII, вып. 1.

Русские частушки. Предисловие и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М., 1956.

Вологодские частушки, пословицы, поговорки. Сост. С. Викулов. Вологда, 1957.

Горелов А. А. Частушка как явление поэзии. Л., 1963—1964 (рукопись).

Частушка в записях советского времени. Изд. подготовили З. И. Власова и А. А. Горелов. М.— Л., 1965.

Частушки. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. С. Бахтина. «Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд. М.— Л., 1966.

⟨Из публикаций С. Есенина 1918 г.⟩. Коржан В. В. Забытые частушки Есенина.— В сб.: Есенин и русская поэзия. Л., 1967.

Котикова Н. Л. Одноголосные и многоголосные частушки (рукопись). 1974.

Прикамские посиделки. Записал И. Зырянов. Пермь, 1975.

Уральские частушки. Составители-собиратели П. Галкин, Е. Калуцкий. Свердловск, 1979.

Колпакова Н. П. Сразу после войны — Советская этнография. 1980, № 4.

⟨Из писем Виктора Бокова 1940—1950-х гг.⟩ Базанов В. В. Поэзия и фольклористика. По материалам литературного архива Александра Прокофьева.— В сб.: Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981.

Сказки, песни, частушки, присловия Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным. Л., 1982.

Соколов-Микитов И. С. Собр. соч. в 4-х т., т. 4. М.—Л., 1966.

СЛОВАРЬ РЕДКИХ, УСТАРЕВШИХ И СОБСТВЕННО ПЕСЕННЫХ СЛОВ, ВЫРАЖЕНИЙ

Айдóвая — боевая.

Баскóй — красивый.
Бáять — говорить.
Белея́ — белильщица холстов.
Бёрдо — часть ткацкого стана в виде гребня.
Бли́зны — огрехи при работе ткачих, когда нитки попадают подряд, а не перемежаясь, на одну и ту же сторону ткани.
Бóля — любимый.
Бóтать — слоняться без дела.
Бродни — рабочие сапоги выше колен, без каблуков; употребляются для рыбной ловли.
Бухáриться — дуться, сердиться.

Вéнка, вéночка — гармонь венской работы.
Вéрес — можжевельник.
Верлóга — берлога.
Вертýшка — дверной запор в виде вращающейся планки.
Весёлые — скоморохи.
Вожевáтый — вежливый, приветливый.
Вырезá — резные украшения на спинке саней.
Вья́лица — вьюга.

Гайтáн — шнурок.
Горéлка — водка.
Грубия́нка — соперница.
Гря́дка — брус в избе от одной стены до другой для развешивания одежды.
Гудóк, гудóчек — трехструнная скрипка без выемок по бокам корпуса.

Дары́ — рукодельные подарки, приготовляемые невестой родне будущего мужа.
Даси́ — ты дашь (архаическая форма 2 лица ед. числа от глагола «дать»).
Дéверь — брат мужа.
Дорожи́нка, дорожи́ночка — милый.
Дрóля — любимый.
Дрóчить — нежить.
Дурáнда — масса семени, из которой выжато масло; жмых.
Духáня — любимый.

«Еле́цкая» — танец и частушки, исполняемые в ритме танца.
Еся — есть.

Заба́ва — возлюбленный.
Залётка, залёто́к — любимый, кавалер.
Заря́ночка — утренняя заря.
Зва́рец (взва́рец) — говяжий навар, подаваемый на свадьбах; ягодный отвар.

Излюби́мый — самый любимый.

Каза́к — наемный работник, батрак.
Канава́тный (конова́тный) — из канавата, восточной шелковой ткани.
Карёза — сойка (птица).
Кита́йка — гладкая хлопчатобумажная ткань разных цветов.
Клеть — 1) комната или кладовая в доме; 2) амбар.
Клобу́к, клобучёк — монашеская высокая шапка с покрывалом, надеваемая поверх камилавки.
Ко́зырь — загнутый вверх передок выездных, праздничных саней.
Коло́мчатый мужик — бродяга.
Корча́га — большой глиняный горшок.
Craя́щатое (косящетое) окно — окно из ячей-косяков или переплетенных вкось металлических прутьев, типичное для Руси по начало XVIII века.
Кошна́вы — из кошмы (войлока) или сукна.
Кра́сенький — красивенький.
Кросна́ — ручной ткацкий станок; нитяная основа при тканье на ручном станке.
Крути́к — крутой берег.
Кужелёк (кужёль) — льняная пряжа высшего качества.
Ку́коль выбирать — выбирать ядовитые семена сорняка, растущего в хлебах.
Куржа́к — иней.
«Кури́лка» — шуточное прозванье лучины, горящей во время вечеринок.

Ла́винка, ла́вы — мостки из жердей через реку.
Ла́до — ласковое название милого или супруга.
Лампасе́я — монпасье.
Лёдень — ледяная глыба.
Лиходе́йка — соперница (в частушках).
Лопа́точник — лопаточное точило для косы.
Лопоти́нка — пальтецо.
Лузья́ (мн. ч.) — луга.
Ляди́на — лес на месте запущенного поля.

Мару́ха — возлюбленная, любовница.
Мата́ня — любимый (-ая).

Миткалёвый — из миткаля, бумажной тонкой ткани.
Мост — пол.
Мотови́ло — палка для наматывания пряжи с развилкой на одном конце и перекладиной на другом.
Мя́коньки — праздничные хлебы, булки и иные печенья из пшеничной или ячневой муки.

Назо́ла — тоска.
Напа́лье (напа́рье) — большой бурав, сверло.
Нать (сокращенное: на́доть) — надобно.
Некошна́я — дьявольская.
Не́крут — рекрут.
Немчи́н — иностранец.
Неоче́сливый — невежливый.
Не́пошто — незачем.

Оди́нова — один раз.
Однорядошный кафтан — однорядка, однобортный долгополый кафтан без воротника.
Ора́ть (поле) — пахать.
Отку́тать окошко — отворить, оттоткнуть курное окно.
О́труб — участок общинной земли, «отрубавшийся» в единоличную собственность земледельца, согласно Столыпинской реформе 1906 г.

Па́губки — падубки, мелкие дубки.
Пауто́чки, пауты́ — оводы.
Паха́ть — мести (пол жилища, под печи).
Пеледа́ — стена овина, утыканная соломой; свес соломенной крыши.
Пельчатый — с бахромой.
Перебейка — соперница.
Перево́ды — брусья, на которые настилается пол.
Перепа́лась — похудела, выпала из тела.
Пестёрка — корзинка.
Пимы́ — валенки.
Пирюсе́невый — парусиновый.
Поба́ять — поговорить.
Пове́к бы жисти не был — словно бы целую вечность, жизнь не был.
Поднаве́сочки — навесы над окнами.
Подру́док — мелкая руда под основным рудным пластом.
Позаку́ржеветь — позаиндеветь.
Поло́хать — пугать.
Полушто́ф — четырехгранная короткогорлая винная бутылка на 6 или 8 чарок.
Понеде́льничать — поститься по понедельникам.
По́рно — сильно.
Поста́ва — одна засыпка зерна для мельничного помола.

Прилу́ка — приманка, любовный призыв.

Припашённый — припасенный.

Припева́ть — петь припевки (частушки) под пляску.

Присуши́ть — приворожить любимого с помощью «присушки» (любовного заговора) и сопутствующего заговорного действа (закапывание в землю куклы и т. д.).

Причёты — причитания.

Просви́рня — отличающаяся благочестием и опрятностью женщина, пекущая для церковной службы белые круглые «просвиры» — ритуальные хлебы.

Пукётовые башмачки — обувь со сборками-букетами («пукетами»).

«Разливно́е» — двухстрочные частушки.

Размыря́ться — разныряться.

Разы́мывать — опьянять.

Ра́менный (о стене) — из боровых длинных лесин в 5—7 саженей.

Расши́ва — большое парусиновое судно на Каспии, Волге.

Ретиво́е — сердце.

Рубе́ль — деревянный брусок с ручкой и поперечными желобками для прокатывания белья.

Ры́жики — измена; «сделать рыжики» — изменить в любви.

Сахари́нка — миленок.

Селёнка — долбленое корыто, лоток для просеивания муки.

«Семёновна» — вид частушки с обращением к условной собеседнице — «Семёновне».

Сепара́т — сепаратор.

Сиби́рка — короткий кафтан с перехватом и сборами сзади, с мелкими застежками и стоячим невысоким воротником.

Сиде́ть (с кем-либо) — ухаживать за кем-либо на молодежных вечерках, гулять с кем-либо.

Синеме́хая — гармонь с синими мехами.

Си́тца-решётца — собирательное: сита мелкие (собственно сита) и средние (решёта).

Слёгушка — слега́: толстая жердь.

Снова́ть холст — перекладывать основу (продольные нити) при тканье.

Со́лод — хлебное зерно, которое специально проращивают (чтобы оно получило сладость), затем сушат и крупно перемалывают для варки пива, замешивания кваса.

Ставешо́к — ставень.

«Страда́нье» — двухстрочная частушка.

«Страда́ть» — петь частушки-«страданья».

Стяг — жердь.

Суда́рушка — возлюбленная.

Суло́й — болтанка из воды с мукой.

Супоста́тка — соперница.

Супроти́вница — соперница.

Супря́дка — посиделки, вечерки (обычно зимой) баб, девок, с прядением, куда сходится сельская молодежь для любовных встреч и развлечений: пения, плясок, игр.

Сухарёнок — милый.

Тала́нливый — удачливый, счастливый.

Талья́нка — русская гармонь-однорядка.

Талья́нский плат — итальянский платок.

Тата́ур — широкий, богатый боярский пояс; также — казачья верхняя подпруга.

Треко́вый (трико́вый) — сшитый из шерстяной ткани «трико».

Трясуни́ца — лихорадка, озноб.

Ты́нник — тын, частокол.

Удра́ть (что-то) — натворить, сделать (что-то).

Уплето́чек — «уплетаемая» (вплетаемая) в косу лента.

Урк — урок, задание работнику на заводе, фабрике.

Фарто́вый — удачливый, удалой, ловкий.

Хрушко́й — крупный.

Целова́льник — продавец-сиделец в питейном заведении.

Чалдон (челдон) — русский старожил Сибири.

Чало́ (чело) — 1) глава семьи; 2) свод перед устьем русской печи.

Ча́ло — чаялось, казалось.

Чеба́к — плотва.

Четвери́к — крупная (иногда — пудовая) мера сыпучих тел.

Шерстень — шершень.

Шма́ра — милая, возлюбленная.

Шумо́к, шумо́чек — выметаемый из комнаты сор.

Ща́пленькие — красивые, кокетливые, аккуратные.

Ще́петненько — нарядненько.

Щепи́ца (шипи́ца) — шиповник и шипы.

Ягоди́на, ягоди́нка — возлюбленный, милый.

Ямская тройка — почтовая тройка, отправлявшаяся из «яма» — села, крестьяне которого правили на собственных лошадях почтовую службу.

Яр — обрыв, крутой берег.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН[1]

---

[1] Цифра обозначает порядковый номер песни.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ЛЮБОВНАЯ, СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, ПОТЕШКИ, ПРИБАУТКИ

РАЗБОЙНИЧЬИ, УДАЛЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ О КРЕПОСТНОЙ ДОЛЕ

АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ВОЕННО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА

ПЕСНИ НЕВОЛИ, КАТОРГИ

ЯМЩИЦКИЕ, БУРЛАЦКИЕ, ТРУДОВЫЕ АРТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

ЧАСТУШКИ

Русская народная поэзия. Лирическая поэзия:
Р 89 Сборник /Сост., подгот. текста, предисл. к разделам, коммент. Ал. Горелова.— Л.: Худож. лит., 1984.—584 с., ил.

В книге представлены наиболее яркие образцы русской народной лирической песни и частушки разного времени — от старинных до современных. В состав тома входит любовная и семейно-бытовая лирика, колыбельные, разбойничьи, солдатские песни, песни фабрично-заводских рабочих, детские и т. д.

Р $\frac{4702010100-078}{028(01)-84}$ 36-84 ББК 84.Р1

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Редактор *А. Рулёва*
Художественный редактор *В. Куприянов*
Технический редактор *Н. Литвина*
Корректоры *А. Борисенкова, И. Каган*

ИБ № 3010

Сдано в набор 20.04.84. Подписано в печать 03.09.84. М 22983. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,66 + альбом 0,84 = 31,55. Усл. кр.-отт. 34,44. Уч.-изд. л. 29,31 + альбом = 30,0. Тираж 200 000 экз. Изд. № ЛП—96. Заказ № 1396. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

2р.70к.